

Социальная история американского негра. История проблемы негров в Соединенных Штатах. Включая историю и исследование Республики Либерия

Бенджамин Гриффит Брейли

A Social History of the American Negro

Benjamin Griffith Brawley

The Project Gutenberg eBook of A Social History of the American Negro.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Социальная история американского негра

Автор: Бенджамин Гриффит Брейли

Дата выхода: 1 апреля 2004 [eBook #12101]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Авторские права: Сюзанна Шелл, Леонард Д. Джонсон и PG Distributed Proofreaders

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK A SOCIAL HISTORY OF THE AMERICAN NEGRO ***

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОГО НЕГРА

История проблемы негров в Соединенных Штатах

ВКЛЮЧАЯ ИСТОРИЮ И ИССЛЕДОВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ ЛИБЕРИЯ

by BENJAMIN BRAWLEY

1921

ПАМЯТИ НОРВУДА ПЕНРОУЗА ХЭЛЛОУЭЛЛА

ПАТРИОТ

1839-1914

Все они умерли в вере, не получив обетований, но увидев их вдали".

Норвуд Пенроуз Халлоуэлл родился в Филадельфии 13 апреля 1839 года. Он унаследовал традиции квакеров и вырос до зрелого возраста в сильной атмосфере борьбы с рабством. Дом его отца, Морриса Л. Халлоуэлла - "Дом, который называют прекрасным", по выражению Оливера Уэнделла Холмса, - был пристанищем для отдыха и пропитания раненых солдат армии Союза, сюда же, после нападения на него в Сенате, приходил за помощью и покоем Чарльз Самнер. Три брата так или иначе служили делу Союза, один из них, Эдвард Н. Халлоуэлл, сменил Роберта Гулда Шоу на посту командира пятьдесят четвертого полка массачусетских добровольцев. Сам Норвуд Пенроуз Халлоуэлл, прирожденный лидер людей, был оратором класса Гарварда в 1861 году; двадцать пять лет спустя он был маршалом своего класса; а в 1896 году он произнес речь в День памяти в театре Сандерса. Быстро вступив в армию Союза в апреле 1861 года, он служил сначала в гвардии Новой Англии, затем первым лейтенантом в двадцатом Массачусетском полку, в ноябре получил звание капитана и в течение следующего года участвовал в многочисленных сражениях,

получив ранение при Глендейле и еще более тяжелое при Антиетаме. 17 апреля 1863 года он стал подполковником Пятьдесят четвертого Массачусетского полка, а 30 мая - полковником вновь организованного Пятьдесят пятого. Участвуя в инвестициях в форт Вагнер, он был одним из первых, кто вошел в форт после его эвакуации. Ранения заставили его сложить с себя полномочия, и в ноябре 1863 года он вышел в отставку. Он занялся бизнесом в Нью-Йорке, но через несколько лет переехал в Бостон, где отличился своей общественной активностью. Он был одним из благородных людей Божьих и до последнего сохранял веру в негров, которых он одним из первых привел к полному наследию американского гражданства. Он умер 11 апреля 1914 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I

ПРИЕЗД НЕГРОВ В АМЕРИКУ

1. Африканское происхождение
2. Негры в испанских исследованиях
3. Развитие работорговли
4. Насаждение рабства в колониях
5. Пробуждение рабовладельческого корабля

ГЛАВА II

НЕГР В КОЛОНИЯХ

1. Рабство и невольничество
2. Индеец, мулат и свободный негр
3. Первые усилия по улучшению общества
4. Ранние восстания

ГЛАВА III

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭПОХА

1. Сентименты в Англии и Америке
2. Негр на войне
3. Северо-Западная территория и Конституция
4. Первые шаги к отмене смертной казни
5. Начало расового сознания

ГЛАВА IV

НОВЫЙ ЗАПАД, ЮГ И ЗАПАДНАЯ ИНДИЯ

1. Хлопковый завод, новый Юго-Запад и первый закон о беглых рабах
2. Туссен Л'Овертюр, Луизиана и официальное закрытие работорговли
3. Восстание Габриэля и подъем негритянской проблемы

ГЛАВА V

ИНДЕЙЦЫ И НЕГРЫ

1. Крики, семинолы и негры до 1817 года: война 1812 года
2. Первая война с семинолами и договоры Индиан-Спринг и Форт-Мултри
3. От договора в форте Моултри до договора в Пейнс-Лэндинге
4. Оскэола и вторая война с семинолами

ГЛАВА VI

РАННИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ НЕГРОВ

1. Проблема негров и Миссурийский компромисс
2. Колонизация
3. Рабство

ГЛАВА VII

ОТВЕТ НЕГРОВ - I: ВОССТАНИЕ

1. Восстание Дании Весей
2. Восстание Ната Тернера
3. Дела *Амистада* и *Креола*

ГЛАВА VIII

НЕГРИТЯНСКИЙ ОТВЕТ-II: ОРГАНИЗАЦИЯ И АГИТАЦИЯ

1. "Призыв" Уокера
2. Движение конвента
3. Соджорнер Истина и женское самоуправление

ГЛАВА IX

ЛИБЕРИЯ

1. Место и народ
2. История
 - (a) Колонизация и заселение
 - (b) Содружество Либерии
 - (c) Республика Либерия
3. Международные отношения
4. Экономические и социальные условия

ГЛАВА X

НЕГР КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

1. Современные тенденции
2. Вызов аболиционистов
3. Состязание

ГЛАВА XI

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС, 1820-1860 ГГ.

ГЛАВА XII

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ЭМАНСИПАЦИЯ

ГЛАВА XIII

ЭПОХА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

1. Проблема
2. Решение проблемы
3. Реакция: Ку-клукс-клан
4. Контрреакция: Исход негров
5. Послесловие о войне и реконструкции

ГЛАВА XIV

НЕГР НА НОВОМ ЮГЕ

1. Политическая жизнь: Лишение гражданских прав
2. Экономическая жизнь: Пеонаж
3. Социальная жизнь: Проскрипция, линчевание

ГЛАВА XV

"ДОЛИНА СЛЕЗ", 1890-1910 ГГ.

1. Современное мнение и тенденции
2. Индустриальное образование: Букер Т. Вашингтон
3. Индивидуальные достижения: Испано-американская война
4. Насилие мафии; предвыборные неурядицы; резня в Атланте
5. Вопрос о труде
6. Диффамация; Браунсвилл
7. Рассвет завтрашнего дня

ГЛАВА XVI

НЕГР В НОВОЕ ВРЕМЯ

1. Характер эпохи
2. Миграция; Восточный Сент-Луис
3. Великая война
4. Высокое напряжение: Вашингтон, Чикаго, Элейн
5. Расширяющаяся проблема

ГЛАВА XVII

ПРОБЛЕМА НЕГРОВ

1. Мировой аспект
2. Негр в американской жизни
3. Лицом к лицу

ПРЕДИСЛОВИЕ

На следующих страницах мы попытаемся по-новому осветить историю негритянского народа в Соединенных Штатах и представить ее с отдельной точки зрения - социальной. Прошло уже сорок лет с тех пор, как Джордж У. Уильямс завершил свою *"Историю негритянской расы в Америке"*, и хотя с момента выхода этой важной работы появилось множество блестящих исследований периодов или эпизодов, ни одна книга больше не пыталась всесторонне рассмотреть эту тему, а между тем раса прошла через некоторые из своих самых критических лет в Америке. Более выдающиеся политические фазы темы, особенно в период перед Гражданской войной, часто рассматривались; и в любом рассказе о самом негритянском народе акцент почти всегда делался на политических и военных особенностях. Уильямс подчеркивает эту точку зрения, и его исследование правовых аспектов вряд ли скоро будет вытеснено. Однако примечательным моментом в истории негров является то, что законы, записанные в законодательных актах, не всегда принимались во внимание, поскольку общественное мнение и настроения почти всегда настаивали на том, чтобы их учитывали. Соответственно, необходимо изучать реальную жизнь негритянского народа как таковую и в связи с жизнью нации, и нечто подобное пытается сделать данная работа. Таким образом, она становится не только социальной историей расы, но и первой официальной попыткой создания истории негритянской проблемы в Америке.

С этой целью, учитывая огромный объем материала, мы сочли необходимым ограничить себя весьма определенными рамками. Тщательное исследование всех вопросов, касающихся негров в Соединенных Штатах, заполнило бы тома, поскольку рано или поздно оно затронуло бы все великие проблемы американской жизни. Мы не пытаемся выполнить такую задачу; скорее, цель состоит в том, чтобы как можно более определенно сосредоточить внимание на самой расе. Но даже при таком ограничении есть темы, которые можно было бы рассмотреть подробно, но которые уже изучены настолько тщательно, что вряд ли стоит сильно изменять полученные результаты. Таковы многие вопросы, вращающиеся вокруг общей темы рабства. Войны изучаются не столько для того, чтобы отметить достижения негров-солдат, как это ни жизненно важно, сколько для того, чтобы зафиксировать влияние этих событий на жизнь огромного количества людей. Таким образом, и войны, и рабство становятся не более чем эпизодами в истории конечной проблемы.

Учитывая сказанное, вполне естественно, что метод рассмотрения в разных главах может быть разным. Иногда он общий, как, например, когда мы затрагиваем магистрали американской истории. Иногда - интенсивный, как при рассмотрении мятежей и ранних усилий по достижению социального прогресса; особое внимание уделяется Либерии, как отдельному и подвергаемому критике эксперименту по управлению страной американскими неграми. Также впервые предпринята попытка последовательно рассмотреть жизнь негритянского народа в Америке за последние пятьдесят лет.

Эта работа является результатом исследований, которыми я занимался в течение нескольких лет и которые уже увидели свет в книгах *"Краткая история американского негра"* и *"Негр в литературе и искусстве"*; знакомство с элементарными фактами, содержащимися в таких книгах, как эти, в настоящей работе в значительной степени считается само собой разумеющимся. Особую благодарность я испытываю к Колонизационному обществу штата Нью-Йорк, которое, сотрудничая с Американским колонизационным обществом и Советом попечителей пожертвований на образование в Либерии, в 1920 году предоставило мне возможность из первых рук изучить образовательные и социальные условия на западном побережье Африки; и больше всего я помню любезность и доброжелательность доктора Э.К. Сейджа и доктора Дж.Х. Дилларда в этой связи. В целом я работал независимо от Уильямса, но любой студент, изучающий эту тему, должен быть благодарен этому первопроходцу, а также доктору У. Э. Б. Дюбуа, который внес свой вклад во многих областях. Мои обязательства перед такими научными диссертациями, как диссертации Тернера и Рассела, очевидны, а перед книгой Мэри Стоутон Локк *"Антирабовладение в Америке"* - образцовой монографией - я чувствую себя в долгу больше, чем перед любой другой диссертацией. За последние несколько лет, конечно, *"Кризис"*, *"Журнал негритянской истории"* и *"Негритянский ежегодник"* стали незаменимыми в своих областях, и д-р Картер Г. Вудсон и профессор М.Н. Уорк заслуживают большой благодарности за веру, которая побудила их к соответствующим начинаниям. Пользуясь случаем, я также хочу поблагодарить профессора Чикагского университета У. Э. Додда, который с момента моего появления на этом поприще щедро предоставил в мое распоряжение свои непревзойденные знания по истории Юга; и, как всегда, я должен быть благодарен своему отцу, преподобному Э. М. Брейли, за стимуляцию и критику, которые всю мою жизнь были для меня наиболее ценными. Наконец, эта работа была посвящена памяти выдающегося солдата, который в молодости, в самый мрачный час для нации, помог привести борющийся народ к свободе, а свою страну - к победе. Теперь она представлена на рассмотрение всех, кто интересуется проблемами нации, да и вообще любыми усилиями, направленными на обеспечение высшего благосостояния самой страны.

БЕНДЖАМИН БРЕЙЛИ. Кембридж, 1 января 1921 года.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОГО НЕГРА

ГЛАВА I

ПРИЕЗД НЕГРОВ В АМЕРИКУ

1. Африканское происхождение

Выдающейся особенностью последних лет стало растущее признание культурного значения Африки для всего мира. Из всего, что было написано, можно выделить три факта: (1) В начале Средневековья, возможно, около седьмого века, произошло значительное проникновение арабской культуры в племена, жившие под Сахарой, что-то из этого сегодня можно увидеть

среди таких народов, как хаусы в Судане и мандинго на западном побережье; (2) Каким бы ни было влияние извне, в Африке сформировалась независимая культура, которую нельзя недооценивать; и (3) Возможно, в гораздо большей степени, чем принято считать, эта африканская культура имела отношение к раннему освоению и колонизации Америки. Первый из этих трех фактов очень важен, но сейчас он общепризнан и не должен нас здесь задерживать. Для данной цели больше внимания требуют второй и третий.

Развитие искусства коренных африканцев - тема, неизменно привлекающая этнолога. Особенно часто отмечаются поразительные сходства между негритянской и океанийской культурой. В политической организации, а также в некоторых формах художественного творчества негритянский народ достиг достойных результатов, и особенно его почитают как создателя железной техники.¹ Далее было показано, что фетишизм, особенно хорошо развитый на Западном побережье и в его внутренних районах, по своей сути мало чем отличается от верований маниту американских индейцев; и именно эта связь дает ключ к некоторым из самых поразительных результатов исследований новейших и наиболее глубоких ученых, изучающих эту и смежные проблемы.²

Из Судана проистекала культура, которой было суждено затронуть Европу и со временем распространить свое влияние даже за Атлантический океан. Важно помнить, что на протяжении всей ранней истории Европы и вплоть до конца пятнадцатого века путь к родине негров лежал по суше. Судан считался краем известного тогда мира; Гомер говорит об эфиопах как о "самых далеких из людей, разделенных на две части". Более поздние греческие писатели пошли еще дальше и назвали эти два народа восточным и западным: восточный занимал страны к востоку от Нила, а западный простирался от западных берегов этой реки до Атлантического побережья. "Одно из этих подразделений, - говорит леди Лугард, - мы должны признать, возможно, само было первоначальным источником цивилизации, которая через Египет проникла в западный мир..... Когда история негритянской страны будет написана в деталях, может оказаться, что королевства, лежащие в восточной части Судана, были домом для рас, которые скорее вдохновили, чем приняли, традиции цивилизации, связанные для нас с именем Древнего Египта."³

Если теперь мы перейдем к Америке, то обнаружим, что влияние негров на индейцев настолько сильно, что ставит под сомнение все существующие представления об американской археологии, и настолько рано, что позволяет предположить приход людей с Гвинейского побережья, возможно, еще до прихода Колумба.⁴ Первыми выходцами из Африки были мандинго; многие слова, используемые индейцами в повседневной жизни, представляются не более чем искажениями или адаптациями слов, используемых племенами Африки; и чем больше мы изучаем останки тех, кто жил в Америке до 1492 года, и далеко идущее влияние африканских продуктов и привычек, тем больше мы должны признавать силу позиции последнего тезиса. Эта тема, несомненно, привлечет еще много внимания ученых, но в любом случае очевидно, что требования негритянской культуры больше не могут рассматриваться легкомысленно или отмахиваться от них, и что как научный вклад в эту тему работа Винера имеет самое большое значение.

2. Негр в испанских исследованиях

Когда мы переходим к самому Колумбу, точность рассказов которого недавно была поставлена под сомнение, мы обнаруживаем негра, Педро Алонсо Ниньо, в качестве лоцмана одного из трех знаменитых кораблей. В 1496 году Ниньо отплыл в Санто-Доминго и был вместе с Колумбом в его третьем путешествии. В 1499 году вместе с двумя людьми,

Кристобалем де ла Герра, который служил лоцманом, и Луисом де ла Герра, испанским купцом, он спланировал первое успешное коммерческое плавание в Новый Свет.

Возрождение рабства на исходе Средневековья и зарождение системы негритянского рабства было связано с торговой экспансией Португалии в XV веке. Само слово "негр" - это современная испанская и португальская форма латинского *niger*. В 1441 году принц Генрих послал некоего Гонсалеса, который захватил трех мавров на африканском побережье. Эти люди предложили в качестве выкупа десять негров, которых они захватили. Негры были доставлены в Лиссабон в 1442 году, а в 1444 году принц Генрих начал регулярную европейскую торговлю с Гвинейского побережья. В течение пятидесяти лет его страна пользовалась монополией на этот вид транспорта. К 1474 году негров в Испании стало много, и особый интерес представляет Хуан де Вальядолид, вероятно, первый из многих негров, которые со временем стали иметь влияние и власть над своим народом под властью более крупного государства. К нему обращались как к "судье всех негров и мулатов, свободных или рабов, которые находятся в очень верном и благородном городе Севилье и во всем его архиепископстве". После 1500 года часто встречаются упоминания о неграх, особенно в испанской Вест-Индии. Инструкции Овандо, губернатора Испаньолы, в 1501 году запрещали переправлять в Индию евреев, мавров или новообращенных, но разрешали ему принимать рабов-негров, которые родились во власти христиан. Эти распоряжения были фактически введены в действие в следующем году. Даже ограниченный ввоз Овандо считал нецелесообразным, и очень скоро он попросил не присылать негров, поскольку они сбегали к индейцам, с которыми вскоре подружились. Изабелла, соответственно, отозвала свое разрешение, но после ее смерти Фердинанд вернулся к старому плану и в 1505 году отправил Овандо семнадцать негров-рабов для работы на медных рудниках, где тяжесть труда быстро уничтожала индейцев. В 1510 году Фердинанд распорядился немедленно отправить пятьдесят негров, а позже прислать еще; в апреле этого года на рынке в Лиссабоне было куплено более сотни. Это, по словам Борна,⁵ стало настоящим началом африканской работорговли в Америку. Однако уже в 1504 году значительное количество негров было завезено из Гвинеи, поскольку, как нам сообщают, "работа одного негра стоила больше, чем работа четырех индейцев". В 1513 году тридцать негров помогали Бальбоа в строительстве первых кораблей, построенных на тихоокеанском побережье Америки. В 1517 году Испания официально вступила в торговлю, Карл V при вступлении на престол выдал "лицензию на ввоз негров в количестве четырехсот человек", и после этого импорт в Вест-Индию стал процветающей отраслью. Те, кто прибывал в эти первые годы, иногда были людьми со значительным интеллектом, получившими образование как магометане или католики. К 1518 году негры работали на сахарных заводах на Испаньоле, где они, по-видимому, страдали от неумеренного потребления напитков из сахарного тростника. В 1521 году было приказано не нанимать рабов-негров для выполнения поручений, так как они, как правило, слишком близко знакомы с индейцами. В 1522 году на сахарных плантациях Испаньолы вспыхнуло восстание, вызванное прежде всего отказом от услуг некоторых индейцев. Двадцать негров с адмиральской мельницы, объединившись с двадцатью другими, говорившими на том же языке, убили несколько христиан. Они бежали, а в девяти лигах от них убили еще одного испанца и разграбили дом. Один негр, которому помогали двенадцать рабов-индейцев, убил еще девять христиан. После долгих разборок негры были задержаны, а несколько из них повешены. Впервые негры появились в нынешних пределах Соединенных Штатов около 1526 года: их привезли в колонию, расположенную неподалеку от того места, которое позже стало Джеймстауном, штат Вирджиния. Здесь с неграми обращались жестоко, и со временем они восстали против своих угнетателей и сожгли их дома. Поселение было разгромлено, а негры и их испанские спутники вернулись на Испаньолу, откуда и прибыли. В 1540 году в Кивире, в Мексике, жил негр, принявший священный сан; а в 1542

году в Гуаманге были основаны три братства Истинного Креста испанцев, одно из которых предназначалось для индейцев, а другое - для негров.

Выдающимся примером участия негра в исследованиях является Эстеванико (или Эстеванильо, или Эстеван, то есть Стефан), один из четырех выживших в злополучной экспедиции де Нарваэса, отплывшей из Испании 17 июня 1527 года. Вернувшись в Испанию после долгих лет службы в Новом Свете, Памфило де Нарваэс подал прошение о гранте, и, соответственно, ему было предоставлено право завоевать и колонизировать страну между Рио-де-лас-Пальмас, на востоке Мексики, и Флоридой.⁶ Его отряд первоначально состоял из шестисот солдат и колонистов. Все поведение экспедиции - некомпетентное до крайности - стало одной из самых ужасающих трагедий раннего освоения Америки. Первоначальное число людей сократилось вдвое из-за штормов, ураганов и дезертирства в Санто-Доминго и на Кубе, а оставшиеся высадились в апреле 1528 года у входа в залив Тампа, на западном побережье Флориды. Одна катастрофа сменяла другую в окрестностях залива Пенсакола и устья Миссисипи, пока в конце концов в живых не осталось только четыре человека. Это были Альвар Нуньес Кабеса де Вака, Андрес Дорантес де Карранса, капитан пехоты, Алонзо дель Кастильо Мальдонадо и Эстеванико, выходец с западного побережья Марокко, который был рабом Дорантеса. Эти люди пережили самые удивительные приключения за лет между 1528 и 1536 годами, и как рассказ о страданиях и лишениях *"Журнал Кабесы де Вака"* вряд ли имеет себе равных в летописях континента. Дорантес и Эстеванико были захвачены в плен, и в течение сезона или двух все четверо были вынуждены жить среди индейцев. Они лечили больных, причем с таким успехом, что слава о них распространилась среди племен далеко и широко. Толпы людей следовали за ними от места к месту, осыпая их подарками. Вместе с Алонзо де Кастильо Эстеванико некоторое время жил у игуасов, очень дикого племени, которое убивало своих собственных детей мужского пола и покупало чужих. В конце концов он бежал от этих людей и провел несколько месяцев у ававаресов. Затем он вместе с де Вака отправился к малиаконам, находившимся на небольшом расстоянии от ававаресов, а еще позже сопровождал Алонзо де Кастильо в исследовании страны в направлении Рио-Гранде. Он был непревзойденным проводником, способным проложить путь по новой территории. В 1539 году он отправился с отцом-провинциалом ордена францисканцев в Новой Испании фраем Маркосом из Ниццы в качестве проводника в Семь городов Киболы, деревни предков нынешних индейцев зуны на западе Нью-Мексико. Опередив фраера Маркоса на несколько дней и сопровождаемый туземцами, которые присоединились к нему по пути, он достиг Хавикуха, самого южного из семи городов. Здесь он и все его индейские последователи, кроме трех, были убиты.

3. Развитие работорговли

Португалия и Испания доказали, что работорговля выгодна, и Англия тоже решила заняться этим бизнесом; уже в 1530 году Уильям Хокинс, купец из Плимута, посетил Гвинейское побережье и увез несколько рабов. Однако по-настоящему Англия вошла в эту сферу с плаванием в 1562 году капитана Джона Хокинса, сына Уильяма, который в октябре этого года также отправился к побережью Гвинеи. У него был флот из трех кораблей и ста человек, и частично мечом, а частично другими способами он захватил триста или более негров, которых отвез в Санто-Доминго и выгодно продал.⁷ На обратном пути он шел с богатым грузом, и некоторые из его запасов были захвачены испанскими кораблями. Хокинс совершил еще два плавания: одно в 1564 году, а другое, вместе с Дрейком, в 1567 году. Во время второго плавания у него было четыре вооруженных корабля, самый большой из которых - *"Иисус"*, судно в семьсот тонн, и сто семьдесят человек личного состава. Декабрь и январь (1564-5) он потратил на сбор груза, а из-за болезней и драк с неграми потерял многих

своих людей. Затем в конце января он отправился в Вест-Индию. Двадцать один день его штормило, но 9 марта он прибыл на остров Доминика. Он торговал вдоль испанских берегов, а по возвращении в Англию заходил в разные точки Вест-Индии и плавал вдоль побережья Флориды. В третьем путешествии у него было пять кораблей. Сам он снова командовал *"Иисусом"*, а Дрейк - *"Юдифью"*, небольшим судном в пятьдесят тонн. Он собрал от четырех до пятисот негров и снова отправился в Доминикану. Он пережил множество приключений и в конце концов был выброшен штормом на побережье Мексики. Здесь через три дня на него напал испанский флот из двенадцати судов, и все его корабли были уничтожены, кроме *"Джудит"* и еще одного небольшого судна, *"Миньон"*, которое было настолько переполнено, что сто человек скорее рискнули остаться на суше, чем выйти с ним в море. В этом последнем плавании Хокинс и Дрейк имели среди своих спутников графов Пемброка и Лестера, которые тогда, как и другие молодые елизаветинцы, искали славы и удачи. Примечательно, что во всем, что он делал, Хокинс, похоже, не испытывал чувства жестокости или зла. Он проводил религиозные службы утром и вечером и в духе позднего Кромвеля предписывал своим людям "ежедневно служить Богу, любить друг друга, беречь пищу, остерегаться огня и поддерживать хорошую компанию". Королева Елизавета, очевидно, считала открытие работорговли достойным достижением, так как после второго путешествия она произвела Хокинса в рыцари, дав ему в качестве герба изображение головы и бюста негра с надежно связанными руками.

В 1624 году к перевозкам присоединилась Франция, а затем Голландия и Дания, и вскоре соперничество стало острым. Англия, со свойственной ей агрессивностью, заняла главенствующее положение, и, в гораздо большей степени, чем принято считать, Навигационный ордонанс 1651 года и две войны с голландцами в XVII веке имели в своей основе борьбу за господство в работорговле. Собственно английская торговля началась с предоставления прав специальным компаниям: одной в 1618 году, другой в 1631 году, а в 1662 году - "Компании королевских авантюристов", переименованной в 1672 году в "Королевскую африканскую компанию", которой в 1687 году было передано исключительное право на торговлю между Золотым берегом и британскими колониями в Америке. Джеймс, герцог Йоркский, был заинтересован в этой последней компании, и она согласилась поставлять в Вест-Индию три тысячи рабов ежегодно. В 1698 году из-за непрекращающихся требований английских купцов торговля была открыта в целом, и любому судну под британским флагом было разрешено участвовать в ней на основании акта парламента с уплатой пошлины в размере 10 процентов на английские товары, экспортируемые в Африку. Новая Англия немедленно включилась в торговлю, и суда из Бостона и Ньюпорта отправились на Золотой берег, груженные бочками с ромом. Со временем развилась трехугольная торговля, в рамках которой патоку привозили из Вест-Индии в Новую Англию, делали из нее ром, который везли в Африку и обменивали на рабов, а рабов, в свою очередь, привозили в Вест-Индию или южные колонии.⁸ Раб, купленный за сто галлонов рома стоимостью 10 фунтов стерлингов, стоил от 20 до 50 фунтов стерлингов, когда его выставляли на продажу в Америке.⁹ В Ньюпорте вскоре было двадцать два завода, но даже они не могли удовлетворить спрос. Англия считала работорговлю настолько важной, что, приняв в 1713 году Утрехтский мир, она настояла на том, чтобы ей было предоставлено на тридцать лет исключительное право на перевозку рабов в испанские колонии в Америке. Когда в течение восемнадцатого века торговля стала полностью развитой, десятки судов ежегодно отправлялись для участия в ней; но сколько рабов было доставлено в нынешние Соединенные Штаты, а сколько - в Вест-Индию или Южную Америку, сказать невозможно. В 1726 году только в трех городах - Лондоне, Бристоле и Ливерпуле - насчитывалось 171 судно, а прибыль, как утверждали, гарантировала еще тысячу, хотя такое число, вероятно, никогда не было достигнуто, пока речь шла только об Англии.¹⁰

4. Насажждение рабства в колониях

Только для Вирджинии мы можем с уверенностью назвать год, когда негры-рабы были впервые привезены в английскую колонию на материке. Когда в других странах впервые появляются законы о рабстве, рабы уже присутствуют. "Примерно в последних числах августа (1619 г.), - пишет Джон Рольф в *"Общей истории Джона Смита"*, - пришел голландский военный человек, который продал нам двадцать негров". Эти негры были проданы в рабство, и Виргиния не признавала рабство как систему до 1661 года, поскольку импорт был слишком мал, чтобы придать этому вопросу значение. Однако в этом году в акте ассамблеи говорилось, что негры "не способны компенсировать время, потерянное при бегстве, добавлением времени";¹¹, и таким образом рабство заняло прочное место в самой старой из колоний.

Впервые негры были ввезены в Массачусетс с Барбадоса за год или два до 1638 года, но в *дневнике* Джона Уинтропа, датированном 26 февраля этого года, мы имеем следующее положительное свидетельство на этот счет: "Мистер Пирс на салемском корабле *"Желание"* вернулся из Вест-Индии через семь месяцев. Он был в Провиденсе и привез оттуда немного хлопка, табака, негров и т. д., а также соль из Тертугоса. Сухая рыба и крепкие спиртные напитки - единственные товары для этих мест. Он встретил там двух военных людей, посланных лордами и т. д. из Провиденса с военными письмами, которые взяли у испанцев множество призов и много негров". Именно в 1641 году в Массачусетсе был принят первый закон о рабстве, и это было первым позитивным заявлением в любой из колоний по этому вопросу. Этот акт гласил: "Не должно быть среди нас ни кабального рабства, ни холопства, ни неволи, кроме законных пленников, взятых в справедливых войнах, и таких чужеземцев, которые добровольно продают себя или продаются нам, и они должны иметь все свободы и христианские обычаи, которых требует закон Божий, установленный в Израиле". Эта статья явно санкционировала рабство. Из трех упомянутых классов людей первый состоял из индейцев, второй - из белых людей по системе кабалы, а третий - из негров. В этом вопросе, как и во многих других, Массачусетс опередил другие колонии. Первой определенно узаконив рабство, она со временем стала и главным представителем настроений против этой системы. В 1646 году некий Джон Смит привез домой двух негров с Гвинейского побережья, где, как нам сообщают, "с его помощью было убито еще около сотни человек". Генеральный суд, "считая себя обязанным при первой же возможности свидетельствовать против отвратительного и вопиющего греха похищения людей", постановил отправить негров за государственный счет на родину.¹² В более поздних случаях, однако, Массачусетс не смог последовать этому прецеденту. В целом в первые годы Новая Англия была больше обеспокоена индейцами, чем неграми, поскольку присутствие первых в больших количествах представляло собой постоянную угрозу, в то время как рабство негров еще не приняло самые серьезные формы.

В Нью-Йорке рабство началось при голландцах и продолжалось при англичанах. До или около 1650 года голландская Вест-Индская компания привезла в Новые Нидерланды некоторое количество негров. Большинство из них продолжали принадлежать компании, хотя после определенного периода труда (по общепринятой системе кабалы) некоторым из наиболее доверчивых было разрешено иметь небольшие фермы, с которых они возвращались в компанию. Их дети, однако, продолжали оставаться рабами. В 1664 году Новые Нидерланды стали Нью-Йорком. В следующем году в разработанном своде английских законов было постановлено, что "ни один христианин не должен содержаться в рабстве, холопстве или неволе, кроме тех, кто будет осужден властью, или тех, кто добровольно продал или продаст себя". Поскольку поначалу существовали некоторые

сомнения по поводу того, стоит ли делать негров христианами, этот акт, как и тот, что был принят в Массачусетсе, косвенно разрешал рабство.

Именно в 1632 году Джорджу Калверту, первому лорду Балтимора, был выдан грант, включающий территорию нынешних штатов Мэриленд и Делавэр. Хотя рабы упоминаются и раньше, именно в 1663-4 годах законодательное собрание Мэриленда приняло свой первый закон о рабстве. Было объявлено, что "все негры и другие рабы в пределах этой провинции, а также все негры и другие рабы, которые в дальнейшем будут ввозиться в эту провинцию, должны служить всю жизнь; и все дети, рожденные от любого негра или другого раба, должны быть рабами, как и их отцы, на срок их жизни".

В Делавэре и Нью-Джерси реальные истоки рабства необычайно туманны. Голландцы ввели эту систему в обеих колониях. В законах Нью-Джерси слово "*раб*" встречается уже в 1664 году, а акты, регулирующие поведение тех, кто находится в рабстве, начали действовать после практического объединения колонии с Нью-Йорком в 1702 году. Здесь положение раба было несколько лучше, чем в большинстве колоний. Хотя эта система существовала в Делавэре почти с самого начала существования колонии, она не получила юридического признания до 1721 года, когда был принят закон, предусматривающий рассмотрение дел рабов в специальном суде с двумя судьями и шестью фригольдерами.

Уже в 1639 году встречаются случайные упоминания о неграх в Пенсильвании, и после этой даты упоминания встречаются часто.¹³ В этой колонии существовали сильные возражения против импорта негров, несмотря на спрос на них. Пенн в своем уставе Свободного общества торговцев в 1682 году предписал членам этого общества, что если у них есть черные рабы, то они должны быть свободны по истечении четырнадцати лет, а негры должны стать арендаторами общества.¹⁴ В 1688 году в Джермантауне возник протест против негритянского рабства, который стал "первым официальным действием, когда-либо предпринятым против обмена человеческой плоти в пределах Соединенных Штатов".¹⁵ Здесь 18 апреля 1688 года собралась небольшая компания немцев, и был составлен документ, подписанный Гарретом Хендериксом, Францем Даниэлем Пасториусом, Дирком Оп ден Граеффом и Абрахамом Оп ден Граеффом. Протест был адресован ежемесячному собранию квакеров, которое должно было состояться в Нижнем Дублине. Ежемесячное собрание 30 апреля посчитало, что не может претендовать на принятие мер по столь важному вопросу, и передало его на рассмотрение ежеквартального собрания в июне. А оно, в свою очередь, передало его на ежегодное собрание, высший трибунал квакеров. Здесь он был положен на стол, и в течение нескольких последующих лет из него ничего не вышло. Однако примерно в 1696 году квакеры начали активно выступать против рабства. В целом по колонии до 1700 года участь негра регулярно сводилась к подневольному состоянию. Законы принимались для слуг, белых или черных, а правила и ограничения были во многом идентичны. Однако в 1700 году законодательство начало более четко определять статус раба. В этом году законодательный акт запретил продавать негров за пределы провинции без их согласия, но в остальном он отрицал личность раба. Этот акт получил дальнейшее официальное одобрение в 1705 году, когда были учреждены специальные суды для суда и наказания рабов, и когда был запрещен импорт из Каролины на том основании, что он создает проблемы с индейцами вблизи дома. В 1700 году на каждого ввозимого негра была наложена максимальная пошлина в 20 с., а в 1705 году она была удвоена, поскольку уже существовала определенная конкуренция с белым трудом. В 1712 году Ассамблея попыталась полностью предотвратить импорт, установив пошлину в размере 20 фунтов стерлингов за голову. Этот закон был отменен в Англии, и пошлина в 5 фунтов стерлингов в

1715 году также была отменена. Однако в 1729 году пошлина была установлена на уровне 2 фунтов стерлингов, на котором она оставалась в течение целого поколения.

Почти случайно рабство было официально признано в Коннектикуте в 1650 году. Свод законов, составленный для колонии в этом году, был особенно суров к индейцам. Было постановлено, что некоторые из них, вызвавшие неудовольствие колонии, могут быть принуждены служить обидчику или "высланы и обменены на негров". В 1680 году губернатор колонии сообщил Торговому совету, что "что касается негров, то их привозят с Барбадоса иногда по три или четыре в год, и обычно они продаются по 22 фунта за штуку". Эти люди рассматривались скорее как слуги, чем как рабы, и раннее законодательство в основном сводилось к полицейским правилам, призванным предотвратить их побеги.

В 1652 году в Род-Айленде был принят закон о том, что все рабы, привезенные в колонию, должны быть освобождены после десяти лет работы. Этот закон не был призван, как можно было бы предположить, ограничить рабство. Это был лишь шаг в развитии системы, и десятилетний срок ни в коем случае не был соблюден. "Единственным юридическим признанием закона стала серия актов, начиная с 4 января 1703 года, о контроле за странствиями африканских рабов и слуг, и еще один, начиная с апреля 1708 года, в котором работорговля была косвенно узаконена путем обложения налогом."¹⁶ "Со временем Род-Айленд стал крупнейшим работорговцем в стране, превратившись в своего рода клиринговый центр для других колоний."¹⁷

Нью-Гэмпшир, пользуясь опытом соседней колонии Массачусетс, с самого начала считал за лучшее не поощрять рабство. Негров в колонии было так мало, что их количество было практически незначительным. Однако система была признана: в 1714 году был принят закон, регулирующий поведение рабов, а еще через четыре года - хозяев.

В Северной Каролине, даже в большей степени, чем в большинстве колоний, система негритянского рабства долгое время контролировалась скорее обычаями, чем законодательными актами. Однако в 1715 году оно было признано законом, и были приняты полицейские правила для управления рабами. В Южной Каролине история рабства особенно примечательна. Природные ресурсы этой колонии предоставили готовый дом для этой системы, а сформулированные здесь законы были настолько четкими, как ни один из когда-либо принятых. Впервые рабы были импортированы с Барбадоса, и их статус получил официальное подтверждение в 1682 году. К 1720 году их число возросло до 12 000, а белых людей было всего 9 000. К 1698 году опасения по поводу преобладания негритянского населения были настолько велики, что был принят специальный закон, поощряющий иммиграцию белых. В 1690 году был принят закон "для лучшего упорядочения рабов", а в 1712 году был принят первый регулярный закон о рабах. До 1713 года, когда был заключен Утрехтский мирный договор, и несколько раз после этой даты вводились запретительные пошлины на негров, чтобы предотвратить их слишком быстрое увеличение. К 1734 году, однако, импорт снова достиг больших масштабов, а в 1740 году, в связи с недавними восстаниями, на негров, ввозимых в провинцию, была наложена запретительная пошлина, в несколько раз превышающая предыдущую.

Колония Джорджия была заложена в 1732 году и фактически основана в следующем году. По замыслу Оглторпа, колония должна была стать убежищем для преследуемых христиан и должников из Англии. Рабство было запрещено на том основании, что Джорджия должна была защищать другие английские колонии от испанцев на юге, и что она не сможет этого сделать, если, подобно Южной Каролине, будет тратить свои силы на охрану негров-рабов. В течение многих лет развитие Джорджии шло медленно, а процветание Южной Каролины

постоянно подсказывало плантаторам, что "единственное, что необходимо" для их высшего благосостояния, - это рабство. Попечителям снова и снова направлялись петиции, и Джордж Уайтфилд был среди тех, кто наиболее настойчиво выступал за это нововведение. Более того, негров из Южной Каролины иногда нанимали пожизненно, а в Саванне открыто совершались покупки. Однако только в 1749 году попечители уступили просьбе. В 1755 году законодательное собрание приняло закон, который регулировал поведение рабов, а в 1765 году был принят более регулярный кодекс. Так рабство окончательно утвердилось в штате, которому суждено было стать одним из важнейших южных штатов.

В течение первых пятидесяти или шестидесяти лет жизни колоний негры внедрялись медленно; система белого рабства обеспечивала большую часть необходимой рабочей силы, а Англия еще не завоевала господства в работорговле. Лишь в последней четверти семнадцатого века начался большой импорт, а в течение восемнадцатого века их количество росло скачками. В 1625 году, через шесть лет после того, как в колонию привезли первых негров, в Виргинии было всего 23 негра, 12 мужчин и 11 женщин.¹⁸ В 1659 году их было 300; в 1683 году их было 3000, а в 1708 году - 12 000. В 1680 году губернатор Саймон Брэдстрит сообщал в Англию из Массачусетса, что "ни одна компания негров или рабов" не была привезена в провинцию с момента ее основания, в течение пятидесяти лет, за исключением небольшого судна, которое два года назад, после двадцатимесячного плавания на Мадагаскар, привезло сюда от сорока до пятидесяти негров, в основном женщин и детей, которые были проданы по 10, 15 и 20 фунтов за штуку; Изредка двух-трех негров привозили с Барбадоса или других островов, а всего в Массачусетсе в то время насчитывалось не более 100 или 120 человек.

Поначалу колонисты были настроены против введения рабства, и было принято множество законов, запрещающих его в Вирджинии, Массачусетсе и других местах; а в Джорджии, как мы видели, оно было сначала категорически запрещено. Однако у английских бизнесменов не было никаких угрызений совести по этому поводу. В 1663 году британский комитет по иностранным плантациям заявил, что "черные рабы - самое полезное дополнение к плантации"¹⁹, а двадцать лет спустя лорды-комиссары по торговле заявили, что "колонисты не смогут прокормиться" без достаточного количества рабов. Законы, принятые в колониях, регулярно отклонялись короной, а королевских губернаторов предупреждали, что колонистам не позволят "препятствовать движению, столь полезному для нации". До 1772 года Виргиния приняла не менее тридцати трех законов, направленных на запрет ввоза рабов, но в каждом случае закон был аннулирован Англией. На крайнем Юге, особенно в Южной Каролине, как мы видели, вводились все более высокие пошлины. Однако, несмотря на все эти усилия по ограничению, система негритянского рабства, начав свое существование, развивалась быстрыми темпами.

В двух колониях, не входивших в число первоначальных тринадцати, но сыгравших важную роль в последующей истории Соединенных Штатов, негры появились очень рано: в испанской колонии Флорида - с самого начала, а во французской колонии Луизиана - сразу после того, как начал расти Новый Орлеан. Негры сопровождали испанцев в их плаваниях вдоль южноатлантического побережья в начале XVI века, а специально обученные испанские рабы помогали в основании Сент-Огастина в 1565 году. Честолюбивые замыслы великого авантюриста Джона Лоу во Франции и особенно проект Миссисипской компании (зафрахтованной в 1717 году) включали соглашение о ввозе в Луизиану шести тысяч белых и трех тысяч негров, причем компания получала среди прочих привилегий исключительное право торговли с колонией на двадцать пять лет и абсолютное владение всеми рудниками в ней. Страдания некоторых белых эмигрантов из Франции - похищения, месть и

сутяжничество, сыгравшие столь значительную роль, - сами по себе составляют полноценную историю. Что касается негров, то было четко оговорено, что они не должны прибывать из другой французской колонии без согласия губернатора этой колонии. Контракт только начал выполняться, когда "пузырь" Лоу лопнул. Однако в июне 1721 года в Луизиане насчитывалось 600 негров, а в 1745 году их число возросло до 2020. Истории, связанные с этими людьми, столь же трагичны и дико романтичны, как и большинство сюжетов в истории Луизианы. На самом деле эта колония с самого начала была обязана своей заброшенностью и очарованием мистицизму, который сами негры привезли из Африки. Среди многого апокрифического выделяются два события или эпизода. В 1729 году Перье, губернатор того времени, дал следующие показания о небольшой компании негров, отправленной против индейцев: "Пятнадцать негров, в чьи руки мы вложили оружие, проявили чудеса доблести. Если бы негры не стоили так дорого и если бы их труд не был так необходим колонии, было бы лучше превратить их в солдат и уволить тех, кто у нас есть, которые так плохи и так трусливы, что, кажется, их специально изготовили для этой колонии²⁰." Однако не всегда негры сражались против индейцев. В 1730 году некоторые представители могущественных банбаров заключили соглашение с чикасау, по которому последние должны были помочь им в истреблении всех белых людей и создании независимой республики²¹. Их возглавлял сильный и отчаянный негр по имени Самба. В результате этой борьбы за свободу Самба и семь его товарищей были разбиты о колеса, а одна женщина повешена. Однако уже тогда высказывались предположения о возможном союзе в будущем индейцев и негров. С самого начала, благодаря свободе от ограничений всех элементов населения, вошедших в жизнь колонии, началось то смешение рас, которое впоследствии так сильно повлияло на социальную жизнь Луизианы и последствия которого так хорошо заметны и по сей день.

5. Пробуждение рабовладельческого корабля

Так негры попали в Америку. Так, можно сказать, возникла и негритянская проблема, хотя ее окончательное решение стало возможным лишь спустя десятилетия, в годы становления американской национальности. Приезжие отнюдь не принадлежали к одной и той же расе и языку. На плантациях часто встречались самые разные обычаи, и порой традиционные враги становились братьями по рабству. Центром колониальной работорговли было африканское побережье примерно в двухстах милях к востоку от великой реки Нигер. Из этого сравнительно небольшого региона прибыло столько же рабов, сколько из всей остальной Африки вместе взятой. Некоторые из прибывших были совершенно другой расы, чем негры; некоторые были маврами, а немногие - малайцами с Мадагаскара.

Сам процесс приобретения рабов был отнюдь не таким простым, как иногда предполагают. В целом работорговля приводила в действие самые порочные страсти всех, кто так или иначе был связан с ней. Капитану судна приходилось прибегать к различным способам, чтобы получить свой груз. Чаще всего он брал с собой разнообразные ткани, дешевые украшения и виски, которые отдавал в обмен на привезенных рабов. Его задача была наиболее простой, когда вождь одного из племен приводил к нему несколько сотен военнопленных. Обычно, однако, работа была более трудоемкой, и излюбленным методом было похищение, хотя иногда на суда заманивали и отдельных людей. Работа всегда была опасной, так как туземцы на невольничьем побережье вскоре стали подозрительными. После того как они увидели, как забирают некоторых из их соплеменников, они научились не ходить безоружными, пока невольничье судно находится на побережье, и очень часто случались рукопашные схватки. Вскоре до заинтересованных в торговле лиц стало доходить, что возлагать на капитана судна ответственность за сбор трех-четырех сотен рабов - не самое лучшее занятие, и что лучше, если груз будет ждать его по прибытии. Так возникли так называемые фабрики, которые были

не более чем складами. Вдоль побережья располагались небольшие поселения европейцев, в чьи обязанности входило стимулировать экспедиции по поиску рабов, договариваться за привезенных рабов и следить за их сохранностью до прибытия кораблей. Практически каждый народ, участвующий в торговле, основывал подобные фабрики вдоль Западного побережья от Кабо-Верде до экватора, и таким образом эта часть Африки стала самым эксплуатируемым регионом в мире; так виски и все остальные пороки цивилизации стали приходить к простому и домовитому народу.

На борту корабля рабов сажали в цепи по двое. Когда корабль был готов к старту, трюм судна заполнили угрюмые и несчастные несчастные, которых чаще всего заставляли сгибаться так, чтобы колени касались подбородка, но нередко и ложиться на бок "по-ложечному". Иногда пространство между полом и потолком еще больше уменьшалось из-за бочек с водой; сверху на эти бочки клали доски, на них ложились рабы, и в оставшемся небольшом пространстве они должны были выживать, как могли. Вход в трюм, как правило, был только один, а через решетки по бокам можно было пропустить лишь самое малое количество воздуха. Одежда пленника, если таковая вообще имелась, состояла лишь из тряпок на поясице. Пищу составляли полусгнивший рис, ямс, бобы или суп, а иногда хлеб и мясо; готовили плохо, и не заботились о том, чтобы все были сыты. Воды всегда было мало - пинта в день была щедрой порцией; часто можно было получить не более гилля. Правилом было дважды в день выводить рабов из трюма на проветривание - около восьми часов утра и четырех пополудни; но этому плану следовали не всегда. На палубе их заставляли танцевать под ударами плети, а также петь. Так рождались песни скорби, последний крик тех, кто видел, как их родина исчезает за ними навсегда.

Иногда на борту происходили жестокие драки. Иногда отказывались от еды, чтобы ускорить смерть. При удобном случае некоторые прыгали за борт в надежде, что их заберут обратно в Африку. Всю ночь в трюме раздавались стоны тех, кто, очнувшись от грез о доме, обнаруживал себя в узах. Женщины впадали в истерику, а мужчины и женщины становились безумными. Начались страшные и заразные болезни. Одной из них была оспа. Более распространенной была офтальмия, страшное воспаление глаз. Слепого, а значит, бесполезного раба бросали акулам. Гнилая атмосфера, меланхолия и резкий переход от жары к холоду значительно увеличивали смертность, и часто с наступлением утра мертвого и живого раба находили связанными вместе. Капитан всегда рассчитывал потерять четвертую часть своего груза. Иногда он терял гораздо больше.

На берегу сидящая фигура напряженным взглядом следила за удаляющимся кораблем - старая женщина, печально типичная для великой африканской матери. Своим зрением она лучше, чем кто-либо другой, понимала смысл происходящего. Люди с суровыми лицами, пришедшие покупать и продавать, могли обмануть других, но не ее. Она смутно чувствовала, что в самом сердце ее народа творится что-то неладное. Она видела, как люди, одурманенные виски христианских народов, совершают преступления, о которых раньше и не мечтали. Ей не нравились прибрежные города; девушка, отправившаяся туда, не возвращалась домой, а молодой человек был потерян для всего, чем дорожила Африка. Со временем она увидела, что все местные ремесла презираются, и вместо тканей, которые ткали ее собственные пальцы, ее дети жаждали мишуры и побрякушек торговцев. Она проклинала этого человека и призывала всех своих духов, чтобы изгнать зло. Но когда, наконец, все было бесполезно, когда уходил самый сильный юноша или самая дорогая дева, она возвращалась в свою хижину и в темноте съедала свое сердце. Она оплакивала своих детей и не находила утешения, потому что их не было. Затем до неискушенного ума как-то медленно дошло обетование: "Это те, которые вышли из великой скорби и омыли одежды

свои и убелили их кровью Агнца..... Они уже не будут ни голодать, ни жаждать; ни солнце не будет светить им, ни зной. Ибо Агнец, который посреди престола, будет пасти их и приведет их к живым источникам вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их".

Сноска 1: (возвращение)

Обратите внимание на статью "Африка" в *Новой международной энциклопедии*, особенно на исследования фон Лушана.

Сноска 2: (обратно)

Лео Винер: *Africa and the Discovery of America*, Vol. I, Innes & Sons, Philadelphia, 1920.

Сноска 3: (обратно)

A Tropical Dependency, James Nisbet & Co., Ltd., London, 1906, p. 17.

Сноска 4: (обратно)

См. Wiener, I, 178.

Сноска 5: (возврат)

Испания в Америке, том 3 в серии "Американская нация", стр. 270.

Сноска 6: (возврат)

Фредерик В. Ходж, 3, в *"Испанские исследователи на юге Соединенных Штатов, 1528-1543"*, в *"Оригинальных изложениях ранней американской истории"*, Scribner's, New York, 1907. Как "Рассказ Альвара Нуньеса Кабесы де Вака", так и "Рассказ об экспедиции Коронадо" Педро де Кастеньяды отредактированы Ходжем, снабжены содержательными вступлениями.

Сноска 7: (возвращение)

Эдвард Э. Хейл в *"Нарративной и критической истории Америки"* Джастина Уинсора, III, 60.

Сноска 8: (возврат)

Богарт: *Экономическая история*, 72.

Сноска 9: (возврат)

Коман: *Industrial History*, 78.

Сноска 10: (возврат)

Баллах: *Рабство в Виргинии*, 12.

Сноска 11: (возврат)

Хенинг: *Statutes*, II, 26.

Сноска 12: (возврат)

Коффин: *Восстания рабов*, 8.

Сноска 13: (возврат)

Тернер: *The Negro in Pennsylvania*, 1.

Сноска 14: (возврат)

Там же, 21.

Сноска 15: (возврат)

Фауст: *The German Element in the United States*, Boston, 1909, I, 45.

Сноска 16: (обратно)

Уильям Т. Александер: История цветной расы в Америке, Новый Орлеан, 1887, с. 136.

Сноска 17: (возврат)

Дюбуа: Подавление работорговли, 34.

Сноска 18: (возврат)

Virginia Magazine of History, VII, 364.

Сноска 19: (возврат)

Богарт: *Экономическая история*, 73.

Сноска 20: (возврат)

Гайарре: *История Луизианы*, I, 435.

Сноска 21: (обратно)

Там же, I, 440.

ГЛАВА II

НЕГР В КОЛОНИЯХ

Негры, привезенные из Африки в Америку, были привезены сюда для работы, и работы по принуждению; поэтому любое исследование их социальной жизни в колониальную эпоху должно быть прежде всего исследованием их жизни в условиях рабства и попыток отдельных людей вырваться из него.

1. Подневольное состояние и рабство

Предшественниками негритянского рабства в Америке была система подневольного труда, известная как сервитут. Он был определен как "узаконенный статус индейских, белых и негритянских слуг, предшествовавший рабству в большинстве, если не во всех, английских материковых колониях".²² Изучение подневольного труда объяснит многие акты в отношении негров, особенно те, что касаются межнациональных браков с белыми. Для истоков системы необходимо обратиться к социальным условиям в Англии в семнадцатом веке. Хотя холопство было формально отменено в Англии в середине XIV века, оно все еще сохранялось в отдаленных местах, и даже если люди формально не были холопами, они могли быть подвергнуты длительным периодам службы. К середине пятнадцатого века спрос на шерсть привел к огораживанию многих ферм для разведения овец и, соответственно, к бедственному положению многих сельскохозяйственных рабочих. В начале шестнадцатого века ситуация не улучшилась, а наоборот, обострилась, поскольку упразднение монастырей лишило их многих источников помощи. Люди, оставшиеся без работы, выбрасывались на дороги и тем самым становились угрозой для общества. В 1564 году цена пшеницы составляла 19 с. за четверть, а заработная плата - 7 д. в день. Ситуация неуклонно ухудшалась, и в 1610 году, когда зарплата оставалась прежней, пшеница стоила 35 с. за четверть. Кроме того, арендная плата постоянно росла, и многие люди умирали от голода. В течение семнадцатого века нищие и беспутные люди все больше и больше заполняли тюрьмы и работные дома.

Тем временем в молодых колониях за морем не хватало рабочих рук, и многим казалось актом благодеяния привезти из Англии людей, которые не могли заработать на жизнь дома, и дать им хоть какой-то шанс в Новом Свете. С самого начала наибольшим спросом

пользовались дети, и особенно молодые люди в возрасте от двенадцати до двадцати лет. Лондонская компания взяла на себя половину расходов на перевозку и содержание детей, отправленных приходскими властями, с условием, что она будет содержать их до совершеннолетия.²³ Компания должна была обучить каждого мальчика какому-нибудь ремеслу, а по наступлении года его свободы подарить каждому пятьдесят акров земли, корову, семена кукурузы, инструменты и огнестрельное оружие. Затем он становился арендатором Компании, в течение семи лет отдавая ей половину своей продукции, по истечении которых он получал в полное владение двадцать пять акров. После распада Компании идею подхватили частные лица. Дети до двенадцати лет могли быть связаны на семь лет, а лица старше двадцати одного года - не более чем на четыре года, но общий срок составлял пять лет.

Под эту систему попадали слуги вольные и невольные. Сотни людей, слишком бедных, чтобы платить за перевозку, продавали себя на несколько лет, чтобы оплатить перевод. Некоторые, известные как "вольноотпущенники", имели несколько дней, чтобы распорядиться собой в Америке с наибольшей выгодой; если они не могли добиться удовлетворительных условий, их тоже продавали, чтобы оплатить переезд. Однако более важным с точки зрения самой системы было количество невольных слуг, привезенных сюда. В колонии отправляли политических преступников, бродяг и других правонарушителей, а многих людей, особенно мальчиков и девочек, похищали на улицах Лондона и увозили "в духах". Сюда попадали ирландцы или шотландцы, вызвавшие гнев короны, кавалеры или круглоголовые, когда та или иная партия уходила от власти, фермеры, участвовавшие в восстании Монмута; только за 1680 год, по оценкам, из Англии было "вывезено" не менее десяти тысяч человек. Легко понять, что такая система стала очень выгодной для корабельных мастеров и тех, кто был с ними в попустительстве. Виргиния возражала против преступников, и в 1671 году палата бургов приняла закон, запрещающий ввоз таких людей, который был одобрен губернатором. Однако семь лет спустя он был отменен для перевозки политических преступников.

Имея статус подмастерья, слуга мог подавать иски в суд, а по истечении срока службы ему регулярно выплачивались "взносы за свободу". Однако он не мог голосовать, носить оружие и, конечно, занимать должности. В некоторых случаях, особенно когда система была добровольной, слуги поддерживали добрые отношения со своими хозяевами, а некоторые даже становились секретарями или воспитателями. Однако чаще всего участь подневольного работника была тяжелой, его пищей часто была лишь грубая индийская мука и вода, смешанная с патокой. Моральное воздействие этой системы заключалось в том, какой участи она подвергала женщин, а также в том зле, которое возникало в результате продажи труда детей. Однако в этой связи следует помнить, что стандарты того времени сильно отличались от наших. Современный гуманитарный импульс еще не тронул сердце Англии, и порка все еще была обычным делом для солдат и матросов, преступников и детей.

Первые негры, привезенные в колонии, формально были слугами, и в целом по мере развития негритянского рабства рабство белых сокращалось. Яков II, по сути, сделал все возможное, чтобы ускорить конец подневольного труда, чтобы рабство стало более выгодным. Экономические силы были на его стороне, ведь если цена раба варьировалась от 10 до 50 фунтов стерлингов, то простая стоимость перевозки слуги составляла от 6 до 10 фунтов стерлингов. "Подневольное состояние становилось рабством, когда к таким явлениям, как отчуждение, лишение прав, порка и ограниченный брак, добавлялись такие, как вечная служба и отказ в гражданских, юридических, супружеских и имущественных правах, а также отказ в праве иметь детей."²⁴ Однако даже после установления рабства белые мужчины и женщины часто оставались в качестве домашней прислуги, и система

подневольного состояния не прошла окончательно во всех своих фазах до начала революционной войны.

Таким образом, негритянское рабство было своеобразной эволюцией. Поскольку первые негры были захвачены пиратами, права собственности не могли быть законно предоставлены тем, кто их покупал; таким образом, рабство по обычаю предшествовало рабству по закону. Постепенно колонии перешли к более жесткой системе. Переход был отмечен таким актом, как закон Род-Айленда, который в 1652 году разрешил связывать негра на десять лет. Мы уже упоминали о принятом в 1661 году в Вирджинии акте о том, что негры не могли компенсировать время, потерянное при побеге, путем добавления времени. Однако еще до того, как в колониях стало общепринятым или понятным, что ребенок, рожденный от родителей-рабов, должен служить пожизненно, возник новый вопрос - о рождении свободного человека и раба. Это побудило Виргинию в 1662 году выступить в роли лидера, приняв закон, объявляющий, что статус ребенка должен определяться статусом матери²⁵, который одновременно давал рабству санкцию закона и делал его наследственным. С этого времени Виргиния заняла лидирующее положение в законодательстве; и следует помнить, что, говоря об этой провинции, мы имеем в виду отнюдь не сравнительно небольшой современный штат, а самую богатую и густонаселенную колонию. Такое положение Виргиния сохраняла до окончания Революционной войны, и в ее владения входила не только нынешняя Западная Виргиния, но и большая Северо-Западная территория.

Раб не имел ни одного из обычных прав гражданства; в уголовном деле его могли арестовать, судить и осудить при наличии лишь одного свидетеля против него, а приговор выносился без присяжных. В Виргинии в 1630 году некий Хью Дэвис был приговорен к "жестокой порке перед собранием негров и других людей за то, что, к бесчестию Бога и позору христиан, он осквернил свое тело, лежа с негритянкой".²⁶ Всего через десять лет после этого, в 1640 году, некий Роберт Свит был приговорен "к покаянию в церкви, согласно законам Англии, за то, что он заставил негритянку родить ребенка, а женщину выпороть".²⁷ Таким образом, с самого начала смешение рас не одобрялось и продолжалось все так же. Кроме того, к тому времени, когда важные акты 1661 и 1662 годов официально санкционировали рабство, в умах некоторых виргинцев возникли сомнения, может ли один христианин законно держать другого в рабстве; и в 1667 году было определенно заявлено, что принятие крещения не меняет состояния человека в отношении его рабства или свободы, так что хозяева, избавленные от этих сомнений, могли теперь "более тщательно стараться о распространении христианства". В 1669 году "Акт о случайном убийстве рабов" предусматривал, что если какой-либо раб окажет сопротивление своему хозяину и под угрозой наказания умрет, его смерть не будет считаться преступлением, а хозяин будет оправдан. В 1670 году было четко определено, что никто, кроме свободных землевладельцев и домохозяев, не должен голосовать на выборах бургомистров, и в том же году было принято положение, запрещающее свободному негру владеть белым слугой, который, тем не менее, "не был лишен права покупать кого-либо из своей нации". В 1692 году был принят закон "для более быстрого преследования рабов, совершивших смертные преступления"; он был повторно принят в 1705 году, когда были приняты некоторые положения о компенсации владельцам и когда было объявлено, что негры, мулаты и индейские рабы в пределах доминиона являются "недвижимостью" и "по закону не могут быть свидетелями в любых делах"; А в 1723 году был принят подробный и детальный акт, "предписывающий суд над рабами, совершившими смертные преступления, и для более эффективного наказания заговоров и восстаний с их стороны, а также для лучшего управления неграми, мулатами и индейцами, подневольными или свободными". В этом последнем законе особо оговаривалось, что ни один раб не может быть освобожден ни под каким предлогом, "кроме

как за некоторые заслуги, которые будут определены и разрешены губернатором и советом". Вскоре выяснилось, что все эти законы слишком радикальны и трудновыполнимы, и изменения были неизбежны. Это произошло в 1732 году, когда рабу было разрешено выступать в качестве свидетеля, когда другой раб предстал перед судом за смертное преступление, а в 1744 году это положение было распространено и на гражданские дела. В 1748 году был проведен общий пересмотр всего существующего законодательства со специальным положением против попыток восстаний.

Таким образом, Виргиния проложила путь, и все больше и больше рабских кодексов приобретали определенность и единообразие. Очень важным был акт 1705 года, который предусматривал, что раб может быть зарегистрирован как недвижимое имущество. Отныне ничто не мешало разлучить его с семьей. Перед законом он был уже не человеком, а вещью.

2. Индеец, мулат и свободный негр

Следует отметить, что на протяжении всего времени проблема негра осложнялась проблемой индейца. Сначала было принято считать, что с индейцами нужно обращаться не как с неграми, а наравне с англичанами. Закон Вирджинии от 1661-2 гг. подытожил это мнение положением о том, что они не должны продаваться в рабство на более длительный срок, чем англичане того же возраста, а нанесенные им обиды должны быть должным образом возмещены в соответствии с законами Англии. Примерно в то же время индейца Поухатана, проданного на всю жизнь, было приказано освободить. Интересный закон 1670 года пытался придать индейцу промежуточный статус между англичанином и негром-рабом, поскольку "слуги, не являющиеся христианами, ввезенные в колонию по морю" (то есть негры), должны были быть рабами на всю жизнь, а те, кто прибыл по суше, должны были служить "если мальчики или девочки, до тридцати лет; если мужчины или женщины, то двенадцать лет и не больше". Однако все эти законы были радикально изменены в результате восстания Натаниэля Бэкона в 1676 году, в ходе которого против английского губернатора была призвана помощь туземцев. Отныне индейцы, захваченные на войне, становились пожизненными рабами своих похитителей. Разработанный акт 1682 года подвел итог новому статусу: индейцы, проданные другими индейцами, должны были "считаться рабами, во всех смыслах и целях, несмотря ни на какие законы, обычаи и обыкновения". Индейские женщины должны были быть "десятинами",²⁸ и они должны были платить повинности так же, как и негритянки. С этого времени законы обычно включали индейцев наряду с неграми, но, конечно, законы, внесенные в свод законов, не всегда имели тесную связь с тем, что реально исполнялось, и в целом индейцам суждено было стать скорее исчезающей, чем растущей проблемой. В начале восемнадцатого века, в связи с войнами между англичанами и испанцами во Флориде, сотни индейцев были отправлены в Вест-Индию, а некоторые - в Новую Англию. Массачусетс в 1712 году запретил такой импорт, поскольку индейцы были "злобными, угрюмыми и очень неуправляемыми", и его примеру последовали Пенсильвания в 1712 году, Нью-Гэмпшир в 1714 году, а также Коннектикут и Род-Айленд в 1715 году.

Если индейцу суждено было стать исчезающим фактором, то мулату и свободному негру - точно нет. Несмотря на все законы, направленные на предотвращение этого, смешение рас усиливалось, а вместе с ним и манумиссия. Иногда хозяин в своем завещании указывал, что несколько его рабов должны получить свободу. Иногда раб становился свободным в силу того, что считалось актом служения государству, как в случае с одним Уиллом, рабом Роберта Руффина из графства Сурри в Виргинии, который в 1710 году раскрыл заговор.²⁹ Кроме того, известен случай с негром-рабом, взятым в аренду, Джоном Геуином, который благодаря своей необычной бережливости в отношении некоторых свиней, которых он

выращивал на паях со своим хозяином, смог уже в 1641 году выкупить своего собственного сына у другого хозяина, к полному удовлетворению всех заинтересованных сторон.³⁰ Особое значение в течение нескольких лет имели те люди, которые были потомками отцов-негров и белых матерей, взятых в аренду, и которые сначала, конечно, были юридически свободными. К 1691 году эта проблема остро встала в Виргинии. В этом году "для предотвращения отвратительного смешения и поддельного потомства, которое в будущем может увеличиться в этом доминионе, как за счет браков негров, мулатов и индейцев с английскими или другими белыми женщинами, так и за счет их незаконного сожительства друг с другом", был принят закон, согласно которому "впредь всякий английский или другой белый мужчина или женщина, будучи свободными, будут вступать в брак с негром, мулатом, индейцем или женщиной, связанными или свободными, в течение трех месяцев после такого брака должны быть изгнаны и удалены из этого доминиона навсегда, и чтобы судьи каждого соответствующего графства в пределах этого доминиона особо заботились о том, чтобы этот акт был приведен в исполнение."³¹ Белая женщина, ставшая матерью ребенка от негра или мулата, должна была быть оштрафована на 15 фунтов стерлингов, в случае неуплаты - продана на пять лет, а ребенок должен был находиться в рабстве у церковных старост до тридцатилетнего возраста. Кроме того, предусматривалось, что если какой-либо негр или мулат будет освобожден, то он должен быть вывезен из страны в течение шести месяцев после его освобождения (этот закон типичен для тех, которые было трудно обеспечить соблюдением и которые через некоторое время соблюдались лишь нерегулярно). В 1705 году был принят закон, согласно которому "ни один негр, мулат или индеец не должен с момента опубликования этого закона занимать какую-либо церковную, гражданскую или военную должность или быть на каком-либо общественном посту или во власти в колонии и владениях ее величества Виргинии"; И чтобы устранить любые сомнения, которые могли бы возникнуть относительно того, кто должен считаться мулатом, было предусмотрено, что "ребенок индейца, а также ребенок, внук или правнук негра должны считаться, учитываться, удерживаться и приниматься за мулата." Следует отметить, что, хотя в законе 1670 года говорилось, что "никто, кроме свободных землевладельцев и домохозяев", не может голосовать, в законе 1705 года не было конкретного запрета на голосование мулатов или свободных негров, а то, что такая привилегия какое-то время использовалась, следует из определенного положения 1723 года о том, что "ни один свободный негр, мулат или индеец не может впредь иметь никакого голоса на выборах бургезов или любых других выборах". В том же году было предусмотрено, что свободные негры и мулаты могут наниматься в качестве барабанщиков или трубачей на подневольные работы, но не должны носить оружие; кроме того, все свободные негры старше шестнадцати лет были объявлены десятиной. Однако в 1769 году все свободные женщины-негритянки и мулатки были освобождены от уплаты десятины, поскольку эти повинности оказались обременительными и "умалояющими права свободнорожденных подданных".

Мэриленд, похоже, больше других колоний был обеспокоен смешением рас: ни одному другому этапу рабства здесь не уделялось столько внимания. Это объясняется тем, что в колонии уделялось необычное внимание рабству белых. В 1663 году был принят закон, согласно которому любая свободная женщина, вступившая в брак с рабом, должна была служить хозяину раба в течение всей жизни своего мужа, а все дети, появившиеся от этого союза, также должны были быть рабами. Этот закон, очевидно, должен был отпугнуть подневольную женщину от такого брака. Однако он имел совсем другой эффект. Многие хозяева, чтобы продлить кабалу своих белых служанок, поощряли их выходить замуж за негров-рабов. Поэтому новый закон 1681 года возложил ответственность не на кабальную женщину, а на хозяина или хозяйку; в случае брака между белой женщиной-служанкой и рабом женщина должна была сразу же стать свободной, любой возможный ребенок -

свободным, а священник, совершающий церемонию, и хозяин или хозяйка должны были быть оштрафованы на десять тысяч фунтов табака. Однако это не решило проблему окончательно, и в 1715 году, в ответ на несколько иную ситуацию, был принят закон, согласно которому белая женщина, ставшая матерью ребенка от свободного отца-негра, должна стать служанкой на семь лет, отец - также на семь лет, а ребенок - слугой до тридцати одного года. Любой белый мужчина, родивший ребенка от негритянки, будь то свободная женщина или рабыня, должен был понести такое же наказание, как и белая женщина - положение, которое со временем, как известно, было проигнорировано. В 1717 году проблема все еще оставалась нерешенной, и в этом году был принят закон, согласно которому негры или мулаты любого пола, вступающие в брак с белыми людьми, должны быть пожизненными рабами, за исключением мулатов, рожденных от белых женщин, которые должны были служить семь лет, а белый человек, вступающий в брак, также семь лет. Нет нужды говорить, что при всех этих меняющихся и противоречивых положениях многие слуги и негры даже не знали, что такое закон. Однако в 1728 году свободные женщины-мулатки, имеющие незаконнорожденных детей от негров и других рабов, и свободные женщины-негритянки, имеющие незаконнорожденных детей от белых мужчин, и их дети были подвергнуты тем же наказаниям, которые в прежнем акте были предусмотрены в отношении белых женщин. Таким образом, колония Мэриленд тщетно боролась с проблемой смешения рас. В целом на Юге правило в отношении ребенка от негра-отца и белой матери-арендатора гласило, что он должен находиться в рабстве в течение тридцати или тридцати одного года.

Как на Севере, так и на Юге не одобрялось смешение расовых кровей. В Пенсильвании еще в 1677 году белый слуга был обвинен в сожительстве с негритянкой. В 1698 году суд округа Честер установил принцип, согласно которому смешение рас недопустимо. В 1722 году женщина была наказана за содействие тайному браку между белой женщиной и негром; немного позже Ассамблея получила от жителей провинции петицию с призывом не сожительствовать, а в 1725-6 годах был принят закон, положительно запрещающий смешение рас.³² В Массачусетсе еще в 1705 и 1708 годах запретительные акты, направленные на предотвращение "поддельного и смешанного происхождения", предписывали продавать негров и мулатов из колонии и наказывали христиан, вступающих с ними в брак, штрафом в 50 фунтов стерлингов. После Революционной войны такие браки были признаны недействительными, а штраф в 50 фунтов стерлингов по-прежнему взимался, и только в 1843 году этот закон был отменен. Так цветовая линия с ее социальными и юридическими различиями вышла за пределы рабства и рабовладения, и так рано был предreshен важный этап окончательной негритянской проблемы.

Как правило, на Юге в колониальный период свободный негр не мог голосовать, не мог занимать гражданские должности, давать показания в делах, касающихся белых мужчин, и мог быть нанят только для несения службы в ополчении. Он не мог приобретать белых слуг, не мог вступать в браки с белыми людьми и должен был быть очень осмотрительным в отношениях с рабами. Однако никакие лишения привилегий не освобождали его от обязанности платить налоги. Те преимущества, которыми он обладал, были в основном экономическими. Деньги, полученные от его труда, принадлежали ему; он мог стать квалифицированным специалистом в каком-либо ремесле; он мог купить землю; он мог купить рабов;³³ он мог даже купить свою жену и ребенка, если, как это чаще всего случалось, они были рабами; и у него могло быть одно оружие для защиты своего дома.³⁴ Время от времени он мог даже найти возможность для образования, как, например, когда церковь становилась законным надзирателем за негритянскими подмастерьями. Нередко он находил

место в таком ремесле, как цирюльник, или в других видах личного обслуживания, и такая работа во многом объясняла тот факт, что ему обычно разрешалось оставаться в общинах, где формально он не имел права находиться. На Севере его положение было немногим лучше, чем на Юге, а в экономическом плане даже тяжелее. Везде его положение было сложным. Чаще всего его считали праздным и беспечным, а также порождением бед; если же он проявлял необычайную бережливость, его даже могли заставить покинуть свой дом и переехать в другое место. Свободы, блага каждого гражданина, свободный негр не имел. Во всех тонкостях жизни - в том, что делает жизнь достойной, - его участь была лишь менее тяжелой, чем участь раба.

3. Первые усилия по улучшению общества

Если теперь мы отвлечемся от законов и статуты и рассмотрим обычную жизнь и социальное общение негра, то обнаружим не одно противоречие, ведь в колониальную эпоху кодексам, касающимся рабов и свободных негров, приходилось нащупывать путь к единообразию. Особенно необходимо различать ранние и поздние годы этого периода, поскольку уже в 1760 году начал ощущаться либерализм революционной эпохи. Если рассматривать сугубо колониальную эпоху, то, возможно, придется провести разделение около 1705 года. До этой даты статус негра был осложнен особенностями системы рабства; после нее, однако, и в Вирджинии, и в Пенсильвании, и в Массачусетсе, особая дискриминация негра по расовому признаку получила официальное признание.

К 1715 году в Виргинии насчитывалось 23 000 негров, а во всех колониях - 58 850, или 14 процентов всего населения.³⁵ К 1756 году, однако, негров в Виргинии насчитывалось 120 156, а белых - 173 316.³⁶ В тридцати восьми из сорока девяти графств негров было больше, чем белых десятин, а в одиннадцати графствах негров было на четверть - половину больше, чем белых. Многие негры были привезены из Африки совсем недавно, и они особенно озадачивали своих хозяев, конечно, когда говорили на родном языке. Сначала привозили только мужчин, но вскоре появились и женщины, и обращение с ними было самым разным - от случайных поблажек до крайней жестокости. Работа длилась от рассвета до заката, хотя иногда уборка кукурузы и риса продолжалась и после наступления темноты, а надсмотрщики были почти неизменно безжалостны и часто имели долю в урожае. Те, кто был домашним слугой, ходили лишь частично одетыми, а раб мог быть помечен или клеймен, как одно из низших животных; считалось, что у него нет души, и закон стремился лишить его всех человеческих качеств. Праздничные развлечения в основном состояли из танцев, которые негры привезли с собой, они сопровождались ударами барабанов и дудением в рога, а на похоронных церемониях исполнялись африканские муммерии. Для уголовных преступников простая казнь не всегда считалась достаточно суровой; сначала преступнику могли отрубить правую руку, затем повесить, отрубить голову, разбить тело на четвертинки и развесить их части в общественных местах. Иногда вешали в цепях, и есть несколько случаев сожжения. Хозяин регулярно получал от правительства компенсацию за законно казненного раба, а в 1714 году в Южной Каролине пожаловались, что казна почти истощилась от таких компенсаций. В Массачусетсе повешение было самым страшным наказанием по закону, но устаревшее наказание по общему праву было возрождено в 1755 году, чтобы сжечь заживо женщину-рабыню, убившую своего хозяина в Кембридже.³⁷

Отношения между свободным негром и рабом вполне могли вызывать беспокойство. Над искусственным барьером, который, в конце концов, был всего лишь искусственным барьером, говорил зов расы, а часто и родства. Иногда впоследствии возникала ревность, когда хозяин нанимал свободного негра для работы вместе со своими рабами, причем один получал плату, а другие трудились безвозмездно. В целом, однако, обе группы работали как

братья, каждый предоставлял другому временные преимущества, которыми тот обладал. Иногда свободный негр мог служить благодаря большей свободе передвижения, а если никто не хотел его нанимать или, как это часто случалось, его избивали и обманывали, лишая вознаграждения за труд, раб мог как-то позаботиться о том, чтобы ему было что поесть. В обществе, где господствовали отношения хозяина и раба, конечно же, не было места ни свободному негру, ни бедному белому человеку. Когда давление становилось слишком сильным, белый человек уезжал; негр же, оказавшись повсюду на волоске от гибели, в колониальную эпоху, по крайней мере, не имел иного выбора, кроме как выкручиваться дома, как мог. Характер говорил все больше и больше, и если человек становился известным благодаря своей промышленности и полезности, мог быть даже принят законодательный акт, разрешающий ему остаться перед лицом враждебного закона. Еще до 1700 года в Виргинии существовали семьи, в которых оба родителя были свободными цветными и в которых прилагались все усилия, чтобы воспитать детей в честности и нравственности. Когда некоторые преуспевающие негры находили в себе силы, они иногда покупали негров, которые могли быть их собственными детьми или братьями, чтобы дать им ту защиту, без которой из-за недавней манумиссии они могли быть вынуждены покинуть колонию, в которой родились. Таким образом, какими бы ни были мотивы, узы, связывавшие свободного негра и раба, были крепкими; и несмотря на то, что негры, владевшие рабами, были известны как жестокие хозяева, как только кто-либо из представителей этой расы начинал по-настоящему выделяться, все их усилия были направлены на улучшение положения своего народа. Однако только сразу после Революционной войны стали появляться лидеры, обладающие дальновидностью и государственным мышлением.

Только материализм восемнадцатого века объяснял удивительное развитие системы негритянского рабства, и только он разрушил благожелательность плана Оглторпа по основанию Джорджии. Пока еще не было единого протеста, не было общего движения за свободу; и, как сказал фон Хольст много позже, "если бы агитация была полностью оставлена церквям, прошло бы много времени, прежде чем люди смогли бы с полным правом говорить о "вопросе рабства"". Пуритане, однако, не оставались в стороне от этого зла, а квакеры неустанно выступали против, хотя именно Роджер Уильямс в 1637 году выступил с первым протестом, появившимся в колониях.³⁸ И Джон Элиот, и Коттон Мазер были в целом обеспокоены жестоким обращением с неграми и пренебрежением к их духовному благополучию. Еще большее беспокойство вызывал Ричард Бакстер, выдающийся английский нонконформист, который был современником обоих этих людей. "Помните, - говорил он, говоря о неграх и других рабах, - что они такого же рода, как и вы; то есть они такие же разумные существа, как и вы, и рождены для такой же естественной свободы. Если грех поработил их для вас, то природа сделала их равными вам". По поводу кражи людей он еще более категоричен: "Отправляться в качестве пиратов и ловить бедных негров или жителей других земель, которые никогда не лишались жизни или свободы, делать их рабами и продавать, - это один из худших видов воровства в мире". Однако подобные заявления были не более чем выражением индивидуального мнения. Принципы квакеров вывели их далеко за пределы пуритан, и их история показывает, чего можно было бы достичь, если бы другие конфессии были столь же искренними и бескорыстными, как Общество друзей. О протесте в Джермантауне в 1688 году уже говорилось. В 1693 году Джордж Кит, говоря о беглецах, выразительно процитировал текст: "Раба, убежавшего от господина своего к тебе, не отдавай господину его" (Втор. 23.15). В 1696 году Годичное собрание в Пенсильвании впервые предприняло определенные действия, дав совет "Друзьям быть осторожными и не поощрять привоз негров; а тем, у кого есть негры, быть осторожными с ними, приводить их на собрания, проводить собрания с ними в их семьях и удерживать их от разгульной и развратной жизни, насколько это в них заложено, и от шатания за границей в Первые дни

или в другое время."³⁹ Уже в 1713 году квакеры задумали освободить негров и вернуть их в Африку, а к 1715 году их усилия по борьбе с импортом серьезно подорвали рынок рабов в Филадельфии. В течение столетия после протеста в Джермантауне отмена рабства среди квакеров была практически завершена.

В ранний период, по-видимому, не было особых возражений против предоставления свободному негру не только религиозного, но и светского образования; более того, он мог иметь на это право, как в Вирджинии, где в 1691 году церковь стала органом, через который осуществлялись законы об ученичестве негров; так, в 1727 году было приказано, чтобы Дэвид Джеймс, свободный негритянский мальчик, был привязан к мистеру Джеймсу Исделу, который должен был стать учеником. Джеймсу Исделу, который должен был "научить его внятно читать Библию, а также ремеслу оружейника" и "отвести его в канцелярию клерка и взять с него залог для этой цели".⁴⁰ В целом английская церковь делала многое для религиозного обучения свободных негров; "отчеты, представленные в 1724 году английскому епископу приходскими священниками Вирджинии, свидетельствуют о том, что немногим свободным неграм в приходах было разрешено креститься, и они были приняты в церковь, когда их научили катехизису".⁴¹ Среди негров, как и среди других жителей колоний, активно действовало Общество распространения Евангелия в зарубежных странах. Уже в 1705 году в приходе Гус-Крик в Южной Каролине, среди населения, в основном недавно завезенного из Африки, миссионер имел среди своих прихожан двадцать негров, которые хорошо понимали английский язык.⁴² Наиболее эффективная работа Общества, однако, была в Нью-Йорке, где уже в 1704 году была открыта школа Элиасом Но, французом, который после нескольких лет тюремного заключения из-за своей протестантской веры приехал в Нью-Йорк, чтобы попытаться счастья в качестве торговца. В 1703 году он обратил внимание Общества на негров, которые "были без Бога в мире, и на , о душах которых не было никакой заботы", и предложил назначить катехизатора. Его самого убедили взяться за эту работу, и он, оставив пост пресвитера во французской церкви, перешел в Англиканскую церковь. Он успешно работал в течение нескольких лет, но в 1712 году был поставлен в неловкое положение обвинением в том, что его школа разжигала восстание, которое планировалось в том же году. Однако в итоге он доказал, что только один из его учеников был каким-либо образом связан с восстанием.

Из объявлений о продаже рабов XVIII века⁴³ мы можем почерпнуть множество сведений не только об образовании негров в колониальную эпоху, но и об их среде обитания и страданиях. Один раб "умеет писать довольно хорошо; прекрасно играет на фифах". Другой "умеет и читать, и писать, и хорошо играет на скрипке". Другие говорят на "голландском и хорошем английском", "хорошем английском и высоком голландском" или "шведском и английском". Чарльз Томас из Делавэра обладает следующей замечательной характеристикой: "Очень черный, с белыми зубами... у него была сломана левая нога... говорит по-французски и по-английски и очень большой плут". Один человек, прибывший из Вест-Индии, "родился в Доминике и говорит по-французски, но очень плохо по-английски; он очень недобродушный парень и часто подвергался порке". Негр по имени Саймон, который в 1740 году сбежал в Пенсильванию, "умел пускать кровь и вытягивать зубы, притворяясь великим врачом". Однако худшим из всех проявлений рабства было отсутствие уважения к домашним узам, и такая ситуация, конечно, имела место как на Севере, так и на Юге. В начале XVIII века браки в Нью-Йорке заключались только по взаимному согласию, без благословения церкви, а погребение происходило в общем поле без какого-либо христианского служения. В Массачусетсе в 1710 году преподобный Сэмюэл Филлипс составил брачный формуляр, предназначенный специально для рабов и заключавшийся следующим образом: "Ибо вы оба должны помнить, что вы по-прежнему, как и прежде,

остае́тесь собственностью вашего хозяина, и поэтому справедливо ожидать, как от Бога, так и от людей, что вы будете вести себя как послушные и верные слуги".⁴⁴ В Массачусетсе, впрочем, как и в Нью-Йорке, брак чаще всего заключался просто по общему согласию, без участия священнослужителей.

Еще не было ни расового самосознания, ни церкви, ни деловой организации, и главным совместным усилием было восстание. Пока не была сброшена огромная цепь рабства, мало что можно было сделать самостоятельно. Однако даже в состоянии рабства социальный дух расы стремился заявить о себе, и такое событие, как похороны, было привлекательным прежде всего из-за социальных особенностей, которые оно развивало. Уже в 1693 году появились сведения о формировании неграми отдельного общества. В одном из своих рукописных дневников, хранящихся в библиотеке Массачусетского исторического общества,⁴⁵ Коттон Мазер в октябре этого года написал следующее: "Помимо других молитвенных и благочестивых собраний, которые я постоянно проводил в нашем районе, немного позже этого периода компания бедных негров по собственной воле обратилась ко мне, чтобы я одобрил их замысел устроить такое собрание для благополучия их несчастного народа, который был слугами среди нас. Я согласился с их замыслом и отправился однажды вечером, молился и проповедовал (на Пс. 68.31) вместе с ними; и дал им следующие распоряжения, которые я вставляю должным образом для любопытства по этому случаю". Правила, на которые ссылается Мазер, примечательны тем, что не содержат ни малейшего намека на антирабовладельческие настроения, а также изображают совершенно унижительное положение негра в то время, когда он их писал; тем не менее, использованный текст вдохновляет, и в любом случае документ имеет историческое значение как самый ранний из дошедших до нас документов, содержащих устав или подзаконные акты негритянской организации. Ниже мы приводим его полностью:

Правила для общества негров. 1693.

Мы, несчастные дети Адама и Ноя, с благодарностью восхищаясь и принимая Свободную Милость Бога, предлагающего спасти нас от наших бедствий Господом Иисусом Христом, свободно решаем, с Его помощью, стать Слугами этого Славного Господа.

И чтобы нам помогали в служении нашему Небесному Владыке, мы объединяемся в Общество, в котором должны соблюдаться следующие правила.

I. Нашим стремлением будет встречаться *вечером* после *субботы*; и молиться вместе по очереди, один начинать, а другой заканчивать собрание; между двумя *молитвами* должен быть спет *псалом* и повторена *проповедь*.

II. Мы не должны приходить на собрание без *разрешения* тех, кто имеет над нами власть: И мы будем заботиться о том, чтобы наше собрание начиналось и заканчивалось между *семью* и *девятью* часами; и чтобы мы не отсутствовали без *причины* в семьях, к которым мы принадлежим.

III. Как мы, с Божьей помощью, всегда будем избегать *злых компаний*, так мы не примем в наше собрание никого, кроме тех, кто разумно *исправил* свою жизнь от всякого рода порока. И поэтому никто не будет принят без ведома и согласия *служителя* Божьего в этом месте; к нему мы также отнесем каждого человека, который ищет *приема* среди нас, чтобы он осмотрел, наставил и увещевал его.

IV. Мы будем, как можно чаще, приглашать какого-нибудь мудрого и доброго человека из англичан, живущих поблизости, и особенно служителей церкви, чтобы они заглядывали к нам и своим присутствием и советом делали то, что они сочтут нужным для нас.

V. Если кто-либо из нашего числа впадет в грех *пьянства*, или *сквернословия*, или *ругани*, или *лжи*, или *воровства*, или явного *непослушания* или *неверности* своим хозяевам, мы предупредим его об этом и запретим ему приходить на собрание, по крайней мере, в течение

одной недели; и если он затем не придет с большими знаками и надеждами на свое покаяние, мы полностью исключим его, вычеркнув его *имя* из нашего списка.

VI. Если кто-либо из нашего общества осквернит себя *блудом*, мы сделаем ему *замечание*; и таким образом отстраним его от собрания, по крайней мере, на полгода: И никогда больше он не должен возвращаться в него без показательных свидетельств того, что он стал *новым существом*.

VII. Мы будем, как только представится возможность, стараться делать все возможное добро другим *неграм-слугам* в городе; и если кто-нибудь из них в неподходящие часы окажется *за границей*, а тем более если кто-нибудь из них *убежит* от своих хозяев, мы *не* предоставим им *никакого убежища*: Но мы сделаем все, что в наших силах, чтобы они были обнаружены и наказаны. И если кто-то из *нас* окажется неправ в этом деле, он больше не будет с *нами*".

VIII. Никто из нашего общества не должен *отсутствовать* на нашем собрании без объяснения причины отсутствия; и если обнаружится, что кто-либо из них притворился перед своими *владельцами*, что пришел на собрание, когда был занят в другом месте, мы честно *сообщим* об этом их владельцам, а также сделаем все возможное, чтобы избавить таких людей от всех подобных дурных занятий на будущее время:

IX. От каждого члена Общества будет ожидаться, что он выучит Катехизис; и поэтому одним из наших обычных упражнений будет то, что один из нас будет задавать *вопросы*, а все остальные в своем порядке будут произносить *ответы* в Катехизисе; либо в *Новом Английском Катехизисе*, либо в Катехизисе *Собрания*, либо в Катехизисе *негритянского христианства*.

4. Ранние восстания

Негры, прибывшие в Америку непосредственно из Африки в восемнадцатом веке, разительно отличались от тех, кого поколения рабства позже сделали сравнительно послушными. Они были дикими и беспокойными по характеру и в любой момент могли отомстить за причиненное им зло. Плантаторы Юга знали об этом и жили в постоянном страхе перед восстаниями. Когда ситуация становилась слишком угрожающей, они вводили запретительные пошлины на импорт, а также стремились держать рабов в подчинении с помощью варварских и жестоких способов наказания: распятие и сожжение были узаконены в некоторых ранних кодексах. Как на море, так и на суше негры часто восставали против тех, кто держал их в рабстве, и иногда они действительно завоевывали свободу. Однако все чаще при изучении негритянских восстаний становится трудно провести различие между четко организованным бунтом и тем, что можно считать просто личным преступлением, так что восстания, рассматриваемые далее, можно рассматривать только как наиболее репрезентативные из многочисленных попыток негров-рабов обрести свободу в колониальную эпоху.

В 1687 году в Вирджинии был заговор среди негров Северной шее, который был вовремя раскрыт, чтобы предотвратить резню, а в графстве Сурри в 1710 году был аналогичный заговор, о котором сообщил один из заговорщиков. В 1711 году в Южной Каролине несколько негров сбежали от своих хозяев и "скрывались, вооруженные, грабя и разбойничая дома и плантации, приводя жителей провинции в большой страх и ужас";⁴⁶ и губернатор Гиббс не раз писал в законодательное собрание об изменении закона о неграх, поскольку уже действующий закон "не достигал до некоторых преступлений", которые ежедневно совершались. За одного Себастьяна, "испанского негра", живого или мертвого, была назначена награда в 50 фунтов стерлингов, и в конце концов он был схвачен индейцами и с триумфом доставлен в Чарльстон. В 1712 году в Нью-Йорке произошла вспышка, которая

вызвала большее волнение, чем любое восстание, предшествовавшее ей в колониях. Рано утром 7 апреля несколько рабов из племен карманти и паппа, страдавших от жестокого обращения, подожгли дом Питера ван Тилбурга и, вооружившись ружьями и ножами, убили и ранили нескольких человек, которые пришли тушить пламя. Однако они бежали, когда губернатор приказал выстрелить из пушки, чтобы встревожить город, и скрылись в лесу, как могли, но не раньше, чем убили еще нескольких горожан. Некоторые застрелились в лесу, а другие попали в плен. В общей сложности было убито восемь или десять белых, а кроме негров, покончивших с собой, казнено восемнадцать или более человек, еще несколько были перевезены. Из казненных одного повесили живьем в цепях, некоторых сожгли на костре, а одного оставили умирать томительной смертью перед взором горожан.

В мае 1720 года несколько негров в Южной Каролине были довольно хорошо организованы и убили мужчину по имени Бенджамин Кэттл, одну белую женщину и маленького негритянского мальчика. Их преследовали, двадцать три человека были схвачены, а шестеро осуждены. Трое из них были казнены, остальные трое сбежали. В октябре 1722 года негры близ устья Раппаханнока в Вирджинии попытались убить белых людей, пока те собирались в церкви, но были обнаружены и обращены в бегство. В этом случае, как и в большинстве других, для нападения было выбрано воскресенье, поскольку негры в это время могли собраться вместе. В апреле 1723 года считалось, что некоторые пожары в Бостоне были устроены неграми, и выборщики рекомендовали, что если на улицах будет обнаружено более двух негров, "скрывающихся вместе", то их следует помещать в исправительный дом. В 1728 году в Саванне, где тогда проживало три тысячи белых и две тысячи семьсот негров, было совершено хорошо организованное покушение. План убить всех белых провалился из-за разногласий по поводу точного метода, но по неграм пришлось стрелять не один раз, прежде чем они рассеялись. В 1730 году в Уильямсбурге, штат Вирджиния, произошло восстание, вызванное сообщением о том, что полковник Спотсвуд получил от короля приказ освободить всех крещеных по его прибытии; пришлось вызвать людей со всех окрестных графств, прежде чем восстание удалось подавить.

Первое открытое восстание в Южной Каролине, в котором негры были "фактически вооружены и воплощены"⁴⁷, произошло в 1730 году. План состоял в том, чтобы каждый негр убил своего хозяина глубокой ночью, затем все собрались якобы на танцы, бросились в сердце города, завладели оружием и убивали всех белых, которых видели. Заговор был раскрыт, а лидеры казнены. В этой же колонии в течение одного 1739 года вспыхнули три грозных восстания - одно в приходе Святого Павла, одно в Сент-Джонсе и одно в Чарльстоне. В некоторой степени они, по-видимому, разжигались испанцами на Юге, и в одном из них было сожжено шесть домов и убито до двадцати пяти белых людей. Негров преследовали и убили четырнадцать человек. В течение двух дней "еще двадцать человек были убиты, а сорок взяты в плен, некоторые из них были застрелены, некоторые повешены, а некоторые заживо схвачены".⁴⁸ Это "показательное наказание", как назвал его губернатор Гиббс, было отнюдь не эффективным, поскольку уже в следующем, 1740 году, вспыхнуло восстание, которое можно считать самым грозным на Юге за весь колониальный период. Несколько негров, собравшись в Стоно, сначала застали врасплох и убили двух молодых людей на складе, откуда затем забрали оружие и боеприпасы.⁴⁹ Затем они избрали капитаном одного из своих людей по имени Катон, за которым согласились следовать, и двинулись на юго-запад, с барабанами и развевающимися знаменами, как дисциплинированная рота. Они вошли в дом человека по имени Годфри, убили его, его жену и детей, забрали все оружие, которое у него было, подожгли дом и двинулись в сторону Джонсборо. По пути они грабили и сжигали все дома, к которым подходили, убивали всех белых, которых находили, и заставляли негров присоединиться к ним. Губернатор Булл, возвращавшийся в Чарльстон с

юга, встретил их и, увидев, что они вооружены, поднял тревогу, которая вскоре достигла пресвитерианской церкви в Уилтоне, где собралось несколько плантаторов. Женщины остались в церкви, дрожа от страха, а ополченцы сформировались и отправились в погоню за неграми, которые к тому времени стали грозными из-за того, что присоединились к ним. Они прошли двенадцать миль и опустошили все плантации на своем пути. Затем они остановились в открытом поле и очень скоро начали петь, пить и танцевать в знак триумфа. Во время этого ликования ополченцы обнаружили их и расположились в разных местах вокруг них, чтобы предотвратить их бегство. Один отряд вышел на открытое поле и напал на негров. Некоторые из них были убиты, а остальных оттеснили в лес. Многие бежали обратно на плантации, надеясь таким образом избежать подозрений, но большинство из них были схвачены и преданы суду. Тех, кого заставили присоединиться к восстанию против их воли, помиловали, но все избранные лидеры и первые повстанцы были преданы смерти. Вся Каролина, как нам рассказывают, была охвачена ужасом и смятением из-за этого восстания, в ходе которого было убито более двадцати белых. За ним сразу же последовал знаменитый и суровый Негритянский закон 1740 года, который, помимо прочих положений, вводил пошлину в размере 100 фунтов стерлингов для африканцев и 150 фунтов стерлингов для колониальных негров. Технически он оставался в силе до 1822 года, но как только безопасность и доверие были восстановлены, наступило послабление в исполнении положений закона, и негры мало-помалу вновь обрели уверенность в себе и снова начали планировать и действовать сообща.

Примерно во время восстания Катона произошло также несколько восстаний на море. В 1731 году на корабле, возвращавшемся в Род-Айленд из Гвинеи с грузом рабов, негры подняли восстание и убили трех членов команды, все члены которой вскоре умерли, за исключением капитана и его мальчика. В следующем году капитан Джон Мейджор из Портсмута, штат Северная Каролина, был убит вместе со всей своей командой, а его шхуна и груз были захвачены рабами. В 1735 году пленники на лондонском судне *"Дельфин"*, находясь еще на побережье Африки, одолели команду, ворвались в пороховую комнату и в конце концов в ходе борьбы за свободу взорвали и себя, и команду.

Самым примечательным проектом - как восстание, возможно, не столь грозное, как восстание Катона, но в некотором роде наиболее важным событием в истории негров колониального периода - стал заговор в городе Нью-Йорке в 1741 году. В то время Нью-Йорк был процветающим городом с двенадцатью тысячами жителей, и беда, постигшая его, была прискорбной во всех отношениях. Это было не только восстание негров, хотя негры в итоге пострадали очень сильно. Это было также странное соединение последствий виски и азартных игр, замыслов белых людей, покинувших город, и предрассудков против католиков.

В этой удивительной драме принимали участие Джон Хьюсон, сапожник и содержатель питейного заведения; Сара Хьюсон, его жена; Джон Ромме, также сапожник и содержатель питейного заведения; Маргарет Керри, она же Салинбург, известная как Пегги; Джон Ури, священник; и несколько негров, главными из которых были Сезер, Принц, Куффи и Кряк.⁵⁰ Среди тех, кто помог осуществить заговор, были Мэри Бартон, белая служанка Хьюсона, шестнадцати лет от роду; Артур Прайс, молодой белый человек, который в момент разбирательства находился в тюрьме по обвинению в краже; молодой моряк по имени Уилсон; и две белые женщины, миссис Эрл и миссис Хогг, последняя из которых помогала в магазине, который держал ее муж, Роберт Хогг. Дом Хьюсона на окраине города был прибежищем для негров, и сам Хьюсон помогал и потворствовал неграм в любых преступлениях, которые они могли совершить. Ромм был такого же качества. Пегги была проституткой, и именно Сезар оплачивал ее проживание у Хьюсонов. Летом она поселилась

у этих людей, чуть позже переехала к Ромме, а перед Рождеством вернулась к Хьюсонам и через несколько недель после этого стала матерью. В обоих публичных домах негры предавались пьянству и азартным играм; немаловажное значение имеет и их организация, известная как Женевское общество, которая возмущала некоторых белых горожан своим подражанием обрядам и формам масонства.

События начались в ночь на субботу, 28 февраля 1741 года, с ограбления дома купца Хогга, из которого были похищены различные куски льна и другие товары, несколько серебряных монет, в основном испанских, и медали на сумму около 60 фунтов стерлингов. Накануне, во время простой покупки Уилсона, миссис Хогг открыла молодому моряку свои сокровища. Вскоре он рассказал об этом Сезару, Принсу и Каффи, с которыми был знаком; он дал им план дома, а они, в свою очередь, рассказали об этом Хьюсону. Однако Уилсон, когда миссис Хогг позже рассказала ему об ограблении, сразу же перевел подозрение на негров, особенно на Сесара; а Мэри Бартон показала, что видела в комнате Пегги, после того как Сесар ушел туда, несколько крапчатых бельев, о которых идет речь.

В среду, 18 марта, на крыше Дома Его Величества в Форт-Джордже вспыхнул пожар. Неделью спустя, 25 марта, произошел пожар в доме капитана Уоррена в юго-западной части города, и обстоятельства указывали на зажигательное происхождение. Еще через неделю, 1 апреля, произошел пожар на складе человека по фамилии Ван Зант; в субботу вечером случился еще один пожар, и пока люди возвращались с него, произошел еще один; на следующий день, в воскресенье, была еще одна тревога, и к этому времени весь город был взбудоражен до предела. Пока ничто не указывало на связь между кражами и пожарами. Однако в день последнего пожара миссис Эрл случайно подслушала высказывания трех негров, которые вызвали подозрение; Мэри Бартон настаивала на том, что украденные вещи были принесены Принцем и Сезаром в дом ее хозяина; и хотя обыск в доме Хьюсона ничего не дал, аресты производились направо и налево. В итоге дело было передано в Верховный суд, и, поскольку в нем были замешаны белые, от упрощенных методов, обычно используемых в отношении негров, на время отказались.

Поначалу Пегги выдерживала все допросы, отрицая свою осведомленность о произошедших событиях. Однако однажды в тюрьме она сказала Артуру Прайсу, что боится, что негры расскажут, но не станет клясться, если они не посвятят ее в это дело. "Как клясться?" - спросил Прайс. "Четырнадцать человек поклялись", - ответила она. "Что, это касается товаров мистера Хогга?" - спросил он. "Нет", - ответила она, - "насчет пожара". "Что, Пегги, - спросил Прайс, - ты собиралась поджечь город?" "Нет", - ответила она, - "но поскольку я знала об этом, они заставили меня поклясться". Она также отметила, что верит в Принца, Манжету и Сесара. Все это время она употребляла самые мерзкие выражения, и наконец, внезапно решив, что открыла слишком много, повернулась к Прайсу и клятвенно предупредила его, чтобы он лучше держался своего совета. После обеда она сказала ему, что не может есть, потому что Мэри втянула ее в это дело.

Чуть позже Пегги, сильно напуганная, добровольно призналась, что в начале мая она была в доме Джона Ромма, где в течение декабря негры провели несколько собраний; среди прочего они сговорились сжечь прежде всего форт, потом город, затем забрать все товары и убить всех, у кого были деньги. По ее словам, однажды вечером, как раз под Рождество, Ромме, его жена и десять или одиннадцать негров собрались в одной комнате. Ромм рассказывал о том, как богаты некоторые люди, постепенно воздействуя на чувства негров и обещая им, что если они не преуспеют в своих замыслах, то он увезет их в чужую страну и освободит, создавая при этом впечатление, что он ведет очаровательную жизнь. Чуть позже, как оказалось, Сесар дал Хьюсону 12 фунтов стерлингов; после этого Хьюсон отсутствовал

три дня, а когда пришел снова, то принес с собой семь или восемь ружей, несколько пистолетов и мечей.

В результате этих и других разоблачений выяснилось, что не только Хьюсон и Ромме, но и Ури, который был не столько священником, сколько авантюристом, подстрекали к заговорам негров; Кряк показал, что Хьюсон был первым исполнителем заговора о сожжении домов в городе и убийстве людей, хотя сам он, по его признанию, обстреливал форт из зажженной палки. Наказание было ужасным. Кряк и Куффи, которых казнили первыми, были сожжены на костре 30 мая. Все лето продолжались судебные процессы и казни, доставляя беспокойство Нью-Йорку и всей стране. В общей сложности было арестовано двадцать белых; четверо - Хьюсон, его жена, Пегги и Ури - были казнены, а некоторые их знакомые были вынуждены покинуть провинцию. Сто пятьдесят четыре негра были арестованы. Тринадцать были сожжены, восемнадцать - повешены, а семьдесят один - перевезены.

Из этих событий и законодательства той эпохи видно, что, за исключением серьезной работы такой секты, как квакеры, в колониях практически не было реальных усилий по улучшению социального положения негритянского населения. Их даже не рассматривали как потенциальных граждан, и как в системе рабства, так и вне ее они подвергались жесточайшему регулированию. На пути к дружественным отношениям с другими расовыми элементами, приехавшими строить новую страну, был достигнут лишь малейший прогресс. Вместо этого восстание за восстанием выявляло самый острый антагонизм, а любая вспышка немедленно вызвала самые суровые и зачастую жестокие наказания.

Сноска 22: [\(возвращение\)](#)

Новая международная энциклопедия, статья "Рабство".

Сноска 23: [\(обратно\)](#)

Коман: *Industrial History*, 42.

Сноска 24: [\(возврат\)](#)

Новая международная энциклопедия, статья "Рабство".

Сноска 25: [\(возврат\)](#)

Хенинг: *Statutes*, II, 170.

Сноска 26: [\(возврат\)](#)

Хенинг: *Statutes*, I, 146.

Сноска 27: [\(возврат\)](#)

Ibid., I, 552.

Сноска 28: [\(возврат\)](#)

Хёрд, комментируя закон 1649 года, объявляющий всех импортных слуг мужского пола десятинами, говорит следующее (230): "*Десятинами* назывались лица, с которых взимался налог, иначе называемый "графским сбором". Сначала десятиной облагались только свободные белые люди. Закон 1645 года предусматривал налог на имущество и десятину. К 1648 году имущество было освобождено, а налоги взимались только с десятины по установленной ставке. Таким образом, причисляя слуг или рабов к десятине, закон приписывает им правосубъектность или принадлежность к социальному государству, несовместимую с положением движимого имущества или собственности".

Сноска 29: (возврат)

Хенинг: *Statutes*, III, 537.

Сноска 30: (возврат)

Virginia Magazine of History, X, 281.

Сноска 31: (возврат)

Наказание было настолько неэффективным, что в 1705 году оно было заменено просто на тюремное заключение на шесть месяцев "без залога и без предприятия".

Сноска 32: (возврат)

Тернер: *The Negro in Pennsylvania*, 29-30.

Сноска 33: (возвращение)

Рассел: *The Free Negro in Virginia*, 32-33, приводит из судебных записей округа Нортгемптон за 1651-1654 и 1655-1658 годы примечательный случай со свободным негром Энтони Джонсоном, который приехал в Виргинию не позднее 1622 года и к 1650 году владел большим участком земли на Восточном берегу. Ему принадлежал негр Джон Казор. После нескольких лет работы Казор потребовал своей свободы на том основании, что с самого начала он был не рабом, а подневольным слугой. Однако когда дело дошло до суда, Джонсон не только вынес вердикт, что Казор был его рабом, но и выиграл иск против Роберта Паркера, белого человека, который, по его утверждению, незаконно удерживал Казора.

Сноска 34: (возврат)

Хенинг: *Statutes*, IV, 131.

Сноска 35: (возврат)

Блейк: *История рабства и работорговли*, 378.

Сноска 36: (возврат)

Баллах: *Рабство в Виргинии*, 12.

Сноска 37: (возврат)

Эдвард Эгглстон: "Социальные условия в колониях", в журнале *Century Magazine*, октябрь, 1884, стр. 863.

Сноска 38: (обратно)

Для этой и следующих за ней ссылок обратите внимание на Locke: *Anti-Slavery in America*, 11-45.

Сноска 39: (обратно)

Краткое изложение возникновения и развития свидетельства Религиозного общества друзей против рабства и работорговли, 8.

Сноска 40: (возврат)

Рассел: *The Free Negro in Virginia*, 138-9.

Сноска 41: (возврат)

Там же, 138.

Сноска 42: (возврат)

К.Э. Пьер, в *Журнале негритянской истории*, октябрь, 1916, с. 350.

Сноска 43: (обратно)

См. документы, "Восемнадцатый век рекламы рабов", *Journal of Negro History*, April, 1916, 163-216.

Сноска 44: (возврат)

Цитируется по Уильямсу: Centennial Oration, "The American Negro from 1776 to 1876", 10.

Сноска 45: (возврат)

См. "Правила для общества негров", 1693 г., Коттон Мазер, переизданные в Нью-Йорке, 1888 г., Джорджем Х. Муром.

Сноска 46: (возврат)

Holland: *A Refutation of Calumnies*, 63.

Сноска 47: (возврат)

Holland: *A Refutation of Calumnies*, 68.

Сноска 48: (возврат)

Коффин.

Сноска 49: (возвращение)

Следующий рассказ следует в основном за Голландом, цитирующим Хьюитта.

Сноска 50: (обратно)

Единственным источником информации об этом заговоре является "Журнал о ходе раскрытия заговора, составленного некоторыми белыми людьми совместно с неграми и другими рабами с целью сожжения города Нью-Йорка в Америке и убийства жителей (судья Дэниел Хорсманден). Нью-Йорк, 1744 год".

ГЛАВА III

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭПОХА

1. Настроения в Англии и Америке

Материализм восемнадцатого века, со всеми его пороками, в конце концов породил либерализм мысли, который должен был потрясти до основания старые системы жизни как в Европе, так и в Америке. Прогресс дела негра в этот период объясняется общим распространением идей, которые повсеместно отстаивали права человека. Коупер писал свои гуманитарные поэмы; в тесной связи с романтизмом того времени начало набирать силу миссионерское движение в религии; и тот же импульс, который в Англии привел к агитации за свободную прессу и парламентскую реформу, а во Франции - к Французской революции, в Америке привел к восстанию против Великобритании. Ни один патриот не мог попасть под влияние любого из этих движений, не затронув в той или иной степени свое сердце и чувство справедливости в защиту рабов. В то же время следует помнить, что борьба американцев велась в первую очередь за конкретные юридические права англичан, а не за более абстрактные права человечества, которые составляли платформу Французской революции; отсюда вытекала большая непоследовательность в позиции людей, которые вели суровую борьбу за свободу в то самое время, когда сами держали в рабстве человеческие существа.

В Англии новая эра была официально ознаменована эпохальным решением. В ноябре 1769 года Чарльз Стюарт, некогда торговец из Норфолка, а впоследствии генеральный приемник таможен Северной Америки, взял с собой в Англию своего раба-негра Джеймса Сомерсета, который, будучи больным, был выброшен на берег своим хозяином. Позже Сомерсет выздоровел, и Стюарт схватил его, намереваясь вывезти из страны и продать на Ямайке. Сомерсет возражал против этого и тем самым поднял важный юридический вопрос: становится ли раб свободным, будучи привезенным в Англию? Этому делу было уделено необычайно много внимания, поскольку все понимали, что решение будет иметь далеко идущие последствия. После того как дело было рассмотрено на трех различных заседаниях, лорд Мэнсфилд, главный судья Англии, в 1772 году вынес решение суда королевской скамьи, согласно которому, как только какой-либо раб ступил на землю Англии, он стал свободным.

Это решение можно считать достаточно показательным с точки зрения общего продвижения дела негра в Англии в то время. В начале века начали развиваться настроения против работорговли, распространялось множество памфлетов о вреде рабства, и уже в 1776 году в Палате общин было внесено предложение об отмене торговли. Джон Уэсли проповедовал против этой системы, Адам Смит показал ее конечную дороговизну, а Берк заявил, что рабство, которое терпят негры в английских поселениях, хуже того, что когда-либо терпел любой другой народ. Первыми в деле протеста выступили Томас Кларксон и Уильям Уилберфорс, один из которых был лидером в расследовании и организации движения против рабства, а другой - парламентским защитником этого дела. В течение многих лет, опираясь на помощь таких дебатеров, как Берк, Фокс и молодой Питт, Уилберфорс работал, пока 25 марта 1807 года билль об отмене работорговли не получил королевскую санкцию, а затем и до отмены самого рабства в английских владениях (1833).

Высокие мысли Англии неизбежно находили отражение в Америке, где логика позиции патриотов часто заставляла их вставать на защиту раба. Уже в 1751 году Бенджамин Франклин в своих *"Замечаниях об увеличении численности человечества"* указал на пагубное влияние рабства на численность населения и производство богатства; а в 1761 году Джеймс Отис в своих аргументах против *"Письма о помощи"* так энергично отстаивал права чернокожих, что не оставалось никаких сомнений в его собственной позиции. Для Патрика Генри рабство было практикой, "полностью противной первым представлениям о добре и зле", и в 1777 году он заинтересовался планом постепенной эмансипации, полученным от своего друга Роберта Плизантса. Вашингтон желал лишь "увидеть, как принимается какой-нибудь план, по которому рабство может быть отменено законом", а Джоэл Барлоу в своей *"Колумбиаде"* предупреждал Колумбию о бедах, которые она сама на себя навлекает.

Два из тогдашних выражений чувств, благодаря своей глубокой тоске и философскому спокойствию, как-то выделяются на фоне других. Томас Джефферсон в своих *"Заметках о Виргинии"* писал: "Вся торговля между хозяином и рабом - это вечное упражнение самых бурных страстей; самый неослабевающий деспотизм с одной стороны и унижительная покорность с другой..... Нужно быть вундеркиндом, чтобы сохранить свои манеры и мораль, не испорченные такими обстоятельствами..... Я трепещу за свою страну, когда думаю о том, что Бог справедлив; что его справедливость не может спать вечно; что, учитывая цифры, природу и только естественные средства, поворот колеса фортуны, обмен ситуацией, является одним из возможных событий; что он может стать вероятным благодаря сверхъестественному вмешательству! У Всевышнего нет атрибута, который мог бы встать на нашу сторону в таком состязании."⁵¹ Генри Лоренс, этот прекрасный патриот, чье деловое чутье превосходило только его идеализм, был измучен проблемой и написал своему сыну, полковнику Джону Лоренсу, следующее: "Ты знаешь, мой дорогой сын, что я ненавижу

рабство. Я родился в стране, где рабство было установлено британскими королями и парламентами, а также законами этой страны за много лет до моего появления на свет. Я обнаружил, что христианская религия и рабство растут под одной властью и культивируются одинаково. Тем не менее мне это не нравилось. В прежние времена не было никакой борьбы с предрассудками людей, поддерживаемых интересами; надеюсь, приближается день, когда, исходя из принципов благодарности и справедливости, каждый человек будет стремиться первым показать свою готовность следовать золотому правилу. Не менее двадцати тысяч фунтов стерлингов принесут все мои негры, если их завтра продать с публичного аукциона. Я не тот человек, который поработил их; они обязаны англичанам за эту услугу; тем не менее я придумываю средства, чтобы освободить многих из них и отменить рабство. Против меня выступают великие силы - законы и обычаи моей страны, мои собственные и алчность моих соотечественников. Что скажут мои дети, если я лишу их стольких владений? Это трудности, но не непреодолимые. Я сделаю столько, сколько смогу в свое время, а остальное предоставлю в лучшие руки".⁵² Однако сильнее всего были бессмертные слова Декларации независимости: "Мы считаем эти истины самоочевидными: Что все люди созданы равными; что они наделены своим Создателем определенными неотъемлемыми правами; что среди них есть жизнь, свобода и стремление к счастью". В последующие годы эти слова опровергались и подвергались нападкам, как, возможно, никакие другие в языке; но, несмотря ни на что, они должны были устоять и оправдать веру 1776 года, пока сам Джефферсон и другие не погрузились в позолоченный оппортунизм.

Не стоит полагать, что подобные настроения были всеобщими; тем не менее только эти случаи показывают, что некоторые люди, по крайней мере в колониях, были готовы довести свои принципы до логического конца. Естественно, мнение выкристаллизовалось в официальные резолюции или постановления. К сожалению, большинство из них так или иначе утратили силу после войны; тем не менее основной импульс, который они представляли, продолжал жить. В 1769 году Виргиния объявила, что дискриминационный налог, взимаемый со свободных негров и мулатов с 1668 года, "умалняет права свободнорожденных подданных" и, соответственно, должен быть отменен. В октябре 1774 года Первый Континентальный конгресс объявил в своих Уставах, что объединенные колонии "не будут ни импортировать, ни покупать рабов, ввезенных после первого дня декабря следующего года", и что они "полностью прекратят эту торговлю". 16 апреля 1776 года Конгресс постановил "не ввозить рабов ни в одну из тринадцати колоний", а первый проект Декларации независимости содержал сильный отрывок, осуждающий короля Англии за ввоз рабов в страну и последующее подстрекательство их к восстанию против своих хозяев. 14 апреля 1775 года в Пенсильвании было организовано первое в стране общество борьбы за отмену рабства; в 1778 году Виргиния вновь приняла закон, запрещающий работорговлю; а Методистская конференция в Балтиморе в 1780 году решительно высказалась против рабства.

2. Негр на войне

Как и во всех других больших войнах, в которых участвовала страна, положение негров в целом улучшилось после Американской революции. Это произошло не в силу какого-то определенного плана, так как в целом правительство стремилось не допустить его участия в конфликте. Тем не менее между нерешительной политикой Америки и уговорами Англии негр добился значительного прогресса.

Американское дело, как мы уже отмечали, представляло собой странную и неловкую дилемму. Более того, в самой войне начался суровый раскол между Севером и Югом. В тот момент раскол не был ясно различим, но впоследствии ему суждено было превратиться в

пропасть. Массачусетс вынес больше, чем свою долю борьбы, а на Юге сочетание торийских настроений и аристократической социальной системы делало призыв в армию особенно трудным. Кроме того, в этой последней части постоянно присутствовал страх перед восстанием рабов, и к концу войны Южная Каролина и Джорджия были практически деморализованы. В ходе конфликта Южная Каролина потеряла не менее 25 000 рабов,⁵³ примерно пятую часть всех, кто у нее был. Джорджия потеряла не так много, но пропорционально пострадала еще больше. Часть негров попала в британскую армию, часть ушла с лоялистами, а часть, воспользовавшись неразберихой, сбежала к индейцам. В Виргинии, по крайней мере до тех пор, пока их не остановили, некоторые рабы поступали в Континентальную армию как свободные негры.

Три или четыре факта остаются незамеченными. Официальная политика Конгресса, Вашингтона и его офицеров была направлена против призыва негров и особенно рабов; тем не менее, пока ситуация оставалась неопределенной, некоторые негры попадали в регулярные части. Кроме того, стимулы, предложенные англичанами, заставили изменить фактически действовавшую американскую политику; и перед окончанием войны колонисты оказались в таком тяжелом положении, что не только в одном случае они были готовы принять помощь негров. На всем Севере негры служили в регулярных частях; но если на Юге особенно много внимания уделялось обучению рабов, то только в одной из всех колоний существовала ярко выраженная негритянская военная организация, и это был Род-Айленд. В целом было понятно, что если раб служит на войне, то он должен получить свободу, и стоит отметить, что многие рабы служили в поле вместо своих хозяев.

В Массачусетсе 29 мая 1775 года Комитет безопасности принял закон, запрещающий призыв рабов на военную службу как "несовместимый с принципами, которые мы должны поддерживать". Другая резолюция от 6 июня, касающаяся того же вопроса, была положена на стол. Вашингтон принял командование войсками в Бостоне и его окрестностях 3 июля 1775 года, а 10 июля издал инструкции для офицеров-вербовщиков в Массачусетсе против призыва негров на службу. В конце сентября в Конгрессе разгорелись жаркие дебаты по поводу письма в Вашингтон: южные делегаты во главе с Ратледжем из Южной Каролины пытались заставить главнокомандующего дать инструкции о демобилизации всех рабов и свободных негров в армии. Предложение об этом не получило большинства голосов; тем не менее 8 октября совет Вашингтона и его генералов "единодушно согласился отвергнуть всех рабов и, подавляющим большинством, отвергнуть негров вообще", и в своих общих приказах от 12 ноября Вашингтон действовал в соответствии с этим пониманием. Тем временем, однако, лорд Данмор выпустил прокламацию, объявляющую свободными тех наемных слуг и негров, которые присоединятся к английской армии, и рабы в Виргинии в огромном количестве перешли на британскую сторону. Затем 14 декабря - к некоторому удовольствию негров и англичан - Виргинский конвент издал прокламацию, предлагавшую помилование тем рабам, которые вернутся к исполнению своих обязанностей в течение десяти дней. 30 декабря Вашингтон дал указания о призыве свободных негров, пообещав позже вынести этот вопрос на рассмотрение Конгресса; а 16 января 1776 года комитет Конгресса сообщил, что те свободные негры, которые уже верно служили в армии в Кембридже, могут вновь записаться в армию, а другие - нет; дебаты по этому поводу очень резко провели границу между Севером и Югом. Отныне для всех практических целей этот вопрос оставался в руках отдельных колоний. Массачусетс 6 января 1777 года принял резолюцию, призывающую каждого седьмого мужчину выполнить свою квоту "без каких-либо исключений, кроме людей, называемых квакерами", и это было так близко к официальному признанию негра, как ни разу за все время войны. Ассамблея Род-Айленда в 1778 году приняла решение о создании полка из рабов, которые должны были быть освобождены при поступлении на

службу, а их владельцам ни в коем случае не выплачивалось более 120 фунтов стерлингов. В битве при Род-Айленде 29 августа 1778 года негритянский полк под командованием полковника Грина отличился отчаянной храбростью, трижды отразив атаки превосходящих сил гессенских войск. Немного позже, когда Грина хотели убить, некоторых из этих же солдат пришлось разрубить на куски, прежде чем его удалось спасти. Мэриленд нанимал негров в солдаты и отправлял их в полки вместе с белыми, и следует помнить, что в то время негритянское население Мэриленда превышало только население Вирджинии и Южной Каролины. Для дальнего Юга существовал знаменитый план Лоренса по формированию негритянских полков.

В письме к Вашингтону от 16 марта 1779 года Генри Лоренс предложил вырастить и обучить три тысячи негров в Южной Каролине. Вашингтон отнесся к этому плану довольно консервативно, помня о постоянном страхе перед вооружением негров и задаваясь вопросом о том, как это отразится на тех рабах, которым не дали шанса на свободу. Однако 30 июня 1779 года сэр Генри Клинтон издал прокламацию, не столь масштабную, как прокламация Данмора, угрожая неграм, если они присоединятся к "повстанческой" армии, и предлагая им безопасность, если они окажутся в британских рядах. Это было эффективно; любая помощь, которую могла теперь получить Континентальная армия, была приемлемой, и план создания нескольких батальонов негров на Юге был поручен полковнику Джону Лоренсу, члену штаба Вашингтона. В своем роде полковник Лоренс был человеком не менее значительным, чем его отец; он был до конца предан американскому делу, и Вашингтон говорил о нем, что единственным его недостатком была смелость, граничившая с безрассудством. Он охотно реализовывал свой любимый проект: трудоспособные рабы должны были оплачиваться Конгрессом в размере 1000 долларов за каждого, а тот, кто прослужит до конца войны, должен был получить свободу и 50 долларов в придачу. Однако в Южной Каролине Лоренса мало поощряли, и в 1780 году он был призван отправиться во Францию с патриотической миссией. Он не забыл об этом, когда вернулся в 1782 году; но к тому времени Корнуоллис капитулировал, и страна вступила в критический период приспособления к новым условиям. Вашингтон написал Лоренсу: "Должен признаться, что я ничуть не удивлен провалом вашего плана. Тот дух свободы, который в начале этой борьбы с радостью пожертвовал бы всем ради достижения цели, уже давно угас, и его место заняли эгоистичные страсти. Не общественные, а частные интересы влияют на все человечество, и американцы больше не могут похвастаться исключением. В этих обстоятельствах было бы удивительно, если бы вы добились успеха; и, боюсь, в Джорджии вы не добьетесь большего успеха".⁵⁴

Из этого краткого обзора мы можем хотя бы примерно понять, какое аномальное положение занимал негр в Американской революции. В общей сложности не менее трех тысяч, а возможно и больше, представителей этой расы служили в Континентальной армии. По окончании конфликта Нью-Йорк, Род-Айленд и Вирджиния освободили своих рабов-солдат. В целом, однако, система рабства не пострадала, и англичане были обязаны по мирному договору не уводить негров. Тем не менее, интересно отметить, что уже в 1786 году группа негров, называвших себя "солдатами короля Англии", беспокоила и тревожила людей по обе стороны реки Саванна.

Рабство оставалось; но люди не могли забыть ни доблесть негритянского полка в Род-Айленде, ни храбрость отдельных солдат. Они не могли забыть, что именно негр Криспус Атакс был лидером патриотов во время Бостонской резни, и сцену, когда он и один из его товарищей, Джонас Колдуэлл, лежали в Фейнуил-Холле. Те, кто был на Банкер-Хилле, не могли не вспомнить Питера Салема, который, когда майор британской армии Питкэрн

ликовал по поводу ожидаемого триумфа, бросился вперед, выстрелил ему в грудь и убил его; или Сэмюэля Пура, офицеры которого свидетельствовали, что он совершил столько храбрых поступков, что "излагать подробности его поведения было бы утомительно". Эти и многие другие, некоторые с очень скромными именами, в темный день работали на благо лучшей страны. Они умерли в вере, не получив обетований, но увидев их вдали.

3. Северо-Западная территория и Конституция

Материализм и эгоизм, которые во время войны противостояли либеральным тенденциям того времени и которые, по мнению Вашингтона, так сильно смущали правительство, ярко проявились во время дебатов о Северо-Западной территории и Конституции. В начале Революционной войны на территорию к западу от Пенсильвании, к востоку от реки Миссисипи, к северу от реки Огайо и к югу от Канады претендовали Вирджиния, Нью-Йорк, Коннектикут и Массачусетс. Эта территория давала этим штатам источник дохода, которым не обладали остальные, для выплаты долгов, возникших в ходе войны, и Мэриленд и другие штаты морского побережья настаивали на том, что для уравнивания позиций эти претенденты должны уступить свои права общему правительству. Формальные уступки были сделаны и приняты в 1782-6 годах. В апреле 1784 года, после того как Вирджиния сделала свою самую важную уступку, Конгресс принял временную форму правления, разработанную Томасом Джефферсоном для территории к югу и северу от реки Огайо. Однако самое важное положение Джефферсона было отклонено. Оно гласило, что "после 1800 года ни в одном из указанных штатов не будет ни рабства, ни принудительного рабства, кроме как в наказание за преступления, в совершении которых сторона была должным образом признана лично виновной". Этот ранний ордонанс, хотя он и не вступил в силу, интересен как попытка исключить рабство на огромном Западе, который начинал открываться. Кроме того, 3 марта 1786 года в Бостоне группой бизнесменов из Новой Англии была создана "Компания Огайо" для покупки земли на Западе и содействия заселению; а в начале июня 1787 года доктор Манассех Катлер, один из главных учредителей компании, прибыл в Нью-Йорк, где заседал последний Континентальный конгресс, с конкретной целью покупки земли. Он, несомненно, сделал многое, чтобы ускорить действия Конгресса, и 13 июля был принят "Ордонанс о правительстве территории Соединенных Штатов к северо-западу от Огайо", поскольку южные штаты не уступили территорию к югу от реки. Было объявлено, что "на указанной территории не должно быть ни рабства, ни невольного подневольного состояния, кроме как в наказание за преступления, за которые стороны должны быть должным образом осуждены". К этому добавлялось условие (вскоре воплощенное в Федеральной конституции) о возвращении любого бежавшего на территорию человека, от которого "законно требовали труда или службы в любом из первоначальных штатов". В таком виде ордонанс был принят, причем с ним согласились даже Южная Каролина и Джорджия; таким образом был проложен путь к первому закону о беглых рабах.

Рабство, уже наметившееся как доминирующая проблема, стало причиной двух из трех великих компромиссов, которые были заключены при создании Конституции Соединенных Штатов (третий, который был заключен первым, - это уступка малым штатам равного представительства в Сенате). Это были первые, но не последние компромиссы, которые должны были оставить след в истории этого вопроса; и, как понимали некоторые здравомыслящие люди того времени, было бы лучше и дешевле решить вопрос сразу на высоком уровне права, чем оставлять его на неопределенное время в будущем. Однако Южная Каролина, имевшая широкие возможности для представительства, в значительной степени контролировала ход мыслей конвента, и она вместе с Джорджией выдвинула самые крайние требования, угрожая не принять Конституцию в случае их невыполнения. Важным

вопросом было представительство: южные штаты выступали за представительство по количеству рабов и свободных, в то время как северные штаты выступали за представительство только свободных людей. Уильямсон из Северной Каролины выступил за учет трех пятых рабов, но это предложение сначала было отклонено, и реальный прогресс был незначительным до тех пор, пока Губернатор Моррис не предложил, чтобы представительство осуществлялось в соответствии с принципом богатства. Мейсон из Вирджинии указал на практические трудности, из-за которых резолюция стала применяться только к прямому налогообложению, и в таком виде она стала считаться общеприемлемой. Однако к этому времени глубокие чувства делегатов по вопросу о рабстве были взбудоражены, и они начали говорить прямо. Дэви из Северной Каролины заявил, что его штат никогда не войдет в Союз на условиях, не предусматривающих учет по меньшей мере трех пятых рабов, и что "если восточные штаты намерены полностью исключить их, то делу конец". В итоге было решено учитывать три пятых рабов при расчете налогов и сделать налогообложение основой представительства. Однако вся дискуссия возобновилась в связи с вопросом об импорте. С далекого Юга посыпались новые угрозы, а некоторые представители Новой Англии, движимые коммерческими интересами, если и не поддерживали высказанные настроения, то, по крайней мере, были склонны к пассивному молчаливому согласию с ними. Из Мэриленда и Вирджинии, однако, пришел серьезный протест. Лютер Мартин безоговорочно заявил, что наличие в Конституции пункта, разрешающего ввоз рабов, противоречит принципам Революции и позорит американский характер, а Джордж Мейсон мог предвидеть только будущее, в котором справедливое Провидение накажет такой национальный грех, как рабство, национальными бедствиями. Однако подобные высказывания не должны были доминировать на съезде; это был день целесообразности, а не морали. Была заключена сделка между торговыми интересами Севера и рабовладельческими интересами Юга: предоставление Конгрессу неограниченных полномочий по принятию навигационных законов было уступлено в обмен на двадцатилетнее продолжение работоторговли. Таким образом, основные договоренности по вопросу о рабстве были окончательно закреплены в Конституции: "Представители и прямые налоги должны быть распределены между несколькими штатами, которые могут быть включены в этот Союз, в соответствии с их соответствующей численностью, которая должна быть определена путем добавления ко всему числу свободных людей, включая тех, кто связан рабством на срок лет, и исключая индейцев, не облагаемых налогом, трех пятых всех остальных людей" (ст. I, разд. 2); "Миграция или ввоз таких лиц, которых любой из ныне существующих штатов сочтет нужным принять, не должны быть запрещены Конгрессом до 1808 года; но может быть введен налог или пошлина, не превышающая десяти долларов с каждого лица" (ст. I, разд. 9); "Ни одно лицо, содержащееся на службе или на работах в одном штате по его законам и бежавшее в другой, не должно, вследствие какого-либо закона или постановления в нем, освободиться от такой службы или работы, но должно быть выдано по требованию стороны, которой причитается такая служба или работа" (ст. IV, разд. 2). С такими положениями, хотя и без использования вызывающего вопросы слова "рабы", институт человеческого рабства получил официальное признание в органическом законе новой республики Соединенных Штатов.

"В каком свете мы должны рассматривать рабов?" - задавался вопросом Джеймс Уилсон в ходе дебатов. "Принимаются ли они в качестве граждан?" - спрашивал он, - "тогда почему они не принимаются наравне с белыми гражданами? Признаются ли они собственностью? Тогда почему в расчет не принимается другая собственность?" Подобные и другие вопросы, которые они породили, в течение последующих лет будут беспокоить еще больше голов, чем его, и все потому, что у великой нации не хватило мужества поступить правильно в нужное время.

4. Первые шаги к отмене смертной казни

Однако, несмотря на власть, заложенную в Конституции, моральное движение против рабства все еще держалось, и ему суждено было не ослабевать до тех пор, пока рабство не прекратит свое существование в Соединенных Штатах. На протяжении всего столетия квакеры продолжали свою добрую работу; в предвоенное поколение Джон Вулман из Нью-Джерси путешествовал по южным колониям, проповедуя, что "практика продолжения рабства неправильна"; Энтони Бенезет открыл в Филадельфии школу для негров, в которой сам преподавал без вознаграждения, и иным образом повлиял на Пенсильванию, чтобы та начала работу по освобождению. В целом квакеры вели свою кампанию по тем направлениям, по которым у них было больше шансов на успех, нападая прежде всего на работорговлю, но все чаще обращаясь к центральному правительству; первое Общество аболиции, организованное в Пенсильвании в 1775 году и состоявшее в основном из квакеров, изначально ставило своей целью лишь помощь свободным неграм, незаконно удерживаемым в рабстве.⁵⁵ Эта организация была вынуждена приостановить свою работу во время войны, но в 1784 году она возобновила свои собрания, и к ней присоединились люди других конфессий, кроме квакеров, в большем количестве. В 1787 году общество было официально реорганизовано в "Пенсильванское общество содействия отмене рабства, помощи свободным неграм, незаконно удерживаемым в кабале, и улучшения положения африканской расы". Президентом был избран Бенджамин Франклин, а также принят устав, который все больше и больше служил образцом для подобных обществ в соседних штатах.

Через четыре года, к 1791 году, в стране насчитывалось уже двенадцать обществ по борьбе с отменой рабства, и они представляли все штаты от Массачусетса до Вирджинии, за исключением Нью-Джерси, где общество было создано в следующем году. Нью-Йоркское общество, образованное в 1785 году с Джоном Джеем в качестве президента, получило название "Общество манумиссии" и поначалу ограничивало свои цели пропагандой манумиссии и защитой тех негров, которые уже были освобождены. У всех обществ были очень четкие представления о своей миссии. Распространенность похищений заставила их сделать акцент на "помощи свободным неграм, незаконно удерживаемым в рабстве", и, как правило, каждое из них, помимо исполнительного комитета, имело комитеты по инспекции, советам и защите, по опеке над детьми, по контролю за образованием и по трудоустройству. Хотя первоначально общества создавались для решения местных вопросов, со временем их деятельность, естественно, распространилась на национальные дела, и 8 декабря 1791 года девять из них подготовили петиции в Конгресс об ограничении работорговли. Эти петиции были переданы в специальный комитет, и больше о них в то время ничего не было слышно. Через два года организации решили, что необходим более активный план действий, и 1 января 1794 года делегаты от девяти обществ организовали в Филадельфии Американскую конвенцию аболиционистских обществ. Цель конвента была двоякой: "Усилить рвение и эффективность отдельных обществ своими советами и поддержкой... и взять на себя главную ответственность в отношении национальных дел". Она подготовила обращение к стране и представила Конгрессу мемориал против оснащения судов в Соединенных Штатах для участия в работорговле, и была удовлетворена тем, что Конгресс в том же году принял соответствующий законопроект.

Некоторые организации были очень активны, а одна из них, расположенная далеко на юге, в Мэриленде, поначалу была очень влиятельной. Они всегда были заинтересованы в исках в судах. В 1797 году Нью-Йоркское общество сообщило о 90 жалобах, 36 освобожденных людях, 21 деле, находящемся в производстве, и 19 - на рассмотрении. Пенсильванское общество сообщило лишь, что оно способствовало освобождению "многих сотен" людей.

Однако различные отделения не ограничивались одним лишь освобождением; они стремились в целом улучшить положение негров в своих общинах, и каждое из них должно было отчитываться перед Конвентом о количестве освобожденных в своем штате, а также об их имуществе, занятости и поведении. Время от времени Конвенция готовила обращения к этим людям, и кое-что о духе ее работы, а также о социальном положении негров в то время можно узнать из следующего обращения 1796 года:

Свободным африканцам и другим свободным цветным людям в Соединенных Штатах.

Собрание депутатов от обществ по борьбе с отменой рабства в Соединенных Штатах, собравшееся в Филадельфии, взяло на себя обязательство обратиться к вам по вопросам, весьма интересным для вашего процветания.

Они желают, чтобы вы вели себя достойно звания, которое получили как свободные люди, и тем самым сделали себе честь и оправдали друзей и защитников вашего цвета кожи в глазах всего мира.

В результате наших совместных размышлений мы пришли к выводу обратить ваше внимание на следующие советы. Мы верим, что они продиктованы чистейшей заботой о вашем благополучии, ибо мы рассматриваем вас как Друзей и Братьев.

Во-первых, мы настоятельно рекомендуем вам регулярно уделять внимание важной обязанности общественного богослужения; этим вы выразите благодарность своему Создателю и в то же время будете способствовать развитию знаний, объединению, дружбе и правильному поведению между вами.

Во-вторых, мы советуем тем из вас, кто не был обучен чтению, письму и первым принципам арифметики, овладеть ими как можно раньше. Тщательно следите за обучением ваших детей тем же простым и полезным дисциплинам. Кроме того, заставляйте их рано и часто читать Священное Писание; оно содержит, помимо прочих великих открытий, драгоценные сведения о первоначальном равенстве людей и об обязательствах всеобщей справедливости и благожелательности, которые вытекают из отношения человеческой расы друг к другу в рамках общего Отца.

В-третьих, учите своих детей полезным ремеслам или трудитесь руками, возделывая землю. Эти занятия благоприятствуют здоровью и добродетели. При выборе мастеров, которые будут обучать их вышеперечисленным отраслям деятельности, отдавайте предпочтение тем, кто будет работать вместе с ними; таким образом они приобретут привычку к труду и будут лучше защищены от порока, чем если бы они работали в одиночку или под присмотром лиц, менее заинтересованных в их благополучии. При заключении договоров с хозяевами для себя и детей полезно советоваться с теми, кто может дать вам наилучший совет и кто известен как ваш друг, чтобы не воспользоваться вашим незнанием законов и обычаев нашей страны.

В-четвертых, будьте усердны в своем призвании и верны во всех отношениях, которые вы поддерживаете в обществе, будь то мужа, жены, отцы, дети или наемные слуги. Будьте справедливы во всех своих делах. Будьте просты в одежде и мебели, экономны в семейных расходах. Таким образом, вы будете вести себя как христиане и свободные люди и, таким образом, обеспечите себя от бед и нужды в болезни и старости.

В-пятых, воздержитесь от употребления спиртных напитков; опыт многих тысяч граждан Соединенных Штатов доказал, что эти напитки не нужны ни для уменьшения усталости от труда, ни для устранения последствий жары или холода; они также не могут в какой-либо степени добавить к невинным удовольствиям общества.

В-шестых, избегайте гулянок и развлечений, которые ведут к тратам и безделью; они порождают привычку к рассеянности и пороку и тем самым подвергают вас заслуженному порицанию среди ваших белых соседей.

В-седьмых, мы хотим внушить вам моральную и религиозную необходимость законного

заклучения браков; также необходимо вести точные реестры всех рождений и смертей, происходящих в ваших семьях.

В-восьмых, старайтесь откладывать как можно больше своих доходов на благо своих детей, на случай если вы умрете раньше, чем они смогут содержать себя - ваши деньги будут наиболее безопасны и выгодны, если вы вложите их в участки, дома или небольшие фермы.

В-девярых, мы рекомендуем вам в любое время и при любых обстоятельствах вести себя со всеми людьми вежливо и уважительно, что позволит вам предотвратить раздоры и устранить все справедливые поводы для жалоб. Мы умоляем вас задуматься о том, что только своим хорошим поведением вы сможете опровергнуть возражения, выдвинутые против вас как разумных и нравственных существ, и устранить многие трудности, возникшие на пути к всеобщему освобождению тех ваших братьев, которые еще находятся в рабстве.

Сердцем заботясь о вашем благополучии, мы отдаем вас под руководство и защиту того *Существа*, которое способно уберечь вас от всякого зла и которое является общим Отцом и Другом всей семьи человечества.

Теодор Фостер, президент. Филадельфия, 6 января 1796 года. Томас П. Коуп, секретарь.

Общий импульс к свободе, побудивший Революцию и ранние общества аболиционистов, естественно, нашел свое отражение в официальном законодательстве. Декларации центрального правительства в рамках Конфедерации были не слишком эффективны, и для принятия более определенных законов нам пришлось обратиться к отдельным штатам. Честь первым фактически запретить и отменить рабство принадлежит Вермонту, чья конституция, принятая в 1777 году, еще до вступления в Союз, положительно провозглашала против этой системы. В 1782 году был отменен старый виргинский статут, запрещавший эмансипацию за исключением заслуг. Отмена действовала десять лет, и за это время было проведено множество манумиссий. Вскоре после этого Мэриленд принял акты, аналогичные виргинским, запрещающие дальнейший ввоз рабов и снимающие ограничения на эмансипацию, а Нью-Йорк и Нью-Джерси также запретили дальнейший ввоз рабов из Африки или из других штатов. В 1780 году, несмотря на значительное противодействие из-за хода войны, Ассамблея Пенсильвании приняла закон, запрещающий дальнейший ввоз рабов и предоставляющий свободу всем лицам, родившимся впоследствии в штате. Аналогичные положения были приняты в Коннектикуте и Род-Айленде в 1784 году. Тем временем Массачусетс сильно разволновался, и начиная с 1766 года в судах рассматривалось несколько дел, в которых негры требовали своей свободы.⁵⁶ Их общим аргументом было то, что королевская хартия объявляла, что все люди, проживающие в провинции, должны быть так же свободны, как подданные короля в Великобритании, что по Magna Carta ни один подданный не может быть лишен свободы иначе как по решению его пэров, и что любые законы, которые могли быть приняты в провинции для смягчения или регулирования зла рабства, не разрешали его. Иногда решения были положительными, но в начале революции Массачусетс все еще признавал эту систему, постановив, что ни один раб не может быть зачислен в армию. Однако в 1777 году было принято решение освободить некоторых рабов, привезенных с Ямайки, и в 1783 году было принято окончательное решение о том, что декларация в Билле о правах Массачусетса о том, что "все люди рождаются свободными и равными", запрещает рабство. В том же году Нью-Гэмпшир включил в свою конституцию запретительную статью. К тому времени, когда в 1787 году в Филадельфии собрался съезд по разработке Конституции Соединенных Штатов, два из тринадцати штатов (Массачусетс и Нью-Гэмпшир) положительно запретили рабство, а в трех других (Пенсильвания, Коннектикут и Род-Айленд) происходила постепенная отмена.

Следующее десятилетие было в основном посвящено заселению новых территорий, и к его концу казалось, что маятник качнулся в обратную сторону. Однако в 1799 году, после долгих

усилий и дебатов, Нью-Йорк наконец-то высказался за постепенную отмену, а Нью-Джерси сделал то же самое в 1804 году. В целом постепенная эмансипация была результатом работы людей гуманных, но в то же время консервативных, которые сомневались в целесообразности навязывания общественному организму большого количества внезапно освобожденных негров. Иногда, однако, за законом о постепенной эмансипации следовал закон о немедленной манумиссии, как, например, в Нью-Йорке в 1817 году. Поначалу сторонники постепенной эмансипации были многочисленны как на Юге, так и на Севере, но в целом после восстания Габриэля в 1800 году, хотя некоторые личности все еще оставались выдающимися, Юг затих. Характер актов, которые действительно были введены в действие, вряд ли можно описать лучше, чем это уже сделал специалист по данному вопросу.⁵⁷ Читаем:

Постепенная эмансипация определяется как уничтожение рабства путем лишения его наследственного качества. В отличие от положений конституций Вермонта, Массачусетса и Нью-Гэмпшира, которые прямо или косвенно затрагивали уже существующее состояние рабства, акты о постепенной эмансипации оставляли это состояние неизменным и затрагивали только детей, родившихся после принятия акта или после установленной даты. Большинство этих актов следовало за законом Пенсильвании, который предусматривал, что дети матери-рабыни должны оставаться с хозяином в качестве слуг до достижения определенного возраста - от двадцати одного до двадцати восьми лет, как указано в различных законах. Однако в Пенсильвании они должны были считаться свободными. В Коннектикуте, напротив, они должны были "содержаться в рабстве" до двадцати пяти лет, а после этого становились свободными. Наиболее либеральной была политика Род-Айленда, где дети объявлялись свободными, но должны были содержаться городом и обучаться чтению, письму и арифметике, морали и религии. Последние положения, однако, были отменены в следующем году, оставив детей на содержании владельца матери до двадцати одного года, и только если он откажется от своих притязаний на мать, они становились достоянием города. В Нью-Йорке и Нью-Джерси они должны были оставаться в качестве слуг до определенного возраста, но считались свободными, и хозяину предоставлялись широкие возможности для отказа от своих претензий, дети в таких случаях должны были содержаться за счет общего сбора..... За законами о манумиссии и эмансипации, как и в случае с конституционным положением в Вермонте, естественно, последовали попытки некоторых рабовладельцев избавиться от своей собственности за пределами штата. Возникла необходимость внести поправки в законы, и общества аболиционистов нашли массу поводов для своих усилий по защите свободных негров от конфискации и незаконной продажи, а также по контролю за исполнением и изменением законов. Процесс постепенной эмансипации также был неудовлетворительным из-за длительности, и в Пенсильвании и Коннектикуте были предприняты попытки получить акты о немедленной эмансипации.

5. Начало расового самосознания

Огромное значение в этот судьбоносный период, более важное, возможно, по своему конечному эффекту, чем даже работа обществ аболиции, имело то, что негр делал для себя. В эпоху Революции зародилось то расовое сознание, на котором основывались почти все последующие усилия по улучшению общества.

К 1700 году единственными совместными усилиями негров были такие, как в изолированном обществе, которому Коттон Мазер дал правила, или в спазматическом восстании, или в довольно грубом развитии африканского культа. Пока еще не было подлинной основы расового самоуважения. Однако в XVIII веке так или иначе развивалась идея объединения, и особенно в Бостоне ко времени революции негры начали определенно работать вместе; так,

они помогали отдельным лицам в судебных процессах, а когда Джеймс Свон в своем *"Отказе от работорговли"* сделал такое заявление, что "ни одна страна не может называться свободной, где есть хоть один раб", то "по настоятельному желанию негров Бостона" было опубликовано пересмотренное издание памфлета.

С самого начала христианская церковь была главной формой социальной организации расы. Вполне естественно, что первые негритянские церкви принадлежали к демократической баптистской деноминации. Было много дискуссий по поводу того, какая церковь была самой первой негритянской баптистской церковью, и хорошие претензии были выдвинуты баптистской церковью на Харрисон-стрит в Петербурге, штат Вирджиния, и церковью в Уильямсбурге, штат Вирджиния, организация в каждом случае восходит к 1776 году. Однако один из исследователей этой темы показал, что существовала негритянская баптистская церковь в Силвер-Блафф, "на южнокаролинской стороне реки Саванна, в округе Айкен, всего в двенадцати милях от Огасть, штат Гавайи", основанная не ранее 1773 и не позднее 1775 года.⁵⁸ В любом случае особый интерес представляет Первая Брайанская баптистская церковь в Саванне, основанная в январе 1788 года. Ее основание восходит к Джорджу Лиле, негру, родившемуся в Вирджинии, который по праву может претендовать на звание первого иностранного миссионера Америки. Обращенный служителем баптистской церкви Джорджии, он получил лицензию испытателя и вскоре после этого проповедовал на квартальных собраниях белых.⁵⁹ В 1783 году он проповедовал в окрестностях Саванны, и одним из тех, кто пришел его послушать, был Эндрю Брайан, раб Джонатана Брайана. Затем Лиле отправился на Ямайку и в 1784 году начал проповедовать в Кингстоне, где вместе с четырьмя братьями из Америки основал церковь. Поначалу он подвергался гонениям, однако к 1791 году крестил более четырехсот человек. Через восемь или девять месяцев после отъезда на Ямайку Эндрю Брайан начал проповедовать, и поначалу ему разрешили использовать здание в Ямакроу, в пригороде Саванны. Однако со временем его лишили этого места, так как оно стало прибежищем для негров, которых англичане увезли из своих домов. Многие из них время от времени представляли перед мировыми судьями, и некоторых из них били кнутом, а других сажали в тюрьму. Сам Брайан, вызвав гнев властей, был дважды заключен в тюрьму и один раз публично выпорот, причем его так изрезали, что он "обильно истекал кровью"; но он сказал своим гонителям, что "безропотно примет смерть за дело Иисуса Христа", и через некоторое время ему разрешили продолжать свою работу. Некоторое время он пользовался сараем, ему помогал брат Сэмпсон; затем за 50 фунтов стерлингов он выкупил свою свободу и стал использовать для богослужения дом, который Сэмпсону было разрешено построить. К 1791 году в его церкви насчитывалось двести человек, но еще более сотни были приняты как новообращенные, хотя и не получили разрешения своих хозяев на крещение. Интересный факт об этих людях говорит о том, что, вероятно, пятьдесят из них умели читать, но только трое - писать. Спустя годы, в 1832 году, когда церковь выросла до огромного количества, большая часть прихожан покинула церковь Брайана и образовала то, что сейчас является Первой африканской баптистской церковью Саванны. Однако обе общины запомнили своего первого лидера как человека, "ясно излагающего основные доктрины Евангелия, истинно благочестивого и сделавшего больше добра среди бедных рабов, чем все ученые доктора в Америке".

Пока Брайан работал в Саванне, в Ричмонде, штат Вирджиния, вырос Лотт Кэри, человек с массивным и крепким телосложением и выдающейся личностью. Родившись рабом в 1780 году, Кэри несколько лет работал на табачной фабрике, ведя нечестивую жизнь. Обращенный в христианство в 1807 году, он быстро продвинулся в образовании и получил лицензию баптистского проповедника. Он выкупил свою свободу и свободу своих детей (его первая жена умерла), организовал миссионерское общество, а затем в 1821 году сам

отправился в качестве миссионера в новую колонию Либерию, в интересах которой героически трудился до самой своей смерти в 1828 году.

Более четко, чем происхождение негритянских баптистских церквей, определены истоки африканского методизма. Практически с момента своего появления в стране методизм приобретал новообращенных среди негров, и в 1786 году в регулярных церквях этой деноминации, которая, как и баптистская деноминация, надо помнить, до революции была в значительной степени заслонена в официальных кругах протестантской епископальной церковью, насчитывалось около двух тысяч негров. Общее затруднительное положение Епископальной церкви в Америке в связи с войной и отъездом многих лоялистских священников дало возможность другим деноминациям, а также определенным группам негров. Однако белые члены Методистской епископальной церкви Святого Георгия в Филадельфии решили выделить негров в отдельную группу и отделить их на галерею. И вот в 1787 году наступил день, когда негры, решив не поддаваться оскорблениям, во главе с Ричардом Алленом и Абсаломом Джонсом покинули здание церкви и 17 апреля организовали Свободное африканское общество с этими двумя людьми в качестве надзирателей. Это общество должно было быть "без учета религиозных догматов", его члены объединялись "для поддержки друг друга в болезнях и для помощи вдовам и детям без отца". Общество было в самом строгом смысле братским: в нем было всего восемь членов: Абсалом Джонс, Ричард Аллен, Сэмюэл Бостон, Джозеф Джонсон, Катон Фримен, Сезар Кранчелл, Джеймс Поттер и Уильям Уайт. К 1790 году общество имело на депозите в Банке Северной Америки 42 фунта 9 шиллингов, а о том, что оно в целом выступало за расовое предпринимательство, можно судить по тому факту, что в 1788 году организация в Ньюпорте, известная как Негритянский союз, в которой видное место занимал Пол Каффе, написала письмо с предложением о всеобщем исходе негров в Африку. В то время из этого предложения ничего не вышло, но, по крайней мере, оно показывает, что представительные негры того времени начали сообща думать о вопросах общей политики.

Со временем Свободное африканское общество Филадельфии превратилось в "Африканскую церковь", которая стала частью протестантской епископальной церкви, чей епископ проявлял к ней интерес. Из этой организации возникла епископальная церковь Святого Томаса, организованная в 1791 году и официально открытая для службы 17 июля 1794 года. Сначала для рукоположения был выбран Аллен, но он решил остаться методистом, и вместо него был выбран Джонс, который стал первым негритянским настоятелем в Соединенных Штатах. Тем временем, однако, в 1791 году Аллен сам приобрел участок на углу Шестой и Ломбард-стрит; он сразу же приступил к строительству здания, которое стало церковью Вефиль; в 1794 году он официально продал участок церкви, и новый молитвенный дом был посвящен епископом Методистской епископальной церкви Эсбери. В течение нескольких лет Аллен и его люди поддерживали связь с этим общим телом, но возникли трудности, и в других местах появились отдельные церкви, поэтому 9 апреля 1816 года в Филадельфии был созван съезд негритянских методистов. На него прибыли шестнадцать делегатов - Ричард Аллен, Джейкоб Тапсико, Клейтон Дарем, Джеймс Чемпион, Томас Вебстер из Филадельфии; Дэниел Кокер, Ричард Уильямс, Генри Харден, Стивен Хилл, Эдвард Уильямсон, Николас Гейльярд из Балтимора; Джейкоб Марш, Эдвард Джексон, Уильям Эндрю из Этлборо, штат Пенсильвания; Питер Спенсер из Уилмингтона, штат Дели, и Питер Каффе из Салема, штат Нью-Джерси - и это были люди, основавшие Африканскую методистскую епископальную церковь. Кокер, о котором мы еще услышим в связи с

Либерией, был избран епископом, но ушел в отставку в пользу Аллена, который служил до своей смерти в 1831 году.

В 1796 году община в Нью-Йорке, состоявшая из Джеймса Варика и других, также вышла из основного состава Методистской епископальной церкви, а в 1800 году посвятила свой молитвенный дом. В течение нескольких лет она находилась под надзором более старой организации, но после предварительных шагов в 1820 году, 21 июня 1821 года была официально организована Африканская методистская епископальная церковь Сиона. На первую конференцию прибыли 19 проповедников, представлявших 6 церквей и 1 426 членов. Варик был избран председателем округа, а вскоре после этого стал епископом. Устав этой церкви с самого начала несколько отличался от деноминации А.М.Е., так как представительство мирян занимало важное место, и не было препятствий для рукоположения женщин.

Из других деноминаций, кроме баптистской и методистской, наиболее заметной в ранние годы была пресвитерианская, первыми негритянскими священниками которой были Джон Глостер и Джон Чэвис. Глостер был обязан своим образованием либеральным тенденциям, которые около 1800 года все еще были сильны в восточном Теннесси и Кентукки, а в 1810 году возглавил Африканскую пресвитерианскую церковь, которая в 1807 году была основана в Филадельфии. Его отличали богатый музыкальный голос и общее достоинство, а сам он стал отцом четырех пресвитерианских священников. У Чэвиса была очень необычная карьера. Пройдя "обычный курс академического образования" в Вашингтонской академии, ныне Университет Вашингтона и Ли, в 1801 году он был назначен Генеральной ассамблеей пресвитерианцев миссионером для негров. Он работал с растущей репутацией до тех пор, пока восстание Ната Тернера не заставило законодательное собрание Северной Каролины в 1832 году принять закон, заставляющий замолчать всех негритянских проповедников. Затем в округе Уэйк и других местах он руководил школами для белых мальчиков вплоть до своей смерти в 1838 году. В эти ранние годы отличился и Лемюэль Хейнс, патриот революции и первый негритянский проповедник конгрегационной деноминации. В 1785 году он стал пастором белой общины в Торрингтоне, штат Коннектикут, а в 1818 году начал служить в другой церкви в Манчестере, штат Северная Ирландия.

После церкви самой сильной организацией среди негров, несомненно, были тайные общества, обычно называемые "ложами". Общества пользы не обязательно были тайными и требуют отдельного рассмотрения. 6 марта 1775 года армейская ложа при одном из полков, расквартированных под командованием генерала Гейджа в Бостоне или недалеко от него, посвятила Принса Холла и еще четырнадцать цветных мужчин в тайны масонства.⁶⁰ Эти пятнадцать мужчин 2 марта 1784 года обратились в Великую Ложу Англии за орденом. Он был выдан "Африканской ложе, № 459", с Принцем Холлом в качестве мастера, 29 сентября 1784 года. Однако различные задержки и злоключения постигли ордер, так что он не был получен до 29 апреля 1787 года. Затем ложа была должным образом организована 6 мая. С этого начала развивалась идея масонства среди негров Америки. Уже в 1792 году Холл был официально назван Великим Мастером, а в 1797 году он выдал лицензию тринадцати неграм "собираться и работать" в качестве ложи в Филадельфии; в это же время существовала ложа в Провиденсе. Так в 1808 году возникла "Великая африканская ложа" Бостона, впоследствии известная как "Ложа Принс-Холла в Массачусетсе"; вторая Великая ложа, названная "Первая независимая африканская Великая ложа Северной Америки в Содружестве Пенсильвании", организованная в 1815 году; и "Великая ложа Хайрама в Пенсильвании".

Об интересе масонов к своему народу и о спокойной рассудительности, которой отличались их действия, можно судить по словам их лидера, Принца Холла.⁶¹ Выступая в 1797 году и имея в виду революцию в Хайти и недавние унижения, нанесенные расе в Бостоне, он сказал:

Когда мы слышим о кровавых войнах, которые сейчас идут в мире, и тысячи наших соотечественников убиты; отцы и матери оплакивают потерю своих сыновей; жены - потерю мужей; города и поселки сожжены и разрушены; каковы должны быть искренняя печаль и бедствия этих бедных и несчастных людей! И хотя мы не можем помочь им, так велико расстояние, но мы можем сочувствовать им в их бедах, пролить вместе с ними слезу скорби и поступить так, как нас увещевают - плакать с плачущими.....

Итак, братья мои, поскольку мы видим и ощущаем, что все здешние вещи хрупки и изменчивы и ни на что нельзя положиться: Будем искать того, что выше, что надежно, непоколебимо и неизменно, и в то же время будем молиться Всемогущему Богу, пока мы остаемся в скинии, чтобы Он дал нам благодать, терпение и силу выстоять во всех наших бедах, которых, как знает Бог, у нас сейчас предостаточно. Терпение, говорю я, ибо если бы мы не обладали большой мерой его, вы не смогли бы вынести ежедневных оскорблений, с которыми вы сталкиваетесь на улицах Бостона; тем более в общественные дни отдыха, как вы подвергаетесь позорным издевательствам, причем в такой степени, что можно сказать, что вы несете свои жизни в руках; и стрелы смерти летят над вашими головами; у беспомощных старых женщин срывают одежду со спины, вплоть до обнажения; и кем совершаются эти позорные и оскорбительные действия? Не людьми, родившимися и выросшими в Бостоне, ибо они лучше воспитаны; а толпой или ордой бесстыдных, низких, завистливых, злобных людей, некоторые из которых не так давно были слугами на кухнях джентльменов, чистили ножи, ухаживали за лошадьми и водили фаэтоны. Один джентльмен, видевший эту мерзость в Общем, сказал, что во всех местах, где он бывал, он никогда в жизни не видел такого жестокого поведения, и что раб в Вест-Индии по воскресеньям или праздникам развлекается сам с собой и с друзьями, не подвергаясь приставаниям. Не только этот человек, но и многие в городе, видевшие, как они ведут себя с вами, как без всяких провокаций двадцать или тридцать трусов набрасываются на одного человека, удивляются терпению чернокожих; это не из-за недостатка мужества в вас, ибо они знают, что не посмеют столкнуться с вами один на один, а толпой, которую мы презираем и скорее потерпим поражение, чем совершим его, к расстройству общества и позору нашей репутации; ведь каждый добропорядочный гражданин чтит законы государства, где он проживает.....

Братья мои, давайте не будем падать духом под этими и многими другими злоупотреблениями, под которыми мы в настоящее время работаем: ведь самое темное - перед рассветом. Братья мои, давайте вспомним, какой мрачный день был для наших африканских братьев шесть лет назад во французской Вест-Индии. С утра до вечера не было слышно ничего, кроме щелканья кнута; вешали, ломали на колесе, жгли и подвергали всевозможным пыткам этих несчастных людей не иначе как для удовлетворения гордыни, распутства и жестокости их хозяев; но, благословен Бог, ситуация изменилась; теперь они признают, что Бог не уважает людей, и поэтому принимают их как своих друзей и обращаются с ними как с братьями. Так Эфиопия начинает протягивать руку, переходя от рабства к свободе и равенству".

В 1808 году в Нью-Йорке было организовано Африканское общество, которое было зарегистрировано в 1810 году, и из него со временем выросли еще три или четыре организации. В целом близкими к социальным целям церкви, а иногда и непосредственно порожденными тайными обществами, были благотворительные организации, которые еще во времена рабства существовали для помощи в болезни или при смерти; по сути, именно

безнадежность общей ситуации в сочетании с жадой заботы о беспомощных людях в значительной степени вызвала появление этих обществ. Их происхождение объясняется следующим образом:

Несмотря на то, что неграм запрещалось собираться без присутствия белого человека, а на плантации без согласия хозяина запрещалось проводить собрания рабов, эти организации существовали и проводили свои собрания на "участках" некоторых из самих законотворцев. Общий план, по-видимому, состоял в том, чтобы выбрать одного человека, умеющего читать и писать, и назначить его секретарем. Выбрав место для собрания, члены приходили по одному и по двое, вносили свои платежи секретарю и тихо уходили. Книга секретаря часто лежала на кровати. Во многих обществах каждый член был известен по номеру и при оплате просто называл свой номер. Президентом такого общества обычно становился привилегированный раб, который пользовался доверием своего хозяина и мог уходить и приходить по своему желанию. Таким образом, между всеми членами общества поддерживалась связь. В случае смерти члена общества обеспечивалось достойное погребение, и все члены, по возможности, получали разрешение присутствовать на похоронах. То и дело в ход шел их план совместных встреч. В Ричмонде они ходили в церковь по одному и по двое и сидели там так близко друг к другу, как было удобно. По окончании службы они выстраивались в шеренгу, когда удалялись от церкви на достаточное расстояние, чтобы это было безопасно. Сообщается, что члены организации были верны друг другу и добросовестно выполняли все обязательства. Это была первая известная негровой форме страхования, от которой его семья получала выгоду.⁶²

Определяющим фактором социального прогресса негра всегда было то, какую услугу он мог оказать любой общине, в которой оказывался, а также своему народу. Иногда его призывали к очень тяжелой работе, иногда к очень неприятной или опасной; но если он отвечал на зов долга и удовлетворял реальную человеческую потребность, его служение должно было получить признание. Примером такой работы может служить его поведение во время эпидемии желтой лихорадки в Филадельфии в 1793 году. Зная, что лихорадка в целом не так сильно поражает негров, как белых людей, ежедневные газеты Филадельфии обратились к цветным жителям города с призывом выступить и помочь больным. Негры согласились, и руководителями работ были назначены Абсалом Джонс и Уильям Грей, хотя, как обычно, большая часть ответственности легла на Ричарда Аллена. В сентябре лихорадка усилилась, и на негров также легла обязанность убирать трупы. В ходе работы они столкнулись с серьезным противодействием; так, Джонс рассказал, что один белый человек пригрозил застрелить его, если он пройдет мимо его дома с трупом. Этого человека неграм пришлось хоронить через три дня после этого. Когда эпидемия закончилась, 23 января 1794 года мэр города Мэтью Кларксон написал на сайте следующее свидетельство: "Имея возможность почти ежедневно наблюдать за действиями Абсалома Джонса и Ричарда Аллена, а также людей, нанятых ими для погребения мертвых, во время распространения последнего злокачественного заболевания, я с радостью даю это свидетельство моего одобрения их действий, насколько они попали в поле моего зрения. Их усердие, внимание и благопристойность поведения доставили мне в то время большое удовлетворение". По прошествии лет мы с пафосом мученичества вспоминаем о службе этих борющихся людей, которые своим самоотречением и патриотизмом пытались завоевать и заслужить привилегии американского гражданства.

Все это время негры так или иначе продвигались в образовании. Уже в 1704 году Ноу открыл школу в Нью-Йорке; до революционной войны в Филадельфии существовала школа Бенезе, а в 1798 году школа для негров была открыта в Бостоне. В первой половине века, как мы

помним, некоторые негры проходили практику в Вирджинии под надзором церкви. В 1764 году редактор газеты в Уильямсбурге, штат Вирджиния, основал школу для негров, и мы видели, что к 1790 году уже шестая часть членов общины Эндрю Брайана в далеком южном городе Саванна умела читать. Исключительные люди, такие как Глостер и Чевис, конечно же, использовали все возможности, которые им предоставлялись. В целом, к 1800 году негр получил гораздо больше образования, чем принято считать.

Два человека - один в науке, другой в литературе - благодаря своим необычным достижениям привлекли к себе большое внимание. Первым был Бенджамин Баннекер из Мэриленда, а вторым - Филлис Уитли из Бостона. Баннекер в 1770 году сконструировал первые часы, отбивающие часы, которые были сделаны в Америке, а с 1792 по 1806 год издавал альманах, адаптированный для Мэриленда и соседних штатов. Он был основательно подкован в математике и астрономии и своими достижениями снискал себе славу как в Европе, так и в Америке. Филлис Уитли, после романтического девичества, перенесенного из Африки в благоприятную среду Бостона, в 1773 году опубликовала *"Стихи на разные темы"*, которые сопровождались несколькими интересными эпизодическими стихотворениями.⁶³ Летом этого года она гостила в Англии у графини Хантингдонской, чье покровительство она завоевала элегической поэмой, посвященной Джорджу Уайтфилду; в беседе, даже больше чем в стихосложении, она продемонстрировала свой изысканный вкус и мастерство, и на нее посыпались подарки, одним из которых был экземпляр великолепного фолиантного издания *"Потерянного рая"* в Глазго 1770 года, подаренный Бруком Уотсоном, лорд-мэром Лондона, и хранящийся сейчас в библиотеке Гарвардского университета. В начале следующего столетия ее стихи попали в школьные хрестоматии. Одно из них в ее представительном томе было адресовано Сципиону Мурхеду, молодому негру из Бостона, проявившему талант к живописи. Таким образом, даже в темный день находились те, кто пытался пробиться к свету.

Сноска 51: (возвращение)

"Сочинения Томаса Джефферсона, изданные под эгидой Мемориальной ассоциации Томаса Джефферсона", 20 томов, Вашингтон, 1903, II, 226-227.

Сноска 52: (обратно)

"Протест Южной Каролины против рабства (письмо Генри Лоренса, второго президента Континентального конгресса, своему сыну, полковнику Джону Лоренсу; датировано Чарльстоном, штат Северная Каролина, 14 августа 1776 г.)". Перепечатано G.P. Putnam, New York, 1861.

Сноска 53: (возврат)

Исторические заметки о найме негров в американскую армию революции, Г.Х. Мур, Нью-Йорк, 1862, с. 15.

Сноска 54: (возврат)

Sparks's *Washington*, VIII, 322-323.

Сноска 55: (возврат)

Locke: *Anti-Slavery in America*, 97.

Сноска 56: (возврат)

См. Уильямс: *История негритянской расы в Америке*, I, 228-236.

Сноска 57: (возврат)

Локк, 124-126.

Сноска 58: (возврат)

Уолтер Х. Брукс: *Церковь Сильвер-Блафф*.

Сноска 59: (обратно)

См. письма в *Journal of Negro History*, January, 1916, 69-97.

Сноска 60: (обратно)

Уильям Х. Аптон: *Negro Masonry*, Cambridge, 1899, 10.

Сноска 61: (возврат)

"Наказ, переданный Африканской ложе 24 июня 1797 года в Менотомии. By the Right Worshipful Prince Hall." (Бостон?) 1797.

Сноска 62: (вернуться)

Отчет Хэмптонской конференции, № 8

Сноска 63: (возврат)

Полное исследование см. в главе II книги *"Негр в литературе и искусстве"*.

ГЛАВА IV

НОВЫЙ ЗАПАД, ЮГ И ЗАПАДНАЯ ИНДИЯ

Двадцать лет правления первых трех президентов Соединенных Штатов - или, можно сказать, три десятилетия с 1790 по 1820 год - представляют собой то, что можно считать "темными веками" негритянской истории; и все же, как и в большинстве "темных веков", даже при поверхностном взгляде на эти годы можно обнаружить, что они пульсируют жизнью, и мы уже видели, что в них негр делал все возможное, чтобы двигаться вперед. Однако после высокой нравственной позиции Революции этот период кажется затишьем, и это действительно было время определенной реакции. Это было связано с тремя великими событиями: открытием Юго-Запада и, как следствие, спросом на рабов, революцией в Хайтиане, начавшейся в 1791 году, и восстанием Габриэля в 1800 году.

Ни в чем реакция не проявилась более отчетливо, чем в спаде работы Американской конвенции делегатов от обществ аболиции. После 1798 года ни Коннектикут, ни Род-Айленд не присылали делегатов; южные штаты отпали к 1803 году; и хотя из Новой Англии пришло оправдание, что местные условия вряд ли делали агрессивные усилия более необходимыми, недостаток рвения в этой части также был в некоторой степени обусловлен растущим сомнением в целесообразности вмешательства в рабство на Юге. В Вирджинии, которая всего несколько лет назад была столь активна, теперь был принят закон, налагающий штраф в сто долларов на любого человека, помогающего рабу отстаивать свою свободу, если он не сможет доказать это требование; а другое положение предписывало, чтобы ни один член общества отмены рабства не выступал в качестве присяжного заседателя в деле о свободе. Даже Пенсильванское общество проявило признаки слабости, и в 1806 году Конвенция приняла решение проводить собрания раз в три года, а не ежегодно. По-настоящему активной она стала только после войны 1812 года.

1. Хлопковый завод, новый Юго-Запад и первый закон о беглых рабах

Неисчислимо значение для истории негра в Америке имела серия изобретений, сделанных в Англии Аркрайтом, Харгривзом и Кромптоном в 1768-79 годах. В тот же период Джеймс Уатт из Глазго открыл силу пара и применил ее в производстве хлопка, а за этим быстро

последовали усовершенствования в печати и отбеливании. Оставалось еще одно изобретение, имеющее важное значение для выращивания хлопка в больших масштабах. Элай Уитни, выпускник Йельского университета, отправился в Джорджию и нанялся учителем к вдове генерала Грина на ее плантацию. Видя необходимость в машине для более быстрого отделения хлопкового семени от волокна, он трудился до тех пор, пока в 1793 году ему не удалось сделать свой хлопкоочиститель практически полезным. Однако существует устойчивая традиция, что настоящая заслуга изобретения принадлежит негру на плантации. Хлопкоочиститель вызвал большой ажиотаж на Юге и стал использоваться повсеместно. Выращивание и экспорт основного продукта росли семимильными шагами. В 1791 году из Соединенных Штатов было вывезено всего тридцать восемь тюков стандартного размера; в 1816 году, однако, хлопок, отправленный из страны, стоил 24 106 000 долларов и был, безусловно, самой ценной статьей экспорта. Текущая цена составляла 28 центов за фунт. Таким образом, в то самое время, когда северные штаты отменяли рабство, дремавшая отрасль стала верховной, а судьба сотен тысяч негров была предрешена.

Тем временем открытие Запада продолжалось, и из Мэна и Массачусетса, Каролины и Джорджии отправились пионеры, чтобы заложить фундамент Огайо, Индианы и Иллинойса, Алабамы и Миссисипи. Это был нетерпеливый, беспокойный караван, и иногда из одного города на Востоке можно было увидеть более сотни человек в нескольких повозках - "баптисты, методисты и демократы". Карьера Буна и Севьера, а также тех, кто шел с ними, и история их сражений с индейцами теперь вошли в романтику американской истории. В 1790 году скопление бревенчатых хижин на реке Огайо было названо в честь Общества Цинциннати. В 1792 году Кентукки был принят в Союз, причем статья о рабстве в его конституции поощряла эту систему и препятствовала эмансипации, а в 1796 году Теннесси также вошел в Союз в качестве рабовладельческого штата.

Огромное значение для негров имели вопросы, связанные с территорией Миссисипи. После революции Джорджия предъявила претензии на огромные участки земли, составляющие сегодня штаты Алабама и Миссисипи, за исключением полосы вдоль побережья, на которую претендовала Испания в связи с Флоридой. Эта территория стала богатым полем для спекуляций, и ее история в целом представляет собой сложный сюжет. В результате серии продаж компаниям Язу, особенно в той части нынешних штатов, северная граница которой проходит по линии, проведенной от устья Язу до реки Чаттахочи, возникли противоречивые претензии. Последний грант был продан в 1795 году коррумпированным законодательным органом по цене полтора цента за акр. Джеймс Джексон поднял крик о взяточничестве и коррупции, ушел в отставку из Сената Соединенных Штатов, получил место в законодательном собрании штата и 13 февраля 1796 года провел законопроект, отменяющий действия предыдущего года⁶⁴, а законодательное собрание сожгло документы, связанные с продажей Язу, в знак своего полного отречения от них. Покупатели, которым компании продали земли, начали забрасывать Конгресс петициями, и президент Адамс помог прийти к соглашению, по которому Джорджия передала земли федеральному правительству, которое обязалось сформировать из них территорию Миссисипи и выплатить все понесенные убытки. В 1802 году Джорджия переложила все бремя на центральное правительство, передав ему все свои земли за нынешними границами, хотя за это она потребовала статью, благоприятствующую рабству. Теперь вся территория была включена в состав территории Миссисипи, которой Конгресс обещал, что она будет принята в качестве штата, как только ее население достигнет 60 000 человек; но Алабама была отделена от Миссисипи в 1816 году. Старый вопрос о претензиях не был окончательно решен до тех пор, пока закон от 1814 года не выделил на эти цели 5 000 000 долларов. В том же году Эндрю Джексон одержал решающие победы над криками при Талладеге и Подковообразном

Бенде, о которых еще предстоит сказать, в результате чего был уступлен огромный участок земли этого несчастного народа и, таким образом, для заселения было открыто три четверти нынешнего штата Алабама.

Именно в связи с продвижением рабства на новые территории был принят первый Закон о беглых рабах (1793). Он стал результатом дискуссии, возникшей после захвата в 1791 году в Вашингтоне (штат Пенсильвания) негра по имени Джон, которого увезли в Виргинию, и переписки между губернатором Пенсильвании и губернатором Виргинии по поводу этого дела. Важный третий раздел акта гласил следующее:

И да будет также постановлено, что если лицо, содержащееся на работах в любом из Соединенных Штатов или в любой из территорий на северо-западе или юге от реки Огайо в соответствии с их законами, сбежит в любой другой из указанных штатов или территорий, то лицо, которому причитается такая работа или служба, его агент или поверенный, настоящим уполномочивается схватить или арестовать такого беглеца от труда и доставить его или ее к любому судье окружного или районного суда Соединенных Штатов, проживающему или находящемуся на территории штата, или к любому магистрату графства, города или поселка, где будет произведена такая схватка или арест, и при доказательстве, удовлетворяющем такого судью или магистрата, либо устными показаниями, либо показаниями под присягой, взятыми у магистрата любого такого штата или территории и заверенными им, что лицо, арестованное или арестованное таким образом, согласно законам штата или территории, из которых оно бежало, обязано служить или трудиться перед лицом, требующим его или ее, судья или магистрат обязан выдать свидетельство об этом такому истцу, его агенту или адвокату, что является достаточным основанием для высылки указанного беглеца от труда в штат или территорию, из которых он или она бежали.

Следует отметить, что по условиям этого закона хозяин имел право вернуть беглого раба, доказав его право собственности перед магистратом без суда присяжных или каких-либо других обычных правовых форм. Таким образом, человек был отдан в распоряжение самого низкого суда и подвергнут такой процедуре, которая не допускалась даже в мелких имущественных исках. Открывалось огромное поле для подкупа магистратов, и появлялась возможность отдавать в рабство негров, о свободе которых не могло быть и речи.

К концу десятилетия 1790-1800 годов страх, вызванный революцией в Хейтиане, привел к всеобщему движению против импорта негров, особенно из Вест-Индии. Даже Джорджия в 1798 году запретила ввоз всех рабов, и это положение, хотя и очень слабо соблюдаемое, так и не было отменено. Однако в Южной Каролине, к полному разочарованию и ужасу других штатов, импорт, запрещенный в 1787 году, был вновь узаконен в 1803 году; и за четыре последующих года в Чарльстон было ввезено 39 075 негров, большинство из которых отправились на территории.⁶⁵ Когда в 1803 году Огайо был выделен из Северо-Западной территории в качестве свободного штата, была предпринята попытка претендовать на остальную территорию для рабства, но она провалилась. На сессии Конгресса 1804-5 годов был поднят вопрос о рабстве на вновь приобретенной территории Луизианы, и было разрешено ввозить рабов, если они прибыли в Соединенные Штаты до 1798 года; целью этого положения была защита от последствий недавнего акта Южной Каролины, хотя этот пункт так и не получил жесткого исполнения. Упоминание о Луизиане, однако, конкретно приводит нас к Туссену Л'Овертюру, величайшему негру Нового Света того периода и одному из величайших негров всех времен.

2. Туссен Л'Увертюр, Луизиана и официальное закрытие работорговли

Когда в 1789 году разразилась Французская революция, ее общие последствия не замедлили сказаться на Вест-Индии. Особое значение имел Санто-Доминго, поскольку там были сосредоточены коммерческие интересы. Восточная часть острова была испанской, а западная - французской, и в этой последней части проживало 600 000 человек, из которых 50 000 были французскими креолами, 50 000 мулатами и 500 000 чистокровными неграми. Все политические и социальные привилегии были монополизированы креолами, в то время как негры были сельскохозяйственными рабочими и рабами; между этими двумя группами плавал беспокойный элемент свободных цветных людей.

Когда Генеральная ассамблея во Франции приняла декрет о равенстве прав всех граждан, мулаты Санто-Доминго выступили с петицией о предоставлении им тех же политических привилегий, что и белым людям, к беспредельному ужасу последних. В ответ они получили декрет, который был сформулирован настолько двусмысленно, что допускал различные толкования, и лишь усилил враждебность, которая тлела годами. Новое обращение в Ассамблею в 1791 году, в первую очередь за толкованием, привело к тому, что 15 мая был принят четкий указ, согласно которому цветные люди должны были иметь все права и привилегии граждан при условии, что они были рождены от свободных родителей с обеих сторон. Белые люди были разгневаны этим решением, стали роялистами и растоптали под ногами национальную кокарду; в течение всего лета вооруженные столкновения и пожары были правилом. В довершение ко всему чернокожие рабы выступили на свободу и в ночь на 23 августа 1791 года залили остров кровью. Перед лицом этих событий Конвенциональная ассамблея отменила свое постановление, затем объявила, что первоначальный указ должен быть выполнен, и отправила трех комиссаров с войсками в Санто-Доминго, а реальная власть была возложена на Сантонакса и Полвереля.

20 июня 1793 года на мысе Франсуа возобновились беспорядки из-за ссоры между мулатом и белым офицером морской пехоты. Моряки сошли на берег и предоставили свою помощь белым, и теперь негры объединились с мулатами. В последовавшем затем двухдневном сражении арсенал был взят и разграблен, тысячи людей убиты на улицах, а более половины города сожжено. Французские комиссары стали несчастными свидетелями этой сцены, но они были практически беспомощны, имея всего около тысячи солдат. Однако Сантонакс издал прокламацию, предлагавшую свободу всем рабам, готовым встать под знамена Республики. Это была первая прокламация об освобождении рабов в Санто-Доминго, и в результате многие негры пришли в город и получили право голоса.

Вскоре после этой прокламации Полверель оставил своего коллегу на мысе и отправился в Порт-о-Пренс, столицу Запада. Здесь все было спокойно, и выращивание урожая шло своим чередом. Однако вскоре рабы были встревожены новостями о том, что делается в других местах, и Полверель убедился, что с эмансипацией нельзя медлить и что для безопасности самих плантаторов необходимо распространить ее на весь остров. В сентябре (1793 г.) он распространил из Ос-Ке прокламацию об этом и одновременно призвал всех плантаторов в окрестностях, которые были согласны с его работой, зарегистрировать свои имена. Почти все они так и поступили, поскольку были убеждены в необходимости принятия мер для своей личной безопасности; и 4 февраля 1794 года Собрание Конвента в Париже официально одобрило все сделанное, приняв декрет об отмене рабства во всех колониях Франции.

Все это время испанцы и англичане с интересом наблюдали за происходящим и даже приезжали во французскую часть острова, чтобы помочь в восстановлении порядка. Среди первых, поначалу во главе небольшого роялистского отряда, был негр Туссен, позже

названный Л'Овертюром. Тогда он был мужчиной в расцвете сил, сорока восьми лет от роду, и опыт уже дал ему мудрость, которая была необходима для установления мира в Санто-Доминго. В апреле 1794 года, под впечатлением от декрета Ассамблеи, он вернулся под юрисдикцию Франции и поступил на службу к Республике. В 1796 году он стал бригадным генералом, а в 1797 году - генерал-аншефом, получив в свое распоряжение военное командование над всей колонией.

Он сразу же заставил капитулировать англичан, вторгшихся в его страну. С помощью торгового соглашения с Соединенными Штатами он затем вывел из строя гарнизон своего соперника, мулата Риго, которого он вынудил согласиться покинуть страну. Затем он посадил в тюрьму Рума, агента Директории, и взял на себя как гражданскую, так и военную власть. Он также захватил испанскую часть острова, которая была уступлена Франции несколько лет назад, но не была фактически сдана. Затем, в мае 1801 года, он ввел в Санто-Доминго конституцию, по которой он не только принял власть пожизненно, но и предоставил себе право назначать преемника; и все это время он вызывал восхищение всего мира своей храбростью, умеренностью и подлинным инстинктом управления.

Однако за океаном ревнители с интересом наблюдали за карьерой "позолоченного африканца". Никто лучше Наполеона не знал, что Туссен искал дружбы Соединенных Штатов именно потому, что не доверял Франции, и никто лучше него не понимал логику событий. Как говорит Адамс, "поступки Бонапарта, равно как и его профессии, показывали, что он стремился подавить демократические идеи и что он рассматривал Сен-Доминго как форпост американского республиканизма, хотя Туссен установил правила столь же произвольные, как и сам Бонапарт..... По странному стечению обстоятельств Туссен Л'Овертюр, поскольку он был негром, стал защитником республиканских принципов, с которыми у него не было ничего общего, кроме инстинкта личной свободы. Правительство Туссена было менее республиканским, чем правительство Бонапарта; он по необходимости делал в Сен-Доминго то, что Бонапарт делал по своей воле во Франции."⁶⁶

Это был человек, которому Соединенные Штаты в конечном итоге обязаны покупкой Луизианы. 1 октября 1801 года Бонапарт отдал приказ генералу Ле Клерку о большой экспедиции против Санто-Доминго. В январе 1802 года Ле Клерк появился, и последовала война. В ходе нее Туссен, который обычно был очень мудрым и, безусловно, знал, что от Наполеона ему следует опасаться больше всего, совершил величайшую ошибку в своей жизни, позволив втянуть себя в переговоры на французском судне. Его предали и увезли во Францию, где в течение года он умер от воспаления легких в темнице Жу. Сразу же была опубликована прокламация, отменяющая декрет 1794 года о свободе рабов. Бонапарт, однако, не оценил силу работы Туссена, и на помощь неграм в их борьбе теперь пришел верный союзник - желтая лихорадка. К концу лета от армии Ле Клерка осталась лишь седьмая часть, а сам он умер в ноябре. Бонапарт сразу же задумал новую экспедицию. Однако пока он договаривался о руководстве ею, европейская война разгорелась с новой силой. Тем временем договор о ретроцессии территории Луизианы еще не получил подписи испанского короля, поскольку Годой, испанский представитель, не разрешал ставить подпись, пока не будут выполнены все условия; а в конце 1802 года гражданский чиновник в Новом Орлеане закрыл Миссисипи для Соединенных Штатов. В конце концов Джефферсон, движимый мольбами Юга, отправил специального посланника, не менее известного человека, чем Джеймс Монро, во Францию для переговоров о покупке; Бонапарт, отвращенный неудачей своей египетской экспедиции и проекта достижения Индии, и особенно неудачей в Санто-Доминго, нуждаясь также в готовых деньгах, прислушался к предложению; И народ Соединенных Штатов, который в течение последних нескольких лет

был свидетелем уничтожения Хайти, еще не осознал, сколь многим он обязан мужеству 500 000 хайтианских негров, отказавшихся стать рабами.

Вопрос о рабстве на новой территории был критически важным. Именно из-за него федералисты выступали против приобретения территории; Американский конвент пытался добиться положения, подобного Северо-Западному ордонансу; а ежегодное собрание Общества друзей в Филадельфии в 1805 году молилось, "чтобы Конгресс принял эффективные меры для предотвращения введения рабства на любой из территорий Соединенных Штатов". Тем не менее вся территория без учета широты была открыта для системы 2 марта 1805 года.

Однако, несмотря на эту победу рабства, общая сила событий в Хайти была такова, что сделала более определенным официальное закрытие работорговли по истечении двадцатилетнего срока, на который она была разрешена Конституцией. Совесть Севера была глубоко взбуждена, а на далеком Юге постоянно присутствовал страх повторения событий в Хайти. Кроме того, агитация в Англии наконец-то принесла плоды в виде закона 1807 года о запрете работорговли. В Америке, похоже, с самого начала понимали, особенно представители Юга, что даже если такой закон будет принят, он будет исполняться лишь нерегулярно, и дебаты велись скорее о том, как избавиться от незаконно ввезенных африканцев и наказать тех, кто был причастен к ввозу, чем о надлежащем ограничении торговли по воде.⁶⁷ 2 марта 1807 года был принят закон, запрещающий работорговлю после закрытия года. С течением времени он почти превратился в мертвую букву, о чем свидетельствуют послания президента, отчеты членов кабинета министров, письма налоговых инспекторов, письма окружных прокуроров, отчеты комитетов Конгресса, доклады командующих флотом, заявления на заседаниях Конгресса, свидетельства очевидцев, жалобы отечественных и зарубежных обществ по борьбе с рабством. Фернандина и Галвестон были лишь двумя из самых печально известных портов для контрабанды. От верховьев реки Сент-Мэри до верхней части страны и через индейцев была установлена регулярная цепь постов, через которые негров переправляли во все уголки страны.⁶⁸ Если торговцы хотели собрать караван, они поднимали тревогу среди индейцев, чтобы леса были менее посещаемы, а если их преследовали в Джорджии, они убегали во Флориду. На одной небольшой шхуне находилось сто тридцать душ. "Они были почти втиснуты в небольшое пространство между полом, настеленным над бочками с водой, и палубой - не более трех футов, что недостаточно для того, чтобы сидеть прямо, и так тесно, что, ударяясь друг о друга, их кости протыкали кожу, а от движения судна появлялись раны и язвы". Многие американские суда занимались торговлей под испанским флагом, а в Гаване торговля в Африку велась с необычайной энергией. Экипажи судов состояли из людей всех наций, которых прельщала высокая заработная плата. Очевидно, что чиновники халатно относились к выполнению своих обязанностей, но даже если нарушителей задерживали, не всегда следовало, что они понесут эффективное наказание. Президент Мэдисон в своем послании от 5 декабря 1810 года заявил: "Похоже, что американские граждане участвуют в торговле поработочными африканцами, в равной степени нарушая законы человечества и пренебрегая законами своей собственной страны"; А 7 января 1819 года Регистр Казначейства представил Палате удивительный отчет о том, что "из изучения записей этого ведомства, и в частности счетов (до даты их последнего расчета) сборщиков таможен и нескольких маршалов Соединенных Штатов, не следует, что какие-либо конфискации были произведены в соответствии с указанным актом." Дополнительный, компромиссный и неэффективный закон 1818 года был направлен на концентрацию усилий по борьбе с контрабандой путем поощрения информаторов; а закон следующего года, уполномочивший президента "принимать такие правила и меры, которые он может счесть целесообразными

для безопасного содержания, поддержки и вывоза за пределы Соединенных Штатов" захваченных африканцев, и принесший несколько больше плодов, был в значительной степени связан с колониационным движением и имел важное значение в связи с основанием Либерии.

Таким образом, хотя официальное закрытие работорговли может показаться большим шагом вперед, неаккуратность, с которой этот указ соблюдался, однозначно относит его к периоду реакции.

3. Восстание Габриэля и рост негритянской проблемы

Восстание Габриэля в 1800 году было далеко не самым грозным восстанием, свидетелями которого стали южные штаты. По замыслу оно, конечно, не превосходило по масштабам заговор Дании Весей двадцать два года спустя, а по фактическим достижениям было незначительным по сравнению не только с восстанием Ната Тернера, но даже с восстаниями за шестьдесят лет до него. В последний момент из-за сильного шторма попытка осуществить план потерпела жалкое фиаско. Тем не менее, возникший так скоро после революции в Хейти и свидетельствующий о молодом и бескорыстном руководстве, заговор был расценен как необычайно важный.

Сам Габриэль⁶⁹ был умным рабом всего двадцати четырех лет, а его главным помощником был Джек Боулер, двадцати восьми лет. В течение всего лета 1800 года он разрабатывал свой план, проводя собрания, на которых брат по имени Мартин толковал различные тексты из Священного Писания, касающиеся положения негров. В итоге восстание было назначено на первый день сентября. Оно было хорошо спланировано. Местом встречи должен был стать ручей в шести милях от Ричмонда. Под покровом ночи 1100 человек должны были тремя колоннами двинуться на город с населением 8000 человек. Правое крыло должно было захватить здание тюрьмы, только что превращенное в арсенал, а левое овладеть пороховым складом. Эти две колонны должны были быть вооружены дубинками, и пока они выполняли свою работу, центральная часть, вооруженная мушкетами, ножами и пиками, должна была начать резню, не щадя никого, кроме французов, которым, что примечательно, негры отдавали предпочтение. В Ричмонде в то время было не более четырех или пятисот человек с тридцатью мушкетами; но в арсенале было несколько тысяч пушек, а пороховой погреб был хорошо укомплектован. Захват мельниц должен был обеспечить мятежников продовольствием, а тем временем в сельских районах собирали новый урожай кукурузы, и на полях тучнели стада и отары.

В день, назначенный для восстания, Виргиния стала свидетелем такой бури, какой она не видела уже много лет. Мосты были снесены, дороги и плантации полностью затоплены. Болото Брук, стратегически важный пункт для негров, было затоплено; деревенские негры не могли попасть в город, а те, кто был в городе, не могли выйти к месту встречи. Силы, насчитывавшие более тысячи человек, сократились до трехсот, и те, почти парализованные страхом и суеверием, были распущены. Тем временем один из рабов, не пожелавший видеть своего хозяина убитым, разгласил заговор, и вскоре весь Ричмонд был охвачен оружием.

В город был направлен отряд кавалерии Соединенных Штатов, и быстро последовали аресты. Губернатор Монро предложил триста долларов за арест Габриэля и еще столько же за Джека Боулера. Боулер сдался, но на поиски Габриэля ушли недели. Шесть человек были признаны виновными и приговорены к казни 12 сентября, еще пятеро - 18 сентября. Наконец, 24 сентября Габриэля схватили в Норфолке на судне, пришедшем из Ричмонда; 3 октября его осудили, а 7 октября казнили. Он не проявил ни малейшей склонности к умолчанию о собственном плане; в то же время он не сказал ни одного слова, уличающего

кого-либо еще. После него были казнены еще двадцать четыре человека; затем стало ясно, что были допущены какие-то "ошибки", и убийства прекратились. Примерно во время этого восстания некоторые негры также собрались для восстания в округе Саффолк; были тревоги в Петербурге и в окрестностях Эдентона, штат Северная Каролина, и даже в Чарльстоне царил сильное волнение.

В период 1790-1820 годов произошло еще как минимум три важных негритянских восстания. Когда в 1791 году пришло известие о восстании рабов в Санто-Доминго, негры в Луизиане запланировали аналогичную акцию.⁷⁰ Они могли бы добиться большего успеха, если бы не разошлись во мнениях относительно часа начала восстания, когда один из них сообщил об этом коменданту. В качестве наказания двадцать три раба были повешены на берегу реки, а их трупы оставили болтаться в течение нескольких дней; но троих белых, которые помогали им и были действительно наиболее виновны из всех, просто выслали из колонии. В Камдене, штат Северная Каролина, 4 июля 1816 года несколько других негров рискнули всем ради независимости.⁷¹ Под разными предлогами в назначенную ночь в город были приглашены люди из сельских районов и назначены разные команды, все, кроме главнокомандующего, который должен был получить тот, кто первым взломает ворота арсенала. Снова заговор был раскрыт "любимым и доверенным рабом", о котором нам говорят, что законодательное собрание штата выкупило его свободу, назначив ему пожизненную пенсию. Около шести руководителей были казнены. Примерно 1 мая 1819 года был заговор с целью уничтожения города Огаста, штат Гавайи.⁷² Мятежники должны были собраться на Бич-Айленде, отправиться в Огасту, поджечь ее, а затем уничтожить жителей. Была выставлена охрана, а белый человек, не ответивший на оклик, был застрелен и смертельно ранен. Негра по имени Кут судили как руководителя заговора и через несколько дней приговорили к казни. За ним последовали другие судебные процессы. Ни один мускул не дрогнул, когда ему был вынесен приговор.

Глубокий смысл таких событий не мог ускользнуть от проницательных людей. Не один патриот задавался вопросом, куда же катится страна. Уже было очевидно, что конечная проблема выходит за рамки простого вопроса о рабстве, и многие понимали, что человек не может быть всегда ограничен искусственным статусом. На протяжении всего периода работорговли, казалось, процветала без каких-либо реальных ограничений, и это даже усугубилось возвращением к власти старых роялистских домов Европы после падения Наполеона. Тем временем было замечено, что рабский труд вытесняет с Юга белых людей с небольшим достатком, и назревал антагонизм между людьми из "верхней части страны" и капиталистами с морского побережья. Обычная социальная жизнь негров на Юге оставляла желать лучшего, и условия не улучшились из-за быстрого роста населения. Что касается самого рабства, то никто не мог сказать, когда, где и как эта система закончится; все знали только, что она развивается быстрыми темпами: а между тем существовала зловещая возможность союза негра и индейца. Искренние планы постепенного упразднения выдвигались как на Юге, так и на Севере, но в низших слоях общества они редко получали больше, чем уважительное внимание. В своей "Диссертации о рабстве с предложением о постепенной отмене его в штате Виргиния" Сент-Джордж Такер, профессор права в Университете Уильяма и Марии и один из судей Генерального суда Виргинии, в 1796 году выдвинул план, согласно которому, по его расчетам, через шестьдесят лет рабов будет лишь на треть больше, чем вначале. Сейчас его предложение кажется крайне консервативным; в то время, однако, оно было положено на стол Палаты делегатов Виргинии, а от Сената автор получил лишь "вежливое признание".

Два человека того времени - совершенно разные по темпераменту и тону, но оба искренние искатели истины - с предчувствием смотрели в будущее, один - с позиции ученого, другой - с позиции провидца. Хезекия Найлз полностью сочувствовал исканиям и стремлениям Юга; но он настаивал на том, что рабство в конечном итоге должно быть отменено по всей стране, что умы рабов должны быть возвышены и что свободным неграм должно быть оказано разумное поощрение.⁷³ Сказал он: "*Нам стыдно за то, что мы практикуем;... нет ни одного атрибута небес, который бы принимал участие в наших делах, и мы это знаем. И в состязании, которое должно произойти и произойдет, будет такое скопище скорбей, какого мир редко видел*"⁷⁴

С другой стороны, возвышался Лоренцо Доу, главный странствующий проповедник того времени, первый протестант, проповедовавший Евангелие в Алабаме и Миссисипи, и реформатор, который в тот самый момент, когда хлопок стал занимать первое место, осмелился сказать южанам, что рабство неправильно.⁷⁵ Везде он привлекал внимание - его длинные волосы, резкий голос и дикая жестикуляция поражали всех консервативно настроенных слушателей. Но он был создан по образу и подобию героев. За свою жизнь он проехал не менее двухсот тысяч миль, проповедуя большему числу людей, чем любой другой человек его времени. Несколько раз он ездил в Канаду, один раз в Вест-Индию и три раза в Англию, везде собирая вокруг себя огромные толпы. В книге "*Крик из пустыни*" он не раз облакал свои мысли в загадочные одежды, но смысл всегда был в конечном итоге ясен. На этом расстоянии, когда рабство и Гражданская война рассматриваются в одинаковой перспективе, слова оракула выглядят почти жутко: "В остальных южных штатах влияние этих иностранцев будет известно и ощутимо в свое время, и семена от ГОРЯЧЕГО АЛЬЯНСА и ДЕКАПИГАНДИ, которые приложили руку к этим генеральским чинам, от инквизитора до генерального викария и ниже...!!!! Борьба будет ужасной! Чаша будет горькой! А когда агония закончится, те, кто выживет, смогут увидеть лучшие дни! ПРОЩАЙТЕ!"

Сноска 64: (возвращение)

Филлипс в книге "*Юг в строительстве нации*", II, 154.

Сноска 65: (обратно)

Дюбуа: *Подавление работорговли*, 90.

Сноска 66: (возврат)

История Соединенных Штатов, I, 391-392.

Сноска 67: (возврат)

См. DuBois, 95, ff.

Сноска 68: (возврат)

Niles's Register, XIV, 176 (2 мая 1818 г.).

Сноска 69: (возврат)

Его полное имя - Габриэль Проссер.

Сноска 70: (обратно)

Гайарре: *История Луизианы*, III, 355.

Сноска 71: (возврат)

Холланд: *Опровержение клеветы*.

Сноска 72: (обратно)

Niles's Register, XVI, 213 (22 мая 1819 г.).

Сноска 73: (возврат)

Регистр, XVI, 177 (8 мая 1819 г.).

Сноска 74: (возвращение).

Там же, XVI, 213 (22 мая 1819 г.).

Сноска 75: (обратно)

Полное исследование см. в статье "Лоренцо Дой" в *Methodist Review and Journal of Negro History*, июль, 1916 г., она же включена в *Africa and the War*, New York, 1918.

ГЛАВА V

ИНДЕЕЦ И НЕГР

В задачи данной главы не входит изложение истории семинольских войн или даже полное прослеживание связи негров с этими событиями. Однако мы надеемся хотя бы показать, что негр был более важен, чем что-либо другое, как непосредственная причина противоречий, хотя общее давление белого человека на индейца со временем, конечно, в любом случае привело бы к проблемам. Странные параллели постоянно возникают, и, кстати, можно заметить, что политика правительства, действовавшая в другие и даже более поздние годы в отношении негров, в это время также в значительной степени применялась в отношении индейцев.

1. Крик, семинолы и негры до 1817 года: война 1812 года

7 августа 1786 года Континентальный конгресс своим определенным и далеко идущим постановлением попытался регламентировать на будущее все ведение дел индейцев. Были образованы два больших округа, один из которых включал территорию к северу от Огайо и западу от Гудзона, а другой - к югу от Огайо и востоку от Миссисипи; для решения всех вопросов, касающихся индейцев, в каждом из этих двух больших округов был назначен суперинтендант. Что касается негров, то южный округ, естественно, имел гораздо большее значение, чем северный. В его восточной части, в основном на территории нынешней Джорджии, восточного Теннесси и восточной Алабамы, жили чероки и великая конфедерация криков, а на западе, в нынешней Миссисипи и западной Алабаме, - чикасо и чокто. Из племени мускогов, первоначально входившего в состав криков, происходили семинолы ("беглецы"), которые около 1750 года под предводительством великого вождя Секофи отделились от основной конфедерации, центр которой находился в юго-западной Джорджии, немного южнее Колумбуса, и захватили полуостров Флорида. В 1808 году другая группа под предводительством Микко Хаджо пришла к нынешнему месту расположения Таллахасси. В окрестностях этого города уже проживало племя микасуки, и поначалу его члены не одобряли появления новых людей, угрожая отобрать у них земли, но в конце концов все мирно ужились под общим названием семинолы. Около 1810 года у этих людей было двадцать городов, главными из которых были Микасуки и Таллахасси. С самого начала они периодически пополнялись за счет йемасси, изгнанных из Южной Каролины, и беглых негров.

К концу XVIII века индейцы по всей границе стали остро ощущать давление белого человека, и в борьбе с захватчиком они увидели в угнетенном негре естественного союзника. Те негры, которые волею случая становились свободными, принимались индейцами, беглецы из рабства находили у них убежище, и хотя индейские вожди обычно владели рабами, разнообразие рабства сильно отличалось от того, что было при белом человеке. Негры были сравнительно свободны, и браки между ними были часты; так, женщина-мулатка, бежавшая

из рабства, вышла замуж за вождя и стала матерью дочери, которая со временем стала женой знаменитого Оскеолы. Эта тесная связь негра с семейной жизнью индейца стала определяющим фактором в сопротивлении семинолов требованиям агентов Соединенных Штатов и причиной, более веской, чем любовь к старым охотничьим угодьям, для его возражений против переселения на новые земли за Миссисипи. Очень часто индеец не мог отдать своих негров, не видя, как его собственную жену и детей уведут в рабство; таким образом, к мужеству и гордости индейца добавлялся инстинкт отца, заботящегося о сохранении своих детей.

В двух войнах между американцами и англичанами было вполне естественно, что индеец встал на сторону англичан, и в какой-то мере это было лишь частью игры, чтобы он получил мало внимания от рук победителя. В политике, в которую играли англичане и французы, англичане и испанцы, и, наконец, американцы и все европейцы, индеец всегда оказывался в проигрыше. В самом начале существования колоний в Каролине были предприняты некоторые попытки поработить индейцев; но такие рабы вскоре перебрались в страну индейцев, и прошло совсем немного времени, прежде чем они научили негров делать то же самое. Этот постоянный побег рабов с сопутствующими трудностями во многом объяснил создание свободной колонии Джорджия между Южной Каролиной и испанским владением Флорида. Однако вскоре стало очевидно, что проблема скорее усугубилась, чем разрешилась. Когда Конгресс собрался в 1776 году, он получил из Джорджии сообщение, в котором говорилось о необходимости "предотвращения дезертирства рабов от своих хозяев"; и как только федеральное правительство было организовано в 1789 году, оно также получило из Джорджии настоятельную просьбу о защите от криков, которых обвиняли в различных опустошениях, и среди прочих представленных документов был список ста десяти негров, которые, как утверждалось, покинули своих хозяев во время революции и нашли убежище среди криков. Тем временем по разным договорам, письменным и неписаным, криков оттесняли к западной границе штата, и в любом соглашении главным условием всегда было возвращение беглых рабов. В течение нескольких лет крики отступали, не встречая определенно организованного сопротивления. Однако в ходе войны 1812 года, подстрекаемые англичанами и визитом Текумсеа, они внезапно поднялись и 30 августа 1813 года под предводительством Уэзерсфорда атаковали форт Мимс, крепость в тридцати пяти милях к северу от Мобила. Пятьсот пятьдесят три мужчины, женщины и дети, находившиеся в этом месте, были почти полностью истреблены. Лишь пятнадцать белых спаслись, спрятавшись в лесу, а несколько негров были взяты в плен. Это происшествие подтолкнуло весь Юго-Запад к действиям. Были вызваны добровольцы, а законодательное собрание Теннесси приняло решение истребить все племя. Эндрю Джексон с полковником Кофе нанес решающие поражения при Талладеге и Тохопеке, или Подковообразной излучине на реке Таллапуса, и крики были вынуждены запросить мира. По договору в Форт-Джексоне (9 августа 1814 года) будущий президент, ныне генерал-майор регулярной армии, командовавший в Мобиле, потребовал, чтобы несчастный народ отдал более половины своих земель в качестве компенсации за расходы на войну, чтобы он не поддерживал связи с испанским гарнизоном или городом, чтобы он разрешил проложить необходимые дороги или построить форты в любой части территории и чтобы он выдал пророков, которые подстрекали к войне. Последнее требование было нелепым, или только для морального эффекта, ведь так называемые пророки уже были оставлены мертвыми на поле боя. Однако крики были полностью разбиты, а Джексон перешел к славе и судьбе в битве при Новом Орлеане 8 января 1815 года. В апреле этого года он был назначен главнокомандующим Южной дивизией.⁷⁶ Вскоре выяснилось, что его главной задачей в этом качестве является борьба с семинолами.

На реке Аппалачикола англичане отстроили старый форт, назвав его Британским постом на Аппалачиколе. В начале лета 1815 года командиру, Николлсу, приспичило отправиться в Лондон, и он взял с собой своих солдат, вождя Фрэнсиса и нескольких криков, оставив в форте семьсот шестьдесят три бочки пушечного пороха, двадцать пять сотен мушкетов, множество пистолетов и другого военного оружия. Негры из Джорджии, пришедшие в эти окрестности, которых насчитывалось не менее тысячи и которые имели несколько ухоженных ферм по берегам реки, теперь заняли форт и сделали его своей штаб-квартирой. К ним присоединилось несколько криков, и так называемый негритянский форт вскоре стал вызывать страх у всех белых, кто жил поблизости. На требования испанского губернатора подавить его последовали угрозы использовать солдат Соединенных Штатов, и генерал Гейнс, согласно приказу, полученному в секции, написал Джексону, прося разрешения построить рядом с границей еще один пост, который можно было бы использовать в качестве базы для любого движения, целью которого было бы одолеть негров. Джексон с готовностью удовлетворил просьбу, заявив: "Я не сомневаюсь, что этот форт был создан какими-то злодеями с целью убийства, грабежа и разбоя, и что он должен быть взорван независимо от того, на какой земле он стоит. Если вы пришли к такому же выводу, разрушите его и верните украденных негров и имущество их законным владельцам". Соответственно, Гейнс построил форт Скотт неподалеку от места, где Флинт и Чаттахочи соединяются, образуя Аппалачикулу. Гейнсу приходилось проходить мимо негритянского форта, доставляя припасы своим людям, и 17 июля 1816 года лодки американцев оказались в пределах досягаемости форта и открыли огонь. Произошла предварительная перестрелка, а затем, поскольку стены были слишком неподатливы, чтобы их можно было разрушить легким огнем, "раскаленный на камбузе повара шар был заложен в пушку и с криком переброшен через стену и отправлен в магазин. Грохот, шок, сцену, последовавшую за этим, можно представить, но не описать. Семьсот бочек пороха разнесли в клочья землю, форт и всех жалких существ в нем. Двести семьдесят мужчин, женщин и детей погибли на месте. Из шестидесяти четырех человек, взятых живыми, большее число умерло вскоре после этого."⁷⁷

Семинолы, которых на Западе все чаще отождествляют с криками, были разгневаны тем, что им не удалось вернуть земли, потерянные по договору в Форт-Джексоне, а также в результате строительства Форта Скотт. Одно из поселений, Фоултаун, расположенное в пятнадцати милях к востоку от Форта Скотт, было особенно взволновано и осенью 1817 года направило американцам предупреждение "не пересекать и не рубить ни одной палки леса на восточной стороне Флинта". Предупреждение было воспринято как вызов; утром в ноябре Фоултаун был взят, и началась война семинолов.

2. Первая Семинольская война и договоры Индиан-Спринг и Форт-Мултри

В ходе Первой семинольской войны (1817-18 гг.) Джексон безжалостно уничтожил города индейцев; он также взял Пенсаколу и вызвал международные трудности своей довольно жестокой казнью двух британских подданных, Арбутнота и Амбристера, которые были торговцами у индейцев и поддерживали с ними в целом приятные отношения. За свое поведение, особенно в этом последнем случае, он подвергся резкой критике в Конгрессе, но для его растущей популярности показательно, что ни один официальный вотум недоверия не был вынесен против него. После уступки Флориды Соединенным Штатам он был назначен губернатором территории, но пробыл на этом посту лишь короткий срок. Уже в 1822 году законодательное собрание Теннесси выдвинуло его кандидатуру на пост президента, а в 1823 году он был направлен в Сенат Соединенных Штатов.

Особое значение в истории криков в это время имел договор Индиан-Спринг от 8 января 1821 года, незаконное соглашение, при подписании которого не обошлось без подкупа и

огненной воды. По нему крики уступили Соединенным Штатам в пользу Джорджии пять миллионов акров своих самых ценных земель. Денежными средствами они должны были получить 200 000 долларов, выплаты по которым растягивались на четырнадцать лет. Кроме того, правительство Соединенных Штатов должно было хранить 250 000 долларов в качестве фонда, из которого граждане Джорджии должны были получить компенсацию за любые "претензии" (разумеется, за беглых рабов), которые граждане штата имели к Крикам до 1802 года.⁷⁸ При фактическом исполнении этого соглашения раб часто оценивался в два или три раза выше его реальной стоимости, и Крики должны были платить независимо от того, был ли беглец с ними или нет. Все возможные претензии, однако, составили 101 000 долларов. Таким образом, в руках правительства оставалось 149 000 долларов. Эта сумма не была передана индейцам, как можно было ожидать, а сохранялась до 1834 года, когда заинтересованные граждане Джорджии подали прошение о разделе. Просьба была передана в Комиссию по делам индейцев, и ее председатель, Гилмер из Джорджии, высказался за то, чтобы разделить деньги между просителями в качестве компенсации за "потомство, которое родили бы рабы, если бы остались в рабстве". Это предложение было в свое время отвергнуто, но впоследствии раздел все же был произведен, и история не знает более вопиющих нарушений всех принципов чести и справедливости.

Первая Семинольская война, хотя и была в некотором роде катастрофической для индейцев, на самом деле была не более чем предварительной стычкой конфликта, которому суждено было прекратиться лишь в 1842 году. В целом индейцы, помня о разрушительных последствиях войны 1812 года, не принимали на себя полных обязательств и не торопились. На самом деле они были настолько скрытны, что заставили американцев недооценивать их реальную численность. Однако когда уступка Флориды была официально завершена (17 июля 1821 года), оказалось, что они занимают самые лучшие участки земли на этой территории. 20 мая 1822 года полковник Гад Хамфрис был назначен их агентом, а Уильям П. Дюваль, как губернатор территории, по должности был суперинтендантом по делам индейцев. Всего индейцев в это время, согласно официальным подсчетам, насчитывалось 1594 мужчины, 1357 женщин и 993 ребенка, итого 3944 человека, из них 150 негров-мужчин и 650 негров-женщин и детей.⁷⁹ В интересах этих людей Хамфрис добросовестно трудился в течение восьми лет, и не малая доля сравнительного спокойствия в период его службы приходится на его собственное сочувствие, здравый смысл и терпение.

Весной 1823 года индейцы были удивлены предложением заключить договор, который бы определенно ограничил их границы и определил их будущие отношения с белым человеком. Представительные вожди не желали участвовать в конференции, крайне неохотно встречались с уполномоченными и, в конце концов, пришли на встречу, движимые лишь надеждой, что могут быть достигнуты такие условия, которые навсегда гарантируют им мирное владение своими домами. После весьма решительных протестов некоторых из них 18 сентября 1823 года в форте Моултри, расположенном на побережье в пяти милях ниже Сент-Огастина, был подписан договор, представителями которого от США были Уильям П. Дюваль, Джеймс Гадсден и Бернар Сегуи. Из этого договора мы узнаем, что индейцы, учитывая тот факт, что они "бросились под защиту Соединенных Штатов и обещали оставаться под защитой какой-либо другой нации, державы или суверенитета; и в свете обещаний и условий, данных ниже, уступают и отказываются от всех притязаний или прав собственности, которые они имеют на всю территорию Флориды, за исключением того района страны, который будет выделен им в соответствии с настоящим договором". Они должны иметь ограниченные границы, крайняя точка которых не должна приближаться к Мексиканскому заливу ближе, чем на пятнадцать миль. Соединенные Штаты обещают, как только индейцы поселятся на своей новой земле, распределить под руководством их агента "орудия

земледелия и поголовье крупного рогатого скота и свиней на сумму в шесть тысяч долларов и ежегодную сумму в пять тысяч долларов в год в течение двадцати последующих лет"; и "удерживать и предотвращать всех белых людей от охоты, поселения или иного вторжения" на земли, отведенные для индейцев, хотя любой американский гражданин, имеющий законное разрешение, может проезжать и возвращаться в пределах указанного округа и плавать по его водам "без каких-либо препятствий, пошлин или поборов со стороны указанных племен". Для облегчения переселения и в качестве компенсации за любые потери или неудобства Соединенные Штаты должны предоставить пайки кукурузы, мяса и соли на двенадцать месяцев, а также специальные ассигнования в размере 4500 долларов для тех, кто произвел улучшения, и еще 2000 долларов для облегчения транспортировки. Агент, субагент и переводчик должны проживать в пределах индейской границы "для наблюдения за интересами указанных племен"; кроме того, Соединенные Штаты обязуются "в качестве доказательства своей гуманной политики по отношению к указанным племенам" выделять 1000 долларов в год в течение двадцати лет на создание школы и 1000 долларов в год в течение того же периода на содержание оружейника и кузнеца. Важнейшее значение имеет статья 7: "Вышеупомянутые вожди и воины, за себя и за племена, обязуются быть активными и бдительными в предотвращении возвращения или прохождения через отведенный им район страны любых беглых рабов или лиц, скрывающихся от правосудия; и далее соглашаются приложить все необходимые усилия для задержания и доставки их агенту, который получит приказ о выплате им компенсации в соответствии с понесенными хлопотами и расходами". Мы подробно остановились на положениях этого договора, потому что в нем содержались все семена будущих проблем между белым человеком и индейцем. Шесть видных вождей - Неа Матла, Джон Блант, Туски Хаджо, Мулатто Кинг, Эматлочи и Экончаттимико - категорически отказались подписывать договор, и их знаки были получены только после того, как каждому из них была предоставлена специальная резервация площадью от двух до четырех квадратных миль за пределами границ семинолов. Старый Неа Матла, по сути, так и не принял договор добросовестно, а когда пришло время исполнять соглашение, он призвал своих воинов к сопротивлению. Губернатор Дюваль ворвался на его военный совет, сместил вождей и возвысил тех, кто выступал за мирное переселение. Семинолы удалились на свои новые земли, но Неа Матла был вынужден практически уйти в изгнание. Он ушел к крикам, которые возвели его в достоинство вождя. Вскоре семинолы поняли, что их ограничивают некоторыми сосновыми лесами, ничуть не более плодородными, чем их старые земли, и ситуация не улучшилась из-за одного или двух сезонов засухи. Чтобы смягчить их недовольство, им было отдано еще двадцать квадратных миль к северу, но в качестве компенсации за эту новую уступку их рацион был немедленно сокращен.

3. От договора в форте Моултри до договора в Пейнс-Лэндинге

Затем последовали десять лет посягательств, оскорблений и растущей вражды. Похитители постоянно таились вблизи индейских владений, а случаи нанесения обид, которые не были устранены, усиливали ожесточение и злобу. Под датой 20 мая 1825 года Хамфрис⁸⁰ написал в Индейское бюро, что белые поселенцы уже толпятся в окрестностях индейской резервации и, вероятно, станут доставлять беспокойство. Что касается недавних беспорядков, то, написав из Сент-Огастина 9 февраля 1825 года, он сказал: "Из всего, что я могу узнать здесь, почти нет сомнений в том, что беспорядки в окрестностях Таллахасси, которые в последнее время вызвали столько шума, были вызваны неоправданным поведением белых, подобным тому, которое, похоже, стремится узаконить законодательный орган территории. В самом деле, утверждается, что один индеец был так жестоко избит плетью главой семьи, уничтоженной в ходе этих беспорядков, что это привело к его смерти; если это так, то

последующие действия индейцев, какими бы прискорбными они ни были, следует рассматривать как месть, и я не могу не сожалеть о том, что впоследствии на них "охотились" с такой неумолимой местью". Слово "охотились" Хамфрис использовал с умыслом, поскольку, как мы увидим позже, когда война возобновилась, одним из распространенных средств борьбы, применяемых американскими офицерами, было использование ищейки. Иногда у индейцев отбирали ружья, чтобы им не с чем было преследовать. Однажды, когда индейцев вели в штаб, женщину, находившуюся на большом сроке беременности, повели вперед с такой поспешностью, что у нее начались преждевременные роды, едва не оборвавшие ее жизнь. Однако более значительным, чем все остальное, было постоянное отрицание прав индейцев в суде в делах, касающихся белых мужчин. Как сказал Хамфрис, огромные неудобства, в которых семинолы находились в качестве свидетелей, "уничтожали все, что напоминало равенство прав". Некоторые из негров, которые у них были, родились среди них, а другие были куплены у белых и должным образом оплачены. Однако расписки не выдавались, и часто предпринимались попытки вернуть негров силой. Индеец, осознавая свои права, горячо протестовал против таких попыток и, естественно, был намерен противостоять всем попыткам отнять у него его законно приобретенную собственность.

Однако к 1827 году законодательное собрание территории начало обращаться к Конгрессу с меморандумом и просьбой о полном выселении индейцев. Тем временем негритянский вопрос становился все более актуальным, и из военного министерства поступали все более императивные приказы Хамфрису о возвращении определенных негров. Однако для Дювала и Хамфриса, которые должны были фактически исполнять поручения, задача не всегда была такой простой. Под датой 20 марта 1827 года первый писал второму: "Многие рабы, принадлежащие белым, сейчас находятся во владении белых людей; эти рабы не могут быть получены их индейскими владельцами без судебного процесса, и я не вижу причин, по которым индейцы должны быть вынуждены выдать всех рабов, на которых претендуют наши граждане, если эта выдача не является взаимной". Тем временем от индейцев начали удерживать аннуитет, чтобы заставить их вернуть негров, а дружественный вождь Хикс постоянно ждал Хамфриса, но агент оказался не более влиятельным, чем он сам. Так продолжалось в течение 1829 и 1830 годов. В нарушение всех юридических процедур от индейцев постоянно *требовали заранее отказаться от имущества, находящегося в их владении, чтобы решить вопрос с претензиями*. 21 марта 1830 года Хамфрису сообщили, что он больше не является агентом индейцев. Он честно отстаивал интересы этого народа, но его усилия не соответствовали политике новой администрации.

В чем заключалась эта политика, можно понять из специального послания Джексона по делам индейцев от 22 февраля 1831 года. Сенат запросил информацию о поведении правительства в связи с законом от 30 марта 1802 года "о регулировании торговли и сношений с индейскими племенами и сохранении мира на границах". Споры о нуллификации были у всех на уме, и уже возникли трения между новым президентом и аболиционистами. Несмотря на отношение Джексона к Южной Каролине, его послание в данном случае было тщательной защитой всей теории прав штатов. Ничто в поведении федерального правительства по отношению к индейским племенам, настаивал он, никогда не было направлено на то, чтобы атаковать или даже поставить под сомнение права суверенного штата. В одном отношении южные штаты, похоже, были исключением. "Еще в 1784 году поселения в пределах Северной Каролины были продвинуты дальше на запад, чем это позволяла власть штата, чтобы заставить их подчиняться своим законам". После революции племена опустошили границы. "В этих условиях первые договоры с чероки были заключены правительством Соединенных Штатов в 1785 и 1790 годах". Все это, по словам Джексона, никоим образом не повлияло на отношение индейцев к штату, в котором они

проживали, и он заключил следующим образом: "По отношению к этой расе людей я питаю самые добрые чувства и не чувствую, что взгляды, которых я придерживаюсь на их истинные интересы, менее благоприятны для них, чем те, которые выступают против их эмиграции на Запад. Много лет назад я высказал им свое мнение, что если штаты решат распространить на них свои законы, то федеральное правительство будет не в силах этому помешать. Мое мнение остается прежним, и я не вижу для них иной альтернативы, кроме переселения на Запад или спокойного подчинения законам штатов. Если они предпочтут уехать, Соединенные Штаты согласятся оплатить их расходы, предоставить им средства передвижения и годовое содержание после того, как они достигнут своего нового дома - положение слишком либеральное и доброе, чтобы нести на себе печать несправедливости. Любой из этих вариантов обещает им мир и счастье, в то время как упорное стремление сохранить свои владения независимо от государственной власти не может не сделать их положение еще более беспомощным и жалким. Поэтому все, кто искренне сочувствует судьбе этого своеобразного народа, и особенно политические органы Союза, должны отвергать подобные попытки, как рассчитанные на нарушение гармонии двух правительств и ставящие под угрозу безопасность многих благ, которыми они позволяют нам наслаждаться".

Формально провозглашенная таким образом политика уже находилась в практической реализации. В последние дни правления Джона Куинси Адамса в Вашингтон прибыла делегация, чтобы изложить администрации претензии народа чероки. Формальный прием делегации выпал на долю Итона, нового военного министра. Чероки утверждали, что они не только не имеют никаких прав в судах Джорджии в делах, касающихся белых людей, но и что Джорджия уведомила их о том, что все законы, обычаи и соглашения, действующие в стране индейцев, будут недействительны после 1 июня 1830 года; естественно, они хотели вмешательства федерального правительства. Итон пространно ответил, напомнив черокам, что они приняли сторону Англии в войне 1812 года, что теперь они находятся на американской земле только по принуждению, и что центральное правительство не может нарушать права штата Джорджия; он настоятельно советовал немедленно уехать на Запад. Чероки, совершенно сломленные, действовали в соответствии с этим советом; то же самое в 1832 году сделали и крики, которым Джексон направил специальное обращение, призывающее к переселению как единственному основанию для федеральной защиты.

Семинолам еще в 1827 году были сделаны предложения об удалении; но до того, как договор в Форт-Мултри вступил в силу, на них стали посягать, и они, в свою очередь, стали медлить с возвращением беглых рабов. Из некоторых пунктов договора в Форт-Мултри, как быстро отметили некоторые вожди, следовало, что он будет действовать в течение двадцати лет; и они считали, что любая медлительность с их стороны в отношении возвращения негров полностью сводится на нет усилиями профессиональных похитителей негров, с которыми им приходилось иметь дело.

Однако в начале 1832 года полковник Джеймс Гадсден из Флориды получил указание от Льюиса Касса, военного министра, начать переговоры об удалении индейцев из Флориды. Против конференции было много возражений, но в конце концов индейцев собрали в Пейнс-Лэндинге на реке Оклаваха, всего в семнадцати милях от форта Кинг. Здесь 9 мая 1832 года с ними был заключен договор, имеющий огромное значение в истории семинолов. Полный текст был следующим:

ДОГОВОР О ВЫСАДКЕ ПАЙНА, 9 МАЯ 1832 ГОДА

В то время как девятого мая тысяча восемьсот тридцать второго года в Пейнс-Лэндинге, на

реке Оклаваха, Джеймс Гадсден, комиссар со стороны Соединенных Штатов, и вожди и старосты индейцев семинолов со стороны указанной нации, заключили договор между Соединенными Штатами и индейцами семинолов; этот договор заключается в следующем, а именно:

Индейцы семинолы, с должным уважением относясь к заботе, проявленной Президентом Соединенных Штатов об улучшении их положения, рекомендуя переселиться в страну, более подходящую для их привычек и нужд, чем та, которую они в настоящее время занимают на территории Флориды, согласны, чтобы их доверенные вожди, Джампер, Фуч-а-лус-то-хад-жо, Чарли Эматла, Кой-хад-жо, Холати-Эматла, Я-ха-хад-жо, Сэм Джонс, в сопровождении их агента, майора Джона Фагана, и их верного переводчика Абрахама, должны быть посланы за счет Соединенных Штатов, как только это будет удобно, для изучения страны, отведенной крикам, к западу от реки Миссисипи, и если они будут удовлетворены характером страны и благоприятным расположением криков к воссоединению с семинолами в качестве одного народа; Статьи договора и соглашения, заключенного в Пейнс-Лэндинге, на реке Оклаваха, в девятый день мая тысяча восемьсот тридцать второго года между Джеймсом Гадсденом, от имени правительства Соединенных Штатов, и нижеподписавшимися вождями и старостами, от имени индейцев семинолов, будут обязательными для соответствующих сторон.

Статья I. Индейцы семинолы отказываются от всех притязаний Соединенных Штатов на земли, которые они в настоящее время занимают на территории Флориды, и соглашаются эмигрировать в страну, закрепленную за криками, к западу от реки Миссисипи, при том понимании, что к территории криков будет добавлена дополнительная территория, пропорциональная их численности, и что семинолы будут приняты как составная часть нации криков и будут вновь наделены всеми привилегиями как ее члены.

Статья II. За отказ от притязаний в первой статье настоящего соглашения и в качестве полной компенсации за все улучшения, которые могли быть сделаны на уступленных таким образом землях, Соединенные Штаты обязуются выплатить индейцам семинолам пятнадцать тысяч четыреста (15 400) долларов, которые будут разделены между вождями и воинами нескольких городов в соотношении, пропорциональном их населению, причем соответствующие доли каждого будут выплачены по прибытии в страну, куда они согласны переселиться; При этом подразумевается, что их верные переводчики, Авраам и Куджо, получат по двести долларов из вышеуказанной суммы в качестве полного вознаграждения за улучшения, которые будут оставлены на землях, ныне ими обрабатываемых.

Статья III. Соединенные Штаты соглашаются раздать каждому из воинов, женщин и детей индейцев племени семинолов, когда они прибудут в свои новые дома на территории Крик, к западу от реки Миссисипи, по одеялу и домотканой рясе.

Статья IV. Соединенные Штаты соглашаются продлить аннуитет на содержание кузнеца, предусмотренный в шестой статье договора в Кэмп-Мултри, на десять (10) лет сверх оговоренного в нем срока, и в дополнение к другим аннуитетам, обеспеченным по этому договору, Соединенные Штаты соглашаются выплачивать сумму в три тысячи (3 000) долларов в год в течение пятнадцати (15) лет, начиная с момента удаления всего племени; Эти суммы должны быть добавлены к аннуитетам криков, и вся сумма должна быть разделена таким образом, чтобы вожди и воины индейцев семинолов могли получать свою справедливую долю, как члены конфедерации криков.

Статья V. Соединенные Штаты примут скот, принадлежащий семинолам, по оценке какого-либо благонамеренного лица, которое будет назначено президентом, и он будет оплачен деньгами соответствующим владельцам после их прибытия на новое место жительства; или им будет предоставлен другой скот, какой они пожелают; уведомление об их желаниях по этому вопросу будет передано через их агента до их переселения, чтобы было предоставлено время для удовлетворения спроса.

Статья VI. Семинолы, желая освободиться от постоянных назойливых требований рабынь и другого имущества, якобы украденного и уничтоженного ими, чтобы они могли без помех переехать на новое место жительства, Соединенные Штаты соглашаются провести расследование этого имущества (должным образом) и ликвидировать то, что будет удовлетворительно установлено, при условии, что сумма не превысит семи тысяч (7000) долларов.

Статья VII. Индейцы семинолы переселяются в течение трех (3) лет после ратификации настоящего соглашения, и расходы на их переселение будут покрыты Соединенными Штатами, и им также будет предоставлено такое пропитание на срок не более двенадцати (12) месяцев после их прибытия на новое место жительства, какого, по мнению Президента, могут потребовать их численность и обстоятельства; Эмиграция должна начаться как можно раньше в тысяча восемьсот тридцать третьем (1833) году, и с теми индейцами, которые в настоящее время занимают Большое Болото и другие части страны за пределами, как определено во второй статье договора, заключенного в Кэмп-Мултри-Крик, так что вся эта часть семинолов может быть удалена в течение вышеуказанного года, а остальная часть племени, примерно в равных пропорциях, в течение последующих восемнадцатисот тридцать четвертого и пятого годов (1834 и 1835).

В подтверждение этого уполномоченный Джеймс Гадсден и нижеподписавшиеся вожди и старосты индейцев семинолов настоящим подписали свои имена и скрепили их печатями.

Совершено в лагере, в Пейнс-Лэндинге, на реке Окловаха, на территории Флориды, в этот девятый день мая тысяча восемьсот тридцать второго года, а независимости Соединенных Штатов Америки - пятьдесят шестого.

(Джеймс Гадсден. Л.С.

Холати Эматлар, его знак X.

Прыгун, его знак X.

Куджо, переводчик, его знак X.

Эрастус Роджерс.

В. Джоскан.

Холати Эматлар, его знак X.

Прыгун, его знак X.

Фух-та-лус-та-Хаджо, его знак X.

Чарли Эматла, его знак X.

Кои Хаджо, его знак X.

Ар-пи-ук-и, или Сэм

Джонс, его знак X.

Я-ха-Хаджо, его знак X.

Мико-Ноба, его знак X.

Токосе Эматла, или

Джон Хикс, его знак X.

Кат-ша-Тустенугги, его знак X.

Холат-а-Микко, его знак X.

Хич-ит-и-Микко, его знак X.

Э-на-ха, его знак X.

Я-ха-Эматла-Чопко, его знак X.

Моки-хи-ше-лар-ни, его знак X.

Итак, да будет известно, что я, Эндрю Джексон, президент Соединенных Штатов Америки, ознакомившись с указанным договором и рассмотрев его, по совету и с согласия Сената, выраженного в его резолюции от восьмого дня апреля тысяча восемьсот тридцать четвертого года, принимаю, ратифицирую и подтверждаю его, а также все его пункты и статьи.

В удостоверение чего я скрепляю настоящий документ печатью Соединенных Штатов, подписав его своей рукой. Совершено в городе Вашингтоне в двенадцатый день апреля, в год Господа нашего тысяча восемьсот тридцать четвертый, и в год независимости Соединенных Штатов Америки пятьдесят восьмой.

(ЭНДРЮ ДЖЕКСОН. От президента,
ЛУИС МАКЛАН, государственный секретарь.

Как видно, по условиям этого документа семь вождей должны были отправиться и обследовать страну, отведенную крикам, и что их должны были сопровождать майор Джон Фаган, преемник Хамфриса, и негр-переводчик Абрахам. О характере Фагана можно судить по тому, что вскоре он оказался в долгу у разных индейцев и у Абрахама, а также по тому, что он оказался скуп на счета. Пока индейские вожди находились на Западе, три уполномоченных Соединенных Штатов обсуждали с ними пригодность страны для будущего дома, и в Форт-Гибсоне, Арканзас, 28 марта 1833 года, их убедили подписать дополнительный договор, в котором было следующее предложение: "И нижеподписавшиеся вожди семинолов, делегированные, как указано выше, от имени своей нации, настоящим заявляют, что они вполне удовлетворены местом, предоставленным им комиссарами, и соглашаются, что их нация начнет переселение в свой новый дом, как только правительство примет меры для их эмиграции, удовлетворительные для нации семинолов". Разумеется, у них не было полномочий действовать по собственной инициативе, и когда в апреле 1833 года все вернулись и Фаган объяснила, что произошло, семинолы высказались недвусмысленно. Вожди, уехавшие на Запад, упорно отрицали, что они отказались от каких-либо прав на землю, но, тем не менее, их осуждали как агентов обмана. Некоторые из старых вождей, высшим авторитетом среди которых был Миканопи, решили сопротивляться попыткам лишить их собственности; а Джон Хикс, которого, похоже, заменил в комиссии Сэм Джонс, был убит за то, что слишком настойчиво выступал за миграцию. Тем временем договор Пейнс-Лэндинг был ратифицирован Сенатом США и провозглашен президентом Джексон 12 апреля 1834 года как вступивший в силу, а вместе с ним был ратифицирован и дополнительный договор Форт-Гибсон. Однако семинолы не спешили уходить, и девяносто белых жителей округа Алачуа направили президенту протест, утверждая, что индейцы не возвращают своих беглых рабов. Джексон был разгневан и, даже не дожидаясь официальной ратификации договоров, отправил документ военному министру с припиской на обороте, предписывающей ему "расследовать предполагаемые факты и, если они окажутся правдивыми, дать указание семинолам готовиться к уходу на запад и присоединиться к крикам". Генерал Уайли Томпсон был назначен преемником Фагана на посту агента, а генерал Дункан Л. Клинтон был назначен командующим войсками, чьи услуги, как считалось, могут понадобиться. Именно в этот момент Оскэола выступил в качестве ведущего духа своего народа.

4. Оскэола и Вторая семинольская война

Оскеоле (Ассеола, или Ас-се-хе-хо-лар, иногда его называют Пауэлл, потому что после смерти отца его мать вышла замуж за белого человека с таким именем⁸¹) было не более тридцати лет. Он был стройным, среднего роста и слегка круглоплечим, но при этом хорошо сложенным, мускулистым и способным переносить сильное переутомление. У него были светлые, глубокие, беспокойные глаза, пронзительный голос, и он был большим поклонником порядка и техники. Он преуспел в атлетических состязаниях, а в ранние годы с удовольствием участвовал в военных тренировках с белыми людьми. Поскольку он не был вождем ни по происхождению, ни по формальному избранию, от него не ожидали права

голоса при принятии важных решений; но он был прирожденным лидером и сделал больше, чем любой другой человек, чтобы организовать семинолов на сопротивление. Вряд ли стоит говорить, что только его влиянию была обязана борьба, которая в итоге обошлась в 10 000 000 долларов и унесла тысячи жизней. Никогда патриот не сражался так доблестно за своих, и к вечному позору американского оружия тот факт, что он был захвачен в плен под флагом перемирия.

Нелишне на мгновение остановиться и поразмыслить о некоторых более глубоких мотивах, которые лежали в основе предстоящего поединка. Выдающийся конгрессмен⁸², выступая в Палате представителей несколько лет спустя, красноречиво коснулся некоторых событий этих тревожных лет. Давайте вспомним, что это было время создания обществ по борьбе с рабством, ярко выраженной активности аболиционистов, а также вспомним, что восстание Ната Тернера было еще свежо в общественном сознании. Гиддингс четко сформулировал проблему, как она представлялась жителям Севера, когда сказал: "Я считаю, что если рабы Джорджии или любого другого штата покидают своих хозяев, федеральное правительство не имеет конституционных полномочий использовать нашу армию или флот для их возвращения или использовать национальное достояние для их выкупа". Не может быть никаких сомнений в том, что война в значительной степени велась из-за беглых рабов. Под датой 28 октября 1834 года генерал Томпсон писал комиссару по делам индейцев: "В этом народе [семинолов] есть много очень вероятных негров. Некоторые из белых в соседних поселениях проявляют беспокойное желание заполучить их, и я не сомневаюсь, что выращенные индейцами негры сейчас находятся во владении белых". В письме от 20 января 1834 года губернатор Дюваль уже сообщал тому же чиновнику: "Рабы, принадлежащие индейцам, имеют контролирующее влияние на умы своих хозяев и полностью противятся любой смене места жительства". Шесть дней спустя он писал: "Рабы, принадлежащие индейцам, должны бояться за себя, прежде чем они перестанут влиять на умы своих хозяев..... Первым шагом на пути к эмиграции этих индейцев должно стать уничтожение беглых рабов и индейцев-нелегалов". А газета "Новоорлеанский курьер" от 27 июля 1839 года отразила все опасения того времени, заявив: "Каждый день промедления в покорении семинолов увеличивает опасность восстания среди рабов".

В то же время несправедливость и обиды по отношению к индейцам продолжались. Эконхаттимико, хорошо известный как один из тех вождей, которым по договору в Форт-Мултри были предоставлены специальные резервации, был владельцем двадцати рабов стоимостью 15 000 долларов. Заметив негров-похитителей, околачивающихся вокруг его владений, он вооружился сам и вооружил своих людей. Затем похитители приступили к осуществлению своих замыслов, распространив сообщение о том, что индейцы вооружаются для объединения с основной массой семинолов с целью массового истребления белых людей. Столкнувшись с этим обвинением, Эконхаттимико бросил оружие и перешел под защиту правительства, а его негров тут же забрали и продали в рабство.

Аналогичный случай произошел с Джоном Уокером, вождем племени аппалачикола, который написал Томпсону 28 июля 1835 года: "Я вынужден написать вам в связи с грабежами, которые совершает и пытается совершить на мою собственность компания негров-крадунов, некоторые из которых родом из Колумбуса, штат Гавайи, и связали себя с Брауном и Дугласом. Я хотел бы получить ваш совет, как мне поступить. Я не люблю создавать или иметь какие-либо трудности с белыми людьми. Но если они посягнут на мою территорию и мои права, я должен защищаться как могу. Если они попытаются это сделать, а я не сомневаюсь, что они это сделают, им придется нести ответственность за последствия. *Но разве нет гражданского закона, который бы защитил меня?* Неужели свободные негры

и негры, принадлежащие этому городу, должны быть украдены публично, перед лицом закона и правосудия, унесены и проданы, чтобы набить карманы этих хуже, чем сухопутные пираты? Дуглас и его компания наняли человека, у которого для этой цели есть две большие дрессированные собаки, чтобы он спустился и забрал Билли. Он из Мобила и зарабатывает на жизнь ловлей беглых негров".

Таковы были мотивы, страхи и инциденты в годы, последовавшие сразу за договором в Пейнс-Лэндинге. Начиная с конца 1834 года и до апреля 1835 года, Томпсон провел ряд конференций с вождями семинолов. На этих встречах Миканопи, под влиянием Осколы и других молодых семинолов, занял более определенную позицию, чем он мог бы занять в противном случае. Особенно он настаивал на договоре: он понимал, что вожди, отправившиеся на запад, должны были *осмотреть* страну, и, со своей стороны, знал, что по возвращении они представят неблагоприятный отчет. Тогда Томпсон, разозлившись, предъявил ультиматум, в котором говорилось, что если договор не будет соблюден, то аннуитет от великого отца в Вашингтоне прекратится. На это Оскола, выйдя вперед, ответил, что ему и его воинам все равно, если они никогда не получают от великого отца ни одного доллара, и, достав свой нож, вонзил его в стол и сказал: "Единственный договор, который я выполню, будет заключен с этим". С этого момента между молодым семинолом и Томпсоном возникла смертельная вражда. Все больше и больше Оскэола заявлял о себе, постоянно утверждая мужчинам своего народа, что тот, кто рекомендует эмиграцию, является врагом семинолов, и в конце концов он пришел к пониманию со многими из них, что договору будут сопротивляться ценой собственной жизни. Однако 23 апреля 1835 года Томпсон провел своего рода тайную конференцию с шестнадцатью вождями, которые, как ему казалось, были благосклонны к миграции, и убедил их подписать документ о "свободном и полном" согласии с договорами Пейнс-Лэндинг и Форт-Гибсон. На следующий день состоялось официальное собрание, на котором агент, поддерживаемый Глинчем и его солдатами, в очень резкой форме отчитал индейцев. Его слова были встречены стонами, гневной жестикуляцией и лишь полузаглушенными проклятиями. Глинч попытался обратиться к индейцам и объяснить им, что сопротивление неразумно и бесполезно. Томпсон, однако, со свойственной ему бестактностью, поспешил продолжить свой путь и, узнав, что пять вождей были категорически против договора, самовольно вычеркнул их имена из списка вождей, что не могло не вызвать у семинолов удивления. Кроме того, сразу же после конференции он запретил продавать индейцам оружие и порох. Дружественным вождям было дано понять, что у народа есть время до 1 января 1836 года, чтобы подготовиться к переселению, а к этому времени все должны были собраться в форте Брук, в заливе Тампа, для эмиграции.

Примерно в первых числах июня Оскэола, выполняя спокойное торговое поручение, заехал в форт Кинг. С ним была его жена, дочь мулатки-рабыни, которая много лет назад сбежала и вышла замуж за индейского вождя. По южным законам эта женщина следовала за своей матерью, и когда бывший хозяин матери появился на месте и потребовал дочь, Томпсон, желавший преподать Оцеоле урок, с готовностью согласился отдать ее в плен.⁸³ Оцеола был очень разгневан, и на этот раз настала его очередь возмущать агента. Томпсон одолел его и заковал в кандалы, в которых он пробыл большую часть двух дней. Во время этого плена его душа замышляла месть, и в конце концов он тоже задумал "*уловку войны*". Притворившись согласным с договором, он сказал Томпсону, что если его освободят, то он не только сам подпишет его, но и приведет своих людей. Агент был полностью обманут тактикой Оскэолы. "Верный своим обещаниям, - писал Томпсон 3 июня, - он явился сегодня с семьюдесятью девятью своими людьми, мужчинами, женщинами и детьми, включая тех, кто присоединился к нему после его обращения, и выполнил свое обещание. Он сказал мне, что многие из его

друзей находятся на охоте, и он может и хочет привести их по возвращении. Теперь я не сомневаюсь в его искренности, и так же мало в том, что величайшая трудность преодолена".

Теперь Оскэола быстро начал подготовку к войне, которую, однако, он не хотел начинать до тех пор, пока не будет собран урожай. К осени он был готов, и однажды в октябре, когда он и несколько других воинов встретили Чарли Эматла, у которого при себе было золото и серебро, вырученное от продажи скота перед переселением, они убили этого вождя, а Оскэола разбросал деньги во все стороны, заявив, что никто не должен их трогать, так как это цена крови краснокожего человека. Истинный ход событий стал еще более очевидным для Томпсона и Клинка в ноябре, когда пять вождей, дружелюбно настроенных к миграции, с пятью сотнями своих людей внезапно появились в форте Брук, чтобы попросить защиты. Когда в декабре Томпсон послал семинолам последнее слово о том, что они должны привести своих лошадей и скот, индейцы не пришли в назначенный день; напротив, они отправили своих женщин и детей в глубь страны и приготовились к битве. В конце месяца к Оскэоле прибежал гонец с известием, что часть войск под командованием майора Дейда должна была покинуть форт Брук 25-го числа, а в ночь на 27-е подвергнуться нападению семинолов на болоте Ваху. Сам Оскэола с несколькими своими людьми тем временем затаился в лесу возле форта Кинг, выжидая удобного случая, чтобы убить Томпсона. Днем 28-го числа агент обедал неподалеку от форта в доме сатлера, человека по имени Роджерс, а после ужина вместе с лейтенантом Смитом отправился на гребень соседнего холма. Здесь его застали врасплох индейцы, и он, и Смит упали, пронзенные многочисленными пулями. Затем индейцы пробившись к дому сатлера и убили Роджерса, двух его клерков и маленького мальчика. В тот же день отряд майора Дейда, состоявший из семи офицеров и ста десяти человек, был почти полностью уничтожен, лишь трое спаслись. Дейд и его лошадь были убиты при первом же натиске. Эти две атаки положили начало реальным боевым действиям Второй семинольской войны. О том, что негры работали плечом к плечу с индейцами в этих столкновениях, можно судить по рапорту капитана Белтона,⁸⁴ который сказал: "Лейтенанту Кийсу, третьему артиллеристу, сломали обе руки с первого выстрела; он был не в состоянии действовать, и во время второй атаки негр ударил его томагавком"; и далее: "Негр по имени Гарри управляет группой Pea Band из примерно сотни воинов в сорока милях к юго-востоку от нас, которые причинили большую часть бед и постоянно держат этот пост под наблюдением". Теперь Оскэола объединил силы с теми индейцами, которые напали на Дейда, и ранним утром последнего дня года произошла битва при Оуитлекоочи, отчаянная схватка, в которой и Оскэола, и Глинч показали себя с лучшей стороны. У Клинка было две сотни регулярных войск и пять или шесть сотен волонтеров. Последние разбежались в самом начале поединка и наблюдали за происходящим со стороны; Клинку пришлось приложить немало усилий, чтобы не повторить опыт Дейда. Сам Оскэола был замечен в красном поясе и трех длинных перьях, но, несмотря на то что он был дважды ранен, казалось, что жизнь его была очарована. Он расположился за деревом, откуда постоянно выбегал вперед, чтобы убить или ранить врага с почти безошибочным прицелом.

После этих первых столкновений бои становились все более ожесточенными, а сражения - все более продолжительными. В начале войны агент по выдаче денег сообщил, что в стране насчитывается всего три тысячи индейцев, включая негров; но это было явное преуменьшение. В течение следующих полутора лет индейцы были сильно потеснены, а до конца этого периода на сцене появился печально известный Томас С. Джессап в качестве генерал-майора. Этот человек, похоже, решил никогда не использовать почетные средства ведения войны, если какие-то неблагородные инструменты могут послужить его цели. В письме, отправленном полковнику Харви из Тампа-Бей 25 мая 1837 года, он сказал: "Если вы увидите Пауэлла (Оскэолу), передайте ему, что я пошлю и заберу всех негров,

принадлежащих белым людям. И он не должен позволять индейским неграм смешиваться с ними. Скажи ему, что я посылаю на Кубу ищейку, чтобы выследить их; и я намерен повесить каждого из них, кто не придет". Следует отметить, что на ищейки Джессап потратил - или сказал, что потратил, - целых 5 000 долларов, что очень возмутило Гиддингса и других людей с Севера, которые отнюдь не желали видеть такое вложение государственных средств. Приказом № 160 от 3 августа 1837 года Джессап пригласил своих солдат к грабежу и разбою, заявив: "Все индейское имущество, захваченное с этой даты, будет принадлежать корпусу или отряду, который его захватил". Из Сент-Огастина, под датой 20 октября 1837 года, в "конфиденциальном" сообщении он сказал одному из своих лейтенантов: "Если Пауэлл и его воины появятся в форте, захватите его и всю партию. Важно, чтобы он, Дикий Кот, Джон Коваги и Тустенугги были под охраной. Удерживайте их, пока не получите мои приказы относительно них".⁸⁵ Через два дня он смог написать военному министру, что Оскола действительно был взят. Он сказал: "Этот вождь прибыл в окрестности форта Пейтон 20-го числа и послал гонца к генералу Эрнандесу, желая увидеться и поговорить с ним. Сезон болезней закончился, и не было больше необходимости медлить, я послал отряд конных людей, захватил все тело и теперь надежно разместил их в форте". Оскэола, Дикий Кот и другие захваченные таким образом были отправлены в Сент-Огастин; но Дикий Кот сбежал. В конце концов Оскэола был доставлен в форт Моултри в гавани Чарльстона, где в январе (1838 г.) он умер.

Важной в этой общей связи была судьба делегации, которую влиятельный Джон Росс, вождь чероки, убедил послать от своего народа, чтобы побудить семинолов более благосклонно отнестись к миграции. Миканоппи, двенадцать других вождей и несколько воинов сопровождали делегацию чероки в штаб-квартиру армии Соединенных Штатов в форте Меллон, где они должны были обсудить этот вопрос. Эти воины также захватили Джессапа, и Росс написал военному министру достойное, но горькое письмо с протестом против этого "беспрецедентного нарушения того священного правила, которое всегда признавалось всеми народами, цивилизованными и нецивилизованными, относиться со всем уважением к тем, кто когда-либо предстал перед врагом под флагом перемирия, чтобы предложить прекратить войну". Он действительно был самым подлым образом использован в качестве агента обмана.

Эта глава, как мы полагаем, показала истинную природу вопросов, возникших в ходе семинольских войн. В ходе этих споров права индейцев и негров безжалостно игнорировались. Ни один из них не был восстановлен в правах в суде, и в конце концов в отношениях с ними были нарушены все благородные принципы людей и народов. Интересно, что три представителя цветных народов, которых в течение девятнадцатого века было труднее всего захватить - негр Туссен Л'Овертьюр, индеец Оскола и филиппинец Агинальдо - все были взяты путем предательства; и в двух случаях из трех это предательство совершили ответственные офицеры армии Соединенных Штатов.

Сноска 76: (возвращение)

В своем официальном качестве Джексон выступил с двумя обращениями, которые занимают важное место в истории негритянского солдата. Из своей штаб-квартиры в Мобиле 21 сентября 1814 года он выступил с обращением "К свободным цветным жителям Луизианы", предлагая им принять почетное участие в войне, а позже за этим последовало "Обращение к свободным цветным людям", в котором он поздравил их с достигнутыми успехами. Оба обращения можно найти во многих книгах.

Сноска 77: (возвращение)

Макмастер, IV, 431.

Сноска 78: [\(возврат\)](#)

См. J.R. Giddings: *The Exiles of Florida*, 63-66; также речь в Палате представителей 9 февраля 1841 года.

Сноска 79: [\(возврат\)](#)

Sprague, 19.

Сноска 80: [\(возврат\)](#)

Переписка легко доступна в Sprague, 30-37.

Сноска 81: [\(возврат\)](#)

Hodge's *Handbook of American Indians*, II, 159.

Сноска 82: [\(возврат\)](#)

Джошуа Р. Гиддингс, из Огайо. Его исчерпывающая речь о Флоридской войне была произнесена 9 февраля 1841 года.

Сноска 83: [\(возвращение\)](#)

Этот очень важный инцидент, который действительно стал искрой, положившей начало войне, абсолютно игнорируется даже такими хорошо информированными писателями, как Дрейк и Спрэг. Дрейк просто создает впечатление, что ссора между Оскелой и Томпсоном произошла из-за старого вопроса об эмиграции, говоря (413): "Возмущение вскоре переросло в ссору, которая закончилась *уловкой*, с помощью которой Оскелой был взят в плен агентом и посажен в кандалы, в которых он находился одну ночь и часть двух дней". Однако эта история рассказана Макмастером. Также примечание М.М. Козна, процитированное в журнале *Quarterly Anti-Slavery Magazine*, Vol. II, p. 419 (июль, 1837).

Сноска 84: [\(возврат\)](#)

Доступно в Drake, 416-418.

Сноска 85: [\(возврат\)](#)

Эту переписку и многое другое, касающееся данного вопроса, можно найти в документе 327 второй сессии двадцать пятого Конгресса.

ГЛАВА VI

РАННИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ НЕГРОВ

1. Конечная проблема и Миссурийский компромисс

В предыдущей главе⁸⁶ мы уже указывали на рост негритянской проблемы в последнее десятилетие восемнадцатого и первые два десятилетия девятнадцатого века. Что же представляла собой негритянская проблема? Конечно, это был не просто вопрос рабства; в конечном счете этот институт был не более чем инцидентом. Рабство прекратило свое существование, но и по сей день проблема остается с нами. Вопрос заключался скорее в том, какое место в американском политическом теле займет негритянское население, которое так быстро увеличивалось в стране. При ответе на этот вопрос первостепенное значение придавалось самому негру, но вскоре проблема вышла за рамки расы. В конечном итоге речь шла не о неграх, а о судьбе Соединенных Штатов, и все идеалы, на которых основывалась страна, подверглись испытанию. Изучив эти идеалы, человек вскоре понял, что в их основе лежат тевтонские или, по крайней мере, английские устои. Однако к 1820 году молодая американская республика уже начала становиться надеждой всех угнетенных народов Европы, и греки и итальянцы, а также немцы и шведы обращали свои лица к Земле

Обетованной. Весь фон латинской культуры отличался от тевтонского, и все же люди как Южной, так и Северной Европы так или иначе становились частью жизни Соединенных Штатов. Могли ли дети Африки занять в этой жизни постоянное и почетное место? С их особыми традициями и дарами, с их недостатками, прежде всего с их отличительным цветом кожи, могли бы они тоже стать настоящими американскими гражданами? Некоторые говорили "нет", но, занимая такую позицию, они отрицали не только идеалы, на которых была основана страна, но и возможности самой человеческой природы. В любом случае ответ на первый вопрос сразу же предполагал другой: "Что нам делать с негром? По этому поводу мнения сильно разделились, причем не всегда предполагалось, что сам негр может что-то сказать по этому поводу. Одни говорили, что надо выслать негра, избавиться от него любым способом; другие - что если он должен остаться, то держать его в рабстве; третьи - что не надо держать его в рабстве постоянно, а освобождать постепенно; и уже начали появляться люди, которые считали, что негр должен быть освобожден повсюду немедленно, и что после того, как это великое событие произойдет, он и нация вместе должны заняться своим спасением на самом широком плане.

В эту агитацию неожиданно вклинилась заявка Миссури на вступление в Союз в качестве рабовладельческого штата. Борьба, продолжавшаяся в течение двух лет, была в первую очередь политической, но в ходе дискуссии были всесторонне рассмотрены пагубные последствия рабства. Тем временем в 1819 году Алабама и Мэн также подали заявки на вступление. Алабама была принята без особых дискуссий, так как в ней было равное количество рабовладельческих и свободных штатов. Мэн, однако, вызвал больше разговоров. Конгрессмены Юга охотно приняли бы его в качестве свободного штата, если бы Миссури был принят в качестве рабовладельческого штата; но Север считал, что это означало бы уступить слишком много, поскольку Миссури с самого начала подавал надежды на то, что он будет необычайно важным. В конце концов, во многом благодаря влиянию Генри Клея, был принят компромисс, основными положениями которого были (1) принятие Мэна в качестве свободного штата; (2) отсутствие запрета на рабство в Миссури; но (3) запрет на рабство в любых других штатах, которые могут быть образованы в результате Луизианской покупки к северу от линии 36° 30'.

Это соглашение позволило на несколько лет смягчить распри, но теперь очевидно, что Миссурийский компромисс был лишь отсрочкой окончательного противостояния, а социальные вопросы были практически не затронуты. Разумеется, значение первого четкого проведения границы между разделами не осталось незамеченным для вдумчивых людей. Джефферсон писал из Монтчелло в 1820 году: "Этот судьбоносный вопрос, как пожарный колокол в ночи, разбудил и наполнил меня ужасом. Я сразу же воспринял его как удар по Союзу. На данный момент он действительно затих. Но это лишь отсрочка, а не окончательный приговор..... Я могу с чистой совестью сказать, что на земле нет человека, который пожертвовал бы большим, чем я, чтобы избавить нас от этого тяжкого порицания любым *практически возможным* способом. Уступка такого рода собственности, ибо так ее неправильно называют, - это багатель, который не стоил бы мне и второго размышления, если бы таким образом можно было осуществить всеобщее освобождение и *экспатриацию*; а постепенно и с должными жертвами, я думаю, это можно сделать".⁸⁷ Однако в данный момент Юг был озабочен главным образом непосредственными опасностями; и попытка восстания Дании Весей в 1822 году не прибавила этой части спокойствия.⁸⁸ Представитель Южной Каролины,⁸⁹ писавший после этого события, сказал: "Мы считаем наших негров *якобинцами*, против которых мы всегда должны быть начеку и за которыми, хотя мы и не опасаемся никаких необратимых последствий от любых мятежных движений с их стороны, следует наблюдать неусыпно и неотступно". Между тем, если в 1790 году общее число негров

в Южной Каролине составляло 43,72 к 56,28, то к 1820 году оно превысило число белых 52,77 к 47,23, и тенденция все больше склонялась в пользу негров. Юг, да и вся страна в целом, все больше и больше вынуждены были задумываться не только о рабстве, но и об окончательном решении этой проблемы.

Что бы ни думали о выводах - а в данном случае оратор ратовал за колонизацию, - ни одно изложение проблемы в том виде, в каком она поражала людей в 1820 или 1830 годах, не было более четким, чем заявление преподобного доктора Нотта, президента Юнион-колледжа, сделанное в Олбани в 1829 году.⁹⁰ Вопрос, сказал он, отнюдь не локальный. Когда-то рабство было узаконено в Новой Англии; Новая Англия строила невольничьи корабли и укомплектовывала их моряками из Новой Англии. В 1820 году численность рабов в стране составляла 1 500 000 человек. Каждые двадцать лет это число удваивалось, и легко было представить, как оно будет увеличиваться с 1 500 000 до 3 000 000, до 6 000 000, до 12 000 000, до 24 000 000. "Двадцать четыре миллиона рабов! Какой недостаток в нашей силе; какой налог на наши ресурсы; какое препятствие для нашего роста; какое пятно на нашем характере; какое препятствие для исполнения нашей судьбы! Могут ли наши злейшие враги или злейшие враги республик желать нам более сурового приговора?" Как можно было знать, что бодрствующие и проницательные враги извне не обнаружат уязвимое место и не используют его для свержения страны? Или не существовало опасности, что среди людей, которых из века в век изводят, в конце концов появится второй Туссен-Л'Увертюр, который, не задумываясь о последствиях, соберет силы и вызовет движение по всей зоне рабства, оставив за собой плантации и опустевшие особняки? Кто мог поверить, что такая огромная физическая сила навсегда останется заколдованной и спокойной? В конце концов, рабство было обречено; общественное мнение уже высказалось против него, и моральная энергия нации рано или поздно приведет к его свержению. "Но, - продолжал Нотт, - возникает торжественный вопрос: в каком состоянии мы окажемся в результате этих судьбоносных перемен? Освобожденные люди в других странах уже давно исчезли, слившись с общей массой. Здесь же никакого слияния быть не может. Наши манумилированные бондмены остались уже в третьем и четвертом, и будут оставаться в тысячном поколении - отдельной, деградирующей и жалкой расой". После этого огульного заявления, которое, конечно же, не оправдалось временем, Нотт перешел к аргументации целесообразности своей организации. Геррит Смит, который впоследствии отошел от колонизации, откровенно сказал по тому же поводу, что окончательным решением будет либо слияние, либо колонизация, и что из этих двух вариантов он предпочел бы выбрать последний. Другие считали так же, как и он. Соответственно, теперь мы рассмотрим несколько подробнее два решения, которые в 1820 году имели наиболее явных сторонников - колонизацию и рабство.

2. Колонизация

В начале 1773 года преподобный Сэмюэл Хопкинс из Ньюпорта обратился к своему другу, преподобному Эзре Стайлзу, впоследствии президенту Йельского колледжа, и предложил возможность обучения студентов-негров, возможно, сначала двух, которые впоследствии отправятся в качестве миссионеров в Африку. Стайлз считал, что для того, чтобы план оправдал себя, на побережье Африки должна быть колония, что туда должны отправиться не менее тридцати-сорока человек и что предприятие не должно быть частным, а должно иметь официальную поддержку со стороны общества, организованного с этой целью. В соответствии с первоначальным планом двое молодых негров отплыли из Нью-Йорка в Африку 12 ноября 1774 года, но последовала революционная война, и в то время ничего больше не было сделано. Однако в 1784 году, а затем в 1787 году Хопкинс попытался убедить различных купцов оборудовать судно для перевозки нескольких эмигрантов, а в последнем

году он поговорил с молодым человеком из Вест-Индии, доктором Уильямом Торнтоном, который выразил готовность взять на себя руководство компанией. Предприятие провалилось из-за нехватки средств, но Торнтон сохранил свой интерес и впоследствии стал членом первого Совета управляющих Американского колониационного общества. В 1791 году Хопкинс выступил перед Коннектикутским обществом освобождения, которое он хотел бы видеть зарегистрированным как общество колонизации, а в проповеди перед обществом Провиденса в 1793 году он вернулся к своей излюбленной теме. Тем временем, в результате усилий Уилберфорса, Кларксона и Грэнвилла Шарпа в Англии, в мае 1787 года около четырехсот негров и шестьдесят белых были высажены в Сьерра-Леоне. Некоторые из негров в Англии получили свободу в результате решения лорда Мэнсфилда в 1772 году, другие были демобилизованы из британской армии после Американской революции, и все они вели в Англии более или менее шаткое существование. Шестьдесят белых, присланных с ними, были брошенными женщинами, и почему на Сьерра-Леоне с самого начала лежал такой груз, история еще не знает. Неудивительно узнать, что "болезни и беспорядки свирепствовали, и к 1791 году выжила лишь горстка людей".⁹¹ Еще в своих *"Заметках о Виргинии"*, напечатанных частным образом в 1781 году, Томас Джефферсон предложил создать колонию для негров, возможно, на новой территории Огайо. Это предложение не было реализовано, но очевидно, что к 1800 году несколько человек задумались о возможности переселения негров Юга в какое-либо другое место внутри страны или за ее пределами.

Восстание Габриэля в 1800 году вновь заставило эту идею конкретно выдвинуться. Виргиния была заметно взволнована этой вспышкой, и *на тайном заседании* 21 декабря Палата делегатов приняла следующую резолюцию: "Просим губернатора⁹² связаться с президентом Соединенных Штатов⁹³ по вопросу приобретения земли за пределами штата, куда могут быть удалены лица, противные законам или опасные для мира в обществе". Настоящей целью этого постановления было избавление от тех негров, которые принимали участие в восстании и не были казнены; но ни в 1800 году, ни в 1802-м или 1804-м Генеральная ассамблея не смогла таким образом изгнать тех, кого боялась повесить. Монро, однако, действовал в соответствии со своими инструкциями, и Джефферсон ответил ему датой 24 ноября 1801 года. Теперь он не одобрял депортацию в какое-либо место в пределах Соединенных Штатов и считал, что Вест-Индия, возможно, Санто-Доминго, может быть лучше. Реальная опасность того, что изгнанники будут стимулировать мстительные или хищнические набеги на американские берега, была невелика, и в любом случае такая возможность "перевешивалась гуманностью предлагаемых мер". "Африка - последнее и несомненное средство, - думал Джефферсон, - если все другие, более желательные, окажутся безуспешными".⁹⁴ Шесть месяцев спустя, 13 июля 1802 года, президент написал об этом Руфусу Кингу, тогдашнему министру в Лондоне. По его словам, ход событий в Вест-Индии придал импульс уму негров в Соединенных Штатах; они были склонны к восстанию, и теперь казалось, что если уж и проводить колонизацию, то лучше всего в Африке. Африканская компания могла бы также заниматься коммерческими операциями, а если бы она сотрудничала со Сьерра-Леоне, то появилась бы возможность создать "одну сильную, а не две слабые колонии". Будет ли Кинг, соответственно, вступать в переговоры с английскими чиновниками по поводу распоряжения любыми неграми, которые могут быть посланы? "Необходимо отметить, - заметил Джефферсон, - что это не преступники или обычные злоумышленники, а люди, виновные в том, что безопасность общества в реальных обстоятельствах обязывает нас рассматривать как преступление, но что их чувства могут представлять в совершенно иной форме. Они станут ценным приобретением для уже существующего там поселения и будут готовы сотрудничать в реализации плана цивилизации".⁹⁵ Кинг вступил в переписку с Торнтоном и Уэддерборном, секретарями

компании, управляющей Сьерра-Леоне, но получил ответ, что колония находится в плачевном состоянии, средства, скорее всего, не поступят, и что они ни в коем случае не захотят принимать больше людей из США, поскольку именно эти люди уже доставили больше всего проблем поселению.⁹⁶ 22 января 1805 года Генеральная ассамблея Виргинии приняла резолюцию, в которой содержалась просьба к правительству Соединенных Штатов выделить часть территории в новой Луизианской покупке "для проживания цветных людей, которые были или будут эмансипированы, или могут в будущем стать опасными для общественной безопасности". Из этого ничего не вышло. К концу второго срока правления Джефферсона Северо-Запад, Юго-Запад, Вест-Индия и Сьерра-Леоне рассматривались как возможные области для колонизации, но из этого рассмотрения не вышло ничего заметного.

Наступил период экспансии Юга и растущего материализма, а вскоре началась война 1812 года. К 1811 году в рассуждениях Джефферсона на эту тему появились нотки сомнения. Он сказал: "Нет ничего более желанного, чем то, чтобы Соединенные Штаты сами взялись за создание такого учреждения на побережье Африки... Но национальный разум еще не готов к этому. Можно сомневаться, что многие из этих людей добровольно согласятся на такой обмен положением, и можно быть уверенным, что лишь немногие из тех, кто дожил до определенного возраста в привычках рабства, будут способны к самоуправлению. Это, однако, не должно препятствовать эксперименту или его скорейшему испытанию; и предложение должно быть сделано со всеми благоразумными предосторожностями и вниманием, необходимыми для того, чтобы примирить его с интересами, безопасностью и предрассудками всех сторон."⁹⁷

Однако из совершенно другого источника, продиктованного не целесообразностью, а чистейшим альтруизмом, исходил импульс, который в итоге привел к основанию Либерии. Сердце молодого человека потянулось за море. Сэмюэл Дж. Миллс, студент Уильямс-колледжа, в 1808 году основал среди своих сокурсников миссионерское общество, деятельность которого впоследствии вылилась в создание Американского библейского общества и Совета иностранных миссий. Миллс продолжил свое богословское образование в Андовере, а затем в Принстоне; во время учебы в последнем он основал школу для негров в Парсиппани, в тридцати милях от города. Он также заинтересовал своей работой и надеждами преподобного Роберта Финли из Баскинг-Риджа, штат Нью-Джерси, которому "удалось собрать в Принстоне первое в истории собрание для рассмотрения проекта отправки негров-колонистов в Африку"⁹⁸ и который в письме Джону П. Мамфорду из Нью-Йорка от 14 февраля 1815 года выразил свою заинтересованность, сказав: "Мы должны отправить в Африку население, частично цивилизованное и христианизированное для ее блага; и наши негры сами будут поставлены в лучшее состояние".

В том же 1815 году страна была поражена бескорыстной предприимчивостью негра, который давно думал о плачевном положении своего народа в Америке и сам взял на себя обязанность сделать что-то определенное в его интересах. Пол Каффе родился в мае 1759 года на одном из островов Элизабет близ Нью-Бедфорда, штат Массачусетс, сын отца, который когда-то был рабом из Африки, и матери-индианки.⁹⁹ Интересуясь мореплаванием, он совершил путешествия в Россию, Англию, Африку, Вест-Индию и на Юг; со временем он командовал собственным судном, стал пользоваться всеобщим уважением и благодаря своей мудрости достиг изрядного благосостояния. В течение двадцати лет он особенно много думал об Африке, и в 1815 году он взял с собой в Сьерра-Леоне девять семей и тридцать восемь человек, потратив на это около 4000 долларов. Люди, которых он привез, были хорошо приняты в Сьерра-Леоне, а у самого Каффа были более масштабные и далеко

идушие планы, когда он умер 7 сентября 1817 года. Он оставил после себя наследство стоимостью 20 000 долларов.

Встреча доктора Финли в Принстоне была не очень посещаемой и, следовательно, не имела большого успеха. Тем не менее он почувствовал себя достаточно воодушевленным, чтобы в декабре 1816 года отправиться в Вашингтон, чтобы приложить усилия для создания национального колонизационного общества. Случилось так, что в феврале того же 1816 года генерал Чарльз Фентон Мерсер, член Палаты делегатов, наткнулся на секретные журналы законодательного собрания за период 1801-5 годов и увидел переписку между Монро и Джефферсоном. Заинтересовавшись проектом колонизации, 14 декабря (Монро тогда был избранным президентом) он представил в Палате делегатов резолюции, воплощающие предыдущие постановления; они были приняты 132 голосами против 14. Усилия Мерсера в целом помогли Финли, и 21 декабря 1816 года в Вашингтоне состоялось собрание государственных деятелей и заинтересованных граждан, на котором председательствовал Генри Клей, бывший в то время спикером Палаты представителей. На закрытом заседании 28 декабря была принята конституция, а 1 января 1817 года были официально избраны должностные лица "Американского общества колонизации цветного свободного населения Соединенных Штатов". На последнем собрании Генри Клей, снова председательствовавший на собрании, в восторженных тонах говорил о возможностях движения; Элиас Б. Колдуэлл, шурин Финли, привел главный аргумент; а Джон Рэндольф из Роанока, штат Вирджиния, и Роберт Райт из Мэриленда говорили о преимуществах, которые принесет удаление свободных негров из страны (эти замечания очень скоро вызвали бурное обсуждение и критику, особенно со стороны самих негров). Интересно отметить, что Мерсер не принимал никакого участия в собрании 1 января, даже не присутствовал на нем; он не считал, что в организацию должны быть приняты кто-либо, кроме южан. Однако Бушрод Вашингтон, президент, был южанином; двенадцать из семнадцати вице-президентов были южанами, среди них Эндрю Джексон и Уильям Кроуфорд; и все двенадцать управляющих были рабовладельцами.

Членами Американского колонизационного общества изначально были, во-первых, те, кто искренне желал предоставить свободным неграм убежище от угнетения и надеялся через них распространить на Африку блага цивилизации и христианства; во-вторых, те, кто стремился повысить стоимость своих собственных рабов за счет вывоза свободных негров; и, в-третьих, те, кто хотел освободиться от любой ответственности за свободных негров. Движение широко рекламировалось как "усилие на благо негров, в котором могут объединиться все части страны", при этом подразумевалось, что оно "не ставит своей непосредственной целью отмену рабства" и "не направлено непосредственно на обучение огромного количества негров". Такие пункты, как последний, со временем оказались не более чем прямым вызовом различным аболиционистским организациям на Севере, и все чаще Общество осуждалось как движение рабовладельцев, стремящихся увековечить свои институты, избавившись от свободных цветных людей. Однако не стоит думать, что Юг, с его обычным религиозным пылом, не вложил много искренних чувств в план колонизации. Один человек из Джорджии по фамилии Табман освободил своих рабов, всего тридцать, и передал их на попечение Общества, подарив 10 000 долларов; Томас Хант, молодой виргинец, впоследствии капеллан армии Союза, отправил в Либерию рабов, доставшихся ему в наследство, оплатив все расходы на дорогу; другие действовали в схожем духе благожелательности. Однако было вполне естественно, что общественность испытывала некоторую неопределенность в отношении тенденций организации, когда высказывания представителей организации иногда прямо противоречили друг другу. Например, 20 января 1827 года Генри Клей, тогдашний государственный секретарь, выступая в зале Палаты

представителей на ежегодном собрании Общества, сказал: "Из всех классов нашего населения самым порочным является класс свободных цветных. Это неизбежный результат их моральной, политической и гражданской деградации. Загрязняясь сами, они распространяют свои пороки на всех окружающих, на рабов и белых". Минутой позже он сказал: "Каждый эмигрант в Африку - миссионер, несущий с собой верительные грамоты в святом деле цивилизации, религии и свободных институтов". То, что зараженные и порочные люди могут быть миссионерами цивилизации и религии, было возможно только в логике Генри Клея. В течение следующего месяца Роберт Ю. Хейн выступил с южной критикой в двух речах, посвященных мемориалу, представленному в Сенат Соединенных Штатов Обществом колонизации.¹⁰⁰ Первая из этих речей была умной и отличалась большим остроумием и добродушной насмешкой; вторая была трезвым обвинением. Хейн подчеркнул огромные затраты и физическую невозможность всей затеи, подсчитав, что для достижения хоть сколько-нибудь похожего на желаемый результата необходимо перевозить не менее шестидесяти тысяч человек в год. В конце своей блестящей атаки, все еще завуалированно выступая за сохранение рабства, он, тем не менее, поднялся до подлинной государственной мудрости в решении проблемы негров, заявив: "Пока идет этот процесс, цветные постепенно распространяются по всей стране и делают неуклонный прогресс в интеллекте и утонченности, и если бы в улучшении их положения проявлялась половина того рвения, которое сейчас тратится на напрасные и бесплодные усилия по отправке их за границу, их интеллектуальное и моральное совершенствование было бы устойчивым и быстрым". Уильям Ллойд Гаррисон неустанно и безжалостно обличал непоследовательность и эгоизм колонизаторской организации. В редакционной статье в *"Либераторе"* от 9 июля 1831 года он обвинил Общество, во-первых, в преследовании, заставляя свободных людей эмигрировать против их воли и препятствуя их образованию на родине; во-вторых, в лживости, утверждая, что негры - уроженцы Африки, в то время как они не более, чем белые американцы - уроженцы Великобритании; в-третьих, в трусости, утверждая, что сохранение негритянского населения в стране сопряжено с опасностями; и, наконец, в неверности, отрицая, что Евангелие имеет полную силу, чтобы достичь ненависти в сердцах людей. В книге *"Мысли об африканской колонизации"* (1832) он исчерпывающе изложил десять следующих положений: Что Американское колонизационное общество обязалось не выступать против системы рабства, что оно извинялось за рабство и рабовладельцев, что оно признавало рабов собственностью, что, депортируя негров, оно увеличивало стоимость рабов, что оно было врагом немедленной отмены рабства, что она питается страхом и эгоизмом, что ее цель - полное изгнание негров, что она унижает достоинство свободных негров, что она отрицает возможность возвышения чернокожего населения страны и что она обманывает и вводит в заблуждение нацию. Другие критические замечания были многочисленны. В статье "Щиты американского рабства" ("Достаточно широкие, чтобы скрыть злодеяния двух миллионов украденных людей") были помещены рядом противоречивые высказывания членов Общества; А в августе 1830 года четвертый аудитор Кендалл в своем докладе министру военно-морского флота задался вопросом, почему ресурсы правительства должны использоваться "для колонизации захваченных африканцев, строительства для них домов, снабжения их сельскохозяйственной утварью, оплаты инструкторов для их обучения, покупки кораблей для их удобства, строительства фортов для их защиты, снабжения их оружием и боеприпасами, набора войск для их охраны, использования армии и флота для их защиты."¹⁰¹ Критика Американского колонизационного общества была вызвана различными мотивами, но организация оказалась уязвимой во многих моментах. Движение привлекло к себе необычайное внимание, но практически никак не повлияло на положение негров в Соединенных Штатах. Однако его деятельность в связи с

основанием Либерии имеет огромное значение и должна быть подробно рассмотрена в дальнейшем.

3. Рабство

Мы видели, что с самого начала на Юге были либерально настроенные люди, выступавшие против системы рабства, и если мы действительно обратим внимание на все высказывания разных людей и предложения по отказу от этой системы, то обнаружим, что примерно до начала века в этой части страны существовали значительные антирабовладельческие настроения. Однако между 1800 и 1820 годами открытие новых земель на Юго-Западе, растущее внимание к хлопку и быстрое увеличение негритянского населения придали силу аргументам целесообразности, а Миссурийский компромисс резко очертил границы борьбы. Юг стал считать рабство своим особым наследием; государственные деятели были вынуждены защищать этот институт; и в целом лучшие мысли этой части стали одержимы и доминировать над неграми, как это происходит и сегодня в значительной степени. Заняв такую позицию, Юг сознательно совершил интеллектуальное самоубийство. В таких вопросах, как свобода слова и литературные достижения, а также в подлинной государственной мудрости, если не в политическом влиянии, эта часть страны пришла в упадок, и вскоре разница между ней и Новой Англией стала ужасающей. Калхун и Хейн были сильны; но между 1820 и 1860 годами на Юге не было имен, которые могли бы сравниться с Лонгфелло и Эмерсоном в литературе или с Морзе и Хоу в изобретательстве. Передовой профессор колледжа Уильяма и Мэри Дью и даже выдающиеся богословы - баптист Фурман из Южной Каролины в двадцатые годы и пресвитерианин Палмер из Нового Орлеана в пятидесятые - сегодня вспоминаются главным образом потому, что они защищали свою секцию, державшую негра в узах. Колледж Уильяма и Мэри и даже Университет Вирджинии, по сравнению с Гарвардом и Йелем, стали провинциальными заведениями; а вместо Вашингтона или Джефферсона прежних времен теперь стали воспитывать такого лидера, как Боб Тумбс, который при всем своем огне и красноречии был демагогом. Делая свой выбор, Юг не мог и не хотел винить негра как такового, ведь было признано, что на рабском труде зиждется та экономическая стабильность, которой обладал этот регион. Трагедия заключалась лишь в том, что тысячи разумных американцев сознательно отвернулись от прошлого и предпочли читать романы Вальтера Скотта и жить в средневековье, а не изучать Французскую революцию и жить в девятнадцатом веке. Спустя сто лет мы обнаружили, что цепи все еще скованы, что мысль еще не свободна. Таким образом, негритянская проблема стала и до сих пор остается в значительной степени проблемой белого человека Юга. Эра капитализма еще не наступила, и еще далеко в будущем был день, когда бедный белый человек и негр постепенно осознали, что их интересы во многом совпадают.

Аргументы, с помощью которых Юг обосновывал свою позицию и защищал рабство, не требуют длительной остановки. Он был официально изложен Дью и другими¹⁰², и его можно было услышать со всех сторон. Вряд ли можно было пойти в церковь, не говоря уже о публичном собрании, и не услышать отголоски этого заявления. В целом утверждалось, что рабство способствовало цивилизации мира, поскольку смягчило зло войны, сделало труд выгодным, изменило природу дикарей и возвысило женщину. Конечно, работорговля была ужасной и несправедливой, но огромные преимущества этой системы с лихвой перекрывали некоторые сопутствующие ей недостатки. Эмансипация и депортация были одинаково невозможны. Даже если бы они были осуществимы, они не были бы целесообразными мерами, поскольку означали бы для Вирджинии потерю трети ее собственности. Что касается морали, то не следовало ожидать, что негр будет обладать чувствительностью белого человека. Кроме того, преимущество системы заключалось в культивировании

республиканского духа среди белого населения. Короче говоря, сказал Дью, рабы, как с экономической, так и с моральной точки зрения, были "совершенно непригодны для состояния свободы среди белых". Уже цитировавшийся нами Холланд в 1822 году отстаивал следующие пять позиций: 1. Что Соединенные Штаты едины в национальных целях, но раздельны в вопросах внутреннего регулирования и управления; 2. Что жители Севера и Востока "всегда проявляли недружелюбные чувства по вопросам, затрагивающим интересы Юга и Запада"; 3. Что институт рабства не был институтом, добровольно выбранным Югом; 4. Что южные части Союза, как до, так и после принятия Декларации независимости, "единодушно проявляли склонность к ограничению распространения этого зла и всегда проявляли столь же сердечное расположение к его исправлению, как и северные и восточные"; и 5. Что фактическое состояние и положение рабов "не отражалось на характере страны - рабы были бесконечно лучше обеспечены, чем рабочая беднота других стран мира, и в целом были счастливее, чем миллионы белых людей в мире". Такие аргументы духовенство поддерживало и пытались примирить с христианскими заповедями. Преподобный доктор Ричард Фурман, президент Баптистской конвенции Южной Каролины,¹⁰³ после долгих поисков и рассуждений пришел к выводу, что "владение рабами оправдано учением и примером, содержащимися в Священном писании; и, следовательно, соответствует христианской прямоте как в чувствах, так и в поведении". Далее он сказал: "Христианское золотое правило - поступать с другими так, как мы хотели бы, чтобы они поступали с нами, - приводится в качестве неопровержимого аргумента против владения рабами. Но, конечно же, это правило никогда не должно быть выдвинуто против того порядка вещей, который установило Божественное правительство; и наши желания не становятся для нас нормой, согласно этому правилу, если они не имеют должного отношения к справедливости, правильности и общему благу..... Отец может очень естественно желать, чтобы его сын был послушен его приказам: Так должен ли он подчиняться приказам своего сына? Человек может быть доволен тем, что его освободили от долгов благодаря щедрости кредиторов, или тем, что его богатый сосед разделил с ним поровну свое имущество; и при определенных обстоятельствах он может желать, чтобы это было сделано: Будет ли само существование такого желания обязывать его освободить своих должников и произвести такой раздел своего имущества?" В 1837 году Кэлхун официально признал рабство, заявив, что Юг больше не должен извиняться за него; и весь этот аргумент с точки зрения целесообразности получил красноречивое выражение в Сенате Соединенных Штатов от не менее известного человека, чем Генри Клей, который все чаще и чаще предстает в перспективе как сторонник Юга. Он сказал: "Я не друг рабства. Но я предпочитаю свободу своей страны свободе любого другого народа; свободу своей расы свободе любой другой расы. Свобода выходцев из Африки в Соединенных Штатах несовместима с безопасностью и свободой выходцев из Европы. Их рабство является исключением - исключением, вытекающим из суровой и неумолимой необходимости, - из общей свободы в Соединенных Штатах".¹⁰⁴ По прошествии лет аргументы сторонников рабства выглядят жалкими в своих многочисленных заблуждениях. Он был созвучен многим дискуссиям того времени, в которых ставился вопрос о том, является ли негр человеком, и служит лишь для того, чтобы показать, до каких крайностей экономический интерес иногда доводит людей, не обладающих высоким интеллектом и честью.

Сноска 86: (возврат)

IV, раздел 3.

Сноска 87: (обратно)

Сочинения, XV, 249.

Сноска 88: [\(возврат\)](#)

См. главу VII, раздел 1.

Сноска 89: [\(возврат\)](#)

Holland: *A Refutation of Calumnies*, 61.

Сноска 90: [\(возврат\)](#)

См. "Африканская колонизация. Материалы о создании Общества колонизации штата Нью-Йорк". Олбани, 1829.

Сноска 91: [\(возврат\)](#)

Макферсон, 15. (См. библиографию по Либерии).

Сноска 92: [\(возврат\)](#)

Монро.

Сноска 93: [\(возврат\)](#)

Джефферсон.

Сноска 94: [\(обратно\)](#)

Письма, X, 297.

Сноска 95: [\(возврат\)](#)

Письма, X, 327-328.

Сноска 96: [\(возврат\)](#)

Там же, XIII, 11.

Сноска 97: [\(возврат\)](#)

Письма, XIII, 11.

Сноска 98: [\(возврат\)](#)

Макферсон, 18.

Сноска 99: [\(возврат\)](#)

Первый годовой отчет Американского колонизационного общества.

Сноска 100: [\(возврат\)](#)

См. Jervoy: *Robert Y. Hayne and His Times*, 207-8.

Сноска 101: [\(возврат\)](#)

Цитируется по McPherson, 22.

Сноска 102: [\(возврат\)](#)

Аргумент в пользу рабства (в изложении самых выдающихся писателей южных штатов). Чарльстон, 1852.

Сноска 103: [\(возврат\)](#)

"Изложение взглядов баптистов на цветное население Соединенных Штатов в послании губернатору Южной Каролины" преподобного доктора Ричарда Фурмана. Второе издание, Чарльстон, 1833 г. (на письме стоит первоначальная дата - 24 декабря 1822 г.).

Сноска 104: [\(возврат\)](#)

Обращение "Об отмене", 7 февраля 1839 года.

ГЛАВА VII

ОТВЕТ НЕГРОВ, I: РЕВОЛЮТ

Мы уже видели, что в колониальные времена негры, находившиеся в рабстве, неоднократно предпринимали попытки освободиться, причем многие рисковали всем и теряли свои жизни. В целом эти ранние попытки не смогли полностью реализовать свою цель, поскольку организация была слабой, а руководство - необученным и оказывало лишь эмоциональное воздействие на приверженцев. Однако в Чарльстоне, штат Северная Каролина, в 1822 году было спланировано восстание, масштабы которого не вызывали сомнений. Его лидер, Дания Весей, интересен как интеллектуальный мятежник, так же как и более известный Нат Тернер - типичный представитель более пылкого типа. Цель данной главы - изучить попытки освобождения, предпринятые этими двумя людьми, а также двумя смелыми группами невольников, поднявших восстание на море.

1. Восстание Денмарка Весея

Денмарк Весей впервые упоминается как один из трехсот девяноста рабов на корабле капитана Весея, который командовал судном, торговавшим между Сент-Томасом и мысом Франсуа (Санто-Доминго), и занимался поставкой рабов французам последнего места. В то время мальчику было четырнадцать лет, и он отличался необыкновенной красотой, бдительностью и магнетизмом. К нему проявили благосклонность и называли Телемаком (впоследствии переделанным в *Тельмак*, а затем в *Данию*). По прибытии на мыс Франсуа Дания вместе с другими рабами был продан плантатору, владевшему значительным поместьем. Однако во время следующего путешествия капитан Весей узнал, что мальчик должен быть возвращен ему как нездоровый и подверженный эпилептическим припадкам. Законы этого места позволяли вернуть раба в таком случае, и, хотя считается, что припадки Дании могли быть симулированы, чтобы он мог сменить место жительства, доказательств было вполне достаточно, чтобы впечатлить королевского врача. У капитана Весея никогда не было причин жалеть о том, что ему пришлось забрать мальчика. Они вместе совершили несколько плаваний, и Дания до 1800 года служила его верным личным помощником. В этом году молодой человек, которому сейчас было тридцать три года и который жил в Чарльстоне, выиграл в лотерею на Ист-Бей-стрит 1500 долларов, 600 из которых он сразу же потратил на покупку своей свободы. Эта сумма была гораздо меньше, чем он стоил на самом деле, но капитану Весею он понравился, и у него не было причин заключать с ним жесткую сделку.

В первые годы своей полной мужской жизни Дания Весей оказался свободным человеком и обладал средствами для небольшого настоящего старта в жизни. Он усовершенствовал свое время и стал завоевывать все большее положение и признание благодаря регулярному и усердному труду в своем ремесле - плотником. На рабов он стал оказывать неограниченное влияние. Среди них, в соответствии со стандартами того времени, у него было несколько жен и детей (ни одного из которых он не мог назвать своим), и он прекрасно понимал пыл, веру и суеверия негров, с которыми ему приходилось иметь дело. Кроме того, к своему замечательному личному магнетизму он добавил сильную страсть и властный нрав, которые были необходимы, чтобы сделать его завоевание полным.

Так он работал в течение двадцати лет. Он уже знал французский и английский языки, но теперь изучал и осмысливал как можно более широкий круг вопросов. В то время не предполагалось, что негры будут иметь религиозные классы или общины отдельно от белых людей; но закон не соблюдался строго, и в течение нескольких лет негритянская община имела церковь в Хэмпстеде, в пригороде Чарльстона. На собраниях здесь и в других местах

Весей находил возможность и проводил интересные параллели между опытом евреев и негров. Он упрекал собеседника на улице за то, что тот кланяется белому человеку, а если тот отвечал: "Мы рабы", то говорил: "Вы заслуживаете этого". Если после этого человек спрашивал, что он может сделать, чтобы улучшить свое положение, он отвечал: "Пойти, купить учебник правописания и прочитать басню о Геркулесе и вознице".¹⁰⁵ В то же время, если ему случалось вступить в разговор с белыми людьми в присутствии негров, он часто пользовался случаем, чтобы вставить какое-нибудь яркое замечание о рабстве. Он регулярно приводил в пример работу негров Санто-Доминго; и либо он сам, либо один из его главных лейтенантов тайно отправил письмо президенту Санто-Доминго с вопросом, поможет ли тамошний народ неграм Чарльстона, если последние предпримут попытку освободиться.¹⁰⁶ Кроме того, около 1820 года, когда он услышал о программе колонизации Африки и ему представилась возможность поехать, он отложил это, ожидая чего-то лучшего. Это был период Миссурийского компромисса. Сообщения об агитации и дебатах в Конгрессе охотно просматривались теми неграми в Чарльстоне, которые умели читать; слухи преувеличивали их, и некоторые из наиболее доверчивых рабов поверили, что усилия друзей-северян действительно освободили их и что их незаконно держат в рабстве. Ситуация не улучшилась и после того, как 15 января 1821 года городской маршал Джон Дж. Лафар напомнил священнослужителям или другим лицам, содержащим вечерние и воскресные школы для негров, что закон запрещает обучение таких людей и должен быть исполнен. Тем временем Весей был очень терпелив. Однако через несколько месяцев он прекратил заниматься своим ремеслом, чтобы еще больше посвятить себя миссии своей жизни. По его замыслу, это должно было быть восстание, которое должно было привести к полному уничтожению белого населения Чарльстона.

Для осуществления такого плана, разумеется, требовались величайшая секретность и верность, и Весей подождал до Рождества 1821 года, чтобы начать активную вербовку. Сначала он обратился к Неду и Ролле Беннеттам, рабам губернатора Томаса Беннета, а затем к Питеру Пойасу и Джеку Перселлу. После Рождества он пообщался с Гуллой Джеком и Понедельником Геллом, а Лот Форрестер и Фрэнк Фергюсон стали его главными агентами на плантациях за пределами Чарльстона.¹⁰⁷ В вопросе выбора своих главных помощников он проявил удивительную рассудительность. Его проницательность была почти сверхъестественной. "Ролла был правдоподобен и обладал необыкновенным самообладанием; смелый и пылкий, он не отступал от своей цели даже в случае опасности. Внешность Неда говорила о том, что он человек с крепкими нервами и отчаянной храбростью. Питер был бесстрашным и решительным, верным своим обязательствам и осторожным в соблюдении тайны, когда это было необходимо; его не пугали трудности, и, хотя он был уверен в успехе, он тщательно готовился к любым препятствиям или потерям, которые могли возникнуть, и намеревался использовать все средства, которые могли бы быть в их силах, если бы они были продуманы заранее. Гулла Джек считался колдуном, и именно его боялись африканские туземцы, верящие в колдовство. Считалось, что он не только неуязвим, но и может сделать таковым других с помощью своих чар; и что он может и непременно обеспечит всех своих последователей оружием..... Его влияние среди африканцев было немыслимым. Понедельник был тверд, решителен, осмотрителен и умен"¹⁰⁸ Он был также смел и активен, в расцвете сил занимался изготовлением упряжи, умел читать и писать; но он был также единственным видным деятелем заговора, чья храбрость подвела его в суде и который стал предателем. К этим именам следует добавить имя Батто Беннета, которому было всего восемнадцать лет и который привнес в план всю пылкость и преданность молодости. В целом Весей стремился привлечь к реализации плана тех негров, например стивидоров и механиков, которые работали вдали от дома и имели свободное время. Он не хотел привлекать мужчин, которые, как известно, могут опьянеть, и одного

болтливому человеку по имени Джордж он исключил из своих собраний. Он также не использовал женщин, но не потому, что не доверял им, а потому, что в случае несчастья хотел, чтобы о детях позаботились должным образом. "Будьте осторожны, - сказал Питер Пойас, рассказывая о плане одному из новобранцев, - и не упоминайте о нем тем ожидающим, которые получают от своих хозяев подарки в виде старых пальто и т. д., иначе они нас предадут; я поговорю с ними".

Вместе со своими лейтенантами Весей окончательно включил в план негров на семьдесят или восемьдесят миль вокруг Чарльстона. Вторым понедельником июля 1822 года, или воскресенье, 14 июля, было первоначально назначенным временем для нападения. Июль был выбран потому, что в середине лета многие белые были в отъезде на различных курортах; а воскресенье было выбрано потому, что в этот день рабам с отдаленных плантаций часто разрешалось приезжать в город. Велись списки новобранцев. Питер Пойас, как говорят, собрал до шестисот имен, в основном из той части Чарльстона, известной как Саут-Бей, где он жил; о его внимательности и благоразумии говорит тот факт, что из всех тех, кого впоследствии арестовали и судили, ни один не принадлежал к его компании. У Понедельника Гелла, который присоединился поздно и был очень благоразумен, было сорок два имени. Однако все подобные списки со временем были уничтожены. "В течение всего периода, пока шли эти вербовки, Весей часто устраивал в своем доме собрания заговорщиков; а поскольку оружие было необходимо для их успеха, каждый вечер раздавались шляпы и проводились сборы для его приобретения, а также для покрытия других необходимых расходов. Негр, который был кузнецом и привык делать остроконечные инструменты, был нанят для изготовления наконечников для пик и штыков с гнездами, которые крепились на концах длинных шестов и использовались как пики. Говорят, что сто таких наконечников для пик и штыков были сделаны в самом начале, а к 16 июня - две или три сотни, и от трех до четырех сотен кинжалов".¹⁰⁹ Сверток, содержащий несколько шестов, аккуратно обрезанных и выровненных, длиной девять или десять футов, был впоследствии найден спрятанным на ферме на Чарльстон-Неке, где проходило несколько собраний, и был принесен туда, чтобы закрепить наконечники для пик и штыков. Губернатор Беннетт заявил, что число найденных таким образом шестов было тринадцать, но негры были настолько насторожены, что он и другие видные деятели недооценили средства нападения. Предполагалось, что негры в Чарльстоне могут использовать оружие своих хозяев, а негры из деревни должны были принести мотыги, топоры и секиры. Однако главным источником оружия Весей и Питер Пойас считали городские магазины и склады. Они планировали захватить Арсенал на Митинг-стрит напротив церкви Святого Михаила; он был ключом к городу, в нем хранилось оружие государства, и в течение некоторого времени им не пользовались. По сигналу, поданному в полночь, Пойас должен был двинуться на этот пункт и убить часового. Два больших оружейных и пороховых склада должны были по договоренности поступить в распоряжение мятежников; другие лидеры, прибывшие с шести разных направлений, должны были захватить стратегические пункты и таким образом помочь центральному делу Пойаса. Тем временем конные отряды должны были следить за чистотой улиц. "Ешьте только сухую пищу, - сказал Гулла Джек с наступлением дня, - пересохшую кукурузу и молотые орехи, а когда будете присоединяться к нам, когда мы будем проходить мимо, положите в рот эту крабовую клешню, и вы не сможете быть ранены".

25 мая¹¹⁰ раб полковника Приоло, выполняя поручение на пристани, был остановлен другим рабом, Уильямом Полом, который заметил: "Я часто видел флаг с номером 76, но никогда не видел флага с номером 96". Поскольку этот человек не проявил ни малейшей осведомленности о происходящем, Пол заговорил с ним дальше и довольно откровенно рассказал о заговоре. После этого раб рассказал об услышанном свободному человеку,

который посоветовал ему рассказать об этом своему хозяину, что он и сделал по возвращении Приоло 30 мая. Приоло немедленно сообщил об этом интенданту, или мэру, и к пяти часам пополудни раб и Поль были допрошены. Пауля поместили в тюрьму, но не раньше, чем его показания изобличили Питера Пойаса и Минго Харта, человека, которого назначили командиром одной из конных рот. Харт и Пойас были хладнокровны и собраны, однако они высмеяли всю идею, и надзиратели, совершенно обманутые, отпустили их. В целом в это время власти были осторожны и старались не предпринимать поспешных действий. Однако около 8 июня Пол, сильно взволнованный и опасаящийся казни, признался, что план был очень обширным, и сказал, что им руководил человек, который вел очарованную жизнь. Нед Беннетт, услышав, что было упомянуто его имя, добровольно явился к интенданту и попросил о допросе, чем снова поставил чиновников в тупик. Все это время, перед лицом величайшей опасности, Весей продолжал проводить свои собрания. Однако к пятнице, 14 июня, с хозяином поговорил еще один осведомитель, и опасения Питера Пойаса насчет "людей ожидания" оправдались. Этот человек сказал, что первоначальный план был изменен, поскольку ночь на воскресенье, 16 июня, была назначена временем восстания, а в остальном он смог сообщить всю важную информацию.¹¹¹ В субботу вечером, 15 июня, Джесси Блэквуд, помощник, посланный в деревню, чтобы подготовить рабов к выходу на следующий день, пробравшись через две линии стражи, был на третьей линии остановлен и отправлен обратно в город. Весей в одно мгновение понял, что все его планы раскрыты, и тут же уничтожил все бумаги, которые могли бы оказаться уликами. "В воскресенье, 16 июня, в десять часов вечера корпусу гусар капитана Кэттела, легкой пехоте капитана Миллера, шейным рейнджерам капитана Мартиндейла, чарльстонским стрелкам и городской страже было приказано собраться для охраны, все они были организованы как отряд под командованием полковника Р.У. Хауне."¹¹² Именно благодаря этой работе Хейн стал привлекательным для публики, что впоследствии помогло ему перейти на пост губернатора, а затем и в Сенат Соединенных Штатов. В роковую ночь двадцать или тридцать человек из отдаленных районов, не имевших возможности получить известия о ходе событий, прибыли в город на небольшой лодке, но Весей велел им как можно скорее возвращаться назад.

Для суда над заговорщиками были сформированы два суда. Первый, просуществовав пять недель, был распущен 20 июля; второй был созван, но через три дня завершил свое расследование и удался 8 августа.¹¹³ Все это время общественное мнение было сильно возбуждено. Первый суд, который быстро приговорил к смерти тридцать четыре человека, подвергся резкой критике. *Газета New York Daily Advertiser* назвала казнь "кровавым жертвоприношением"; но Чарльстон ответил напоминанием о неграх, сожженных в Нью-Йорке в 1741 г.¹¹⁴ Некоторые негры обвиняли лидеров в беде, в которую их втянули, но сам Весей не сделал никаких признаний. Он был далеко не одинок. "Не размыкайте губ, - сказал Пойас, - умрите молча, как это сделаю я". О том, что хозяева заботились о своих рабах, можно судить по просьбе самого губернатора Беннета, обращенной к Батто Беннету. Он просил о специальном пересмотре дела этого молодого человека, который был в числе приговоренных к смерти, "с целью смягчения его наказания". Суд действительно пересмотрел дело, но не изменил приговор. На протяжении всего процесса белые жители Чарльстона были впечатлены характером тех, кто принимал участие в восстании: "Многие из них пользовались высочайшим доверием своих хозяев, и ни один не имел дурного характера".¹¹⁵

В результате этой борьбы за свободу сто тридцать один негр был арестован, тридцать пять казнены и сорок три изгнаны.¹¹⁶ Из казненных 2 июля были повешены Дания Весей, Питер Пойас, Нед Беннет, Ролла Беннет, Батто Беннет и Джесси Блэквуд; 12 июля - Гулла Джек и еще один; двадцать два были повешены на огромной виселице в пятницу, 26 июля; еще четверо были повешены 30 июля и один - 9 августа. Из тех, кто был изгнан, двенадцать были приговорены к казни, но впоследствии получили вместо нее изгнание; двадцать один должен был быть перевезен своими хозяевами за пределы Соединенных Штатов; один, свободный человек, которому требовалось покинуть штат, удовлетворил суд, предложив покинуть Соединенные Штаты, а девять других, которые не были точно приговорены, были настоятельно рекомендованы своим хозяевам для изгнания. Остальные из ста тридцати одного человека были оправданы. В конце концов власти сочли, что казни достаточно, чтобы преподать неграм урок, и казни прекратились; но в течение следующего года или двух губернатор Беннетт и другие выдали миру самые мрачные размышления обо всем происходящем и о серьезной проблеме, стоящей у их дверей. Так завершилось восстание, которое по амбициозности своего плана, тщательности, с которой он был разработан, и верности лидеров друг другу никогда не сравнится с аналогичной попыткой обрести свободу в Соединенных Штатах.

2. Восстание Ната Тернера

Около полудня в воскресенье, 21 августа 1831 года, на плантации Джозефа Тревиса в Кросс-Кис, в округе Саутгемптон, на юго-востоке Виргинии, собрались четыре негра, Генри Портер, Харк Тревис, Нельсон Уильямс и Сэм Фрэнсис, очевидно, готовясь к барбекю. Вскоре к ним присоединился гигантский и атлетически сложенный негр по имени Уилл Фрэнсис и еще один по имени Джек Риз. Через два часа появился невысокий крепкий мужчина с решительным выражением лица, на которого не нужно было смотреть второй раз, чтобы понять, что он должен стать хозяином компании. Увидев Уилла и его спутницу, он задал вопрос об их присутствии, на что Уилл ответил, что жизнь стоит для него не больше, чем для других, и что свобода ему так же дорога. Этот ответ удовлетворил последнего, и теперь Нат Тернер отправился на совещание со своими самыми верными друзьями. Можно только представить себе цель, стремление и твердость на этих мрачных лицах в течение всего того долгого летнего дня и вечера. Когда, наконец, ночью тихий шепот прекратился, судьба почти трех десятков белых и, можно сказать, вдвое большего числа негров была предрешена.

Кросс-Кис находился в семидесяти милях от Норфолка, примерно на таком же расстоянии от Ричмонда, в двадцати пяти милях от болота Дисмал, в пятнадцати милях от Мерфрисборо в Северной Каролине, а также в пятнадцати милях от Иерусалима, окружного центра графства Саутгемптон. Община была заселена преимущественно белыми людьми со скромным достатком. Джозеф Тревис, хозяин Ната Тернера, недавно женился на вдове некоего Патнэма Мура.

Нат Тернер, который изначально принадлежал некоему Бенджамину Тернеру, родился 2 октября 1800 года. Он был умственно развит, на голове и груди у него были отметины, которые негры, знавшие его, считали знаком высокого призвания. В зрелые годы на правой руке у него был узел, который стал результатом полученного им удара. Он экспериментировал с бумагой, порохом и керамикой, и о нем известно, что он никогда не давал клятв, не выпивал ни капли спиртного и не совершал краж. Вместо этого он соблюдал пост, молился и читал Библию.

Все больше и больше Нат предавался жизни духа и общению с голосами, которые, по его словам, он слышал. Однажды он сбежал на месяц, но почувствовал, что дух велел ему

вернуться. Примерно в 1825 году к нему пришло осознание его великой миссии, и он ежедневно трудился, чтобы сделать себя более достойным. Когда он работал в поле, то видел капли крови на кукурузе, а также белых и черных духов, борющихся в небе. Несмотря на то, что он в значительной степени жил в религиозном или мистическом мире и был погружен в него, он не был профессиональным баптистским проповедником. 12 мая 1828 года у него больше не осталось сомнений. Великий голос сказал ему, что змей развязан, что Христос сложил иго, что он, Нат, должен взять его снова, и что быстро приближается время, когда первые станут последними, а последние первыми. Затмение солнца в феврале 1831 года было истолковано как знак того, что ему пора идти вперед. Однако он подождал еще немного, пока не удостоверился в своих самых важных помощниках. Стоит отметить, что, начав свою работу, он, хотя и хотел, чтобы убийства были как можно более эффективными и массовыми, приказал не совершать никаких возмущений, и его послушались.

Когда в воскресенье в августе Нэт и его спутники закончили конференцию, они отправились искать Остина, брата-духа; а затем все, кроме Нэта, пошли к сидровому прессу и выпили. Было решено, что он, как лидер, должен пролить первую кровь и начать со своего хозяина, Джозефа Тревиса. Подойдя к дому, Харк приставил лестницу к дымоходу. По ней поднялся Нат; затем он спустился вниз, отпер двери и снял с места оружие. Они вместе с Уиллом вошли в комнату Тревиса, и первый удар был нанесен хозяину дома. Топор отскочил, и Тревис позвал жену; но это был последний вздох, потому что Уилл тут же расправился с ним своим топором. Жена и трое детей были убиты сразу же. Затем последовал строевой смотр роты, после чего все отправились к дому Салатиэля Фрэнсиса в шестистах ярдах от него. Сэм и Уилл постучали, и Фрэнсис спросил, кто там. Сэм ответил, что у него есть письмо для него. Мужчина подошел к двери, где его схватили и убили, нанеся несколько ударов по голове. Он был единственным белым человеком в доме. В молчании все прошли к дому миссис Риз, которая была убита, когда спала в постели. Ее сын проснулся, но также был немедленно убит. Через милю мятежники пришли к дому миссис Тернер, куда добрались около рассвета в понедельник утром. Генри, Остин и Сэм отправились на плантацию, где нашли и убили надсмотрщика Пиблса, причем Остин застрелил его. Затем все отправились в дом. Семья увидела их приближение и захлопнула дверь, но безрезультатно: Уилл одним ударом топора открыл ее и вошел в дом, где посреди комнаты стояли миссис Тернер и миссис Ньюсом, перепуганные почти до смерти. Уилл убил миссис Тернер одним ударом топора, а после того как Нат ударил миссис Ньюсом по голове мечом, Уилл повернулся и убил ее тоже. К этому времени компания насчитывала пятнадцать человек. Девять человек отправились в дом миссис Уайтхед, а шестеро - по объездной дороге к дому Генри Брайанта. Когда они подъехали к первому дому, Ричард Уайтхед, сын семьи, стоял на хлопковой грядке у забора. Уилл сразу же зарубил его топором. В доме он убил миссис Уайтхед, одним ударом почти отделив ее голову от тела. Дочь Маргарет попыталась спрятаться и убежать, но была убита Тернером о перила забора. К людям из первой компании присоединились люди из второй - шестеро, отправившиеся в дом Брайантов, которые сообщили им, что выполнили порученное им дело - убили самого Генри Брайанта, его жену и ребенка, а также мать его жены. К этому времени убийства стали быстрыми и яростными. Компания снова разделилась: одни уходили вперед, а Нэт возвращался, чтобы найти уже выполненную работу. Обычно пятнадцать или двадцать лучших конников выставлялись впереди, чтобы навести ужас и предотвратить побег, а сам Нат часто не доезжал до домов, где совершались убийства. Негры, которых теперь насчитывалось около сорока человек, становились все более пьяными и шумными. Была поднята тревога, и к девяти или десяти часам утра в понедельник один капитан Харрис и его семья спаслись. Однако главным событием утра стало убийство в доме миссис Уоллер десяти детей, собиравшихся в школу.¹¹⁷

Когда люди приблизились к дому Джеймса Паркера, им предложили остановиться там, но Тернер возразил, поскольку этот человек уже отправился в Иерусалим, а сам он хотел как можно скорее добраться до окружного центра. Тем не менее, он и несколько человек остались у ворот, а остальные отправились в дом в полумиле отсюда. Этот подвиг стал поворотным пунктом в событиях дня. Раздосадованный задержкой тех, кто отправился в дом, Тернер тоже отправился туда. По возвращении его встретила компания белых, которые открыли огонь по оставшимся у ворот неграм и разогнали их. Обнаружив этих людей, Тернер приказал своим людям остановиться и построиться, так как теперь их начали тревожить. Белые, числом восемнадцать человек, приблизились и открыли огонь, но были вынуждены отступить. Однако подкрепление для них из Иерусалима было уже под рукой, и теперь началась большая погоня за неграми-повстанцами.

Лошадь Харка была подстрелена, а пять или шесть человек ранены. Силы Тернера были в значительной степени рассеяны, но в понедельник вечером он остановился в доме майора Ридли, и его компания снова увеличилась до сорока человек. Он попытался немного поспать, но часовой поднял тревогу; вскоре все были подняты, и численность вновь сократилась до двадцати человек. Последнее сопротивление было оказано в доме доктора Бланта, но здесь еще больше людей обратились в бегство, и больше Тернер их не видел.

Однако немного позже лидер нашел двух своих людей по имени Джейкоб и Нат. Он послал их с весточкой Генри, Харку, Нельсону и Сэму, чтобы они встретились с ним на том месте, где в воскресенье они вместе ужинали. С какими мыслями Нат Тернер вернулся один на это место во вторник вечером, можно только представить. Всю ночь он оставался на месте, но к нему никто не присоединился, и он решил, что все его последователи либо захвачены, либо покинули его. Никто не пришел ни в среду, ни в четверг. В четверг вечером, снабдив себя провизией из дома Тревисов, он вырыл нору под грудой перил, и здесь он оставался в течение шести недель, выходя только ночью за водой. Все это время у него, разумеется, не было никакой возможности узнать о судьбе своих спутников или о чем-либо еще. Тем временем не только окрестности, но и весь Юг был доведен до истерического состояния. Губернатор объявил награду в 500 долларов за поимку этого человека, предлагались и другие вознаграждения. 30 сентября в газетах появилось ложное сообщение о его поимке, 7 октября - другое, 8 октября - еще одно. К этому времени Тернер начал понемногу передвигаться по ночам, не разговаривая ни с кем из людей и всегда возвращаясь в свою нору до рассвета. Рано утром 15 октября собака учуяла запах его провизии и привела к нему двух негров. Нат обратился к ним за защитой, но те сразу же бросились бежать и с волнением разнесли новость. Тернер бежал в другом направлении и еще десять дней прятался среди стогов пшеницы на плантации Фрэнсиса. Все это время не менее пятисот человек следили за ним и нашли палку, которую он изо дня в день зазубривал. Однажды он решил сдаться и прошел в двух милях от Иерусалима. Трижды он пытался скрыться, но безуспешно. 25 октября его обнаружил Фрэнсис, который выпустил в него заряд картечи, двенадцать из которых прошли сквозь его шляпу, и еще пять дней он был на свободе. 30 октября Бенджамин Фиппс, член патруля, проходя мимо поляны в лесу, заметил движение среди сучьев. Он остановился и постепенно увидел голову Ната, появляющуюся из отверстия под ним. Беглец сдался, так как знал, что в лесу полно людей. Его отвели в ближайший дом, но толпа была так велика, а волнение так сильно, что его с трудом доставили в Иерусалим. Более двух месяцев, с 25 августа по 30 октября, он ускользал от преследователей, оставаясь все это время в районе своего восстания.

Пока Нат Тернер находился в тюрьме, Томас К. Грей, его адвокат, получил от него так называемые "Признания". Сейчас этот памфлет почти недоступен,¹¹⁸ но в то время, когда он

был напечатан, он пользовался большим спросом и сейчас является главным источником информации о ходе восстания. Тернера судили 5 ноября и приговорили к повешению шесть дней спустя. На вопрос Грея в суде, верит ли он по-прежнему в провиденциальный характер своей миссии, он ответил: "Разве Христос не был распят?". О самой казни читаем: "Нат Тернер был казнен согласно приговору, в пятницу, 11 ноября 1831 года, в Иерусалиме, между 10 и 2 часами утра. Во время всей церемонии он проявлял максимальное спокойствие; и хотя его заверили, что он может, если сочтет нужным, обратиться к огромной толпе, собравшейся по этому случаю, он отказался воспользоваться этой привилегией; а когда его спросили, не хочет ли он сделать еще какие-нибудь признания, ответил, что у него нет ничего больше, чем он уже сообщил, и твердым голосом сказал шерифу, что он готов. Ни одна конечность или мышца не шелохнулась. После смерти его тело было передано хирургам для вскрытия".

Из пятидесяти трех негров, которым были предъявлены обвинения в связи с восстанием, "семнадцать были казнены, а двенадцать перевезены. Остальные были освобождены, за исключением... четырех свободных негров, отправленных в Высший суд. Трое из этих четырех были казнены".¹¹⁹ Такие цифры, однако, не дают представления о количестве тех, кто погиб в связи с восстанием. В целом, если рабы были осуждены по закону и казнены или перевезены, или если они сбежали до суда, за них платило государство; если их убивали, за них не платили, и такой человек, как Фиппс, естественно, хотел защитить своего пленника, чтобы получить свое вознаграждение. Несмотря на это, негров убивали без суда и следствия, иногда при обстоятельствах величайшей варварской жестокости. Один человек с гордостью хвастался, что убил от десяти до пятнадцати человек. Одна партия отправилась из Ричмонда с намерением убить всех негров в округе Саутгемптон. Подойдя к хижине свободного негра, они спросили: "Это округ Саутгемптон?" "Да, сэр", - последовал ответ, - "вы только что пересекли границу у вон того дерева". Они застрелили его и поскакали дальше. В целом это был период террора, когда добровольные патрули, часто пьяные, разъезжали во всех направлениях. Эти люди пытали, сжигали или калечили негров практически по своему усмотрению. Одна пожилая женщина сказала¹²⁰ о них: "Патрули состояли из пьяных белых, и во времена Ната, если они слышали, что кто-то из цветных молится или поет гимн, они набрасывались на них и издевались, а иногда убивали их..... Во времена Ната убивали самых ярких и лучших. Белые всегда подозревают таких. Они убили очень многих в местечке под названием Дуплон. Они убили Антонию, раба мистера Дж. Стэнли, которого они застрелили; затем они направили на него свои ружья и сказали, чтобы он признался в восстании. Он сказал им, что ничего не знает ни о каком восстании. Они пропустили через него несколько пуль, четвертовали его и повесили его голову на столб на развилке дороги, ведущей в суд..... Он пробыл там совсем недолго. Суд над ним не состоялся. Так не бывает. Во времена Ната патрули связывали свободных цветных, пороли их и пытались заставить лгать друг на друга, и часто убивали их, прежде чем кто-нибудь успевал вмешаться. Мистер Джеймс Коул, верховный шериф, заявил, что если кто-нибудь из патрульных придет на его плантацию, он лишится жизни, защищая своих людей. Однажды он услышал, как патрульный хвастался, сколько негров он убил. Мистер Коул сказал: "Если ты не соберешь вещи, как только позволит тебе Всемогущий Бог, и не уберешься из этого города, и никогда больше тебя в нем не увидят, я посажу тебя туда, где на тебя не будут лаять собаки". Он ушел, и больше его в этих краях не видели".

Мгновенную панику, вызванную восстанием Ната Тернера в Виргинии и других штатах Юга, невозможно преувеличить. Когда весть о происходящем в Кросс-Кис распространилась, две роты, конная и пешая, как можно быстрее выступили из Мерфрисборо. В среду после памятной воскресной ночи из крепости Монро прибыли три роты и артиллерийское орудие. Эти команды пополнялись из разных источников, пока не набралось не менее восьмисот

человек. Многие негры бежали в болото Дисмал, и ходили самые дикие слухи. Один из них гласил, что Уилмингтон сожжен, а в Роли и Фейетвилле царило дикое волнение. В последнем десятки белых женщин и детей бежали на болота, а через два дня вышли оттуда грязные, охлажденные и полуголодные. Рабов массово сажали в тюрьмы. В Уилмингтоне четырех мужчин расстреляли без суда и следствия, а их головы повесили на столбах в четырех углах города. В Мейконе (штат Гавайи) распространили сообщение о том, что вооруженная банда негров находится всего в пяти милях от города, и уже через час женщины и дети были собраны в самом большом здании города, а перед ними стояли военные для защиты.

Это немедленно отразилось на законодательстве. По всему Югу рабские кодексы стали более суровыми; и хотя было ясно, что восстание было скорее восстанием рабов, чем восстанием свободных негров, как обычно, особые ограничения коснулись свободных цветных людей. Делавэр, который совсем недавно ограничивал право голоса только белыми мужчинами, теперь запретил свободным неграм пользоваться огнестрельным оружием и не разрешал им въезжать в штат. Теннесси также запретил подобную иммиграцию, а Мэриленд принял закон, согласно которому все свободные негры должны покинуть штат и колонизироваться в Африке - чудовищный законодательный акт, который невозможно было привести в исполнение и который раз и навсегда показал тщетность попыток насильственной эмиграции как решения проблемы. В целом, однако, восстание помогло плану колонизации, а также сделало более определенным проведение политики администрации Джексона по переселению индейцев Юга на Запад. Кроме того, оно привлекло внимание нации к положению негров, выкристаллизовало мнение на Севере и тем самым помогло формированию антирабовладельческих организаций. На время негр от этого проиграл, в долгосрочной перспективе он выиграл.

3. Дела "Амистада" и "Креола"

28 июня 1839 года шхуна "Амистад" отплыла из Гаваны, направляясь в Гуанаху, расположенную вблизи Пуэрто-Принсипе. Шхуна находилась под командованием ее владельца, дона Рамона Феррера, была нагружена товарами и имела на борту пятьдесят три негра, сорок девять из которых предположительно принадлежали испанцу, дону Хосе Руису, а остальные четыре - дону Педро Монтесу. В ночь на 30 июня рабы под предводительством одного из них по имени Синке поднялись на корабль, убили капитана, его раба и двух матросов и, позволив большей части команды бежать, взяли под стражу двух владельцев, Руиса и Монтеса. Монтесу, который немного разбирался в морском деле, было приказано вести судно обратно в Африку. Так он и делал днем, когда за ним присматривали негры, а ночью пытался пробиться к какой-нибудь более близкой земле. Время от времени мимо проходили другие суда, и на них негры покупали провизию, но за Монтесом и Руисом так пристально следили, что они не могли сообщить о своем положении. В конце концов, 26 августа шхуна достигла Лонг-Айленд-Саунд, где ее задержал американский бриг "Вашингтон" под командованием капитана Гедни, который взял негров на руки и доставил их в Нью-Лондон, штат Коннектикут. Потребовалось полтора года, чтобы разрешить поднятый таким образом вопрос. Дело привлекло огромное внимание, привело к международным осложнениям и было по-настоящему решено только после того, как бывший президент исчерпывающе доказал правоту негров в Верховном суде Соединенных Штатов.

В письме от 6 сентября 1839 года, адресованном Джону Форсайту, американскому государственному секретарю, испанский министр Кальдерон официально выдвинул четыре требования: 1. немедленно передать судно "Амистад" его владельцу вместе со всеми вещами, находившимися на борту во время его захвата; 2. объявить, что ни один трибунал в

Соединенных Штатах не имеет права возбуждать дело против подданных Испании или налагать на них взыскания за преступления, совершенные на борту испанского судна и в водах испанской территории; 3. перевезти негров в Гавану или иным способом предоставить их в распоряжение представителей Испании; и 4. Если из-за вмешательства властей Коннектикута произойдет какая-либо задержка в желаемой передаче судна и рабов, владельцам как последних, так и первых будет возмещен ущерб, который может быть им нанесен. В поддержку своих требований Кальдерон ссылаясь на "право наций, положения существующих договоров и добрые чувства, столь необходимые для поддержания дружеских отношений, существующих между двумя странами и столь интересных для обеих". Форсайт попросил предоставить ему какие-либо документы, касающиеся этого вопроса, и Кальдерон ответил, что у него их нет, кроме "декларации под присягой Монтеса и Руиса".

Тем временем аболиционисты настаивали на том, что африканским чужакам, выброшенным на американскую землю, не была предоставлена защита и что ни в коем случае исполнительная власть не имела права вмешиваться в регулярное отправление правосудия. "Эти африканцы, - говорилось в письме, - содержатся в тюрьме по решению суда Соединенных Штатов в свободном штате после того, как окружной судья на основании достаточных доказательств установил, что они недавно прибыли из Африки, никогда не были законными рабами Руиса и Монтеса", и "когда ясно как полдень, что нет ни одного закона или договорного положения, требующего дальнейшего содержания этих африканцев под стражей или их передачи Испании или ее подданным".

Написав 24 октября испанскому представителю по поводу ареста Руиса и Монтеса, Форсайт сообщил ему, что эти два испанских подданных были арестованы по процессу, выданному высшим судом города Нью-Йорка на основании показаний под присягой неких людей, уроженцев Африки, "с целью обеспечить их явку в надлежащий суд, для ответа за обиды, якобы причиненные ими лицам указанных африканцев", что, следовательно, произошедшее представляет собой просто "случай обращения отдельных лиц против других в судебные инстанции страны, которые одинаково открыты для всех без исключения", и что агентство правительства, добивавшееся освобождения гг. Руиса и Монтеса не может быть предоставлено в запрашиваемом порядке. Однако испанский представитель оказал дальнейшее давление, и было приведено дело Абрахама Венделла, капитана брига "Франклин", который сначала был преследуем испанскими чиновниками за плохое обращение со своим товарищем, но в отношении которого впоследствии были отправлены документы из Гаваны в Америку. Последовала еще долгая переписка, и Феликс Грунди из Теннесси, генеральный прокурор Соединенных Штатов, в конце концов запутал все, высказав следующее мнение: "Эти негры отрицают, что они рабы; если они будут переданы истцам, то не будет никакой возможности заявить о своем праве на свободу. По этим причинам мне кажется, что передача их испанскому министру - единственный безопасный путь для этого правительства". Ошибочность всего этого была показана в письме от 18 ноября 1839 года Б.Ф. Батлера, окружного прокурора Соединенных Штатов в Нью-Йорке, Аарону Вейлу, исполняющему обязанности государственного секретаря. Батлер писал: "Мне не кажется, что по договору с Испанией возник какой-либо вопрос; потому что, хотя признается принцип, что ни суды этого штата, ни суды Соединенных Штатов не могут принимать к рассмотрению уголовные преступления, совершенные иностранцами на территории иностранного государства, тем не менее, в этой стране так же решено, что наши суды будут принимать к рассмотрению *гражданские* иски между иностранцами, временно

находящимися под нашей юрисдикцией, основанные на контрактах или других сделках, заключенных или заключенных в иностранном государстве". Однако влияние южан было сильно, и через несколько недель после этого Государственный департамент отдал приказ, чтобы 10 января 1840 года у Нью-Хейвена (штат Коннектикут) встало на якорь судно, чтобы принять негров от маршала Соединенных Штатов и доставить их на Кубу; а 7 января президент Ван Бюрен выдал необходимый ордер.

Однако права человечества не должны были быть соблюдены в таком упрощенном порядке. Ордер был приостановлен, и дело продолжило свое движение к высшему суду страны. Тем временем борцы против рабства обучали африканцев основам английского языка, чтобы те могли лучше рассказать свою историю. С самого начала был назначен комитет по защите их интересов, и пока они ожидали окончательного решения по своему делу, они возделывали сад площадью пятнадцать акров.

Выступление Джона Куинси Адамса от имени этих негров в Верховном суде США 24 февраля и 1 марта 1841 года - во всех отношениях один из самых прекрасных актов в американской истории. В преклонном возрасте, когда его президентское правление уже двенадцать лет как позади, "красноречивый старик" снова пришел в трибунал, который он так хорошо знал, чтобы выступить с последней мольбой в защиту нуждающихся и угнетенных. К этой задаче он приложил все свои таланты - глубокие познания в области права, непревзойденный опыт и впечатляющую личность; его аргументы заняли 135 страниц формата октаво. Он дал развернутый анализ требования испанского министра, который просил президента сделать то, на что у него просто не было конституционного права. "Президент, - говорит Адамс, - не имеет права арестовывать ни граждан, ни иностранцев. Но даже эти полномочия почти ничтожны по сравнению с полномочиями посылать людей за моря, чтобы передать их иностранному правительству". Государственный секретарь "унизил страну перед лицом всего цивилизованного мира, не только позволив этим требованиям остаться без ответа, но и ведя себя во время всей операции так, как будто исполнительная власть искренне желает выполнить каждое из этих требований". Испанский министр, естественно, настаивал на своих требованиях, потому что вначале его не удовлетворили должным образом. Работоторговля была незаконной по международному соглашению, и единственное, что можно было сделать в сложившихся обстоятельствах, - это освободить негров. Адамс завершил свое выступление великолепным обзором своей карьеры и трудов выдающихся юристов, которых он знал в суде на протяжении почти сорока лет, и, как известно, везде, где произносится имя правосудия, он выиграл свое дело.

Льюис Таппан отправился вместе с африканцами в турне по штатам, чтобы собрать деньги на их возвращение домой. Первая встреча состоялась в Бостоне. Несколько членов компании заинтересовали аудиторию чтением из Нового Завета или описанием своей страны и ужасов путешествия. Цинк производил впечатление большого достоинства и необыкновенных способностей, а Кали, мальчик всего одиннадцати лет, также привлек к себе необычное внимание. Ближе к концу 1841 года в сопровождении пяти миссионеров и учителей африканцы отплыли из Нью-Йорка, чтобы добраться сначала до Сьерра-Леоне, а затем, по мере сил, до родных мест.

В то время как инцидент с "*Амистадом*" все еще вызывал интерес общественности, произошел еще один, который также вызвал международные трения и еще более продолжительные дебаты между рабскими и антирабовладельческими силами. 25 октября 1841 года бриг "*Креол*" капитана Энсора из Ричмонда, штат Вирджиния, отплыл из Ричмонда, а 27 октября - из Хэмптон-Роудс с грузом табака и ста тридцатью рабами, направлявшимися в Новый Орлеан. На судне, помимо команды, находились жена и ребенок

капитана, а также три или четыре пассажира, которые в основном отвечали за рабов, один из которых, Джон Р. Хьюэлл, непосредственно отвечал за тех, кто принадлежал владельцу по имени Маккарго. Около 9.30 в ночь на воскресенье, 7 ноября, находясь в море, девятнадцать рабов восстали, подавили остальных, ранили капитана и в целом взяли на себя командование судном. Мэдисон Вашингтон начал восстание с нападения на Гиффорда, первого помощника, а Бен Блэксмит, один из самых агрессивных его помощников, убил Хьюэлла. Мятежники захватили оружие судна, не разрешали разговаривать между членами экипажа иначе, как во всеуслышание, потребовали и получили декларации на рабов и пригрозили, что если их не отвезут в Абако или другой британский порт, то они выбросят офицеров и команду за борт. Во вторник, 9 ноября, "Креол" достиг Нассау (Нью-Провиденс), и прибытие судна сразу же вызвало сильное волнение. Гиффорд сошел на берег и сообщил о случившемся, а американский консул Джон Ф. Бэкон заявил английским властям, что рабы на борту брига являются такой же частью груза, как и табак, и имеют право на такую же защиту от потери для владельцев. Однако губернатор, сэр Фрэнсис Кокберн, сомневался, стоит ли вообще вмешиваться в это дело. Он освободил тех рабов, которые не участвовали в восстании, говорил обо всех рабах как о "пассажирах" и гарантировал девятнадцати, которые, как показало расследование, были связаны с восстанием, все права заключенных, вызванных в английский суд. Он также сообщил им, что до окончательного решения по их делу с британским правительством будет установлена связь, что, если они пожелают получить копии информации, они будут им предоставлены, и что они имеют право на вызов свидетелей для опровержения выдвинутых против них обвинений. Время от времени негры, уроженцы острова, толпились вокруг брига в маленьких лодках и запугивали американский экипаж, но когда утром 12 ноября генеральный прокурор спросил их о намерениях, они с прозрачным юмором ответили, что не собираются совершать никакого насилия и собрались лишь для того, чтобы переправить на берег тех людей на "Креоле", которым разрешат покинуть судно и которые могут нуждаться в их помощи. Однако генеральный прокурор потребовал, чтобы они выбросили за борт дюжину крепких дубин, которые у них были. На этом все дело и остановилось. Дэниел Уэбстер, будучи государственным секретарем, возбудил антирабовладельческий элемент, решительно потребовав возвращения рабов, основывая свои аргументы на святости судов под американским флагом; но английские власти в Нассау так и не вернули ни одного из них. 21 марта 1842 года Джошуа Р. Гиддингс, неутомимый защитник прав негра, предложил в Палате представителей резолюцию о том, что рабство может существовать только на основании позитивного закона различных штатов; что штаты не делегировали контроль над рабством федеральному правительству, которое одно обладает юрисдикцией в открытом море, и что, следовательно, рабы в открытом море становятся свободными, а каботажная торговля - неконституционной. Палата представителей, настроенная резко проюжно, вынесла Гиддингсу вотум недоверия, и он подал в отставку, но был немедленно переизбран своим избирательным округом в Огайо.

Сноска 105: [\(возврат\)](#)

Официальный отчет, 19.

Сноска 106: [\(обратно\)](#)

Официальный отчет, 96-97, и Хиггинсон, 232-3.

Сноска 107: [\(возврат\)](#)

Официальный отчет, 20. Обратите внимание, что Хиггинсон, который был столь неутомим в своих исследованиях, странным образом путает Джека Перселла и Гуллу Джека (стр. 230). Эти люди были совершенно разными, как следует из отчета и списка казненных. Имя владельца Гуллы Джека было Притчард.

Сноска 108: (возврат)

Официальный отчет, 24. Обратите внимание, что эта замечательная характеристика была дана судьями Кеннеди и Паркером, которые впоследствии приговорили мужчин к смерти.

Сноска 109: (обратно)

Официальный отчет, 31-32.

Сноска 110: (возврат)

Хиггинсон, 215.

Сноска 111: (возврат)

По соображениям политики имена этих осведомителей были скрыты от публикации, но они, конечно, были хорошо известны неграм Чарльстона. В опубликованных документах о главном осведомителе говорилось: "Было бы клеветой на либеральность и благодарность этого сообщества, если бы мы предположили, что этот человек может быть пропущен среди тех, кто будет вознагражден за свою верность и принципиальность". Автору сообщили, что наградой за предательство своего народа стало официальное и законное объявление его "белым человеком".

Сноска 112: (возвращение)

Джерви: *Robert Y. Hayne and His Times*, 131-2.

Сноска 113: (обратно)

Письмо Беннета.

Сноска 114: (обратно)

См. *городскую газету* от 14 августа 1822 г., цитируемую Джерви.

Сноска 115: (обратно)

Официальный отчет, 44.

Сноска 116: (обратно)

Иногда приводится цифра 37, но в списках значится 43.

Сноска 117: (возврат)

В книге "Ужасная резня", или, если использовать более официальное название, "Правдивое и беспристрастное повествование о трагической сцене, свидетелем которой стал округ Саутгемптон (штат Виргиния) в понедельник 22 августа прошлого года", приводится список жертв восстания Ната Тернера. Однако следует сказать, что эта работа не совсем безупречна; похоже, что она была подготовлена очень поспешно после события, написание имен часто произвольно, и вместо указанных пятидесяти пяти жертв оказывается, что было убито не менее пятидесяти семи белых:

Джозеф Тревис, жена и трое детей	5
миссис Элизабет Тернер, Хартвелл Пиблз и Сара Ньюсам	3
миссис Пити Риз и сын Уильям	2
Траджан Дойал	1
Генри Брайант, жена и ребенок, а также мать жены	4
Миссис Кэтрин Уайтхед, ее сын Ричард, четыре дочери и внук	7
Салатаэль Фрэнсис	1
Надсмотрщик Натаниэль Фрэнсис и двое детей	3

Джон Т. Бэрроу и Джордж Воган	2
Миссис Леви Уоллер и десять детей	11
Мистер Уильям Уильямс, жена и двое мальчиков	4
Миссис Кэсуэлл Уоррелл с ребенком	2
Миссис Ребакка Воган, Энн Элиза Воган и сын Артур	3
Миссис Джейкоб Уильямс с тремя детьми и Эдвин Дрюри	5
	-
	55

Сноска 118: (возвращение)

Единственный экземпляр, который автор видел, хранится в библиотеке Гарвардского университета.

Сноска 119: (возвращение)

Дрюри, 101.

Сноска 120: (обратно)

Чарити Боури, которая дала показания Л. М. Чайлду, процитированные Хиггинсоном.

ГЛАВА VIII

ОТВЕТ НЕГРОВ, II: ОРГАНИЗАЦИЯ И АГИТАЦИЯ

Целью данной главы не является рассмотрение социального прогресса со стороны негров. Чуть позже мы попытаемся рассмотреть эту интересную тему в период между Миссурийским компромиссом и Гражданской войной. Сейчас же нас интересует отношение самого негра к проблеме, которая, казалось бы, должна была встать перед Америкой и для которой предлагались столь разные решения. Что касается рабства, то мы видели, что средством, предложенным Данией Весей и Натом Тернером, было восстание. Однако, констатируя исторический факт, можно сказать, что большая часть негритянского населения Юга не верила в насилие, а надеялась и молилась о наступлении лучшего дня другими способами. Но каково было отношение тех людей, прогрессивных граждан и мыслящих лидеров, которых не устраивало положение расы и которые должны были занять определенную позицию по вопросам, стоявшим перед ними? Если мы изучим этот вопрос с этой точки зрения, то обнаружим такое количество брожения, волнений и честных разногласий, которое иногда упускается из виду или полностью забывается в вопросах более позднего времени.

1. "Призыв" Уокера

Самой обсуждаемой книгой, написанной негром в тот период, была та, что появилась в Бостоне в 1829 году. Дэвид Уокер, автор книги, родился в Северной Каролине в 1785 году от свободной матери и отца-раба, и поэтому был свободен.¹²¹ Он получил хорошее образование, много путешествовал по Соединенным Штатам и к 1827 году жил в Бостоне как владелец магазина подержанной одежды на Брэттл-стрит. Он очень сильно переживал по поводу рабства и, кажется, даже подумывал о том, чтобы возглавить восстание. В 1828 году он выступал перед различными аудиториями негров в Бостоне и других городах, а в 1829 году опубликовал свое *Обращение, состоящее из четырех статей, вместе с Преамбулой к цветным гражданам мира, но в особенности, и очень четко, к гражданам Соединенных Штатов Америки*. Книга оказалась на редкость успешной. Появившись в сентябре, к марту

следующего года она вышла третьим изданием; и в каждом последующем издании язык был все смелее и энергичнее. Задуманное Уокером восстание не состоялось, а сам он умер в 1830 году. Хотя реальных доказательств этому факту нет, среди негритянского населения бытовало мнение, что его постигла нечестная участь.

Статья I Уокера называлась "Наши несчастья вследствие рабства". Путешествие по Соединенным Штатам убедило его в том, что негры в этой стране - "самые деградированные, жалкие и ничтожные существа, которые когда-либо жили с начала мира". Он процитировал слова одной из газет Южной Каролины: "Турки - самый варварский народ в мире, они обращаются с греками скорее как с грубиянами, чем как с людьми"; а затем из той же газеты привел объявление о продаже восьми негров-мужчин и четырех женщин. "Разве мы мужчины?" - воскликнул он. "Я спрашиваю вас, о братья мои, люди ли мы?... Есть ли у нас другой хозяин, кроме одного Иисуса Христа? Разве Он не их господин, так же как и наш? Какое же право имеем мы повиноваться и называть господином кого бы то ни было, кроме Него Самого? Как мы можем быть так покорны шайке людей, о которых мы не можем сказать, хороши ли они, как мы сами, или нет, я никогда не мог понять". "Белые, - утверждал он, - всегда были несправедливыми, завистливыми, немилосердными, скупыми и кровожадными существами, всегда стремившимися к власти и могуществу". Будучи язычниками, белые люди были достаточно жестоки, но как христиане они были в десять раз более жестоки. Будучи язычниками, "они не были столь дерзкими, чтобы идти и брать суда с мужчинами, женщинами и детьми, хладнокровно, по дьявольской наглости, бросать их в море и убивать всеми способами". Но, будучи христианами, просвещенными и разумными, они полностью готовы к таким адским жестокостям". Далее рассматривалось "Наше несчастье вследствие невежества". В целом писатель утверждал, что его народ в целом не обладает достаточным интеллектом, чтобы осознать свою деградацию; даже если мальчики изучали книги, они не овладевали их текстами, и их информация не заходила достаточно далеко, чтобы они могли реально решать жизненные проблемы. Если бы кто-нибудь поехал на юг или запад, он увидел бы там, как сын берет свою мать, которая выносила почти смертные муки, чтобы родить его, и по приказу тирана раздевает ее догола, как только она появляется на свет, и накладывает на нее воловью шкуру, пока она не падает жертвой смерти на дороге. Он видел, как муж брал свою дорогую жену, нередко беременную, а может быть, и далеко зашедшую, и бил ее за немилосердие, пока ее младенец не падал безжизненным комочком у ее ног. Более того, "в Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии и Балтиморе были и есть цветные люди, которые находятся в союзе с тиранами и получают большую часть своего хлеба насущного из денег, которые они приобретают за счет крови и слез своих более несчастных братьев, которых они со скандалом отдают в руки наших естественных врагов". В статье III Уокер рассмотрел "Наше бедственное положение, вызванное проповедниками религии Иисуса Христа". Здесь было плодородное поле, которое было освоено лишь частично. Уокер, очевидно, не имел под рукой высказываний Фурмана и других, которые могли бы послужить определенной точкой нападения. Однако он отметил общую неспособность христианских служителей жить в соответствии с учением Христа. "Даже здесь, в Бостоне, - сообщают нам, - гордость и предрассудки дошли до такой степени, что в самих домах, возведенных для Господа, они построили маленькие уголки для приема цветных людей, где они должны сидеть во время собрания или держаться подальше от дома Божьего". Лицемерие вряд ли может идти дальше, чем у проповедников, которые не видят зла у себя под дверью, но, несмотря на это, могут "посылать миссионеров для обращения язычников". Статья IV была озаглавлена "Наше бедственное положение в результате колонизаторского плана". Это было горькое обвинение, особенно направленное против Генри Клея. "Я обращаюсь и прошу каждого гражданина этих Соединенных Штатов, - сказал Уокер, - и всего мира, как белого, так и черного, кто хоть немного знаком с общественной деятельностью мистера Клея в этих

штатах... Я хочу, чтобы вы откровенно ответили Господу, который видит тайны ваших сердец: верите ли вы, что мистер Генри Клей, в прошлом государственный секретарь, а теперь в Кентукки, является другом негров дальше, чем простирается его личный интерес?... Разве ему есть дело до Африки - останется ли она землей язычников и кровников или христиан, лишь бы он получил достаточно ее сыновей и дочерей, чтобы копать для него золото и серебро? Не для того ли он создан Творцом, чтобы сидеть в тени и заставлять негров работать без вознаграждения за их услуги, чтобы содержать его и его семью? Я уже некоторое время присматриваюсь к речам и публичным выступлениям этого человека, но, насколько мне известно, никогда не видел в его трудах ничего, что настаивало бы на освобождении от рабства, которое почти погубило его страну". Затем Уокер сделал комплименты Элиасу Б. Колдуэллу и Джону Рэндольфу, первый из которых сказал: "Чем больше вы улучшаете состояние этих людей, чем больше развиваете их разум, тем более несчастными вы их делаете в их нынешнем состоянии". "Здесь, - говорится далее, - наглядное доказательство плана, разработанного бандой рабовладельцев, по отбору свободных цветных людей из числа рабов, чтобы наши более несчастные собратья были лучше защищены в невежестве и нищете, чтобы работать на своих фермах и копать свои шахты, и таким образом продолжать обогащать христиан своей кровью и стонами. О чем могли думать наши братья, покинувшие родную землю и уехавшие в Африку, я не могу сказать. Американцы могут говорить и делать все, что им заблагорассудится, но они должны поднять нас из состояния грубиянов в состояние уважаемых людей и сделать нам национальное признание за те обиды, которые они нам причинили..... Вы можете сомневаться в этом, если хотите. Я знаю, что тысячи будут сомневаться - они думают, что так хорошо закрепили нас в нищете, их и их детей, что такие вещи невозможны. Так и допотопные жители сомневались в Ное до того дня, когда пришел потоп и сметал их. Так и содомляне сомневались, пока Лот не вышел из города, и Бог низвел на них огонь и серу с неба и сжег их. Так и царь египетский сомневался в самом существовании Бога, говоря: "Кто Господь, чтобы я отпустил Израиля?" ... Так и римляне сомневались..... Но они были ужасно обмануты".

Этот документ вызвал сильнейшее волнение на Юге. Мэр Саванны обратился с письмом к мэру Бостона Отису, требуя наказать Уокера. Отис в широко опубликованном письме ответил, выразив свое неодобрение памфлета, но заявив, что его автор не совершил ничего такого, что сделало бы его "поддающимся" законам. В Вирджинии законодательное собрание рассмотрело вопрос о принятии "чрезвычайного билля", не только запрещающего распространение подобных подстрекательских публикаций, но и запрещающего обучение свободных негров. Законопроект прошел Палату делегатов, но провалился в Сенате. *Призыв* попал даже в Луизиану, где уже ходили слухи о восстании, и тут же был принят закон, изгоняющий всех свободных негров, приехавших в штат с 1825 года.

2. Движение конвента

Как можно понять из позиции Уокера, представители расы были почти едины в своем неприятии колонизации. Они не всегда выступали против колонизации как таковой, поскольку некоторые из них положительно смотрели на поселение в Канаде, а несколько сотен человек отправились в Вест-Индию. Однако они возражали против плана, предложенного Американским колонизационным обществом, который все больше и больше впечатлял их как попытка рабовладельцев вывезти свободных негров из страны, чтобы труд рабов был более ценным. Ричард Аллен, епископ Африканской методистской епископальной церкви и самый выдающийся негр того времени, сказал: "Нас украли из родной страны и привезли сюда. Мы пахали землю и нажили состояния для тысяч людей, и до сих пор они не

устают от наших услуг. *Но те, кто остается пахать землю, должны быть рабами.* Разве мало земли в Америке или кукурузы в Египте? Почему они должны посылать нас в далекую страну умирать? Посмотрите на тысячи иностранцев, ежегодно эмигрирующих в Америку: если там достаточно земли, чтобы ее обрабатывать, и хлеба, чтобы ее есть, зачем им отправлять *первых* землепашцев? Африканцы нажили состояния тысячам людей, которые до сих пор не желают расставаться со своими услугами; но свободные должны быть высланы, а те, кто останется, должны быть рабами. Я не сомневаюсь, что есть много хороших людей, которые не видят так, как я, и которые посылают нас в Либерию; но они не рассмотрели этот вопрос должным образом - они не цветные люди. Эта земля, которую мы поливали своими слезами и кровью, теперь наша *родная страна*, и мы вполне удовлетворены тем, что остаемся там, где мудрость изобилует, а Евангелие свободно."¹²² Эта точка зрения получила популярное выражение в песне с громоздким названием "Мнение цветного человека о колонизации", которая исполнялась на мотив "Home, Sweet Home". Первая строфа звучала следующим образом:

Великий Боже, если смиренные и слабые так же дороги
Твоей любви, как и гордым, детям твоим внимай!
Наши братья погнали бы нас в пустыни бродить;
Прости их, о Отец, и сохрани нас дома.
Дом, милый дом!
У нас нет другого; это, это наш дом.¹²³

Эти настроения получили официальное выражение в мерах, принятых на различных негритянских собраниях на Севере. В 1817 году наибольшее волнение вызвало сообщение о том, что благодаря усилиям недавно созданного Колонизационного общества всех свободных негров собираются насильственно выслать из страны. Были приняты резолюции протеста, которые широко распространялись.¹²⁴ Особое значение имела встреча в Филадельфии в январе под председательством Джеймса Фортена. Полный отчет о нем приводится ниже:

На многочисленном собрании цветного населения, созванном в церкви Вефиль, чтобы рассмотреть вопрос о целесообразности выступления против предполагаемой меры, которая должна изгнать нас с родной земли, Джеймс Фортен был приглашен на председательское место, а Рассел Пэрротт назначен секретарем. После того как председатель объявил о намерениях собрания, следующие резолюции были приняты без единого несогласного голоса:

ПРИЧИНА: Наши предки (не по своей воле) были первыми успешными земледельцами в диких землях Америки, мы, их потомки, считаем себя вправе участвовать в благословениях ее роскошной почвы, которую их кровь и пот оросили; и что любые меры или система мер, имеющие тенденцию изгнать нас из ее лона, были бы не только жестокими, но и прямым нарушением тех принципов, которые были гордостью этой республики,

Решили, что мы с глубоким отвращением смотрим на незаслуженное клеймо, которое пытаются наложить на репутацию свободных цветных людей сторонники этой меры, "что они являются опасной и бесполезной частью общества", когда в состоянии бесправия, в котором они живут, в час опасности они перестали помнить о своих обидах и сплотились вокруг штандарта своей страны.

Решено, что мы никогда не отделим себя добровольно от рабского населения этой страны; они наши братья по кровосмешению, страданиям и несправедливости; и мы чувствуем, что в

том, чтобы терпеть лишения вместе с ними, больше добродетели, чем в воображаемых преимуществах на какое-то время.

Решено, что без искусства, без науки, без надлежащих знаний о правительстве забросить в дикие дикие земли Африки свободных цветных людей, представляется нам кружным путем, по которому они должны вернуться в вечное рабство.

Решено, что, имея самую твердую уверенность в справедливости Бога и филантропии свободных государств, мы с радостью отдаем наши судьбы под руководство Того, Кто не позволяет ни одному воробью упасть без Его особого провидения.

Решено, назначить комитет из одиннадцати человек для открытия переписки с достопочтенным Джоозефом Хопкинсоном, членом Конгресса от этого города, а также для информирования его о настроениях этого собрания, и что следующие названные лица составляют этот комитет, и что они имеют право созвать общее собрание, когда они, по их мнению, сочтут это уместным: Преподобный Абсалом Джонс, преподобный Ричард Аллен, Джеймс Фортен, Роберт Дуглас, Фрэнсис Перкинс, преподобный Джон Глостер, Роберт Горден, Джеймс Джонсон, Куамони Кларксон, Джон Саммерсет, Рэндалл Шепард.

ДЖЕЙМС ФОРТЕН, председатель.

Рассел ПАРРОТТ, секретарь.

В 1827 году в Нью-Йорке начал выходить "*Freedom's Journal*", первая негритянская газета в США. Ее редакторами были Джон Б. Рассвурм и Сэмюэл Э. Корниш. Рассвурм был недавним выпускником колледжа Боудуин и впоследствии стал более известен как губернатор Мэриленда в Африке. К 1830 году по всей стране, особенно в Огайо и Кентукки, возникли острые чувства, а среди негров появилось убеждение, что пришло время для национальной организации и протеста.

Весной 1830 года Хезекия Грайс из Балтимора, лично познакомившийся с деятельностью Ланди и Гаррисона, направил письмо видным неграм в свободных штатах, в котором ставил под сомнение общую политику эмиграции.¹²⁵ не получил немедленного ответа, но в августе он получил от Ричарда Аллена настоятельную просьбу немедленно приехать в Филадельфию. Прибыв туда, он застал собрание, обсуждавшее целесообразность эмиграции в Канаду, и Аллен "показал ему печатный циркуляр, подписанный Питером Уильямсом, настоятелем церкви Святого Филиппа в Нью-Йорке, Питером Фогельзангом и Томасом Л. Дженнингсом из того же места, одобрявший план конвенции"¹²⁶ Теперь филадельфийцы выступили с призывом провести в их городе 15 сентября 1830 года конвенцию негров Соединенных Штатов.

Это сентябрьское собрание прошло в церкви Bethel A.M.E. Church. Епископ Ричард Аллен был избран президентом, доктор Белфаст Бертон из Филадельфии и Остин Стюард из Рочестера - вице-президентами, Джуниус К. Морелл из Пенсильвании - секретарем, а Роберт Коули из Мэриленда - помощником секретаря. Были аккредитованы делегаты из семи штатов. Хотя это собрание действительно можно считать первым национальным съездом негров в Соединенных Штатах (не считая, конечно, собрания деноминационных организаций), оно, по-видимому, рассматривалось лишь как предварительное к еще более официальному собранию, поскольку протокол следующего года был напечатан как "Протоколы и материалы Первого ежегодного съезда цветного народа, проведенного с перерывами в городе Филадельфия с шестого по одиннадцатое июня включительно 1831 года. Филадельфия, 1831 год". Заседания этого съезда проходили в Веслианской церкви на Ломбард-стрит. Ричард Аллен умер в начале года, и Грайс не присутствовал; вскоре после этого он эмигрировал в Хейти, где стал известным подрядчиком. Однако преподобный Джеймс У. К. Пеннингтон из Нью-Йорка впервые появился на широком горизонте расовых

дел; Джон Бауэрс из Филадельфии был президентом, Абрахам Д. Шедд из Делавэра и Уильям Дункан из Вирджинии - вице-президентами, Уильям Виппер из Филадельфии - секретарем, а Томас Л. Дженнингс из Нью-Йорка - помощником секретаря. Присутствовали делегаты из пяти штатов. Собрание было не очень большим, но в нем приняли участие способные люди; кроме того, на нем присутствовали именитые гости, среди которых были Бенджамин Ланди, Уильям Ллойд Гаррисон, преподобный С.С. Джослин из Нью-Хейвена и Артур Таппан из Нью-Йорка.

Первое же предложение конвента гласило: "Назначить комитет для изучения состояния цветного населения Соединенных Штатов и сообщить о своих взглядах на этот вопрос на одном из последующих заседаний". В результате своей работы комитет рекомендовал продолжить работу организаций, заинтересованных в поселении в Канаде; ежегодно созывать делегации цветных свободных людей; а также заявил о "необходимости обдуманного рассмотрения распущенного, неводержанного и невежественного состояния значительной части цветного населения Соединенных Штатов". "И, наконец, ваш Комитет с нескрываемым сожалением и уважением представляет мудрости этой Конвенции деятельность и искажения Американского колониационного общества в этих Соединенных Штатах. Нам горько видеть такую огромную и бессмысленную трату жизней и имущества, не сомневаясь в благожелательных чувствах некоторых людей, участвующих в этом деле. Но мы ни на минуту не сомневаемся, что причина многих наших неконституционных, нехристианских и неслыханных страданий исходит из этого нечестивого источника; и мы призываем христиан всех конфессий решительно противостоять этому". Доклад был единогласно принят и утвержден.

Джослин, Таппан и Гаррисон обратились к съезду по поводу предлагаемого промышленного колледжа в Нью-Хейвене, на расходы в размере 20 000 долларов, из которых один человек (сам Таппан) подписался на 1000 долларов с условием, что остальные 19 000 долларов будут собраны в течение года; съезд одобрил проект *при условии, что* негры будут иметь большинство, по крайней мере, один в попечительском совете. Просветительское обращение к публике привлекло внимание к прогрессу эмансипации за рубежом, к тому факту, что именно американские преследования привели к созыву конвенции, и что именно это побудило некоторых представителей расы искать убежища в Канаде, где уже было двести бревенчатых домов и пятьсот акров земли под культивацией.

В 1832 году восемь штатов были представлены в общей сложности тридцатью делегатами. К этому времени мы узнаем, что в Канаде было получено в общей сложности восемьсот акров земли, что туда отправились две тысячи негров, но канадцы проявляли значительную враждебность. Поколебавшись, съезд назначил агента для изучения ситуации. Он высказался категорически против любой национальной помощи Американскому колониационному обществу и призвал к отмене рабства в округе Колумбия - и все это, следует помнить, за год до того, как было организовано Американское антирабовладельческое общество.

В 1833 году на съезде присутствовало пятьдесят восемь делегатов, а президентом был избран Авраам Шедд, ныне житель Вашингтона. Съезд вновь уделил большое внимание вопросам Канады и колонизации, а также высказался по поводу нового закона в Коннектикуте, запрещающего неграм из других штатов посещать школы на территории штата. Встреча 1834 года прошла в Нью-Йорке. Пруденс Крэндалл¹²⁷ получила высокую оценку за свою позицию в защиту расы, а 4 июля было выделено как день для молитв и выступлений о положении негров по всей стране. В это время мы много слышим об обществах воздержания и моральных реформ, особенно о так называемых обществах

Феникса "для улучшения общей культуры - литературы, механических искусств и морали". Генеральным президентом этих организаций был преподобный Кристофер Раш из Сионской церкви А.М.Е., а среди директоров были преподобный Питер Уильямс, Бостон Краммелл, отец Александра Краммелла, и преподобный Уильям Пол Куинн, впоследствии известный епископ Церкви А.М.Е. Собрания 1835 и 1836 годов проходили в Филадельфии, и особенно высокую оценку получили студенты Лейнской семинарии в Цинциннати за их рвение в деле отмены. Был назначен комитет для изучения недовольства некоторых эмигрантов в Либерию и общего обзора работы Общества колонизации.

В десятилетие 1837-1847 годов Фредерик Дуглас был выдающимся лидером, а среди других выдающихся людей были доктор Джеймс Маккьюн Смит, преподобный Джеймс У.К. Пеннингтон, Александр Краммелл, Уильям К. Нелл и Мартин Р. Делани. Это важные имена в истории того периода. Именно эти люди приняли на себя основную тяжесть борьбы в яростные дни аннексии Техаса и компромисса 1850 года. В 1853 и 1854 годах возродился интерес к идее создания промышленного колледжа; были предприняты шаги по регистрации негритянских механиков и ремесленников, ищущих работу, и имен людей, готовых предоставить им работу; также был создан комитет по историческим записям и статистике, который должен был не только собрать исследования по негритянской биографии, но и ответить на любые нападки со стороны нотаблей.¹²⁸

Сразу же после последнего из упомянутых съездов те, кто был заинтересован в эмиграции и не смог добиться слушания на очередном съезде, выступили с призывом провести Национальный эмиграционный съезд цветных мужчин в Кливленде, штат Огайо, 24-26 августа 1854 года. Предварительное объявление гласило: "Ни один человек не будет допущен к участию в конвенте, который затронет тему эмиграции в Восточное полушарие - в Азию, Африку или Европу, поскольку наша цель и задача - рассмотреть наши претензии на Вест-Индию, Центральную и Южную Америку и Канаду. Это ограничение не связано с личными предпочтениями или индивидуальным предпринимательством, а относится к большому вопросу о национальных претензиях, который должен предстать перед Конвентом".¹²⁹ Дуглас назвал этот призыв "неуместным, неразумным, неудачным и преждевременным", и его позиция привела его к многословной дискуссии в прессе с Джеймсом М. Уитфилдом из Буффало, известным в то время писателем. Делани объяснил свой призыв следующим образом: "Это была простая политика со стороны авторов этих документов - ограничить свою схему Америкой (включая Вест-Индию), в то время как они были ведущими сторонниками возрождения Африки, чтобы не скомпрометировать себя и свой народ перед заклятыми врагами своей расы".¹³⁰ На секретных заседаниях, сообщает он нам, Африка была темой наибольшего интереса. Чтобы объяснить такую позицию, важно обратить внимание на изменения, произошедшие между 1817 и 1854 годами. Когда Джеймс Фортен и другие в Филадельфии в 1817 году протестовали против Американского колониального общества как плана "банды рабовладельцев" по изгнанию свободных людей из их домов, у них было достаточно оснований для такого мнения. Однако к 1839 году изменился не только состав организации, но, во многом благодаря влиянию Гаррисона, изменились также цели и задачи, и теперь доминирующее влияние имели не Виргиния и Мэриленд, а Нью-Йорк и Пенсильвания. Сначала колонизация рассматривалась как возможное решение расовой проблемы; теперь деньги выделялись, однако, "скорее как помощь в создании образцовой негритянской республики в Африке, усилия которой должны были бы препятствовать работорговле, поощрять энергию и бережливость среди тех свободных негров из США, которые решат эмигрировать, и дать коренным африканцам возможность продемонстрировать преимущества цивилизации".¹³¹ Учитывая изменившиеся условия, Делани и другие, кто не соглашался с Дугласом, считали, что для

блага расы в Соединенных Штатах вопрос об эмиграции может получить дальнейшее рассмотрение; в то же время, вспоминая старые дискуссии, они не хотели, чтобы их выставили в свете предателей своего народа. *Газета Pittsburgh Daily Morning Post* от 18 октября 1854 года высмеяла новый план следующим образом: "Если доктор Делани составил этот отчет, то он, несомненно, делает ему честь за его образованность и способности; и не может не закрепить за ним репутацию энергичного и яркого воображения, которое еще никогда не было превзойдено. Это грандиозная концепция невозможного рождения. Комитет, похоже, совершенно не учитывает силу "держав на земле", которые будут противостоять африканизации более половины Западного полушария. У нас нет никаких мотивов обращать внимание на эту великолепную мечту "Комитета", кроме как показать ее ошибочность - ее неосуществимость, фактически, ее абсурдность. Ни один здравомыслящий человек, какого бы цвета он ни был, не должен ни на минуту обманываться такими неосуществимыми теориями". Однако, несмотря на все противодействие, Эмиграционная конвенция состоялась. На Делани выпала основная тяжесть работы организации. В 1855 году епископ Джеймс Теодор Холли был направлен к Фостину Сулуку, императору Хайти; во время своего месячного визита он получил много официального внимания и некоторые побуждения к эмиграции. Сам Делани планировал отправиться в Африку во главе "Партии исследователей долины Нигера". О том, с какими искажениями и трудностями он столкнулся, лучше всего рассказал он сам. Однако он все-таки добрался до Африки и провел несколько интересных и удовлетворительных бесед с представительными вождями. Гражданская война положила конец его проекту, а сам он принял от президента Линкольна поручение майора. Благодаря влиянию Холли около двух тысяч человек отправились в Хайти, но не более трети из них остались. План Уитфилда по созданию колонии в Центральной Америке сошел на нет, когда этот ведущий дух умер в Сан-Франциско по пути туда.¹³²

3. Соджорнер Истина и женское избирательное право

В связи с вызовом, брошенным моральному сознанию, было вполне естественно, что борьба с рабством вскоре объединилась с движениями за воздержание, женское избирательное право и другими реформаторскими движениями, которые начали затрагивать сердца американцев. Особенно представительные женщины быстро поняли, что аргументы, используемые в их пользу, во многом совпадают с теми, которые использовались в отношении негров. Когда в 1848 году в Сенека-Фоллс, штат Нью-Йорк, началось движение за женское избирательное право, Лукреция Мотт, Элизабет Кэди Стэнтон и их соратники выпустили Декларацию чувств, которая, как и многие другие подобные документы, копировала формулировки Декларации независимости. В ней, в частности, говорилось следующее: "История человечества - это история неоднократных оскорблений и узурпаций со стороны мужчины по отношению к женщине, прямой целью которых является установление абсолютной тирании над ней. Он никогда не позволял ей воспользоваться своим неотъемлемым правом на выборную власть.... Он сделал ее, если она замужем, в глазах закона граждански мертвой..... Он лишил ее возможности получить полноценное образование, закрыв для нее все колледжи". В то время не имело значения, что мужское избирательное право было далеко не всеобщим и что улучшение положения женщины уже началось; движение четко и решительно изложило свою позицию, чтобы в полной мере привлечь внимание американского народа. В 1850 году в Вустере, штат Массачусетс, собрался первый официальный Национальный съезд по защите прав женщин. На это собрание приехала молодая квакерша, которая уже была замечена в деле умеренности. Вообще, куда бы она ни пошла, Сьюзен Б. Энтони вступала в "дела". Она обладала большими достоинствами и способностями и в то же время была способна на очень

большую самоотверженность. "Она не только сочувствовала неграм; при удобном случае она пила с ними чай, к своему собственному "несказанному удовлетворению"."¹³³ Люси Стоун, выпускница Оберлинского университета, была представительницей тех, кто вступил на путь борьбы с рабством. Начав выступать в 1848 году как представитель Антирабовладельческого общества, она почти с первых же выступлений стала затрагивать в своих речах вопрос о правах женщин.

На второй Национальный съезд по защите прав женщин, состоявшийся в 1852 году в Акроне, штат Огайо, под председательством миссис Фрэнсис Д. Гейдж, приехала Соджорнер Трут.

Ливийская сивилла" была тогда в полном расцвете сил. Она родилась от родителей-рабов около 1798 года в округе Ольстер, штат Нью-Йорк. В зрелые годы она живо вспоминала холодную, сырую комнату в подвале, где спали рабы семьи, к которой она принадлежала, и где мать учила ее повторять молитву "Отче наш" и уповать на Бога. Когда в 1827 году в ходе постепенной эмансипации она стала юридически свободной, ее хозяин отказался подчиниться закону и держал ее в рабстве. Она ушла, но ее стали преследовать и нашли. Чтобы она не возвращалась, друг оплатил ее услуги до конца года. Затем наступил вечер, когда в поисках одного из своих детей, которого украли и продали, она оказалась бездомной странницей. Одна квакерская семья предоставила ей ночлег. Впоследствии она отправилась в Нью-Йорк, присоединилась к методистской церкви и упорно трудилась, чтобы улучшить свое положение. Позже, решив покинуть Нью-Йорк и отправиться в лекционный тур по Востоку, она собрала в небольшой сверток свои вещи и сообщила другу, что теперь ее зовут не *Изабелла*, а *Соджорнер*. Она отправилась в путь, выступая перед людьми, где бы они ни собирались, и принимая их во многих аристократических домах. Ее совершенно не учили в школах, но она была остроумна, оригинальна и всегда наводила на размышления. Своим тактом и песенным даром она сдерживала насмешки, а своей горячностью и верой завоевала много друзей для борьбы с рабством. Что касается ее имени, то она сказала: "Господь дал мне имя *Соджорнер*, потому что я должна была путешествовать по всей земле, показывая людям их грехи и являясь для них знамением. Потом я сказала Господу, что хочу другое имя, потому что у всех остальных было по два имени, и Господь дал мне *Истину*, потому что я должна была возвещать людям истину".

На второй день съезда в Акроне в углу, прижавшись к стене, сидела эта заботливая женщина, ее локти опирались на колени, а подбородок - на широкие, твердые ладони.¹³⁴ В перерыве она занималась продажей "Жизни Соджорнер Истины". Время от времени к председательствующему обращались с просьбой: "Не позволяйте ей говорить, это нас погубит. Во всех газетах страны наше дело смешают с аболицией и черномазыми, и нас полностью осудят". Постепенно, однако, собрание стало теплым. Баптистские, методистские, епископальные, пресвитерианские и универсалистские проповедники пришли послушать и обсудить представленные резолюции. Один доказывал превосходство мужского интеллекта, другой - грех Евы, и женщины, большинство из которых не "выступали на собрании", были охвачены тревогой. Затем со своего места в углу медленно поднялась Соджорнер Истина, которая до сих пор едва ли поднимала голову. Медленно и торжественно она прошла вперед, положила свой старый чепец к ногам и обратила свои большие, говорящие глаза на кресло. Миссис Гейдж, вполне соответствующая случаю, вышла вперед, объявила "Соджорнер Истина" и попросила зрителей помолчать несколько минут. "Все взгляды были прикованы к этой почти амазонке, которая стояла на высоте почти шести футов, с прямо поднятой головой и глазами, пронзающими воздух, как во сне". При первых же ее словах наступила глубокая тишина. Она говорила глубоким тоном, который, хотя и не

был громким, достигал каждого уха в доме и даже толпы у дверей и окон. Одному мужчине, высмеивавшему всеобщую беспомощность женщины, ее потребность в том, чтобы ей помогали войти в карету и везде предоставляли лучшее место, она ответила: "Никто никогда не помогал мне войти в карету или в грязную лужу, не предоставлял мне лучшего места"; и, поднявшись во весь рост, голосом, подобным раскатам грома, она спросила: "А разве я не женщина? Посмотрите на меня. Посмотрите на мою руку". И она обнажила правую руку до плеча, демонстрируя огромную мускульную силу. "Я пахала, и сажала, и собирала в амбары, и ни один мужчина не мог меня одолеть - и разве я не женщина? Я могла работать столько же и есть столько же, сколько мужчина, когда могла это достать, и переносить удары плетью так же хорошо, а разве я не женщина? Я родила пятерых детей и видела, как их всех продали в рабство, и когда я плакала от материнского горя, никто, кроме Иисуса, не слышал - и разве я не женщина?... Они говорят об этой штуке в голове - как они ее называют?" "Интеллект", - сказал кто-то рядом. "Вот именно, дорогая. Какое это имеет отношение к правам женщин или негров? Если моя чашка не вмещает и пинты, а твоя - кварту, разве не подло не дать мне налить полстакана?" И она наставила свой многозначительный палец и бросила острый взгляд на министра, который приводил этот аргумент. Аплодисменты были долгими и громкими. "Этот маленький человек в черном говорит, что у женщин не может быть столько же прав, сколько у мужчин, потому что Христос не был женщиной. Но откуда взялся Христос?" Раскаты грома не смогли бы утихомирить толпу так, как эти глубокие, чудесные звуки, когда женщина стояла с распростертыми руками и горящими глазами. Возвысив голос, она повторила: "Откуда пришел Христос? От Бога и женщины. Мужчина не имеет к Нему никакого отношения". Повернувшись к другому возражающему, она взяла на себя защиту Евы. Она была остра и остроумна, торжественна и серьезна, и почти каждое предложение вызывало оглушительные аплодисменты; в конце она заявила: "Если первая женщина, которую создал Бог, была достаточно сильна, чтобы перевернуть мир вверх дном, в одиночку, то и эти, - и она обвела взглядом аудиторию, - должны быть в состоянии перевернуть его обратно и снова поставить на место, и теперь они просят об этом, мужчинам лучше позволить им это сделать".

"Под шум аплодисментов, - писала миссис Гейдж, - она вернулась в свой угол, оставив не одного из нас со слезящимися глазами и сердцами, бьющимися от благодарности". Так, как это часто случалось, Соджорнер Истина превратила сложную ситуацию в великолепную победу. Она не только красноречиво заступилась за раба, но и, опираясь на самые широкие принципы человечества, спасла день для женского избирательного права.

Сноска 121: [\(возвращение\)](#)

Адамс: *Neglected Period of Anti-Slavery*, 93.

Сноска 122: [\(возврат\)](#)

Freedom's Journal, 2 ноября 1827 г., цитируется Уокером.

Сноска 123: [\(возврат\)](#)

Anti-Slavery Picknick, 105-107.

Сноска 124: [\(возврат\)](#)

Они полностью описаны в книге Гаррисона "*Мысли об африканской колонизации*".

Сноска 125: [\(вернуться\)](#)

Джон В. Кромвель: *Раннее движение негритянских конвентов*.

Сноска 126: [\(обратно\)](#)

Там же, 5.

Сноска 127: (возврат)

См. главу X, раздел 3.

Сноска 128: (возврат)

Нельзя не подчеркнуть тот факт, что лидеры этого периода были отнюдь не непрактичными теоретиками, а людьми, которые с научной точки зрения подходили к решению социальной проблемы своего народа. Они не только предвосхитили такие идеи, как идеи промышленного образования и Национальной городской лиги современности, но и стремились заложить прочный фундамент расового самоуважения.

Сноска 129: (вернуться)

Официальный отчет исследовательской партии долины Нигера, составленный М.Р. Делани, главным комиссаром в Африке, Нью-Йорк, 1861 г.

Сноска 130: (возврат)

Делани, 8.

Сноска 131: (возврат)

Фокс: *The American Colonisation Society*, 177; также прим. стр. 12, 120-2.

Сноска 132: (возврат)

О ходе реализации всех планов, предложенных конвенту, см. важное письмо, написанное Холли и переданное Кромвелем, 20-21.

Сноска 133: (обратно)

Ида М. Тарбелл: "Американская женщина: ее первая декларация независимости", *American Magazine*, февраль, 1910.

Сноска 134: (обратно)

Воспоминания президента, миссис Фрэнсис Д. Гейдж, приведенные Тарбелл.

ГЛАВА IX

ЛИБЕРИЯ

В одной из предыдущих глав мы проследили раннее развитие Американского колониального общества, усилия которого увенчались основанием колонии Либерия. Недавняя мировая война, призом которой стала Африка, вновь приковала внимание к маленькой республике. Этот сравнительно небольшой участок земли, занимающий чуть больше одной трехсотой части поверхности Африки, сейчас представляет интерес и имеет стратегическое значение не только потому, что (если не считать Абиссинию, которая претендует на несколько иное расовое происхождение, и Хайти, которая сейчас действительно находится под управлением Соединенных Штатов) представляет собой единственное в мире ярко выраженное негритянское правительство, но и потому, что это единственный участок земли на большом западном побережье континента, который даже во время войны уцелел от агрессии великих европейских держав. Она находится прямо на изгибе плеча Африки, и ее история столь же романтична, сколь уникально ее положение.

Либерию часто называют выдающимся примером неспособности негров к самоуправлению. Такое суждение не всегда верно. Действительно, вопрос о том, доказывает ли история этой страны, учитывая характер ее начала, что-либо в отношении способности расы к самоуправлению, остается открытым. Первые поселенцы зачастую только недавно вышли из рабства, но на них свалились все проблемы содержания и управления, и, кроме того, они

принесли с собой ложные представления о жизни и работе, сложившиеся на Старом Юге. Иногда они страдали от пренебрежения, иногда от чрезмерной заботы; никогда их не оставляли в покое. Однако, несмотря на все это, более десятка туземных племен были покорены всего лишь несколькими тысячами цивилизованных людей, республика сохранила свою целостность, и на протяжении многих лет передавалась традиция конституционного правления.

1. Место и народ

Ресурсы Либерии пока еще плохо изучены. Однако нет никаких сомнений в плодородности внутренних районов и их возможностях при правильном освоении. Здесь нет рек первого ранга, но самые длинные ручьи имеют длину около трехсот миль и на удобном расстоянии друг от друга впадают в береговую линию длиной чуть более трехсот миль. Здесь, на участке земли, лишь немного превышающем размеры нашего штата Огайо, проживает от 30 до 100 тысяч цивилизованных людей, а численность коренного населения оценивается в 2 000 000 человек. Среди цивилизованного населения меньшая цифра, 30 000, является более точной, если рассматривать только тех людей, которые полностью цивилизованы, и это число будет примерно поровну разделено между американо-либерийцами и туземцами. Однако, особенно в городах вдоль побережья, есть много людей, получивших лишь некоторую степень цивилизации, и в большинстве семей в больших городах живут несколько детей туземцев. Если учесть все эти элементы, то общее число может приблизиться к 100 000 человек. Туземцы в своих различных племенах делятся на три или четыре большие группы. В целом они следуют своим исконным обычаям, а самые передовые племена проявляют незаурядный ум и мастерство в промышленности. Среди них выделяются достойные Мандинго с магометанскими традициями и Ваи, отличающиеся искусством и культурой, схожей с культурой Мандинго. Также легко узнать кпвеси, искусных в ткачестве и изготовлении железных изделий; кру, умных, мореплавающих и стремящихся к обучению; гребо, амбициозных и агрессивных, а по языковой связи близких к кру; басса, по характеру несколько похожих на кру, но в целом не столь амбициозных; бузи, диких и сильно татуированных; и каннибалистов-мано. По причине численности, если не более того, главный актив Либерии в будущем заключается в ее коренном населении.

2. История

(а) Колонизация и заселение

Во исполнение своих планов по основанию постоянной колонии на побережье Африки Американское колониционное общество в ноябре 1817 года отправило двух человек, Сэмюэля Дж. Миллса и Эбенезера Берджесса, которым было поручено найти подходящее место для поселения. Отправившись через Англию, эти люди были радушно приняты сотрудниками Африканского института и получили письма к ответственным лицам в Сьерра-Леоне. Прибыв туда в марте 1818 года, они встретили Джона Кизелла, местного жителя и влиятельного человека, который получил некоторое образование в Америке, вернулся к своему народу, построил молитвенный дом и стал проповедником. Кизелл взялся сопровождать их в путешествии по побережью и привел к острову Шербро - месту, долгое время находившемуся на спорной территории, но с тех пор включенному в пределы Сьерра-Леоне. Здесь агентов гостеприимно приняли; они выбрали остров в качестве постоянного места жительства и в мае повернули свои лица в сторону родины. Миллс умер во время плавания в июне и был похоронен в море; но Берджесс сделал благоприятный отчет, хотя остров впоследствии оказался отнюдь не здоровым. Общество было впечатлено, но усилия могли бы заглухнуть на этом важном этапе, если бы Монро, теперь уже президент, не считал возможным привлечь ресурсы правительства Соединенных Штатов для помощи в

реализации проекта. Контрабанда с сопутствующим злом - продажей "захваченных африканцев" - к 1818 году стала национальным позором, и 3 марта 1819 года законопроект, призванный покончить с этой практикой, стал законом. В нем, в частности, говорилось следующее: "Президент Соединенных Штатов настоящим уполномочивается принять такие правила и меры, которые он сочтет целесообразными для безопасного содержания, поддержки и вывоза за пределы Соединенных Штатов всех негров, мулатов или цветных людей, которые могут быть доставлены и привезены в пределах их юрисдикции; и назначить надлежащее лицо или лиц, проживающих на побережье Африки, в качестве агента или агентов для приема негров, мулатов или цветных, доставленных с борта судов, захваченных в ходе преследования работорговли командирами вооруженных судов Соединенных Штатов." Для реализации цели этого закона было выделено 100 000 долларов, и Монро был склонен толковать полномочия, предоставленные ему в соответствии с ним, настолько широко, насколько это было необходимо. В своем послании от 20 декабря он сообщил Конгрессу, что назначил преподобного Сэмюэля Бэкона из Американского колонизационного общества с Джоном Бэнксоном в качестве помощника зафрахтовать судно и доставить первую группу эмигрантов в Африку, при этом подразумевалось, что он должен отправиться в место, указанное Миллсом и Берджессом. Таким образом, Национальное правительство и Колонизационное общество, хотя технически и были разделены, начали работать в практическом сотрудничестве. Корабль *"Элизабет"* был подготовлен к путешествию; правительство сообщило Обществу, что оно "примет на борт таких свободных негров, рекомендованных Обществом, которые могут потребоваться для целей агентства"; 33 000 долларов были переданы в руки мистера Бэкона; преподобный Сэмюэл А. Крозер был назначен официальным представителем Общества; было собрано 88 эмигрантов (33 мужчины и 18 женщин, остальные - дети); и 5 февраля 1820 года в сопровождении военного шлюпа *"Сиан"* экспедиция отправилась в путь.

Интересные сведения о плавании - важные для понимания - оставил Дэниел Кокер, уважаемый священник большой методистской общины в Балтиморе, которого уговорили сопровождать экспедицию ради морального влияния, которое он мог бы оказать.¹³⁵ В начале пути была плохая погода, и именно ледяное море 4 февраля сделало невозможным отплытие до следующего дня. На борту, кроме того, царил недоверие к ответственным агентам и сомнения в их мотивах; ситуацию не улучшила и драка между одним из эмигрантов и капитаном судна. Это была беспокойная компания, не уверенная в завтрашнем дне, недовольная и раздраженная изо дня в день. Впоследствии Кизелл заметил, что "некоторые не хотели, чтобы ими управляли белые, некоторые не хотели, чтобы ими управляли чернокожие, некоторые не хотели, чтобы ими управляли мулаты; но на самом деле они не хотели, чтобы ими кто-то управлял". Однако 3 марта корабль увидел острова Зеленого Мыса, а через шесть дней после этого бросил якорь у Сьерра-Леоне, и Кокер обрадовался, что наконец-то увидел Африку. Однако Кизелл, которого агенты рассчитывали увидеть, оказался в Шербро; соответственно, через шесть дней после прибытия¹³⁶ они тоже предприняли усилия, чтобы попасть в Шербро, поскольку им разрешили стоять на якоре всего пятнадцать дней, а время шло быстро. Тем временем Бэнсон отправился на поиски Кизелла. Капитан Себор сначала решительно не хотел идти дальше, но в конце концов его нежелание было преодолено; Бэкон купил за 3 000 долларов британскую шхуну, которая раньше занималась работорговлей, и 17 марта и корабль, и шхуна взяли курс на Шербро. На следующий день они встретили Бэнксона, который сообщил им, что видел Кизелла. Этот человек, хотя и не получал известий из Америки со времени отъезда Миллса и Берджесса, уже построил несколько временных домов на случай дождливого сезона. Он разрешил новоприбывшим остаться в своем маленьком городке, пока не удастся получить землю; послал им двенадцать кур и бушель риса; но при этом с достоинством и пафосом предупредил Бэнксона, что если

он и его спутники пришли с Христом в сердце, то хорошо, что они пришли; если же нет, то лучше бы они остались в Америке.

Затем последовали бесплодные переговоры с туземными вождями, в ходе которых Кокер сожалел, что работорговцы настолько разорили народ, что, казалось, невозможно добиться какого-либо прогресса в "палевере" без предложения рома. Тем временем по стране распространилось сообщение, что несколько американцев пришли, выгнали Кизелла из его собственного города и посадили часть его людей в трюм своего корабля. Бедствие следовало за бедствием. Болото, плохая вода и малярия нанесли колонистам огромный ущерб, и все три ответственных агента погибли. Те немногие, кто остался в живых, вернулись в Сьерра-Леоне.

Так первая экспедиция потерпела неудачу. Через год, в марте 1821 года, новая компания из двадцати одного эмигранта под командованием Дж. Б. Винна и Эфраима Бэкона прибыла во Фритаун на бриге *"Наутилус"*. Было решено, что в обмен на проезд члены первой экспедиции расчистят дорогу для остальных, но когда агенты новой компании увидели бедственное положение тех, кто остался в живых, они собрали всех колонистов в бухте Фура, а Бэкон отправился дальше по побережью в поисках более благоприятного места. Несколько человек, не пожелавших отправиться в Фура-Бей, остались в Сьерра-Леоне и стали британскими подданными. Бэкон нашел перспективный участок примерно в двухстах пятидесяти милях от побережья у мыса Монсерадо, но туземцы не особенно охотно шли на продажу, так как не хотели прерывать работорговлю. Тем временем Уинн и еще несколько колонистов умерли, и Бэкон вернулся в Соединенные Штаты. Таким образом, вторая экспедиция оказалась не более успешной, чем первая, но будущее место Монровии было хотя бы намечено.

В ноябре прибыл доктор Эли Айрес в качестве агента Общества, а в декабре - капитан Роберт Ф. Стоктон с судна *"Аллигатор"* с инструкциями по сотрудничеству. Эти двое исследовали побережье и 11 декабря прибыли в бухту Месурадо. Через джунгли они пробрались в деревню и вступили в переговоры с королем Питером и пятью его приближенными. Переговоры велись в присутствии возбужденной толпы и в условиях неминуемой опасности; но Стоктон проявил большой такт, и в конце концов за сумму, эквивалентную 300 долларам, они с Айресом купили устье реки Месурадо, мыс Монсерадо и земли на некотором расстоянии вглубь острова. Также была достигнута договоренность (за полдюжины галлонов рома и немного торговой ткани и табака) с королем Георгом, который "проживал на мысе и претендовал на своего рода юрисдикцию над северным районом полуострова Монсерадо, в силу чего поселенцам было разрешено переправиться через реку и приступить к трудоемкой работе по расчистке густого леса, покрывавшего место предполагаемого города."¹³⁷ Затем агент вернулся, чтобы вывезти колонистов из залива Фура, оставив небольшую компанию в качестве своеобразного караула на острове Персеверанс (или Провиденс) в устье реки. Некоторые колонисты отказались уезжать, остались и, таким образом, стали британскими подданными. С теми, кто остался на острове, сразу же случилась беда. Небольшое судно, приз английского крейсера, направлявшееся в Сьерра-Леоне с тридцатью освобожденными африканцами, вышло на дорогу за водой и имело несчастье оборвать свой трос и выйти на берег. "Туземцы утверждают, что у них есть преимущественное право, которое они не перестают реализовывать в полной мере, захватывать и присваивать обломки и грузы судов, севших на мель при любых обстоятельствах на их побережье".¹³⁸ Судно, о котором идет речь, дрейфовало к материку в одной миле от мыса, на небольшом расстоянии ниже города Джордж, и туземцы начали действовать в соответствии с традицией. Капитан обратился за помощью к немногочисленным колонистам на острове. Они пустили в ход латунное полевое

ружье, и двое туземцев были убиты, а еще несколько ранены. Английский офицер, его команда и захваченные африканцы спаслись, хотя небольшое судно было потеряно; но на следующий день дейи (туземцы), чувствуя себя оскорбленными, предприняли еще одно нападение, в ходе которого некоторые из них и один из колонистов были убиты. Кроме того, в ходе операции по неосторожности некоторых поселенцев огонь охватил склад и уничтожил имущество на 3000 долларов, хотя порох и часть провизии удалось спасти. Так в самом начале, совершенно случайно, тень Англии упала на молодую колонию, вовлекая ее в трудности с туземцами. Когда 7 января 1822 года Айрес вернулся с основной массой поселенцев - это прибытие стало первой настоящей высадкой поселенцев на территории нынешней Либерии, - он обнаружил, что дейизы хотят аннулировать ранее заключенное соглашение и вернуть уплаченные деньги. Он сам был захвачен в ходе переговоров, и ему не удалось прийти к лучшему пониманию, чем то, что колонисты могут оставаться только до тех пор, пока они не смогут сделать новую покупку в другом месте. Теперь на сцене появился Лодочник, видный вождь из внутренних районов, который иногда осуществлял юрисдикцию над прибрежными племенами и который, услышав, что в бухте возникли проблемы, прибыл сюда, приведя с собой достаточное количество людей, чтобы обеспечить выполнение своих указов. В этом человеке светилось что-то от высоких моральных принципов, которые так часто можно наблюдать у ответственных африканских вождей, и Айрес обратился к нему. Выслушав историю, он принял решение в пользу колонистов, сказав Питеру: "Продав свою страну и приняв плату, ты должен принять на себя последствия. Пусть американцы немедленно получают свою землю". А агенту он сказал: "Я обещаю вам защиту. Если эти люди еще раз доставят вам беспокойство, посылайте за мной; и клянусь, если они обяжут меня прийти еще раз, чтобы успокоить их, я сделаю это намеренно, сняв их головы с плеч, как я сделал это со старым королем Георгом во время моего последнего визита на побережье, чтобы уладить споры". Так по слову туземного вождя было заложено основание Либерии.

К концу апреля все колонисты, готовые к переезду, были доставлены из Сьерра-Леоне на новое место жительства. Теперь было решено перебраться с низкого и нездорового острова на возвышенную землю мыса Монсерадо, расположенную всего в нескольких сотнях футов от него; 28 апреля состоялась церемония вступления в права собственности, и был поднят американский флаг. Преимущества нового положения были очевидны как для туземцев, так и для колонистов, и переезд прошел с большим волнением. К июлю остров был полностью покинут. Тем временем, однако, дела шли не лучшим образом. Дейи стали очень враждебными, и от них постоянно исходила опасность нападения. К тому же начался сезон дождей, жилья не хватало, припасов было мало, а лихорадка постоянно требовала своих жертв. В конце концов Айрес приуныл. Он предложил отказаться от этого предприятия и вернуть поселенцев в Сьерра-Леоне, и 4 июня он действительно уехал вместе с несколькими из них. Именно в этот момент Элайджа Джонсон, один из самых героических колонистов, прославился.

Ранняя жизнь этого человека не сохранилась. В 1789 году его увезли в Нью-Джерси. Он получил некоторое образование и учился на методиста, принимал участие в войне 1812 года и с радостью ухватился за возможность одним из первых приехать в новую колонию. На предложение отказаться от этого предприятия он ответил: "Два года я искал дом; здесь я его нашел; здесь я остаюсь". На его слова откликнулось огромное сердце колонистов. Среди туземцев он был известен и уважаем как доблестный боец. Он прожил до 23 марта 1849 года.

С Джонсоном, его коллегой во многих начинаниях и пионером миссионерской работы, был тесно связан баптистский священник Лотт Кэри из Ричмонда, штат Вирджиния, который также стал одним из первых постоянных поселенцев.¹³⁹ Он был человеком необычайной

разносторонности и силы характера. Он умер 8 ноября 1828 года в результате взрыва пороха, который произошел во время его действий по защите колонии от Дейса.

Июль (1822) был тяжелым месяцем для поселенцев. Мало того, что их запасы были почти исчерпаны, так они еще и находились на скалистом мысе, и туземцы не разрешали приносить им еду. Однако 8 августа к ним прибыл Иегуди Ашмун, молодой человек из Вермонта, который до приезда на миссию несколько лет проработал учителем и редактором религиозного издания. Он привел с собой компанию освобожденных африканцев и эмигрантов в количестве пятидесяти пяти человек, и поскольку он не собирался оставаться на постоянное место жительства, то поддался на уговоры своей жены и разрешил ей сопровождать его в этом путешествии. У него не было официального поручения от Американского колонизационного общества, но, видя ситуацию, он чувствовал, что его долг - сделать все возможное для облегчения беды; и он с самого начала столкнулся с трудностями. На следующий день после его прибытия его собственный бриг "*Стронг*" оказался под угрозой гибели; судно оборвало свой трос, а на следующее утро оборвало его снова и дрейфовало, пока не оказалось на мели между мысами Монсерадо и Маунт. Однако был найден небольшой якорь, и бриг снова пришвартовался, но уже в пяти милях от поселения. Сезон дождей вступил в полную силу, не было подходящего места для хранения провизии, и даже с новоприбывшими вскоре выяснилось, что в колонии всего тридцать пять человек, способных носить оружие, настолько велика была смертность от лихорадки. Иногда почти все они были больны; 10 сентября только двое были в состоянии нести какую-либо службу. Ашмун пытался договориться с туземными вождями, но их злобу удалось скрыть лишь частично. Его жена томилась на его глазах и умерла 15 сентября, всего через пять недель после прибытия. Сам он был недееспособен в течение нескольких месяцев, и в самый разгар болезни его состояние улучшилось благодаря услугам французского шарлатана. Он так и не смог оправиться от огромного ущерба, нанесенного его силам в это время.

Для защиты от внезапного нападения вокруг поселения была сделана просека. Оборонительные сооружения пришлось возводить без инструментов, и тревога была столь велика, что на протяжении сентября и октября ночной дозор несли двадцать человек. В воскресенье, 10 ноября, было распространено сообщение, что дейи переходят реку Месурадо, а ночью стало известно, что семь или восемь сотен находятся на полуострове в полумиле к западу. Атака произошла на рассвете 11-го числа, и колонисты могли бы быть уничтожены, если бы не прихватили с собой полевую пушку. Когда она была направлена против туземцев, наступавших компактным строем, она буквально разрывала массы живой плоти, пока не были убиты десятки человек. Но даже в этом случае Дейсы могли бы выиграть сражение, если бы не остановились слишком рано, чтобы собрать добычу. Как бы то ни было, они были вынуждены отступить. Из поселенцев трое мужчин и одна женщина были убиты, двое мужчин и две женщины ранены, а несколько детей взяты в плен, хотя впоследствии их вернули. В это время колонисты сильно страдали от отсутствия каких-либо средств для лечения ран. Под рукой были только лекарства от лихорадки, и в жарком климате те, чья плоть была разорвана пулями, ужасно страдали. В этом первом столкновении, как и часто в те первые годы, настоящее бремя конфликта легло на плечи Кэри и Джонсона. После сражения эти люди обнаружили, что у них под рукой боеприпасов хватит лишь на один час обороны. Всех перевели на особый режим питания, а 23 ноября сделали днем молитвы. Проходящее мимо судно доставило дополнительные припасы и, к счастью, на несколько дней отсрочило неизбежное нападение. Оно произошло с двух сторон очень рано утром 2 декабря. Завязалась отчаянная битва. Три пули прошли сквозь одежду Эшмуна, один из артиллеристов был убит, а повторные атаки были отбиты только

благодаря самой стойкой решимости. От уничтожения их спасла случайность, или, как считали колонисты, чудо. Стражник, услышав шум, разрядил большую пушку и несколько мушкетов. Мимо проходила шхуна "*Принц Регент*", на борту которой находились майор Лаинг, мичман Гордон и одиннадцать специально обученных людей. Офицеры, услышав звук пушек, сошли на берег, чтобы узнать, в чем дело. Майор Лаинг предложил помощь, если будет дано основание для установки британского флага, и вообще попытался урегулировать трудности на основе представления их губернатору Сьерра-Леоне. На эти предложения Элайджа Джонсон ответил: "Мы не хотим, чтобы здесь был установлен флагшток, спуск которого обойдется дороже, чем битье туземцев". Однако Гордон и подчиненные ему люди были оставлены для защиты колонии до прибытия помощи. В течение месяца он и семь из одиннадцати человек погибли. Сам он занял достойное место в сердцах поселенцев, и Либерия многим обязана ему и его людям. Они пришли в трудную минуту и отдали свои жизни за дело свободы.

Американский пароход, прошедший в декабре 1822 года, принес некоторое временное облегчение. 31 марта 1823 года из Америки прибыл пароход *Suane* с капитаном Р.Т. Спенсом во главе, который привез припасы. Поскольку многие члены его команды заболели уже через несколько дней, Спенс вскоре счел целесообразным покинуть судно. Однако его главный клерк Ричард Ситон, героически вызвавшийся помочь в работе, остался и умер спустя всего три месяца. 24 мая пришло судно "*Освего*" с шестьюдесятью одним новым колонистом и доктором Эйресом, который, уже будучи агентом Общества, теперь вернулся с дополнительными полномочиями правительственного агента и хирурга. Он провел межевание и попытался выделить новые участки земли, но вскоре обнаружил, что в колонии начались волнения, потому что от некоторых из тех, кто владел лучшими участками или уже заложил основы домов, потребовали отказаться от них. Восстание было настолько сильным, что в декабре Айрес снова счел целесообразным покинуть колонию. На самом деле 1823 год был примечателен главным образом недоразумениями, возникшими между колонистами и Эшмуном. С прибытием доктора Эйреса этот человек оказался в крайне неловком положении.¹⁴⁰ Он не только оказался вытесненным из правительства, но и имел дополнительное несчастье узнать, что его тратты были не оплачены и что не было принято никаких мер для вознаграждения за его прошлые услуги или обеспечения его нынешних потребностей. Почувствовав, что его услуги недооценены и даже доверие Общества утрачено, он, естественно, был возмущен, хотя его привязанность к делу оставалась непоколебимой. Видя, что уполномоченный агент покидает колонию, а сами поселенцы находятся в состоянии неповиновения, не имея за спиной никаких официальных полномочий, он все же решил забыть о своих обидах и сделать все возможное, чтобы спасти от разрушения то, за что он уже так сильно пострадал. Он был молод и, возможно, не всегда тактичен, как мог бы быть. С другой стороны, колонисты еще не научились в полной мере оценивать истинное величие человека, с которым они имели дело. Что же касается домашнего общества, то здесь можно сказать даже меньше. Настоящая причина отказа в доверии Эшмуну заключалась в том, что многие члены общества возражали против его постоянных нападков на работоторговлю.

По правилам, действовавшим в то время в колонии, каждый человек, получавший паек, должен был два дня в неделю трудиться на благо общего благосостояния. В начале декабря двенадцать человек освободились от всех ограничений, а 13-го числа Эшмун опубликовал объявление, в котором сказал: "В колонии есть более дюжины здоровых людей, которые больше не будут получать провизию из общественного магазина, пока не заработают ее". 19-го числа, в соответствии с этим уведомлением, выдача провизии непокорным была прекращена. Однако на следующее утро мужчины отправились на склад, и пока выдавалась

провизия, каждый взял себе порцию и отправился к себе домой. Эшмун выпустил циркуляр, в котором напомнил колонистам обо всех их совместных сражениях и в целом указал им на то, что такое нарушение дисциплины бьет в самое сердце поселения. Колонисты поддержали его, и двенадцать человек вернулись на службу. Однако неприятности еще не закончились. 19 марта 1824 года Эшмун счел необходимым отдать приказ об урезании провизии. Ранее он уже заявлял Совету, что, по его мнению, проблема "неизлечима ни одним из средств, предусмотренных существующими положениями"; колонисты направили встречные протесты, обвинив его в притеснении, пренебрежении обязанностями и захвате общественного имущества. Теперь, видя, что его последнее распоряжение особенно непопулярно, он подготовил новые депеши, 22 марта рассмотрел весь ход своего поведения в сильном и пространном обращении и к концу месяца покинул колонию.

Тем временем Общество, узнав, что дела в колонии идут не лучшим образом, назначило своего секретаря, преподобного Р.Р. Гурли, для изучения условий. Гурли встретился с Эшмуном на островах Зеленого Мыса и настоятельно попросил его вернуться в Монровию.¹⁴¹ Эшмун не отказался это сделать, так как желал максимально полного расследования своего поведения. Гурли пробыл в Либерии только с 13 по 22 августа 1824 года, но с момента его визита условия улучшились. Эшмун был полностью оправдан и оставался там еще четыре года, пока его силы не были почти исчерпаны. Была принята так называемая Конституция Гурли. В соответствии с ней главный агент должен был осуществлять верховное руководство и председательствовать на всех общественных собраниях. Однако ему должны были помогать одиннадцать ежегодно избираемых офицеров, самых важных из которых он должен был назначать по представлению колонистов. Среди них были вице-агент, два члена совета, два мировых судьи и два констебля. В городе должна была быть гвардия из двенадцати рядовых, двух капралов и одного сержанта.

В течение долгого времени Американское колонизационное общество имело обыкновение отправлять две основные партии переселенцев в год: одну весной, другую осенью. 13 февраля 1824 года прибыло чуть больше сотни эмигрантов, в основном из Петербурга, штат Вирджиния. Эти люди были необычайно умны и трудолюбивы, и им был оказан радушный прием. Через месяц практически все они заболели лихорадкой. В этом случае, как и во многих других, Лотт Кэри выступал в роли врача, и так успешно, что только трое из заболевших умерли. Еще одна компания, представляющая необычный интерес, прибыла в начале 1826 года. Она привезла с собой печатника, пресс с необходимыми принадлежностями и книги, присланные друзьями из Бостона. К сожалению, печатник вскоре был выведен из строя лихорадкой.

Однако болезни и войны с туземцами были не единственными препятствиями, которые занимали внимание колонии в эти годы. "В этот период в пределах видимости от Монровии активно велась работоторговля. Пятнадцать судов занимались ею одновременно, почти под прицелом пушек поселения; а в июле этого года был заключен контракт на поставку восьмисот рабов в течение четырех месяцев в пределах восьми миль от мыса. Четыреста из них должны были быть куплены для двух американских торговцев."¹⁴² Эшмун нападал на испанцев, занимавшихся торговлей, и в целом старался разрушить фабрики рабов. Однажды он принял в колонию сто шестнадцать рабов в качестве свободных людей. Он также придерживался справедливости по отношению к коренным жителям Круса. Особое значение имело нападение на Трейд-Таун, оплот французских и испанских торговцев примерно в ста милях ниже Монровии. Здесь находилось не менее трех крупных фабрик. В день сражения, 10 апреля, на берегу под руководством торговцев находилось триста пятьдесят туземцев, но колонистам помогали несколько американских судов, а либерийский

офицер, капитан Барбур, отличался выдающимся мужеством и способностями. После сдачи восьмидесяти рабов город был обстрелян. Пламя достигло боеприпасов противника, и взорвалось более двухсот пятидесяти бочек с порохом. Однако к июлю торговцы построили в Трейд-Тауне батарею и были готовы доставить еще больше неприятностей. Тем не менее их работе был нанесен серьезный удар.

В своем отчете, составленном под конец 1825 года, Эшмун показал, что поселенцы живут в чистоте и комфорте; построены две часовни, а ополчение хорошо организовано, экипировано и дисциплинировано. Необходимость во временном жилье для переселенцев все больше и больше давала о себе знать, и к концу 1826 года был возведен "сосуд", способный вместить сто пятьдесят человек. Сам Эшмун прослужил до 1828 года, к тому времени его силы были полностью исчерпаны. В начале лета он отплыл в Америку и сумел добраться до Нью-Хейвена, но через несколько недель умер. Ни один человек не отдал больше сил для основания Либерии. Его именем названа главная улица в Монровии.

Помимо войн с туземцами, наиболее примечательной из которых была война Дей-Гола 1832 года, самой важной чертой либерийской истории в десятилетие 1828-1838 годов стало развитие на побережье других поселений, помимо Монровии. Они были в значительной степени результатом деятельности местных филиалов Американского колонизационного общества, и изначально предполагалось, что они будут находиться под надзором центральной организации и колонии Монровия. Однако обстоятельства, при которых они были основаны, придали им ощущение независимости, что во многом повлияло на их историю. Так, примерно в семидесяти пяти милях дальше по побережью под эгидой Нью-Йоркского и Пенсильванского обществ возникли поселения Гранд-Басса в устье реки Сент-Джонс, среди которых выделяется город Эдина. Почти в ста милях дальше к югу, в устье реки Сино, другая колония основала важнейший город Гринвилл; а поскольку большинство поселенцев в этих окрестностях были выходцами из Миссисипи, их провинция стала называться Миссисипи в Африке. В ста милях дальше, на мысе Пальмас, всего в двадцати милях от реки Кавалла, обозначавшей границу французских владений, возник город Харпер, который стал известен как Мэриленд в Африке. Эта колония была еще более отстраненной, чем другие, от родительского поселения Американского колонизационного общества. Когда первые колонисты прибыли в Монровию в 1831 году, их приняли не слишком радушно: возникли проблемы с выделением земли. Несколько месяцев они ждали подкрепления, а затем отплыли вниз по побережью в район реки Кавалла, где получили землю для своего будущего дома и где удаленность от других колонистов из Америки позволила им культивировать традиции независимости.¹⁴³ Эти четыре порта теперь известны как Монровия, Гранд-Басса, Сино и Кейп-Пальмас; к ним для общей известности теперь можно добавить Кейп-Маунт, расположенный примерно в пятидесяти милях от Монровии, выше по побережью, и всего в нескольких милях от реки Мано, которая теперь отмечает границу между Сьерра-Леоне и Либерией. В 1838 году на основе конституции, составленной профессором Гринлифом из Гарвардского колледжа, было организовано "Содружество Либерии", управление которым возлагалось на Совет директоров, состоящий из делегатов от обществ штата и включающий все поселения, кроме Мэриленда. Эта отдаленная колония, морским портом которой является мыс Пальмас, присоединилась к остальным только в 1857 году, через десять лет после того, как Либерия стала независимой республикой. Когда специальная компания поселенцев прибыла из Балтимора и официально заняла мыс Пальмас (1834 год), губернатором стал доктор Джеймс Холл, который прослужил в этом качестве до 1836 года, когда пошатнувшееся здоровье заставило его вернуться в Америку. Его сменил Джон Б. Рассвурм, молодой негр, приехавший в Либерию в 1829 году с целью руководить системой образования. Однако страна еще не была готова к той работе, которой

он хотел заниматься, и со временем он занялся политикой. Он очень эффективно работал губернатором Мэриленда с 1836 по 1851 год, особенно усердствуя в стандартизации валюты и стабилизации доходов. Через пять лет после его смерти Мэриленд сильно пострадал от нападения гребоев, двадцать шесть колонистов были убиты. Обращение за помощью в Монровию привело к отправке роты людей, а затем и к включению колонии в состав Республики.

Из событий этого периода особый интерес представляет убийство И.Ф.К. Финли, губернатора Миссисипи в Африке, отцу которого, преподобному Роберту Финли, во многом принадлежит организация Американского колонизационного общества. В сентябре 1838 года губернатор Финли покинул свою колонию, чтобы отправиться по делам в Монровию, и, высадившись в бухте Басса, был ограблен и убит крусами. Это злополучное убийство привело к ожесточенному конфликту между поселенцами в окрестностях и туземцами. Этот конфликт иногда называют Рыбной войной (из-за того, что он велся вокруг Фишпойнта), и он действительно не прекращался в течение года.

(b) Содружество Либерии

Первым губернатором новообразованного Содружества стал Томас Х. Бьюкенен, человек необычайной энергии, представлявший Нью-Йоркское и Пенсильванское общества и прибывший в 1836 году специально для того, чтобы возглавить поселения Гранд-Басса. Став губернатором в 1838 году, он счел необходимым решительно бороться с работоторговцами в Трейд-Тауне. В 1840 году он также одержал победу в поединке с племенем гола, возглавляемым вождем Гатумбой. Голы нанесли племени дей такое жестокое поражение, что лишь остатки последнего нашли убежище у колонистов в Миллсбурге, станции в нескольких милях вверх по реке Сент-Полс. Таким образом, как уже не раз случалось, война племен в свое время поставила под угрозу само существование новых американских колоний. Победа губернатора Бьюкенена значительно повысила его престиж и позволила заключать все более выгодные договоры с туземцами. Своеобразный спор разгорелся с методистским миссионером Джоном Сейесом, который утверждал, что все товары, используемые миссионерами, в том числе и те, что продаются туземцам, должны ввозиться беспошлинно. Губернатор утверждал, что такая привилегия должна распространяться только на товары, предназначенные для личного пользования миссионеров, и Колонизационное общество поддерживало его в этом мнении. Уже в 1840 году английские торговцы на реке Мано, пограничной с Сьерра-Леоне, стали причиной беспокойства, отбрасывающего тень на будущие события. Бьюкенен отправил в Англию своего агента, чтобы тот представлял его в расследовании этого вопроса; но в разгар своей активной деятельности он умер в 1841 году. Он был последним белым человеком, официально возглавлявшим либерийские дела под какой-либо эгидой. К счастью, период его службы дал возможность и подготовку эффективному помощнику, на которого теперь легло все бремя и о котором вряд ли стоит говорить, что он является главной фигурой в истории Либерии.

Джозеф Дженкин Робертс был мулатом, родившимся в Вирджинии в 1809 году. В возрасте двадцати лет вместе с овдовевшей матерью и младшими братьями он отправился в Либерию и занялся торговлей. Со временем он проявил себя как человек необычайного такта и любезности, с легкостью перемещаясь среди людей самого разного ранга. Его способности вскоре потребовали признания, и он возглавил отряд, разбивший Гатумбу. Став губернатором, он осознал необходимость развития более масштабной дипломатии, чем та, которую до сих пор знало Содружество. Он заручился сотрудничеством губернатора Мэриленда, Руссвурма, в таком вопросе, как единые таможенные пошлины; он посетил Соединенные Штаты, где произвел очень хорошее впечатление. Вскоре он понял, что ему

придется считаться прежде всего с англичанами и французами. Англия, правда, заняла оппозиционную позицию по отношению к работорговле, но ее торговцы не гнушались продавать ром работорговцам, и особенно их интересовало пальмовое масло из Либерии. Когда Содружество попыталось ввести таможенные пошлины, Англия заняла позицию, что, поскольку Либерия не является независимым правительством, она не имеет права этого делать; и английская позиция имела определенную силу благодаря тому, что Американское колониальное общество, внешняя организация, имело право вето на все, что могла бы сделать Либерия. Когда в 1845 году правительство Либерии захватило английское торговое судно "*Литтл Бен*", капитан которого действовал в нарушение законов о доходах, англичане, в свою очередь, захватили судно "*Джон Сейес*", принадлежавшее либерийцу по имени Бенсон, и продали его за 8000 фунтов стерлингов. Либерия обратилась к Соединенным Штатам, но вопрос о границах Орегона, а также рабство доставили американскому правительству достаточно проблем дома, и государственный секретарь Эдвард Эверетт в конце концов ответил лорду Абердину (1845), что Америка "не берется разрешать разногласия, возникающие между либерийскими и британскими подданными, поскольку либерийцы сами отвечают за свои действия". Колониальное общество, бессильное действовать иначе, чем через собственное правительство, в январе 1846 года постановило, что "наступило время, когда народу Содружества Либерии целесообразно взять в свои руки всю работу по самоуправлению, включая управление всеми своими внешними отношениями". Вынужденная действовать самостоятельно, Либерия созвала конституционный конвент и 26 июля 1847 года провозгласила Декларацию независимости и приняла Конституцию Либерийской Республики. В октябре Джозеф Дженкин Робертс, губернатор Содружества, был избран первым президентом республики.

Можно задаться вопросом, была ли к 1847 году Либерия достаточно развита внутренне, чтобы взять на себя обязанности и ответственность независимой державы. В то время в стране насчитывалось не более 4500 цивилизованных людей американского происхождения; они были в основном неграмотны и рассеяны вдоль береговой линии протяженностью более трехсот миль. Однако не стоит думать, что это достижение было достигнуто без тоски, биения сердца и высокого духовного пыла. Было что-то жалкое в усилиях этой небольшой компании, большинство членов которой никогда не видели Африки, но ради своей расы проложили путь на родину. На новой печати Республики был начертан девиз: "Любовь к свободе привела нас сюда" (THE LOVE OF LIBERTY BROUGHT US HERE). Флаг, созданный по образцу флага Соединенных Штатов, состоял из шести красных и пяти белых полос, посвященных одиннадцати подписантам Декларации независимости, а в верхнем углу рядом с посохом - одинокая белая звезда на синем поле. Сама Декларация гласила:

Мы, народ Республики Либерия, изначально были жителями Соединенных Штатов Северной Америки.

В некоторых частях этой страны мы были лишены законом всех прав и привилегий людей; в других частях общественные настроения, более сильные, чем закон, одолевали нас.

Нам повсеместно закрывали доступ ко всем гражданским должностям.

Мы были отстранены от участия в управлении государством.

Нас облагали налогами без нашего согласия.

Нас заставляли вносить вклад в ресурсы страны, которая не давала нам никакой защиты.

Нас сделали отдельным и обособленным классом, и против нас были фактически закрыты все пути к улучшению. Чужеземцы из всех стран с цветом кожи, отличным от нашего, были предпочтительнее нас.

Мы высказывали свои жалобы, но на них не обращали внимания или отвечали, ссылаясь

лишь на особенности устройства страны.

Таким образом, всякая надежда на благоприятные перемены в нашей стране полностью угасла в нашей груди, и мы с тревогой искали за границей убежища от глубокой деградации.

Западное побережье Африки стало местом, выбранным американской благотворительностью и филантропией для нашего будущего дома. Удаленные от тех влияний, которые угнетали нас на родной земле, мы надеялись, что сможем пользоваться теми правами и привилегиями, упражнять и совершенствовать те способности, которыми Бог природы наделил нас вместе с остальным человечеством.

(с) Республика Либерия

С принятием конституции Республика Либерия официально попросила включить ее в семью наций, и с 1847 года история страны, естественно, в значительной степени была связана с международными отношениями. На самом деле, озабоченность вопросами, поднимаемыми могущественными соседями, была, по крайней мере, одной из веских причин сравнительно медленного внутреннего развития страны. Республика была официально признана Англией в 1848 году, Францией в 1852 году, но из-за рабства не была признана Соединенными Штатами до 1862 года. В стране постоянно соблюдались формы правления, и только один президент был свергнут. Долгое время президентский срок составлял два года, но по закону 1907 года он был увеличен до четырех лет. В время от времени существовали две политические партии, но не всегда такое разделение было подчеркнуто.

Нелишне будет остановиться и отметить, какая именно задача стояла перед маленькой страной. Компания американских негров внезапно оказалась на нездоровом и невосделанном побережье, которое отныне должно было стать их домом. Если мы сравним их с отцами-пилигримами, то обнаружим, что как пилигримам пришлось покорять индейцев, так и им пришлось противостоять целому ряду агрессивных племен. У пилигримов было преимущество тысячелетней культуры и опыта управления; негры, только недавно вышедшие из рабства, были лишены всякой возможности совершенствоваться. Однако им приходилось не только противостоять туземным племенам и трудиться над устранением собственных недостатков; со всех сторон они сталкивались с замыслами народов, якобы более просвещенных и христианских. На побережье испанские торговцы нарушали международное право; с одной стороны англичане, а с другой - французы, с самого начала проявлявшие склонность к высокомерию и посягательствам. В довершение всех трудностей американское правительство, под чьей эгидой в основном и была основана колония, все более и более халтурило в своих усилиях по защите и в конце концов совсем отказалось от этого предприятия. Однако оно не переставало рассматривать колонию как свалку собственных бед, и всякий раз, когда в открытом море захватывалось судно с рабами из Конго, оно без колебаний доставляло этих людей к либерийскому побережью и оставляло их там, почти мертвых, хотя они могли погибнуть от облучения или судорог. Прежде чем принижать или критиковать, полезно помнить о таких фактах. К чести "людей Конго" следует сказать, что с самого начала они старались стать спокойным и трудолюбивым элементом политического тела.

Первые годы правления президента Робертса (четыре срока, 1848-1855) были посвящены в основном умирению туземных племен, которые продолжали доставлять беспокойство, и налаживанию дружеских отношений с иностранными державами. Вскоре после инаугурации Робертс нанес визит в Англию, державу, которой больше всего следовало опасаться; и по этому случаю, как и по ряду других, Англия сменила свое высокомерие на излишнее

дружелюбие по отношению к маленькой республике. Она подарила Робертсу "*Жаворонок*", корабль с четырьмя пушками, и отправила президента домой на военном судне. Через несколько лет после этого, когда "*Жаворонок*" вышел из ремонта, Англия прислала вместо него шхуну "*Перепелка*". Робертс совершил второй визит в Англию в 1852 году, чтобы урегулировать споры с торговцами на западной границе. Он также посетил Францию, и Луи Наполеон, не уступая Англии, подарил ему судно *Hirondelle*, а также оружие и обмундирование для своих солдат. В целом правление Робертса (лучше сказать, его первая серия правлений, так как позже он был призван к власти вновь) стало периодом конструктивной государственной деятельности и прочного развития, и не малая доля уважения, которое завоевала молодая республика, была обусловлена личным влиянием ее первого президента. Робертс, однако, оказался очень справедливым, и, хотя его правление было в целом успешным, желание народа, чтобы высший пост в стране занимал чернокожий человек, похоже, стало определяющим фактором при выборе его преемника. К концу его последнего срока была проведена интересная кампания. В это время в стране существовали две политические партии - старые республиканцы и "Истинные либерийцы", партия, которая была создана в оппозиции к внешней политике Робертса. Но в ходе голосования платформа этой новой партии потеряла позиции; результат оказался в пользу кандидата от республиканцев."¹⁴⁴

Стивену Аллену Бенсону (четыре срока, 1856-1863) пришлось так или иначе столкнуться почти со всеми трудностями, которые впоследствии сыграли свою роль в жизни либерийского народа. Он приехал в страну в 1822 году в возрасте шести лет и превратился в практичного и эффективного торговца. На свой высокий пост он принес те же принципы трезвости и здравого смысла, которые характеризовали его в бизнесе. 28 февраля 1857 года независимая колония Мэриленд официально стала частью республики. Этот шаг последовал сразу же после борьбы с гребой в окрестностях мыса Пальмас, в которой помощь оказали либерийцы под руководством экс-президента Робертса. В 1858 году произошел инцидент, грозивший осложнениями в отношениях с Францией, но вскоре благополучно разрешившийся: французское судно, пытавшееся увезти в Вест-Индию рабочих из Кру, подверглось нападению этих людей, когда у них появились основания опасаться, что их могут продать в рабство, а не заставлять работать просто на побережье, как они сначала предполагали. Корабль был захвачен, и все члены экипажа, кроме одного врача, были убиты. Тем временем на Западе продолжались неприятности с британскими контрабандистами, и этому вопросу мы должны будем уделить особое внимание. В 1858 году и через год или два после этого многочисленные прибытия из Америки, особенно мужчин из Конго, захваченных в открытом море, представляли собой серьезную социальную проблему. Вопиющее нарушение южанами законов о борьбе с работорговлей привело к тому, что правительство Соединенных Штатов конфисковало множество африканцев. Сотни этих людей одновременно задерживались в таком порту, как Ки-Уэст. После этого правительство приняло политику, согласно которой командиры невольничьих кораблей, захваченных в море, должны были высаживать африканцев прямо на побережье Либерии, не доставляя их сначала в Америку, и ассигновало 250 000 долларов на вывоз и уход за теми, кто находился в Ки-Уэсте. Страдания многих из этих людей - одна из самых трагических историй в истории рабства. В Либерию в одно время прибыли 619 человек, в другое - 867, а в течение двух месяцев - 4000. Естественно, люди были обеспокоены такой внезапной иммиграцией, тем более что многие из африканцев прибыли в судорогах, парализованные или больные из-за условий, в которых им пришлось путешествовать. Президент Бенсон заявил о проблеме американскому правительству; Соединенные Штаты отправили в Либерию некоторую сумму денег, жители республики помогли всем, чем могли, и в итоге ситуация была урегулирована без каких-либо необратимых последствий, хотя студентам полезно помнить, с чем пришлось

столкнуться Либерии в это время. Важным событием к концу срока правления Бенсона стало завершение строительства Либерийского колледжа, первым президентом которого стал Джозеф Дженкин Робертс.

Правление Дэниела Башиэла Уорнера (два срока, 1864-1867) и Джеймса Сприггса Пейна (1868-1869) было сравнительно спокойным. Оба этих человека были республиканцами, но Уорнер представлял собой нечто вроде смены политических партий в то время. Сначала он был республиканцем, но затем перешел в партию вигов, придерживавшихся политики сохранения Либерии от вторжения белых. Движимый недоверием к английским купцам, которые с удовольствием обманывали маленькую республику, он в 1865 году установил важный закон о портах, который, надо сказать, был очень непопулярен среди иностранцев. Торговля была ограничена шестью портами и кругом диаметром в шесть миль вокруг каждого порта. Из-за Гражданской войны и надежд на эмансипацию негров в Соединенных Штатах иммиграция из Америки быстро прекратилась, но в это время из Барбадоса прибыла компания из 346 человек. Правительство Либерии помогло этим людям 4000 долларов, выделило каждому человеку участок в двадцать пять, а не десять акров, как обычно; Общество колонизации выделило 10 000 долларов, и после приятного тридцатитрехдневного путешествия они прибыли без потерь. В компании был маленький мальчик Артур Барклай, который впоследствии стал известен как Президент Республики. На полувековом юбилее Американского колонизационного общества, состоявшемся в Вашингтоне в январе 1867 года, было показано, что Общество и его вспомогательные организации несут прямую ответственность за отправку более 12 000 человек в Африку. Из них 4541 человек родился свободным, 344 купили свою свободу, 5957 были эмансипированы, чтобы отправиться в Африку, а 1227 были поселены Мэрилендским обществом. Кроме того, 5722 пленных африканца были отправлены в Либерию. Необходимость адекватного изучения внутренних районов все больше и больше давала о себе знать, и Бенджамин Андерсон, авантюрный исследователь, которому помог со средствами один из жителей Нью-Йорка, в 1869 году исследовал страну на протяжении двухсот миль от побережья. Он обнаружил, что земля постоянно поднимается, и добрался до Мусарду, главного города западных мандинго. Он подвел итог своей работе в книге *"Рассказ о путешествии в Мусарду"* и совершил еще одно исследовательское путешествие в 1874 году.

Эдвард Джеймс Рой (1870 - 26 октября 1871), виг, чья партия была сформирована из элементов старой партии Истинных либерийцев, привлекает внимание благодаря печально известному британскому займу, о котором необходимо упомянуть далее. Из всей суммы в 100 000 фунтов стерлингов некоторое количество было растрчено или присвоено, так что, по оценкам, страна действительно получила пользу от чуть более четверти всей суммы. Президент Ройе усугубил другие трудности, захватив здание банка, принадлежащее Промышленному обществу поселений на реке Святого Павла, и попытавшись с помощью прокламации продлить срок своих полномочий. Дважды рассматривалась и отклонялась поправка к конституции о продлении президентского срока с двух до четырех лет. Ройе оспорил последнее голосование, настаивая на том, что срок его полномочий истекает в январе 1874 года, и издал прокламацию, запрещающую проведение предстоящих двухгодичных выборов. Он был смещен, его дом разграблен, некоторые члены его кабинета предстали перед судом импичмента,¹⁴⁵ а сам он утонул, когда его преследовали при попытке бегства на британский корабль в гавани. Был назначен комитет из трех человек для управления страной до проведения новых выборов; и в этот час бури и напряжения народ вновь обратился к руководству своего старого лидера, Джозефа Дж. Робертса (два срока, 1872-1875). Его усилия были направлены в основном на восстановление порядка и доверия, хотя предстояло вести новую войну с Гребо.¹⁴⁶ Его сменил другой надежный лидер, Джеймс

С. Пейн (1876-1877), чье второе правление было столь же лишено ярких происшествий, как и первое. Фактически, все поколение, следовавшее за займом 1871 года, было периодом депрессии. Страна не только страдала финансово, но и вера в нее была подорвана как внутри страны, так и за рубежом. Кофе, выращенный в Либерии, упал в цене на фоне роста популярности кофе, произведенного в Бразилии, и фермер стал свидетелем падения стоимости с 24 до 4 центов за фунт. Фермы были заброшены, иммиграция из Соединенных Штатов прекратилась, и страна вступила в период застоя, от которого она до сих пор полностью не оправилась.

Однако всего через несколько лет после 1871 года условия в Соединенных Штатах привели к интересному возрождению идеи колонизации, а также к заметным усилиям самих негров по улучшению своего положения. Вывод федеральных войск с Юга и все зло после реконструкции привели к такому терроризированию негров и такому отрицанию гражданских прав, что началось движение, которое вылилось в великий исход с Юга в 1879 году. Это движение распространилось от Северной Каролины до Луизианы и Арканзаса. Поскольку оно привело к миграции в Канзас и другие штаты на Западе, оно принадлежит американской истории. Однако интерес к поездке в Африку тоже был. Тысячи заявок поступали в Американское колонизационное общество, а одна организация в Арканзасе отправила сотни своих членов за помощью в Колонизационное общество штата Нью-Йорк. Во всех этих начинаниях негры-баптисты и методисты объединили свои усилия, и особенно отличился епископ Африканской методистской епископальной церкви Х.М. Тернер. К 1877 году в Южной Каролине была организована Акционерная компания "Либерийский исход", в Северной Каролине - Общество помощи эмигрантам-фридменам, подобные организации существовали и в других штатах. Организация из Южной Каролины преследовала три цели: эмиграция, миссионерская деятельность и коммерческое предпринимательство, и для этих целей она приобрела судно "Азор" стоимостью 7000 долларов. Белые жители Чарльстона, к сожалению, всячески препятствовали этому предприятию, в том числе настаивая, когда "Азор" был готов к отплытию, что он не пригоден для плавания и нуждается в новом медном днище (стоимостью 2000 долларов). Однако судно все же совершило один или два рейса, в одном из которых перевезло до 274 эмигрантов. Затем оно было украдено и продано в Ливерпуле. Интересный взгляд на условия жизни на Юге в тот период можно получить, узнав, что даже окружной суд Соединенных Штатов в Южной Каролине отказался рассматривать иск, поданный неграми.

В период правления Энтони В. Гардинера (три срока, 1878-1883 гг.) трудности в отношениях с Англией и Германией достигли кризиса. Территория на северо-западе была захвачена; британцы официально продемонстрировали силу в Монровии; разграбление немецкого судна на побережье Кру и личные оскорбления, нанесенные туземцами потерпевшим кораблекрушение немцам, привели к бомбардировке Нана-Кру немецким военным кораблем и предъявлению в Монровии требования о возмещении ущерба, выплата которого была принуждена угрозой бомбардировки столицы. Для либерийского народа перспективы редко были мрачнее, чем в этот период бедствий. Президент Гардинер, будучи очень больным, ушел в отставку в январе последнего года своей службы, и его сменил вице-президент Альфред Ф. Рассел. На либерийских чиновников оказывалось все большее давление с целью предоставления монополий и концессий, особенно англичанам; в своем послании 1883 года президент Рассел сказал: "Недавние события наставляют нас на серьезную ответственность за претензии, предъявляемые нам иностранцами, и мы не можем сказать, какие осложнения могут возникнуть". Однако среди всего этого Рассел не забывал о туземцах и необходимости защищать их от спиртного и эксплуатации.

Хилари Ричард Райт Джонсон (четыре срока, 1884-1891), следующий президент, был сыном выдающегося Элайджи Джонсона и первым человеком, родившимся в Либерии и поднявшимся на самый высокий пост в республике. Виги и республиканцы объединились в его избрании. Много времени ему пришлось уделять осложнениям, возникшим в связи с займом 1871 года; но западная граница была урегулирована (с большими потерями) с Великобританией на реке Мано, хотя возникли новые трудности с французами, которые настаивали на своих притязаниях на территорию до реки Кавалла. Во время последнего срока правления президента Джонсона был получен интересный грант (по закону, утвержденному 21 января 1890 года) Ф.Ф. Уиттекину из Пенсильвании на право "строительства, обслуживания и эксплуатации системы железных дорог, телеграфных и телефонных линий". Уиттекин приобрел в Англии акции на сумму в полмиллиона долларов, но умер по пути в Либрию, чтобы выполнить свой контракт. Его племянник, Ф.Ф. Уиттекин, попросил продлить срок, который был предоставлен, но через некоторое время весь проект заглох.¹⁴⁷

Джозеф Джеймс Чизмен (1892 - 15 ноября 1896) был вигом. Он вел так называемую третью Гребскую войну и особенно много работал над созданием надежной валюты. Он был человеком необычных способностей, и его преданность своему делу, несомненно, способствовала тому, что он умер на своем посту в середине третьего срока. Поскольку до этого времени в стране не было никакого внутреннего благоустройства и практически не развивалось сельское хозяйство и промышленность, О.Ф. Кук, представитель Колонизационного общества штата Нью-Йорк, в 1894 году обратился к законодательному собранию с просьбой создать станцию, на которой можно было бы проводить эксперименты с наилучшими способами ввоза, приема и размножения грузовых животных, коммерческих растений и т.д. Его просьба была удовлетворена, и законом от 20 января 1894 года для этой цели была выделена тысяча акров земли. Однако результаты не были ни постоянными, ни далеко идущими. К концу века иммиграция практически прекратилась, прекратилась и деятельность Американского колонизационного общества, а многие организации штатов прекратили свое существование. В 1893 году Джулиус К. Стивенс из Голдсборо, штат Северная Каролина, отправился в Либрию и за символическую зарплату служил агентом Американского колонизационного общества, став также преподавателем в Либерийском колледже и со временем комиссаром по образованию, в связи с чем он издал книгу *"Liberian School Reader"*; но он умер в 1903 году.¹⁴⁸

Уильям Д. Коулман в качестве вице-президента завершил неполный срок полномочий президента Чизмена (до конца 1897 года), а затем был избран на два срока самостоятельно. Однако в ходе последней администрации его внутренняя политика стала очень непопулярной, поскольку его считали суровым в обращении с туземцами, и в декабре 1900 года он подал в отставку. Поскольку в то время не было вице-президента, его сменил государственный секретарь Гарретсон Гибсон (Garretson W. Gibson), человек с научными достижениями, который затем был избран на весь срок (1902-1903). Особенностью этого срока стала дискуссия, возникшая в связи с предложением предоставить концессию английскому концерну, известному как West African Gold Concessions, Ltd. Эта компания предложила законодателям бонус в размере 1500 фунтов стерлингов, а за эту взятку попросила единоличное право на поиск и добычу золота, драгоценных камней и всех других полезных ископаемых на более чем половине территории Либерии. В частности, она просила право приобретать свободные земли и брать их в аренду на восемьдесят лет блоками от десяти до тысячи акров; беспошлинно ввозить все горное оборудование и все необходимые вещи; учреждать банки в связи с горными предприятиями, которые будут иметь право выпускать банкноты; строить телеграфы и телефоны; организовывать

вспомогательные синдикаты и создавать свою собственную полицию. Казалось бы, английская наглость не могла пойти дальше, однако время показало, что есть еще и другие вещи, которые необходимо вынести. Предложение было с негодованием отвергнуто.

Артур Барклай (1904-1911) до прихода на пост президента уже занимал три поста в кабинете министров; он также был профессором Либерийского колледжа и в течение нескольких лет был известен как лидер адвокатуры в Монровии. Ближе к концу его второго срока президентские полномочия были увеличены с двух до четырех лет, и он стал первым действующим президентом, пробывшим на этом посту более длительный срок. В своей первой инаугурационной речи президент Барклай подчеркнул необходимость освоения ресурсов внутренних районов страны и приобщения местных племен к интересам государства. Во внешней политике он был в целом просвещенным и широко мыслящим человеком, но ему пришлось столкнуться с высокомерием Англии. В 1906 году были проведены переговоры о новом британском займе. Он также был предоставлен на сумму 100 000 фунтов стерлингов, более двух третей этой суммы должны были быть переданы Либерийской компании развития, английской схеме освоения внутренних районов страны. Компания должна была работать в сотрудничестве с правительством Либерии, а в качестве обеспечения займа британские чиновники должны были распоряжаться таможенными доходами, а главный инспектор выступать в качестве финансового советника Республики. Впоследствии выяснилось, что у Компании никогда не было никаких средств, кроме тех, которые она привлекла в кредит Республики, и страна была вынуждена осознать, что ее обманули во второй раз. Тем временем английские чиновники, которые под разными предложениями реформ взяли на себя управление казармами и таможней в Монровии, вели дела с размахом. Либерийские войска появились с английскими знаками отличия на мундирах, и разными другими способами командующий стремился одержать верх над населением. В самый разгар трудностей, 13 февраля 1909 года, в водах Монровии появился британский военный корабль, и беды удалось избежать только благодаря умелой дипломатии либерийцев. Однако уже в 1908 году Либерия направила специальную комиссию с просьбой о помощи к Соединенным Штатам. В ее состав вошли Гарретсон В. Гибсон, бывший президент, Дж. Дж. Доссен, в то время вице-президент, и Чарльз Б. Данбар. Комиссия была получена президентом Рузвельтом и секретарем Тафтом незадолго до выдвижения последнего на пост президента. 8 мая 1909 года в Монровию прибыла комиссия в составе Роланда П. Фолкнера, Джорджа Сейла и Эммета Дж. Скотта. Работе этой комиссии следует уделить особое внимание.

Президента Барклая сменил Дэниел Эдвард Говард (два длительных срока, 1912-1919 гг.), который с момента своего вступления в должность начал проводить политику, направленную на повышение авторитета местных вождей. Особенностью правления президента Говарда была, конечно же, связь Либерии с Великой войной в Европе. После объявления войны Германии, утром 10 апреля 1918 года в Монровию прибыла подводная лодка и потребовала снести французскую беспроводную станцию. В ответ на это требование город подвергся бомбардировке. Волнение этого дня было таким, какое никогда не повторялось в истории Либерии. В одном из домов были мгновенно убиты две молодые девушки, а пожилая женщина и маленький мальчик получили смертельные ранения; но, за исключением этого дома, реальный ущерб был сравнительно небольшим, хотя он мог бы быть и больше, если бы проходящий мимо британский пароход не обратил в бегство подводную лодку. Страдания другого, более масштабного рода были вызваны экономической ситуацией. Сравнительная нехватка продовольствия в мире и нажива иностранных торговцев в Либерии к лету 1919 года привели к состоянию, угрожавшему голодом; не лучше обстояли дела и в начале 1920 года,

когда масло продавалось по 1,25 доллара за фунт, сахар - по 72 цента за фунт, а нефть - по 1,00 доллара за галлон.

Президента Говарда сменил Чарльз Данбар Берджесс Кинг, который в качестве избранного президента посетил Европу и Америку и был инаугурирован 5 января 1920 года. Его выступление по этому случаю представляло собой всеобъемлющую презентацию потребностей Либерии, особенно в области сельского хозяйства и образования. Он также призвал к просвещенной политике в отношении родного народа. Он сказал: "Мы не можем позволить себе разрушить родные институты страны. Наша истинная миссия заключается не в том, чтобы построить здесь, в Африке, негритянское государство, основанное исключительно на западных идеях, а в том, чтобы создать негритянскую национальность, коренящуюся на этой почве, имеющую фундамент из африканских институтов и очищенную западной мыслью и развитием".

3. Международные отношения

Изучение истории Либерии позволило выявить два-три вопроса, требующих особого внимания. Первостепенное значение имеет связь страны с мировой политикой. Любое рассмотрение международных отношений Либерии сводится к трем разделам: во-первых, права на землю, во-вторых, иностранные займы и, в-третьих, так называемая внутренняя реформа.

В самые первые годы существования колонии набеги работорговцев дали повод для первой агрессии со стороны европейской державы. "Изгнанный из районов Понго к северо-западу от Сьерра-Леоне, Педро Бланко поселился на территории Галлинхас к северо-западу от границы Либерии и создал тщательно продуманную штаб-квартиру для своих грандиозных работорговых операций в Западной Африке, с работорговыми подстанциями на мысе Маунт, реке Сент-Пол, Басса и в других точках либерийского побережья, нанимая многочисленную полицию, наблюдателей, шпионов и слуг. Чтобы получить юрисдикцию, колония Либерия еще в 1824 году начала выкупать у землевладельцев земли бассейна Сент-Пол и Зернового побережья от реки Мафа на западе до реки Гранд-Сестерс на востоке; так что к 1845 году, через двадцать четыре года после основания колонии, Либерия с помощью Великобритании уничтожила в этих регионах пагубную торговлю рабами и рабовладельческие барраконы, а также изгнала лидеров работорговли с либерийского побережья."¹⁴⁹ Однако торговля продолжала процветать на территории Галлинхаса, и со временем, как мы уже видели, колонии пришлось считаться с британскими купцами и в этой части, а Декларация независимости 1847 года во многом стала результатом неповиновения англичан либерийским законам о доходах. Во время пребывания президента Робертса в Англии, вскоре после его инаугурации, лорд Эшли, движимый филантропическими мотивами, взял на себя обязательство собрать 2000 фунтов стерлингов, на которые он (Робертс) мог бы приобрести территорию Галлинхаса; и к 1856 году Робертс получил право собственности и документы на всю эту территорию от реки Мафа до острова Шербро. Вся сделка была проведена с большим почтением, Робертс сообщил Англии о своем приобретении, и его право на эту территорию в то время не ставилось под сомнение. Однако неприятности возникли из-за позиции Джона М. Харриса, британского торговца, и в 1862 году, когда президент Бенсон находился в Англии, ему официально сообщили, что права Либерии признаются *только* на земли "к востоку от полуострова Тернера до реки Сан-Педро". Харрис развязал войну против вайсов, либерийцы защищались, и в конце концов британское правительство потребовало 8878,9 фунтов стерлингов³ в качестве компенсации за убытки, понесенные Харрисом, и произвольно расширило свою территорию от острова Шербро до мыса Маунт. В ходе дискуссии сумма претензий возросла до 18 000 фунтов стерлингов.

Великобритания обещала передать этот пограничный вопрос на рассмотрение арбитража Соединенных Штатов, но когда пришло время заседания одной из комиссий в Сьерра-Леоне, она решительно отказалась это сделать. После этого всякий раз, когда она была готова захватить новые земли, она находила благовидный предлог и была готова подкрепить свои требования силой. 20 марта 1882 года в Монровию прибыли четыре британских военных корабля, на берег сошел губернатор Сьерра-Леоне сэр А.Э. Хавелок, и президент Гардинер был вынужден подчиниться соглашению, по которому в обмен на 4750 фунтов стерлингов и отказ от всех дальнейших претензий либерийское правительство отказывалось от всех прав на территорию Галлинхаса от острова Шербро до реки Мафа. Сенат Либерии отказался от этого соглашения, но когда Хэвелок был поставлен в известность об этом, он ответил: "Правительство Ее Величества ни в коем случае не может признать за Либерией каких-либо прав на часть территорий, являющихся предметом спора". Либерия обратилась с протестом к другим великим державам, но все было безрезультатно, даже Соединенные Штаты выразили молчаливое согласие, хотя через посредничество Америки соглашение было несколько изменено, а граница установлена по реке Мано. Следующая неприятность возникла на востоке. В 1846 году Мэрилендское колонизационное общество приобрело земли Берега Слоновой Кости к востоку от мыса Пальмас до реки Сан-Педро. Эти земли были официально переданы Либерии в 1857 году и оставались в неоспоримом владении Республики в течение сорока лет. Теперь Франция, не уступая Англии, под предлогом документов о праве собственности, полученных французскими морскими командирами, посетившими побережье в 1890 году, в 1891 году выдвинула претензии не только на Берег Слоновой Кости, но и на земли вплоть до Гранд-Басса и Кейп-Маунт. В следующем году под угрозой применения силы она вынудила Либерию принять договор, который за 25 000 франков и отказ от всех других претензий позволял ей захватить всю территорию к востоку от реки Кавалла. В 1904 году Великобритания попросила разрешения ввести свои войска на территорию Либерии для подавления туземной войны, угрожавшей ее интересам. В это время она заняла участок Каур-Лакун, очень плодородный и легко доступный для железной дороги в Сьерра-Леоне. От этой земли она так и не отказалась; вместо этого она предложила Либерии 6000 фунтов стерлингов или другую более бедную землю. Франция после 1892 года не предпринимала никаких попыток разграничить свои границы, и, подстрекаемая действиями Великобритании, она сделала большие успехи во внутренних районах, претендуя на участки Мэриленда и Сино; и теперь Франция и Англия угрожали захватить еще больше земли, если не остановить другую. Президент Барклай посетил обе страны; но по договору 1907 года его комиссия была вынуждена разрешить Франции занять всю территорию, захваченную силой; и как только это соглашение было достигнуто, Франция начала продвигаться к другим землям в бассейне рек Сент-Пол и Сент-Джонс. Все это - еще одна история угнетения слабых сильными. На протяжении восьмидесяти лет Англия не переставала вмешиваться в дела Либерии, уговаривая или запугивая в зависимости от того, что в данный момент казалось целесообразным; Франция же вела себя не так плохо. Конечно, ни одна страна на земле не имеет сейчас больше оснований, чем Либерия, знать, что "они должны получать, кто имеет власть, и они должны сохранять, кто может".

Международные займы и попытки реформ следует рассматривать вместе. В 1871 году по ставке 7 процентов был санкционирован британский заем в размере 100 000 фунтов стерлингов. За свои услуги британские переговорщики удержали 30 000 фунтов стерлингов, а еще 20 000 фунтов стерлингов были вычтены в качестве процентов за три года. Президент Ройе приказал мистеру Чинери, британскому подданному и генеральному консулу Либерии в Лондоне, поставить министру финансов Либерии товары и изделия на сумму 10 000 фунтов стерлингов; другие суммы были присвоены, пока страна фактически не получила выгоду в размере не более 27 000 фунтов стерлингов, если это так много. Вся эта неприятная история

доставляла Либерии неудобства в течение многих лет; но в 1899 году Республика взяла на себя ответственность за 80 000 фунтов стерлингов, причем проценты были отнесены в первую очередь на счет таможенных доходов. В 1906 году, еще не усвоив урок "*Cavete Graecos dona ferentes*", и движимая представлениями сэра Гарри Х. Джонстона, страна договорилась о новом займе в размере 100 000 фунтов стерлингов. 30 000 фунтов стерлингов из этой суммы предназначались для удовлетворения неотложных обязательств, но большая часть должна была быть передана Либерийской компании развития - большой схеме, по которой правительство и компания должны были работать рука об руку для развития страны. В качестве обеспечения займа британские чиновники должны были распоряжаться таможенными доходами, а главный инспектор выступал в качестве финансового советника Республики. Когда компания построила дорогу протяженностью пятнадцать миль в одном районе и произвела еще одно или два незначительных улучшения, она заявила либерийскому правительству, что ее средства исчерпаны. Когда президент Барклай потребовал отчета, директор-распорядитель выразил удивление, что к нему предъявлено такое требование. Либерийский народ был раздосадован, и в конце концов он понял, что его обманули во второй раз, и весь горький опыт прошлого стал для него руководством к действию. Тем временем английские представители в стране требовали реформировать судебную систему, подчинить пограничные войска британским офицерам, предоставить инспектору Ламонту как финансовому советнику место в либерийском кабинете министров и право вето на все расходы; в случае невыполнения этих требований независимость страны оказалась под угрозой. Тем временем под руководством майора Каделла, британского офицера, продолжалось строительство казарм и началась организация пограничных сил. Не менее трети этого войска было привезено из Сьерра-Леоне, и всех Каделл снабдил костюмами и фуражками с эмблемами службы Его Британского Величества. Он также убедил городские власти Монровии позволить ему безвозмездно исполнять обязанности начальника полиции, а также стал уличным комиссаром, сборщиком налогов и городским казначеем. Либерийский народ, естественно, возражал против узурпации всех этих прерогатив, но Каделл отказался уйти в отставку и предъявил большой счет за свои услуги. Он также пригрозил президенту насилием, если его требования не будут выполнены в течение двадцати четырех часов. Тогда в Монровии неожиданно появился британский военный корабль *Mutiny* (12 февраля 1909 года). К счастью, либерийцы не остались в стороне от чрезвычайной ситуации. Они потребовали вывести всех британских солдат, находившихся в казармах, чтобы они могли свободно справиться с мятежным движением, которое, как утверждалось, было организовано либерийскими солдатами; таким тактичным образом они добились вывода майора Каделла.

К этому времени, однако, либерийская комиссия в Соединенных Штатах сделала свою работу, и всего через три месяца после отставки Каделла приехала ответная американская комиссия. Изучив ситуацию, она вынесла следующие рекомендации: Соединенные Штаты должны оказать помощь Либерии в скорейшем урегулировании нерешенных пограничных споров; Соединенные Штаты должны предоставить Либерии возможность вернуть свой долг, взяв на себя в качестве гарантии выплаты обязательств по такому соглашению контроль и сбор таможенных платежей Либерии; Соединенные Штаты должны оказать помощь правительству Либерии в реформировании ее внутренних финансов; чтобы Соединенные Штаты оказали помощь Либерии в организации и бурении адекватной констебля или пограничной полиции; чтобы Соединенные Штаты создали и содержали исследовательскую станцию в Либерии; и чтобы Соединенные Штаты вновь рассмотрели вопрос о создании угольной станции в Либерии. В соответствии с четвертой из этих рекомендаций майор (ныне полковник) Чарльз Янг отправился в Либерию, где с тех пор время от времени оказывал самую эффективную службу. Также были достигнуты договоренности о новом займе в

размере 1 700 000 долларов, который должен был быть размещен банковскими учреждениями США, Германии, Франции и Англии; а в 1912 году американский генеральный таможенный приемник и финансовый советник Республики Либерия (с помощником от каждой из трех других упомянутых стран) открыл свой офис в Монровии. Следует отметить, что либерийскому народу была навязана сложная и дорогостоящая система управления, в то время как можно было бы обойтись гораздо более простым соглашением. Кредит в размере 1 700 000 долларов вскоре оказался недостаточным для сколько-нибудь значительного развития страны, и в 1918 году начались переговоры о новом займе в размере 5 000 000 долларов. Предлагалось улучшить гавань Монровии, построить несколько хороших дорог по всей стране, построить больницу и расширить сферу образования. В отношении займа выделялись два факта: во-первых, все деньги, которые будут потрачены, будут потрачены полностью под американской, а не либерийской эгидой; и, во-вторых, для либерийцев принятие предложенных условий означало практически отказ от своего суверенитета, так как американские ставленники должны были занять большинство важных постов в стране, в то же время на них самих ложилось окончательное бремя выплаты процентов по займу. К весне 1920 года (в Либерии начался сезон дождей) было интересно отметить, что, хотя необходимые меры одобрения еще не были приняты либерийским конгрессом, возможно, до пятнадцати американских чиновников прибыли в страну, чтобы начать работу в области образования, инженерии и санитарии. Чуть позже в том же году президент Кинг созвал дополнительную сессию законодательного собрания для рассмотрения поправок. Во время заседания была получена каблограмма из США, в которой говорилось, что никакие поправки к плану не будут приняты и что он должен быть принят в представленном виде, "иначе дружеский интерес, существовавший до сих пор, ослабнет". Однако либерийцы не испугались и выстояли. Тем временем в Соединенных Штатах прошли новые президентские выборы; предстояла радикальная смена правительства, и либерийцы были настроены на дальнейшие попытки выяснить, нельзя ли внести какие-то изменения в предложенные договоренности. Из месяца в месяц, надо помнить, Англия и Франция выжидали; и в любом случае можно было легко заметить, что по мере приближения к столетнему юбилею Республика оказывалась лицом к лицу с политическими проблемами самого первого масштаба.¹⁵⁰

4. Экономические и социальные условия

Из всего сказанного очевидно, что в Либерии еще многое предстоит сделать в экономическом плане. Есть некоторые начинания в области совместных усилий; так, Торговая ассоциация Басса - это организация, объединяющая, возможно, до пятидесяти ответственных торговцев и фермеров. Однако в стране до сих пор (1921 год) нет ни железных дорог, ни уличных машин, ни государственных школ, ни настоящих газет; нет также никаких производственных или других предприятий для трудоустройства молодых людей в широких масштабах. Самые перспективные молодые люди, соответственно, слишком часто ищут выхода в политике; некоторые приезжают в Америку, чтобы получить образование, и не всегда возвращаются обратно. Несколько человек становятся клерками в магазинах и очень немногие - помощниками в таможенных управлениях. Во внутренних районах страны развито сельское хозяйство, но пока нет возможности поставлять продукцию на рынок в больших масштабах. В 1919 году общая сумма таможенных поступлений в Монровии, крупнейшем порту, составила 196 913,21 долларов. В целом по стране этот показатель в последнее время составляет всего около полумиллиона долларов в год. Большая часть этой суммы идет на содержание пограничных войск. В течение последних нескольких лет ежегодный доход города Монровия на содержание мэра, полиции и всех других городских служащих составлял в среднем 6000 долларов.

При рассмотрении социальных условий первым вопросом, конечно же, является характер самого народа. К сожалению, Либерия была основана на ошибочных идеалах жизни и работы. Первые поселенцы, часто только недавно вышедшие из рабства, слишком часто чувствовали, что в состоянии свободы им не нужно работать, и, соответственно, подражали привычкам старого класса хозяев Юга. Тогда реальное бремя жизни легло на плечи местных жителей. Между туземцами и американо-либерийцами до сих пор существует значительная вражда, но все больше и больше мудрейших людей страны понимают, что благо одного - это благо всех, и стараются заставить туземных вождей работать на общее благосостояние. Время от времени жители Либерии производят на приезжих впечатление высокомерных, и, пожалуй, ни одна вещь не вызывала более недружелюбной критики в адрес этой страны, чем эта. Дело в том, что либерийцы, зная, что их страна имеет различные недостатки по западным стандартам, быстро переходят в оборону, и одним из способов защиты является возведение барьера достоинства и сдержанности. Однако стоит только выйти за его пределы, чтобы обнаружить истинное биение сердца народа. Сравнительная изоляция Республики и общая напряженность условий жизни вместе придали повседневной жизни излишнюю серьезность, а также чрезмерный акцент на церкви, политике и тайных обществах. В такой атмосфере мальчики и девочки слишком быстро взрослеют, и для них особенно хочется видеть чуть больше полезных развлечений на свежем воздухе. В каталогах школ и колледжей по-прежнему много юриспруденции и моральной философии, но мало физики и биологии. Интересно, что вся эта система образования и жизни не лишена некоторых элементов подлинной культуры. В литературе в основном использовалась дикция Шекспира и Мильтона, но Шекспир и Милтон, хотя и не двадцатого века, все же являются хорошими образцами, а поскольку чиновникам приходилось составлять множество государственных документов и произносить множество официальных речей, в стране сложилась традиция хорошей английской речи. Служба в любой из представительных церквей проходит достойно и впечатляюще.

Церкви и школы Либерии в основном находятся в руках методистов и епископалов, хотя баптисты, пресвитериане и лютеране также хорошо представлены. Лютеране проникли во внутренние районы страны, чего не достигла ни одна другая конфессия. Епископалы превосходят других, даже методистов, тем, что имеют более постоянный и эффективный надзор за своей работой. Епископалы имеют в Либерии чуть более 40 школ, почти половина из которых - интернаты, с общим числом учащихся 2000 человек. У методистов чуть больше 30 школ, в которых учатся 2500 человек. Лютеране на пяти миссионерских станциях имеют 20 американских работников и 300 учеников. Хотя из этих цифр следует, что количество охваченных людей невелико пропорционально затратам, необходимо помнить, что миссионерская школа становится центром, от которого влияние распространяется во всех направлениях.

Хотя в предприимчивости деноминационных учреждений сомневаться не приходится, можно задаться вопросом, не культивируют ли они, в значительной степени освобождая людей от бремени образования их детей, дух зависимости, а не самопомощи. Нечто похожее на эту точку зрения подчеркнул министр народного просвещения Уолтер Ф. Уокер в своем выступлении "Либерия и ее образовательные проблемы", произнесенном в Чикаго в 1916 году. Он сказал о дневных школах, содержащихся церквями: "Эти дневные школы оказали неоценимую услугу во времена Колонии и Содружества, а также в первые дни Республики; но их сохранение, несомненно, должно быть связано с запоздалым признанием правительством и народом того факта, что ни одно учреждение для образования масс не является столь же эффективным, как государственная школа..... Нет ни одного здания

государственной школы, принадлежащего правительству или какому-либо городу или поселку".

Можно также сказать, что на данный момент в Либерии нет ни одного учебного заведения, которое бы занималось преимущественно обучением в колледжах. Однако два учебных заведения в Монровии заслуживают особого внимания. Колледж Западной Африки, бывшая семинария Монровии, был основан методистской церковью в 1839 году. Учебное заведение занимается начальной и средней школой, хотя несколько лет назад оно уделяло немного больше внимания обучению в колледже, чем это удалось сделать в последние годы. Двенадцать лет президентом этого колледжа был покойный епископ А.П. Камфор. В последние годы он признал важность промышленной работы и имел на всех факультетах среднегодовой набор в 300 человек. Не столь заметным в последние несколько лет, но имеющим больше традиций и теоретически стоящим во главе образовательной системы Республики является Либерийский колледж. В 1848 году Саймон Гринлиф из Бостона получил от Джона Пейна, миссионера на мысе Пальмас, просьбу о помощи в строительстве теологической школы. Из этого предложения вырос Совет попечителей пожертвований на образование в Либерии, зарегистрированный в Массачусетсе в марте 1850 года. В следующем году законодательное собрание Либерии учредило Либерийский колледж, подразумевая, что в этом учебном заведении будут изучаться как академические, так и теологические дисциплины. В 1857 году экс-президент Дж. Дж. Робертс был избран президентом; под его руководством было построено большое здание, и в 1862 году колледж был открыт для работы. С тех пор колледж существовал очень неровно, то набирая, помимо подготовительного отделения, двадцать-тридцать студентов, то вообще не имея студентов. В последние несколько лет, когда старое здание пришло в полную негодность, школе пришлось искать временное помещение. Однако она слишком важна для страны, чтобы позволить ей зачахнуть, и можно надеяться, что вскоре она начнет новую полезную карьеру. За свою историю Либерийский колледж был связан с некоторыми выдающимися людьми. Известным преподавателем и лектором, а также президентом с 1881 по 1885 год был Эдвард Уилмот Блайден, которого принято считать самым выдающимся ученым, которого Западная Африка подарила миру. С ним в первые годы тесно сотрудничал Александр Краммелл, хорошо известный в Америке и Африке, который привнес в свое преподавание богатство английской университетской подготовки. В течение нескольких лет попечителем колледжа был Сэмюэл Дэвид Фергюсон, представитель протестантской епископальной церкви, который с большим достоинством и ресурсами служил епископом-миссионером страны с 1884 года до своей смерти в 1916 году. Новый президент колледжа, преподобный Натаниэль Х.Б. Касселл, был избран в 1918 году, и ожидается, что под его эффективным руководством школа будет служить еще долгие годы.

Важное значение в связи с изучением социальных условий в Либерии имеет вопрос здоровья и условий жизни. Тот, кто живет в Америке и знает, что Африка - страна безграничных богатств, вряд ли сможет понять, до какой степени эксплуатируется Западное побережье, и какие страдания там сейчас происходят. Бедствие наиболее остро ощущается в английских колониях, а поскольку Либерия находится так близко к Сьерра-Леоне и Золотому побережью, там царит во многом та же ситуация. В Монровии единственным банком является отделение Банка Британской Западной Африки. В филиалах этого крупного учреждения по всему побережью в результате войны исчезло золото, серебро стало очень дефицитным, а общей формой валюты стали бумажные банкноты, выпущенные номиналом в один и два шиллинга. Туземцы отказались их принимать. Они пошли еще дальше: вместо того чтобы привозить в города свою продукцию и получать за нее бумагу, они вообще отказываются приезжать. В Монровии была предпринята попытка ввести британскую

западноафриканскую бумажную валюту, и хотя это не удалось, купцы все больше и больше настаивали на том, чтобы им платили серебром, а при обычной покупке серебро не давали в обмен на английскую десятишиллинговую купюру. Цены, соответственно, стали непомерными; детей не кормили должным образом, и младенческая смертность выросла до поразительных размеров. Не улучшало ситуацию и отсутствие санитарных условий, а также распространенность болезней. К счастью, облегчение этих условий - по крайней мере, некоторых из них - похоже, не за горами, и ожидается, что в скором времени в Монровии будет построен госпиталь.

Здесь можно высказать пару соображений. Говорят, что обстоятельства, в которых была основана Либерия, привели к презрению к промышленным усилиям. Однако сейчас страна вполне осознает преимущества промышленного и сельскохозяйственного предпринимательства. Важнейшим вопросом является отношение американцев-либерийцев к местным жителям; этот вопрос решится сам собой, ведь местные жители - главное достояние страны в будущем. В целом Республике необходимо несколько видимых свидетельств прогресса двадцатого века; две-три средние школы и больницы, построенные по американскому плану, сотворили бы чудеса. Наконец, не следует забывать, что на американском негре лежит обязанность делать все, что он может, чтобы помочь развитию страны. Если он только крепко возьмется за руки со своим братом за морем, наступит новый день и для американского негра, и для либерийца.

Сноска 135: [\(обратно\)](#)

"Дневник Дэниела Кокера, выходца из Африки, с момента отплытия из Нью-Йорка на корабле "Элизабет" капитана Себора в плавание в Шербро, в Африке. Балтимор, 1820 г."

Сноска 136: [\(обратно\)](#)

15 марта. В описании, стр. 26, говорится о 15 февраля, но это, очевидно, опечатка.

Сноска 137: [\(обратно\)](#)

Эшмун: *История американской колонии в Либерии с 1821 по 1823 год*, 8.

Сноска 138: [\(возврат\)](#)

Ашмун, 9.

Сноска 139: [\(возвращение\)](#)

См. главу III, раздел 5.

Сноска 140: [\(обратно\)](#)

Стоквелл, 73.

Сноска 141: [\(возврат\)](#)

Это название, в честь президента Монро, было недавно принято Обществом по предложению Роберта Гудлоу Харпера из Мэриленда, который также предложил для страны название *Либерия*. Впоследствии Харпер был удостоен чести назвать в его честь главный город Мэриленда в Африке.

Сноска 142: [\(возврат\)](#)

Стоквелл, 79.

Сноска 143: [\(возврат\)](#)

Макферсон особенно ценен своим исследованием колонии Мэриленд.

Сноска 144: (обратно)

Карнга, 28.

Сноска 145: (возврат)

Но не Хилари Р. У. Джонсон, эффективный государственный секретарь, впоследствии президент.

Сноска 146: (обратно)

Президент Робертс умер 21 февраля 1876 года, спустя всего два месяца после сдачи полномочий. Он попал под дождь во время похорон, сильно простудился и не смог оправиться.

Сноска 147: (возврат)

См. *Либерия*, Бюллетень № 5, ноябрь, 1894 г.

Сноска 148: (обратно)

Интерес к Либерии отнюдь не угас окончательно. Представительные организации иногда делали взносы на образование, а отдельные студенты время от времени приезжали в Америку. Однако, когда в 1908 году в Америку приехала важная комиссия, представляющая правительство, публика была слегка поражена, как будто услышала о чем-то полузабытом.

Сноска 149: (возвращение)

Эллис в журнале *"Развитие расы"*, январь, 1911 г.

Сноска 150: (обратно)

В начале 1921 года президент Кинг возглавил новую комиссию в Соединенных Штатах, чтобы обсудить весь вопрос Либерии с пришедшей республиканской администрацией.

ГЛАВА X

НЕГР КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

1. Современные тенденции

Из сказанного выше очевидно, что представление о негре в Соединенных Штатах в 1830 году было не слишком возвышенным. Серьезно сомневались в том, что он действительно человек, а доктора богословия заученно толковали отрывок "Проклят будь Ханаан" как применимый к нему. Известный врач из Мобайла¹⁵¹ высказал мнение, что "мозг негра, по сравнению с кавказцем, меньше на одну десятую... и интеллект отсутствует в той же пропорции", и в конце концов заявил, что негры не могут жить на Севере, потому что "холодный климат так замораживает их мозг, что они становятся безумными". О мулатах, как и о многих других людях, он поразил свое воображение. Они были неспособны переносить усталость, женщины были очень хрупкими и подвержены всевозможным болезням, а детей они заводили не так охотно, как чернокожие или белые женщины. На самом деле, говорил Нотт, в возрасте от двадцати пяти до сорока лет мулаты умирали в десять раз быстрее, чем белые или чернокожие; от сорока до пятидесяти пяти - в пятьдесят раз, а от пятидесяти пяти до семидесяти - в сто раз.

К таким мнениям добавилось одно из величайших несчастий, постигших негритянскую расу за всю ее историю в Америке, - бурлеск на сцене. Когда в 1696 году Томас Саутерн адаптировал *"Орооноко"* из романа миссис Афры Бэн и представил в Лондоне историю африканского принца, украденного из родной Анголы, никто не видел причин, почему негр не должен стать предметом серьезного обращения на сцене, и пьеса имела большой успех,

продержавшись несколько десятилетий. Однако в 1768 году в Друри-Лейн была представлена комическая опера "Замок", где очень заметным персонажем был Мунго, раб вест-индского плантатора, который напился во втором акте и сквернословил на протяжении всего представления. В течение вечера Мунго развлекал публику следующими репликами:

Дорогое сердце, какую ужасную жизнь я веду!
У собаки лучше, ее приютили и кормят.

Ночью и днем одно и то же;
Моя боль - это их игра:

Я желаю Господу, чтобы я умер!

Что бы ни случилось,
Бедный черный должен бежать.
Мунго здесь, Мунго там,
Мунго везде:
Выше и ниже,
Сирра, иди; сирра, иди;
Делай так, и делай так,

О! О!

Я хотел бы, чтобы Господь меня убил!

Обесценивание расы, начатое Мунго, продолжалось, и когда в 1781 году *Робинзон Крузо* был поставлен как пантомима в Друри-Лейн, Пятница был представлен как негр. Точное происхождение негритянских менестрелей не совсем ясно; было много претендентов, и интересно отметить, что в начале двадцатых годов в Нью-Йорке выступала "Африканская компания", хотя, вероятно, это была не более чем небольшая группа любителей. Каким бы ни было начало, именно Томас Д. Райс принес этой форме настоящую популярность. Летом 1828 года в Луисвилле, глядя из одного из задних окон театра, его внимание привлек старый и дряхлый раб, подрабатывавший на конюшне. Хозяина раба звали Кроу, а сам он называл себя Джим Кроу. Его правое плечо было высоко поднято, а левая нога занемела в колене, но он легко относился к своему уродству и пел, когда работал. У него была одна любимая мелодия, к которой он подбирал собственные слова, а в конце каждого куплета он делал нелепый шаг, который со временем стал известен как "качание пяткой". Его припев состоял из слов:

Wheel about, turn about,
Do jis so,
И каждый раз, когда я качусь
Я перепрыгиваю Джима Кроу.

Райс, который был умным и разносторонним исполнителем, подхватил воздух, загримировался под негра и в течение следующего сезона представил Джима Кроу и его шаг на сцене, и так преуспел в своем выступлении, что в первый же вечер в этой роли ему дали двадцать бисов.¹⁵² У Райса было много подражателей среди белых комиков страны, некоторые из которых действительно претендовали на первенство в открытии новой области, и наряду со своим бурлеском эти люди фактически затронули возможности простецких негритянских мелодий, которые они, конечно, капитализировали. В конце 1842

года в Нью-Йорке четверо мужчин - "Дэн" Эмметт, Фрэнк Брауэр, "Билли" Уитлок и "Дик" Пелхэм - тренировались вместе со скрипкой и банджо, "костями" и тамбурином, и так родилась первая компания "Виргинские менестрели", которая официально дебютировала в Нью-Йорке 17 февраля 1843 года. Ее участники в связи со своей работой создавали всевозможные популярные песни, одной из которых была песня Эммета "Дикси", которая, представленная миссис Джон Вуд в бурлеске в Новом Орлеане в начале Гражданской войны, вскочила на ноги и стала военной песней Конфедерации. Компании стремительно множились. "Менестрели Кристи" претендовали на первенство перед уже упомянутой компанией, но фактически начали свою нью-йоркскую карьеру только в 1846 году. "Менестрели Брайанта" и "Новоорлеанские серенадисты" Бакли были лишь двумя другими наиболее популярными объединениями, в которых выступали и бурлескировали негры. В социальной истории негра в Америке, однако, важно отметить, что уже тогда негритянский элемент начинал захватывать народное сознание даже в бурлеске. Примерно в то же время, что и в менестрелях, развилась привычка принижать расу, превращая имя какого-нибудь выдающегося и достойного негра в термин презрения; так "cuffy" (искаженное от Paul Cuffe) вошло в широкое употребление.

Но это было еще не все. Именно сейчас зловещее преступление линчевания подняло голову вопреки всем законам. Сначала это преступление использовалось как форма наказания для преступников и азартных игроков, но вскоре оно стало применяться в первую очередь к неграм. В 1825 году один из них был сожжен заживо возле Гринвилла, штат Северная Каролина; в мае 1835 года двое были сожжены возле Мобила за убийство двух детей; а за период с 1823 по 1860 год было установлено не менее пятидесяти шести случаев самосуда над неграми, хотя никто никогда не узнает, сколько из них погибло, не оставив никаких записей. Безусловно, больше мужчин было казнено незаконно, чем законно; так, из сорока шести зарегистрированных убийств неграми хозяев или надсмотрщиков в период с 1850 по 1860 год двадцать закончились законной казнью, а двадцать шесть - линчеванием. Насильственные преступления против белых женщин были относительно не более многочисленны, чем сейчас; но те, которые происходили или пытались произойти, быстро наказывались; так, из семнадцати случаев изнасилования за десять лет, о которых говорилось выше, негры были законно казнены в пяти случаях и линчеваны в двенадцати.¹⁵³

Особое внимание привлекло сожжение в Сент-Луисе в 1835 году человека по имени Макинтош, который убил офицера, пытавшегося его арестовать.¹⁵⁴ Это событие произошло в разгар периода сильного волнения, и именно за осуждение этого самосуда Элайджа П. Лавджой уничтожил свою типографию в Сент-Луисе и был вынужден переехать в Альтон, штат Иллинойс, Там его типографию трижды уничтожали, и в конце концов он погиб от рук толпы, пытаясь защитить свою собственность 7 ноября 1837 года. Судья Лоулесс защищал линчевание, и даже Уильям Эллери Ченнинг придерживался компромиссной точки зрения. Однако Авраам Линкольн, тогда еще совсем молодой человек, в своем выступлении на тему "Увековечивание наших политических институтов" в Спрингфилде 27 января 1837 года сказал: "Рассказы о бесчинствах, совершаемых толпами, являются повседневными новостями нашего времени. Они пронизывают страну от Новой Англии до Луизианы; они не свойственны ни вечным снегам первых, ни палящему солнцу вторых; они не являются порождением климата, не ограничиваются рабовладельческими или нерабовладельческими штатами..... Обратимся к той поражающей воображение сцене в Сент-Луисе. Там в жертву была принесена всего одна жертва. Эта история очень коротка и, пожалуй, самая трагичная из всех, что когда-либо происходили в реальной жизни. Мулат по имени Макинтош был схвачен на улице, оттащен на окраину города, прикован к дереву и фактически сожжен до смерти; и все это в течение одного часа с того момента, когда он был

свободным человеком, занимавшимся своими делами и находившимся в мире с миром..... Таковы последствия самосуда, и таковы сцены, которые становятся все более и более частыми в этой стране, так недавно прославившейся любовью к закону и порядку, и истории о которых даже сейчас стали слишком знакомыми, чтобы привлечь что-то большее, чем праздное замечание."

Все это время совершались вопиющие преступления против негритянских женщин и девушек, а свободных мужчин в пограничных штатах постоянно затаскивали в рабство похитители. В качестве иллюстрации можно привести два типичных случая. Джордж Джонс, уважаемый житель Нью-Йорка, в 1836 году был арестован на Бродвее под предлогом того, что он совершил нападение и побои. Он отказался идти с похитителями, так как знал, что не сделал ничего, что могло бы оправдать такое обвинение; но в конце концов он сдался под заверениями своего работодателя, что для него будет сделано все возможное. Его поместили в Брайдвелл и через несколько минут после этого доставили к магистрату, к удовлетворению которого было доказано, что он раб. Таким образом, менее чем через два часа после ареста он был поспешно увезен похитителями, чье слово было принято как достаточное доказательство, и ему не позволили найти ни одного дружественного свидетеля. Соломон Нортруп, который впоследствии написал рассказ о пережитом, был свободным человеком, жил в Саратоге и зарабатывал на жизнь, работая в гостиницах, где по вечерам часто играл на скрипке на вечеринках. Однажды с ним познакомились двое мужчин, якобы управляющие странствующей цирковой труппой, и предложили ему хорошее вознаграждение, если он поедет с ними в качестве скрипача в Вашингтон. Он согласился, а через несколько дней проснулся и обнаружил себя в рабском загоне в столице. Как он туда попал, так и осталось для него загадкой, но, очевидно, он был одурманен. Его отвезли на юг и продали жестокому хозяину, у которого он пробыл двенадцать лет, прежде чем смог добиться освобождения.¹⁵⁵ На Юге любой свободный негр, приютивший беглеца, мог сам стать рабом; так, в Южной Каролине в 1827 году свободная женщина с тремя детьми понесла это наказание за то, что приютила двух бездомных и беглых детей шести и девяти лет.

Более того, изо дня в день из столицы страны шла внутренняя работорговля. "Когда одним и тем же способом торговец собирал двадцать или более вероятных молодых негритянских мужчин и девушек, он выводил их из клеток; женщин и маленьких детей сгружал в телегу или повозку; сковывал мужчин попарно, правую руку одного с левой рукой другого; прикреплял наручники к длинной цепи, которая проходила между каждой парой рабов, и начинал свое шествие на юг."¹⁵⁶ Не странно, что несколько несчастных покончили с собой. Одна растерянная мать, которой предстояло разлучиться с близкими, ошеломила всю страну, выбросившись из окна столичной тюрьмы в день субботы и погибнув на улице внизу.

Тем временем даже в свободных штатах продолжалось ущемление прав негров. В целом ему было отказано в избирательном праве, праве подачи петиций, праве входить в общественные транспортные средства или места развлечений, он был поставлен в положение презрения, поскольку его не брали в армию и ополчение. Ему приходилось сталкиваться со всевозможными препятствиями при получении образования или занятии честным трудом; он не имел никакого отношения к отправлению правосудия и вообще подвергался оскорблениям и бесчинствам.

Можно было бы предположить, что в отношении всех этих запретов и отрицания обычных прав человека христианская церковь займет позитивную позицию. К сожалению, как это часто бывает, она оказалась на стороне собственности и корыстных интересов, а не на стороне угнетенных. Мы уже видели, что южные богословы владели рабами и одобряли эту систему; к 1840 году Джеймс Г. Бирни собрал богатый материал для своего обвинительного

труда "Американские церкви - оплот американского рабства". Среди прочего он показал, что если в 1780 году Методистская епископальная церковь выступала против рабства, а в 1784 году дала рабовладельцу месяц на покаяние или выход из своих конференций, то к 1836 году она настолько отошла от своей первоначальной позиции, что отказалась "от любого права, желания или намерения вмешиваться в гражданские и политические отношения между хозяином и рабом, как они существуют в рабовладельческих штатах Союза". Тем временем в церквях Севера царила самая оскорбительная дискриминация: в баптистской церкви в Хартфорде скамьи для негров были заколочены спереди досками, а в Стонингтоне (штат Коннектикут) по приказу церковных властей в скамье для негров был вырезан пол. В Бостоне, в церкви, которая не приветствовала негров и не делала для них практически ничего, один посвященный дьякон пригласил на свою скамью несколько негров, после чего потерял право занимать скамью в своей церкви. Он решил, что нужно найти место, где будет больше свободы мысли и подлинного христианства, привлек к этому других, и в результате его усилий появилась баптистская церковь "Тремонт Темпл".

Во все эти запреты, бурлеск, преступления и отрицание фундаментальных принципов христианства неожиданно ворвалась программа аболиционистов; она говорила на языках огня и обладала всей энергией и силой крестового похода.

2. Вызов аболиционистов

Огромная разница между ранними аболиционистскими обществами, которые вылились в Американский конвент, и более поздним движением против рабства, представителем которого был Гаррисон, заключалась в разнице между гуманитарным порывом, сдерживаемым целесообразностью, и тем, который имел всю силу прямого вызова. До 1831 года "на Юге общества были более многочисленными, их члены - не менее искренними, а ненависть к рабству - не менее ожесточенной... однако примирение и убеждение, столь заметные в более ранний период, за двадцать лет практически ничего не дали ни в законодательстве, ни в воспитании общественных настроений; а постепенные изменения экономических условий на Юге привели к тому, что вопрос становился все сложнее"¹⁵⁷ Более того, "свидетельства непредубежденности не могут противостоять многочисленным случаям абсолютного отказа в разрешении аргументов против рабства. В Колониальном конгрессе, в Конфедерации, в Конституционном конвенте, в ратификационных конвентах штатов, в ранних конгрессах было много яростных обличений всего, что, казалось, имело антирабовладельческую тенденцию, и массовая подозрительность к Северу во все времена, когда эта тема была открыта."¹⁵⁸ Нельзя забывать усилия Джеймса Дж. Бирни, или о том, что работа Бенджамина Ланди в основном велась на территории, которую мы сейчас называем Югом, или о том, что между 1815 и 1828 годами в южных штатах было издано не менее четырех журналов, провозгласивших уничтожение рабства одной, если не главной, из своих целей.¹⁵⁹ Только постепенная эмансипация, однако, нашла реальную поддержку на Юге; и по сравнению с работой Гаррисона даже работа Ланди кажется вдали чем-то вроде мягкости "сладости и света". Еще до появления Гаррисона Роберт Джеймс Тернбулл из Южной Каролины под именем "Брут" написал яростный выпад против рабства; а представитель того же штата Дрейтон, выступая в Конгрессе в 1828 году, сказал: "Как бы мы ни любили нашу страну, мы скорее увидим наши города в огне, наши равнины, залитые кровью, скорее перенесем все бедствия гражданской войны, чем хоть на мгновение обсудим право любой власти, кроме нашей, вмешиваться в управление нашими рабами."¹⁶⁰ Все больше и больше это становилось реальным настроением Юга, и перед лицом такого красноречия и страсти простые академические дискуссии были бессильны.

Газета "*Либератор*" начала выходить 1 января 1831 года. В следующем году Гаррисон сыграл ведущую роль в создании Антирабовладельческого общества Новой Англии, а в декабре 1833 года в Филадельфии было организовано Американское антирабовладельческое общество. В значительной степени эти организации были порождением великого либерального и гуманитарного духа, который к 1830 году проявился как в Европе, так и в Америке. На сцене появились Гюго и Мадзини, Байрон и Маколей, царил романтизм. Джеймс Монтгомери и Уильям Фабер писали свои гимны, а Реджинальд Хебер отправился в качестве епископа-миссионера в Индию. Через сорок лет после этого Французская революция принесла свои плоды. В 1830 году во Франции произошла новая революция, и в том же году родилось королевство Бельгия. В Англии было замечательное правление Вильгельма IV, который за короткие семь лет подвел итог законодательным реформам, вынашивавшимся десятилетиями. В 1832 году был принят великий билль о реформе, в 1833-м - отмена рабства в английских владениях, а в 1834-м - пересмотр фабричного законодательства и закона о бедных. Чарльз Диккенс и Элизабет Баррет Браунинг стали на слуху, а в 1834 году в Америку приехал Джордж Томпсон, мощный и изысканный оратор, имевший большое отношение к английской агитации против рабства. Молодая республика Соединенных Штатов, пылкая и уверенная в себе, кипела новыми мыслями. В Новой Англии гуманитарное движение, которое в значительной степени началось с унитариянства Ченнинга, "прошло свою позднюю фазу в трансцендентализме и потратило свои последние силы на агитацию против рабства и энтузиазм Гражданской войны"¹⁶¹. Это движение сопровождалось проповедью многих новых евангелий в религии, в социологии, в науке, образовании и медицине. Образовались новые секты, такие как универсалисты, спиритуалисты, вторые адвентисты, мормоны и шейкеры, одни из которых верили в транс и чудеса, другие - в скорое пришествие Христа, третьи - в реорганизацию общества; у псевдонаук, таких как месмеризм и френология, появилось множество последователей. Брожение уже давно улеглось, и многое из того, что тогда кипело, улетучилось; но когда все надуманное было отброшено, мы обнаружили, что общий импульс был всего лишь новым крещением старого пуританского духа. Трансцендентализм апеллировал к частному сознанию как единственному стандарту истины и права. Вместе с родственными движениями он служил для того, чтобы обострить этическое чувство нации, которая быстро становилась материалистичной, и настроить ее на конфликт, который рано или поздно должен был произойти.

В своей приветственной статье Гаррисон говорит о своей позиции: "В церкви на Парк-Стрит четвертого июля 1829 года, выступая с речью о рабстве, я бездумно согласился с популярной, но пагубной доктриной постепенной отмены рабства. Пользуясь случаем, я хочу полностью и безоговорочно отречься и таким образом публично попросить прощения у моего Бога, моей страны и моих братьев, бедных рабов, за то, что я высказал мнение, столь полное робости, несправедливости и нелепости..... Я знаю, что многие возражают против суровости моего языка; но разве нет причин для суровости? Я буду суров, как правда, и бескомпромиссен, как справедливость. В этом вопросе я не хочу ни думать, ни говорить, ни писать сдержанно. Нет, нет! Пусть человек, чей дом горит, подаст умеренный сигнал тревоги; пусть он умеренно спасет свою жену из рук насильника; пусть мать постепенно вытащит своего младенца из огня, в который он попал; но попросите меня не проявлять умеренности в таком деле, как нынешнее! Я говорю серьезно. Я не буду оправдываться, я не отступлю ни на дюйм - И Я БУДУ СЛЫШАТЬ". С некоторой долей эгоизма, присущего мужеству в святом деле, он сказал: "В этом вопросе мое влияние, сколь бы скромным оно ни было, ощущается в данный момент в значительной степени и будет ощущаться в ближайшие годы - не пагубно, а благотворно, не как проклятие, а как благословение; и ПОСТЕПЕННОСТЬ БУДЕТ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ, что я был прав".

Обращаясь к самим неграм, Гаррисон стремился поднять их на максимально возможную высоту личного и расового самоуважения. Особенно он советовал им стремиться к добродетелям образования и сотрудничества. Он говорил им:¹⁶² "Поддерживайте друг друга..... Когда я говорю "поддерживайте друг друга", я имею в виду: продавайте друг другу и покупайте друг у друга, отдавая предпочтение белым. Это обязанность: белые не торгуют с вами, почему вы должны оказывать им свое покровительство? Если кто-то из вас открывает маленькую лавку, не проходите мимо, чтобы отдать свои деньги белому лавочнику. Если у кого-то есть ремесло, нанимайте его как можно чаще. Если кто-то из вас хороший учитель, посылайте к нему своих детей и гордитесь тем, что он один из ваших цветов.....

Поддерживайте свои права во всех случаях и любой ценой..... Где бы вам ни разрешили голосовать, проследите, чтобы ваши имена были внесены в списки избирателей, и отправляйтесь на избирательные участки. Если вы недостаточно сильны, чтобы выбрать человека своего цвета кожи, отдайте свои голоса тем, кто дружелюбно относится к вашему делу; но, если возможно, избирайте умных и уважаемых цветных людей. Я не отчаиваюсь увидеть время, когда в наших Ассамблеях штата и Национальной ассамблее будет справедливая доля цветных представителей - особенно если предлагаемый колледж в Нью-Хейвене начнет успешно функционировать. Отчаиваетесь ли вы сейчас, когда к вам на помощь приходит столько поборников, и труба юбилея звучит долго и громко; когда слышен голос с Востока, голос с Запада, голос с Севера, голос с Юга, взывающий: *"Свобода и равенство сейчас, свобода и равенство навсегда!* Отчаиваетесь ли вы, видя, что Истина, и Справедливость, и Милосердие, и Бог, и Христос, и Святой Дух на вашей стороне? О, нет, никогда, никогда не отчаивайтесь в полном достижении своих прав!"

В поддержку этих настроений выступила замечательная группа мужчин и женщин, среди которых были Элайджа П. Лавджой, Уэнделл Филлипс, Теодор Паркер, Джон Гринлиф Уиттиер, Лидия Мария Чайлд, Сэмюэл Дж. Мэй, Уильям Джей, Чарльз Самнер, Генри Уорд Бичер, Гарриет Бичер-Стоу и Джон Браун. Филлипс, "плюгавый рыцарь" дела, закрыл свою адвокатскую контору, потому что не хотел клясться, что будет поддерживать Конституцию; он отказался от избирательного права, потому что не хотел нести ответственность за правительство, которое оправдывает рабство; и он потерял симпатию к христианской церкви из-за ее компромиссного отношения. Сам Гаррисон назвал Конституцию "заветом со смертью и соглашением с адом". Лидия Мария Чайлд в 1833 году опубликовала *"Призыв в пользу того класса американцев, который называется африканцами"* и написала или отредактировала множество других книг в поддержку этого дела, а антирабовладельческие стихи Уиттиера вошли в основной поток американской литературы. Аболиционисты оттолкнули многих консерваторов своим отказом принимать любые законы, признающие рабство; но они набрали силу, когда Конгресс отказал им в праве подачи петиций, а президент Джексон - в пользовании почтой.

Не могло быть никаких сомнений в прямолинейности их атаки. Они презирали рабовладельцев. Они приводили тысячи примеров бесчеловечности системы рабства, издавая десятки и даже сотни трактатов и памфлетов. Они обращали внимание Америки на раба, которого за побег на пять дней закапывали в землю по самый подбородок со связанными за спиной руками; на женщин, которых били плетью за то, что они недостаточно быстро размножались или не поддавались похоти плантаторов или надсмотрщиков; на мужчин, которых связывали для порки и оставляли истекать кровью, клеймили раскаленным утюгом или заставляли носить железные ярмы, сабо и колокольчики; на пресвитерианского проповедника в Джорджии, который пытал раба, пока тот не умер; О женщине в Нью-Джерси, которую "привязали к бревну и ножом нанесли шокирующие удары по спине, а раны засыпали солью, после чего привязали к столбу в подвале, где после

трехдневных мучений смерть милостиво прекратила ее страдания"; и, наконец, о том, что даже после смерти рабов не оставляли в покое, поскольку медицинский колледж Южной Каролины в Чарльстоне рекламировал, что тела использовались для препарирования.¹⁶³ Перед лицом такого обвинения Юг выглядел более пострадавшим и невинным, чем когда-либо, и говорил, что зло было сильно преувеличено. Возможно, в некоторых случаях так оно и было; но южане, да и все остальные, знали, что ни одно перо не в состоянии передать справедливость некоторых вещей, которые были возможны при незаконной и отвратительной системе американского рабства.

Однако аболиционисты не остановились на одной лишь атаке на рабство. Не удовлетворившись простым перечислением примеров негритянских достижений, они выдвинули еще более высокие требования в защиту угнетенного народа. Александр Эверетт:¹⁶⁴ "Нам иногда говорят, что все эти усилия будут бесполезны, что африканец - это деградировавший член человеческой семьи, что человек с темной кожей и завитыми волосами обязательно, как таковой, неспособен к совершенствованию и цивилизации и обречен в силу порока своего физического строения вечно вегетировать в состоянии безнадежного варварства. Я с презрением и негодованием отвергаю эту жалкую ересь. Отвечая на нее, друзья истины и человечности до сих пор не справлялись с аргументацией. Чтобы доказать, что негры способны к интеллектуальным усилиям, они с трудом собрали несколько примеров того, что некоторые из них сделали в этом направлении, даже в том униженном состоянии, которое они занимают в настоящее время в христианстве. Это не тот способ, которым следует рассматривать данную тему. Вернитесь в более ранний период истории нашей расы. Посмотрите, какими были чернокожие и что они делали три тысячи лет назад, в период своего величия и славы, когда они занимали передовые позиции в шестивой цивилизации - когда они фактически составляли весь цивилизованный мир своего времени. Проследите эту самую цивилизацию, которой мы так гордимся, до ее истоков и посмотрите, где вы ее найдете. Мы получили ее от наших европейских предков: они получили ее от греков и римлян, а также от евреев. Но, сэр, откуда он у греков, римлян и евреев? Они получили его из Эфиопии и Египта - одним словом, из Африки.¹⁶⁵ ... Руины египетских храмов смеются над архитектурными памятниками любой другой части света. Они будут тем, чем являются сейчас, - предметом восторга и восхищения путешественников со всех сторон, когда на месте соборов Святого Петра и Святого Павла, нынешней гордости Рима и Лондона, вырастет трава..... Поэтому кажется, что этой самой цивилизацией, которой мы так гордимся и которая является единственным основанием для наших нынешних притязаний на превосходство, мы обязаны предкам этих самых негров, которых мы с удовольствием считаем от природы неспособными к цивилизации".

Придерживаясь своих убеждений, аболиционисты должны были теперь продемонстрировать такую веру в человечество, которую не превзошел разве что сам Иисус Христос. Они верили в негра еще до того, как негр научился верить в себя. Действуя на основе своей доктрины равных прав, они путешествовали со своими друзьями-неграми, "сидели с ними на одних платформах, ели вместе с ними, а одна белая пара энтузиастов-аболиционистов усыновила негритянского ребенка".¹⁶⁶

Гаррисон апеллировал к потомкам. Время, безусловно, оправдало его. По сравнению с его высокой позицией в защиту правых оппортунизм такого человека, как Клей, меркнет на глазах. В последние годы выдающийся американский ученый¹⁶⁷, пишущий о принципах, которые отстаивал Клей и его соратники, сказал: "Расовый вопрос выходит за рамки любых академических исследований о том, что следовало сделать в 1866 году. Он затрагивает как Север, так и Юг; он затрагивает повседневную жизнь всех наших граждан, индивидуальную,

политическую, человеческую. Она формирует у ребенка представление о демократии. Она проверяет веру взрослого человека. Это отнюдь не только американская проблема. То, что происходит в наших штатах, на севере и юге, - лишь локальная фаза мировой проблемы..... Мнение Уиттиера по поводу этой мировой проблемы не вызывает сомнений. Он верил, в буквальном смысле слова, что все люди - братья; что угнетение одного человека или одной расы унижает всю человеческую семью; и что должно быть полное равенство возможностей. То, что простое различие в цвете кожи должно закрывать перед каждым человеком двери гражданских, промышленных и политических надежд, было ненавистно поэту-квакеру. Вся его поэзия - это протест против утверждения расовой гордости, против акцентирования внимания на расовых различиях. Для Уиттиера не существовало такого понятия, как "цивилизация белого человека". Единственное различие было между цивилизацией и варварством. Он верил в образование, в равенство перед законом, в свободу возможностей и в конечный триумф братства.

"Они поднимаются...

Все поднимаются,

Черные и белые вместе".

Эта вера одновременно и слишком сентиментальна, и слишком догматична, чтобы подойти тем людям, которые возвели экономическую эффективность в фетиш и которые временами громко говорят - хотя после русско-японской войны уже не так громко - о том, что задача белого человека состоит в управлении отсталыми расами. *Но какой бы прогресс ни был достигнут американским негром после Гражданской войны в самоуважении, моральном и интеллектуальном развитии и, если уж на то пошло, в экономической эффективности, он был обусловлен верностью тем принципам, которые давно провозгласили Уиттиер и другие единомышленники.*¹⁶⁸ Огромные задачи, которые все еще остаются как для "высших", так и для "низших" рас, могут быть решены путем следования программе Уиттиера, если они вообще могут быть решены".

3. Конкурс

Еще до того, как аболиционисты стали проявлять агрессию, был принят пробный закон, обсуждение которого во многом подготовило их к приходу. Сразу после восстания Дании Весей законодательное собрание Южной Каролины постановило, что если в порт штата заходит судно, на борту которого находится свободный негр или цветной, он должен быть арестован, даже если он повар, стюард или моряк, или если он гражданин другого штата или страны.¹⁶⁹ Шериф должен был подняться на борт судна, отвести негра в тюрьму и держать его там, пока судно не будет готово к отплытию. После этого хозяин судна должен был оплатить содержание негра в тюрьме и забрать его, либо заплатить штраф в размере 1000 долларов и продать негра в рабство. За короткое время после принятия этого закона сорок одно судно лишилось одного или нескольких рабочих рук, а с одного британского торгового судна забрали почти всю команду. Капитаны обратились к судье окружного суда Соединенных Штатов, который с готовностью передал дело в суд штата. Последовали долгие судебные разбирательства с обращением в вышестоящие инстанции, в ходе которых и Каннинг, и Адамс были вынуждены рассмотреть вопрос, и было признано, что акт нарушает как договор с Великобританией, так и полномочия Конгресса по регулированию торговли. На все это Южная Каролина ответила, что как суверенное государство она имеет право запрещать въезд иностранцев, что фактически она была суверенным государством с момента вступления в Союз и что она никогда не отказывалась от права исключать свободных негров. В заключение она заявила, что если альтернативой будет распад Союза, то она вполне

готова подчиниться такому результату. Необычное волнение возникло вскоре после этого, когда четыре свободных негра на британском корабле были схвачены шерифом и стащены с палубы. Капитану пришлось пойти на большие расходы, чтобы освободить этих людей, и, добравшись до Ливерпуля, он обратился в Торговый совет. Британский министр направил более решительный протест, Адамс передал его Вирту, генеральному прокурору, и Вирт был вынужден объявить закон Южной Каролины неконституционным и недействительным. Свое заключение с копией британского протеста Адамс отправил губернатору штата, который немедленно передал его в законодательное собрание. Каждая ветвь законодательной власти приняла резолюции, которые не были приняты другой, но ни одна из них не проголосовала за отмену закона. Фактически он оставался в силе вплоть до Гражданской войны. В 1844 году Массачусетс отправил Сэмюэля Хоара в качестве уполномоченного в Чарльстон, чтобы провести разбирательство по делу негра, лишенного своих прав. Хоар ссылаясь на статью II, раздел 2, Национальной конституции ("Граждане каждого штата имеют право на все привилегии и иммунитеты граждан нескольких штатов"), намереваясь в конечном итоге передать дело в Верховный суд Соединенных Штатов. Однако когда он явился, законодательное собрание Южной Каролины заявило, что "этот агент прибыл сюда не как гражданин Соединенных Штатов, а как эмиссар иностранного правительства, враждебного нашим внутренним институтам и имеющего единственную цель подмять под себя нашу внутреннюю полицию". Хоара уведомили, что его жизни угрожает опасность, и он был вынужден покинуть штат. Тем временем настроения южан против Американского колониального общества выкристаллизовались, и волнение, вызванное *воззванием* Дэвида Уокера, превзошло только волнение, вызванное восстанием Ната Тернера.

Когда аболиционисты начали свою кампанию, страна уже созрела для борьбы, и как на Севере, так и на Юге было много настроений, неблагоприятных для негров. В июле 1831 года, когда в Нью-Хейвене была предпринята попытка открыть школу ручного обучения для негритянской молодежи, горожане на общественном собрании заявили, что "основание колледжей для обучения цветного населения является необоснованным и опасным вмешательством во внутренние дела других штатов и должно быть отклонено"; в итоге они заставили отказаться от этого проекта. В Кентербери того же штата Пруденс Крэндалл, молодая квакерша двадцати девяти лет от роду, столкнулась с проблемой, когда приняла в свою школу негритянку Сару Харрис.¹⁷⁰ Когда ее бойкотировали, она объявила, что будет принимать негритянок только в том случае, если никто другой не будет их посещать, и дала соответствующее объявление в газете "Либератор". Она подверглась различным оскорблениям, и были предприняты попытки арестовать ее учениц как бродяг. Поскольку она не сдавалась, ее противники 24 мая 1833 года добились принятия специального закона законодательного собрания, запрещающего под угрозой сурового наказания обучать любого негра, прибывшего из-за пределов штата, без согласия городских властей. На основании этого закона мисс Крэндалл была арестована и заключена в тюрьму, причем в камеру, которую только что освободил убийца. Аболиционисты выступили в ее защиту, но она была осуждена, и хотя вышестоящие суды отменили приговор по формальным причинам, деревенские лавочники отказались продавать ей продукты, в ее колодец бросали навоз, ее дом забрасывали тухлыми яйцами и в конце концов снесли, и даже дом собраний в городе был для нее закрыт. Попытка продолжить обучение в школе была оставлена. В 1834 году по подписке была построена академия в Ханаане, штат Северная Ирландия; законодательное собрание выдало ей хартию, и владельцы решили принимать всех

желающих, имеющих "подходящие моральные и интеллектуальные рекомендации, без других различий". Городское собрание "с отвращением" отнеслось к попытке основать школу, но когда она была открыта, в ней учились двадцать восемь белых и четырнадцать негров. Тогда городское собрание приказало принудительно удалить академию и назначило комитет для выполнения этого предписания. Соответственно, 10 августа триста человек с двумя сотнями волов собрались, сняли здание с места, протащили его на некоторое расстояние и оставили руины. С 1834 по 1836 год, по сути, по всей стране, с востока на запад, прокатилась волна насилия. Было предпринято не менее двадцати пяти попыток разогнать собрания противников рабства. В Нью-Йорке в октябре 1833 года произошел бунт в Клинтон-холле, а с 7 по 11 июля следующего года череда беспорядков привела к разграблению дома Льюиса Таппана и разрушению других домов и церквей. Когда в сентябре 1834 года из Англии прибыл Джордж Томпсон, его собрания постоянно срывались, а сам Гаррисон в 1835 году в Бостоне подвергся нападению толпы, его протащили по улицам с веревкой вокруг тела.

В целом южане обвиняли аболиционистов в том, что они способствуют восстанию и слиянию рас. Четких доказательств этих обвинений не было; тем не менее, Мэй говорил: "Если мы не освободим наших рабов нашей собственной моральной энергией, они освободят себя сами, и это будет процесс, слишком ужасный, чтобы его представить";¹⁷¹ и Ченнинг говорили: "Если допустить, что слияние можно предвидеть, то, как я утверждаю, мы не имеем права ему сопротивляться. Значит, это не противостоит естественности".¹⁷² Хотя Юг впал в истерику при этой мысли, это был, как замечает Харт, справедливый вопрос, который аболиционисты без колебаний поставили: кто несет ответственность за единственное слияние, которое до сих пор имело место? Через несколько лет среди аболиционистов произошел раскол. Некоторые из более практичных людей, такие как Бирни, Геррит Смит и Таппаны, которые верили в борьбу через правительственный механизм, в 1838 году откололись от остальных и приготовились принять участие в федеральной политике. Это стало началом партии Свободы, которая выдвинула Бирни в президенты в 1840 году и еще раз в 1844 году. В 1848 году она влилась в партию "Свободная почва" и в конечном итоге в Республиканскую партию.

В сороковые годы произошло разделение в Церкви - своего рода прелюдия к великим событиям, которые должны были прогреметь в стране в течение следующих двух десятилетий. Могла ли Церковь на самом деле мириться с рабством? Может ли епископ держать раба? Эти вопросы должны были стать животрепещущими. В 1844-5 годах баптисты Севера и Востока отказались одобрять отправку миссионеров, владеющих рабами, и в результате возникла Южная баптистская конвенция. В 1844 году, когда Джеймс О. Эндрю стал владельцем рабов, женившись на вдове, получившей их в наследство от бывшего мужа, северные методисты отказались разрешить одному из своих епископов владеть рабами, и в следующем году в Луисвилле была официально организована Южная методистская епископальная церковь. Пресвитериане и епископалы, более аристократичные по тону, не разделились.

Великие события: аннексия Техаса, Мексиканская война, Компромисс 1850 года, Закон о беглых рабах, законопроект Канзаса-Небраски 1854 года и решение по делу Дреда Скотта 1857 года - все это рассматривалось на Севере как последовательные шаги в кампании за рабство, хотя сейчас в перспективе они выглядят как тщетные попытки отбросить неумолимую волну. Во время мексиканской войны мексиканцы не скрывали, что в случае

разрыва американской линии их хозяин вскоре окажется среди богатых городов Юга, где, возможно, сможет не только получить деньги, но и освободить два миллиона рабов, призвать на помощь индейцев и даже получить помощь от аболиционистов Севера.¹⁷³ Ничему этому не суждено было сбыться. Однако из академических теней Гарварда, наконец, вырвался язык пламени. В "Настоящем кризисе" Джеймс Рассел Лоуэлл создал строки, чей мощный ритм был похож на суровый призыв всей страны к исполнению долга:

Однажды для каждого человека и нации наступает момент принятия решения,
В борьбе правды с ложью, на стороне добра или зла;
Какое-то великое дело, новый Божий Мессия, предлагает каждому расцвет или крах,
Козлы по левую руку, а овцы по правую,
И выбор вечно идет между тьмой и светом.

И благородно встать на сторону Истины, если мы разделяем ее жалкую корку,
Если ее дело приносит славу и прибыль, а справедливость - процветание;
Тогда храбрец выбирает, а трус остается в стороне,
Сомневаясь в своем ничтожестве, пока его Господь не будет распят,
И толпы людей становятся добродетелями веры, которую они отвергли.

Новые случаи учат новым обязанностям; время делает древнее добро немодным;
Кто хочет идти в ногу с Истиной, должен идти вперед и вперед;
Перед нами сверкают костры ее лагеря! Мы сами должны быть пилигримами,
Спустить на воду наш "*Мэйфлауэр*" и смело плыть по отчаянному зимнему морю,
И не пытаться войти в портал будущего с ключом, пропитанным кровью прошлого.

Как "Настоящий кризис" наступил после мексиканской войны, так после нового закона о беглых рабах появилась "*Хижина дяди Тома*" (1852). "Когда отчаявшиеся венгерские беглецы, вопреки всем ордерам на обыск и властям своих законных правительств, добиваются до Америки, пресса и политические кабинеты рукоплещут и приветствуют их. Когда то же самое делают отчаявшиеся африканские беглецы - это... что это?" - спросила Гарриет Бичер-Стоу; и в своей замечательной книге она продолжила показывать несправедливость национальной позиции. Книгу "*Хижина дяди Тома*" часто называют пропагандистским произведением, в котором дается преувеличенное представление об условиях жизни на Юге. Однако у автора было множество доказательств своих инцидентов, и она прекрасно понимала, что проблема негров, как на Севере, так и на Юге, выходит за рамки вопроса о рабстве. Сент-Клер сказал Офелии: "Если мы эмансипируем, готовы ли вы дать образование? Сколько семей в вашем городе возьмут к себе негра, будут учить его, терпеть и стараться сделать из него христианина? Сколько купцов приняли бы Адольфа, если бы я хотел сделать его клерком, или механика, если бы я хотел научить его какому-нибудь ремеслу? Если бы я захотел отдать Джейн и Розу в школу, сколько в северных штатах найдется школ, которые их примут?... Мы находимся в плохом положении. Мы - более *явные* угнетатели негров; но нехристианские предрассудки Севера - угнетатели почти столь же жестокие".

Тем временем на захватывающую работу Подземной железной дороги ответили практическим возобновлением работоторговли. С 1820 по 1840 год, в результате репрессивных мер 1819 года, торговля сократилась; однако с 1850 по 1860 год она значительно оживилась, и съезды южан постановили отменить все законы, штатные или федеральные, запрещающие работоторговлю. Торговля становилась все более открытой и вызывающей,

пока, по подсчетам Стивена А. Дугласа, в 1859 году в страну не было ввезено до 15 000 рабов. Только после того, как правительство Линкольна в 1862 году повесило первого торговца, понесшего высшую меру наказания по закону, и заключило с Великобританией договор, воплощающий принцип международного права на поиск, торговля была эффективно пресечена. К концу войны она была полностью подавлена, хотя еще в 1866 году эскадра кораблей патрулировала невольничье побережье.

Билль Канзаса-Небраски, отменяющий Миссурийский компромисс и предусматривающий "суверенитет скваттеров" на соответствующих территориях, возмутил Север и привел к немедленному формированию Республиканской партии. Вскоре общественные настроения начали давать о себе знать, и первая демонстрация прошла в Бостоне. Энтони Бернс был рабом, сбежавшим из Вирджинии и добравшимся до Бостона, где он работал зимой 1853-4 годов. Он был обнаружен маршалом Соединенных Штатов, который предъявил ордер на его арест как раз во время отмены Миссурийского компромисса в мае 1854 года. Общественные чувства сильно разгорелись. Уэнделл Филлипс и Теодор Паркер выступили с резкими речами на собрании в Фэнуил-холле, а неудачная попытка спасти Бернса из здания суда была предпринята под руководством Томаса Вентворта Хиггинсона, который вместе с другими участниками нападения был ранен. В конце концов суд постановил, что Бернс должен быть возвращен своему хозяину. Закон был соблюден, но Бостон был очень разгневан, и в целом его чувства имели значение в истории страны. Люди задрапировали свои дома в траур, шипели на процессию, провожавшую Бернса на корабль, а на пристани беспорядки удалось предотвратить только благодаря призыву священника к молитве. Этот инцидент способствовал укреплению настроений северян против рабства больше, чем любой другой, за исключением подвига Джона Брауна, и это был последний случай, когда беглого раба вывезли из Бостона. Сам Бернс впоследствии был выкуплен по народной подписке и в конце концов стал баптистским священником в Канаде.

В 1834 году доктор Эмерсон, офицер армии, расквартированной в Миссури, переехал в Иллинойс, взяв с собой своего раба Дреда Скотта. Два года спустя, снова в сопровождении Скотта, он отправился в Миннесоту. В Иллинойсе рабство было запрещено законом штата, а Миннесота была свободной территорией. В 1838 году Эмерсон вместе со Скоттом вернулся в Миссури. Через некоторое время раб поднял важный вопрос: Не сделало ли его проживание за пределами рабовладельческого штата свободным человеком? Избитый хозяином в 1848 году, Скотт с помощью адвокатов, выступавших против рабства, подал на него в суд за нападение и побои, и окружной суд Сент-Луиса вынес решение в его пользу. Эмерсон подал апелляцию, и в 1852 году Верховный суд штата отменил решение суда низшей инстанции. Вскоре после этого Эмерсон продал Скотта гражданину Нью-Йорка по имени Сэндфорд. Скотт подал иск против Сэндфорда на том основании, что они были гражданами разных штатов. Дело дошло до Верховного суда США, который в 1857 году вынес решение, что Скотт не является гражданином Миссури и не имеет права обращаться в федеральные суды, что раб - это всего лишь собственность, и что хозяин может безнаказанно увезти свою собственность в любое место, находящееся под юрисдикцией Соединенных Штатов. Владение Скоттом и его семьей вскоре перешло к семье из Массачусетса, которая освободила их; но важное решение, к которому привело это дело, вызвало сильнейшее волнение по всей стране, и почему-то больше всего люди запомнили удивительное заявление верховного судьи Тейни о том, что "негры были настолько низшими, что у них не было прав, которые белый человек обязан был бы уважать". Внеправовой характер и общая ошибочность его позиции были разоблачены судьей Кертисом в виртуозном особом мнении.

Ни один инцидент того периода не показал более отчетливо напряжение, в котором находилась страна, чем нападение на Чарльза Самнера со стороны Престона С. Брукса, представителя конгресса от Южной Каролины. В результате этого прискорбного случая из разных уголков Юга Бруксу были отправлены великолепные трости с такими надписями, как "Ударьте его еще раз" и "Используйте аргументы, сбивающие с ног", и он был триумфально переизбран своим избирателем, в то время как, с другой стороны, по всему Северу, в Канаде и даже в Европе были приняты резолюции, осуждающие его. Юг как никогда был брошен в оборону, и в своих пламенных речах Роберт Тумбс теперь прославлял свой штат и свою часть. Выступая в колледже Эмори в 1853 году, он уже произнес развернутую апологию рабства;¹⁷⁴ , выступая в законодательном собрании Джорджии накануне отделения, он утверждал, что Юг был загнан в бухту аболиционистами и теперь должен "расширяться или погибнуть". Автор "*Южного литературного вестника*"¹⁷⁵ в статье "Черная раса в Северной Америке" сделал поразительное заявление, что "рабство черной расы на этом континенте - это цена, которую Америка заплатила за свою свободу, гражданскую и религиозную, и, говоря человеческим языком, эти блага были бы недостижимы без их помощи". Бенджамин М. Палмер, выдающийся священник из Нового Орлеана, в широко цитируемой проповеди 1860 года говорил об особом доверии, оказанном Югу, - быть хранителями рабов, хранителями мировой промышленности и защитниками дела религии.¹⁷⁶ "Цветы на южных полях, собранные черными руками, питали веретена и ткацкие станки Манчестера и Бирмингема не меньше, чем Лоуренса и Лоуэлла. Нанесите удар по этой системе труда, и сам мир пошатнется от удара. Должны ли мы позволить этому удару упасть? Не обязаны ли мы перед цивилизованным человеком встать в пролом и остановить поднятую руку?... Мы выполним это поручение перед лицом самой страшной опасности. Пусть война - это совокупность всех зол, но если безумие времени обратится к третьейскому суду меча, мы не уклонимся даже от крещения огнем..... Положение Юга в этот момент возвышенно. Если ей будет дана благодать знать свой час, она спасет себя, страну и мир".

Все это было очень искренне и красноречиво, но в то же время очень ошибочно, и общую ошибочность позиции Юга показал не кто иной, как тот, кто впоследствии стал вице-президентом Конфедерации. Выступая в законодательном собрании Джорджии против предложения о сецессии, Стивенс заявил, что у Юга нет причин чувствовать себя обиженным, поскольку все это время он получал больше, чем свою долю привилегий, и почти всегда получал в основном то, что требовал. У нее было шестьдесят лет президентов против двадцати четырех у Севера; две трети клерков и других назначений, хотя белое население секции составляло лишь одну треть населения страны; четырнадцать генеральных прокуроров против пяти у Севера; и восемнадцать судей Верховного суда против одиннадцати у Севера, хотя четыре пятых дел суда происходили в свободных штатах. "Этого", - заявил Стивенс в своей удивительной декларации, - "мы потребовали для того, чтобы оградить себя от любого неблагоприятного для нас толкования Конституции".

Еще один голос с Юга, в несколько ином ключе, атаковал тенденции в секции. *Книга "Надвигающийся кризис"* (1857), написанная Хинтоном Роуэном Хелпером из Северной Каролины, по сенсационному интересу не превзошла ни одну другую книгу того периода, за исключением "*Хижины дяди Тома*". Автор не опирался на самые широкие принципы гуманности и государственности; его не волновал негр, а великие плантаторы Юга были для него просто "отродьями" и "проклятыми" рабства. Он выступал просто как голос белых людей Юга, не владеющих рабами. Он излагал такие неприятные истины, как то, что личная и недвижимая собственность, включая рабов, Вирджинии, Северной Каролины, Теннесси, Миссури, Арканзаса, Флориды и Техаса, вместе взятых, была меньше, чем недвижимая и личная собственность в одном штате Нью-Йорк; что представительство в законодательных

органах Юга было несправедливым; что в Конгрессе южный плантатор был вдвое влиятельнее северного; что рабство было виновато в миграции с Юга на Запад; и что в целом система была во всех отношениях вредна для человека с ограниченными средствами. Все это было крайне неприятно для ушей владельцев собственности Юга; книга Хелпера была запрещена, а сам автор считал более целесообразным жить в Нью-Йорке, чем в родном штате. Однако *"Надвигающийся кризис"* читали охотно, и как книга она удалась, потому что в ней была предпринята попытка с некоторой долей честности разобраться в большой экономической проблеме.

Однако время речей и книг прошло, наступило время действий. Годами раб скандировал: "Я слушал всю ночь напролет"; и вот его молитва достигла трона. 16 октября 1859 года Джон Браун совершил набег на Харперс-Ферри и занял свое место среди бессмертных. В долгой и ожесточенной борьбе за американское рабство аболиционисты одержали победу.

Сноска 151: (возвращение)

См. "Две лекции по естественной истории кавказской и негритянской рас. Джозайя К. Нотт, доктор медицины, Мобайл, 1844 г."

Сноска 152: (возврат)

См. Laurence Hutton: "Негр на сцене" в *Harper's Magazine*, 79:137 (июнь, 1889), ссылаясь на статью Эдмона С. Коннера в *New York Times*, 5 июня 1881 года.

Сноска 153: (возврат)

См. Hart: *Slavery and Abolition*, 11 и 117, со ссылкой на Cutler: *Lynch Law*, 98-100 и 126-128.

Сноска 154: (возврат)

Катлер: *Lynch Law*, 109, цитируя Niles's *Register*, June 4, 1836.

Сноска 155: (возврат)

Макдугалл: Беглые рабы, 36-37.

Сноска 156: (возврат)

Макмастер, V, 219-220.

Сноска 157: (возврат)

Адамс: *The Neglected Period of Anti-Slavery, 1808-1831*, 250-251.

Сноска 158: (возврат)

Там же, 110.

Сноска 159: (возврат)

Уильям Бирни: *James G. Birney and His Times*, 85-86.

Сноска 160: (возврат)

Реестр дебатов, 4,975, цитируется Адамсом, 112-3.

Сноска 161: (возврат)

Генри А. Бирс: *Initial Studies in American Letters*, 95-98 passim.

Сноска 162: (возврат)

"Обращение, произнесенное перед цветным свободным народом в Филадельфии, Нью-Йорке и других городах в течение июня 1831 года Вм. Ллойдом Гаррисоном. Бостон, 1831 г.", с. 14-18.

Сноска 163: (возврат)

См. "Американское рабство как оно есть: Testimony of a Thousand Witnesses. By Theodore Dwight Weld. Опубликовано Американским антирабовладельческим обществом, Нью-Йорк, 1839 г."; но рассказ о женщине из Нью-Джерси взят из "Портрета домашнего рабства в Соединенных Штатах, Джесси Торри, Баллстон Спа, Пенсильвания, 1917 г.", с. 67.

Сноска 164: (возврат)

См. "Антирабовладельческий пикник: сборник речей, стихов, диалогов и песен, предназначенных для использования в школах и на собраниях против рабства. Джон А. Коллинз, Бостон, 1842 г.", 10-12.

Сноска 165: (возврат)

Следует отметить, что этот аргумент, который долгое время считался ошибочным, все больше и больше подтверждается исследованиями ученых, причем не только в отношении Северной, но и Негритянской Африки. Примечание Lady Lugard (Flora L. Shaw): *A Tropical Dependency*, London, 1906, pp. 16-18.

Сноска 166: (возврат)

Харт: *Рабство и отмена*, 245-6.

Сноска 167: (возврат)

Блисс Перри: "Уиттиер на сегодняшний день", *Atlantic Monthly*, Vol. 100, 851-859 (декабрь, 1907).

Сноска 168: (обратно)

Курсив наш собственный.

Сноска 169: (возврат)

Примечание Макмастера, V, 200-204.

Сноска 170: (возвращение)

Особенно обратите внимание на "Кентерберийскую сказку Коннектикута; ее героиня, Пруденс Крэндэлл, и ее мораль для наших дней" Джона К. Кимбалла, Хартфорд (1886).

Сноска 171: (возврат)

Харт, 221, ссылаясь на *Liberator*, V, 59.

Сноска 172: (возврат)

Харт, 216, цитируя Ченнинг, *Сочинения*, V. 57.

Сноска 173: (возврат)

Джастин Х. Смит: *Война с Мексикой*, I, 107.

Сноска 174: (возврат)

См. "Ораторская речь, произнесенная перед обществами "Фью" и "Фи Гамма" колледжа Эмори: Рабство в Соединенных Штатах; его соответствие республиканским институтам и его последствия для раба и общества". Августа, штат Гавайи, 1853 год".

Сноска 175: (возврат)

Ноябрь, 1855.

Сноска 176: (возврат)

"Права Юга, защищаемые на кафедрах, Б.М. Палмер, доктор философии, и У.Т. Ликок, доктор философии, Мобил, 1860 г."

ГЛАВА XI

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС, 1820-1860¹⁷⁷

До сих пор в нашем исследовании мы видели негра как объект интереса со стороны американского народа. Кто-то был склонен протянуть ему руку помощи, кто-то - держать его в рабстве, а кто-то считал, что можно решить любую проблему, выслав его из страны. Что же делал сам негр для своего спасения во время всего этого периода ажитации и брожения, не считая усилий друзей в его пользу? Если на данный момент мы можем рассматривать в первую очередь конструктивные усилия, а не инвалидность, то что же он делал сам для того, чтобы стать полноценным мужчиной?

Естественно, что при ответе на этот вопрос мы должны будем рассматривать тех людей, которые уже достигли номинальной свободы. Мы действительно найдем немало примеров трудолюбивых рабов, которые, работая в согласии со своими хозяевами, сумели иногда выкупить себя и даже обеспечить владение своими семьями. Но такие случаи, хотя и значительные в совокупности, все же были исключительными, а для обычного раба на плантации перспективы были достаточно безнадежными. В 1860 году свободные люди составляли лишь одну девятую часть от общего числа негров в стране: на 3 953 760 рабов приходилось 487 970 человек. Принято отмечать прогресс, которого добилась раса после освобождения. Однако изучение фактов покажет, что при всех своих недостатках менее полумиллиона человек до 1860 года не только добились такого прогресса, который дает удивительную общую сумму, но и уже вошли во все крупные сферы деятельности, в которых раса занята сегодня.

Когда со временем статус негра в американском политическом теле стал животрепещущим вопросом, были осознаны возможность и опасность *imperium in imperio*; и преподобный Джеймс У. К. Пеннингтон, несомненный лидер, сказал в своих лекциях в Лондоне и Глазго: "У цветного населения Соединенных Штатов нет судьбы, отдельной от судьбы нации, в которой они являются неотъемлемой частью. Наша судьба связана с судьбой Америки. Ее корабль - наш, ее лоцман - наш, ее бури - наши, ее штиль - наш. Если она разобьется о какую-нибудь скалу, мы разобьемся вместе с ней. Если мы, родившиеся в Америке, не можем жить на одной земле на условиях равенства с потомками шотландцев, англичан, ирландцев, французов, немцев, венгров, греков и поляков, то фундаментальная теория Америки терпит крах и падает на землю."¹⁷⁸ В то время как все были практически согласны с этим фундаментальным вопросом об отношении расы к федеральному правительству, все больше и больше развивалось два направления мысли, одинаково честных, относительно средств, с помощью которых сама раса должна была достичь того высшего, что могла предложить американская цивилизация. Лидером одной школы мысли был Ричард Аллен, основатель Африканской методистской епископальной церкви. Когда этот человек и его друзья обнаружили, что в белых церквях к ним не относятся вежливо, они заявили: "У нас будет своя церковь; у нас будет свой епископ; мы будем создавать свои собственные предприятия в любой области". И даже сегодня церковь, которую основал Аллен, остается величайшим организационным достижением расы. Самым ярким представителем противоположного направления мысли был, несомненно, Фредерик Дуглас, который в своей речи в Рочестере в 1848 году сказал: "Мне хорошо известны антихристианские предрассудки, которые оттолкнули многих цветных от белых церквей, и, как следствие, необходимость возведения собственных мест поклонения. Это зло я бы возложил на его создателей, а не на цветное население. Но сейчас такая необходимость не существует в той степени, как в прежние годы. Есть общества, где цвет кожи не считается критерием членства, и такие места я считаю

более подходящими для цветных, чем эксклюзивные или изолированные организации". Между этими двумя позициями гораздо больше различий, чем можно объяснить лишь сорокалетним промежутком между периодом расцвета деятельности Аллена и Дугласа. Аллен, конечно, не санкционировал сегрегацию по закону, и никто не работал больше него, чтобы избавить свой народ от запрета. Более того, Дуглас, который формально не одобрял организации, представляющие какие-либо расовые различия, снова и снова возглавлял собрания негритянских мужчин. Однако в конечном счете именно Аллен был первым, кто заложил основу негритянского предпринимательства, а Дуглас считал, что реальное решение любой проблемы заключается в том, чтобы раса как можно быстрее потеряла себя в общем политическом теле.

Мы видели, что церковь с самого начала была главной формой социальной организации расы, и что иногда в очень тесной связи с ней развивались ранние ложи такого органа, как масоны. К 1800 году эмансипация шла полным ходом; затем началась эмиграция с Юга на центральный Запад; эмиграция привела к появлению Подземной железной дороги; и, наконец, все силы работали вместе для развития негритянского бизнеса, прессы, конвенций и других форм деятельности. Вполне естественно, что штаты, расположенные так близко к границе, как Пенсильвания и Огайо, сыграли важную роль в этом раннем развитии.

Церковь продолжила рост, начатый несколькими десятилетиями ранее. С 7 церквей и 400 членов в 1816 году до 286 церквей и 73 000 членов к концу Гражданской войны деноминация А.М.Е. быстро развивалась. Естественно, что такая ярко выраженная негритянская организация не могла добиться больших успехов на Юге до войны, но в Чарльстоне и Новом Орлеане были небольшие общины, а Уильям Пол Куинн проложил путь на Запад, пройдя от Питтсбурга до Сент-Луиса.

В 1847 году ложа масонов Принс-Холл в Массачусетсе, Первая независимая африканская Великая ложа в Пенсильвании и Великая ложа Хайрама в Пенсильвании образовали Национальную Великую ложу, от той или иной из них произошли все остальные Великие ложи среди негров. В 1842 году члены Филоматинского института Нью-Йорка и Филадельфийской библиотечной компании и дебатного общества подали заявление о приеме в Международный орден Одд Феллоуз. Им было отказано по причине их расовой принадлежности. Тогда Питер Огден, негр, уже вступивший в Великий Объединенный Орден Одд Феллоуз в Англии, добился хартии для первой негритянской американской ложи, Philomathean, No. 646, из Нью-Йорка, которая была основана 1 марта 1843 года. В течение следующих двух лет за ней последовали ложи в Нью-Йорке, Филадельфии, Олбани и Покипси. Рыцари Пифии были организованы только в 1864 году в Вашингтоне, а Великий орден галилейских рыбаков начал свою карьеру в Балтиморе в 1856 году.

Общества взаимопомощи развивались быстрыми темпами. Сначала они были небольшими и ограничивались группой людей, хорошо знакомых друг с другом, что делало их поистине братскими. Простые по форме, они взимали вступительный взнос не менее 2,50 и не более 5,00 долларов, ежемесячный взнос составлял около 50 центов, а взносы по болезни варьировались от 1,50 до 5,00 долларов в месяц, с гарантией оплаты похорон и последующей помощи вдове. К 1838 году только в Филадельфии насчитывалось 100 таких групп с 7 448 членами. Поскольку объединение духов, как предполагалось, было конгениальным, эти организации в значительной степени заняли место клубов, а встречи, соответственно, были приятными. Некоторые из них превратились в тайные общества, а после Гражданской войны некоторые из них, не культивировавшие идею страхования, были вынуждены добавить эту функцию в свою работу.

В сфере гражданских прав негры, несмотря на обстоятельства, добивались прогресса, причем как своими силами, так и усилиями своих друзей - abolitionистов. В этом им очень помогли их газеты. *Журнал свободы* (широко известный как *Freedom's Journal*), начатый 30 марта 1827 года, выходил в течение трех лет. У него было много преемников, но ни одного выдающегося, пока в 1847 году не начала выходить "*Северная звезда*" (позднее известная как "*Газета Фредерика Дугласа*"), которая продолжала выходить вплоть до Гражданской войны. Во многом благодаря усилиям Пола Каффе, добивавшегося предоставления франшизы, Нью-Бедфорд, штат Массачусетс, занял видное место во всем, что способствовало расовому процветанию. Здесь даже к 1850 году негры-избиратели удерживали баланс сил и, соответственно, оказывали мощное влияние в день выборов.¹⁷⁹ Под датой 6 марта 1840 года на отмену была вынесена та часть статута Массачусетса, которая запрещала браки между белыми людьми и неграми, мулатами или индейцами, как "противоречащие принципам христианства и республиканизма". Комитет заявил, что он не рекомендовал отмену закона в расчете на то, что количество законных или незаконных связей между расами после этого увеличится; его цель заключалась скорее в том, чтобы везде, где такие связи будут обнаружены, обычные гражданские обязательства и обязанности не могли не распространяться на договаривающиеся стороны. Постановление было отменено. В том же штате в январе 1843 года был принят закон, запрещающий дискриминацию на железных дорогах. Это стало результатом отдельных петиций или обращений Фрэнсиса Джексона и Джозефа Нанна, каждого из которых поддерживали друзья, и петиционеры основывали свою просьбу "не на предположении, что к цветному человеку относятся не так хорошо, как к его белому согражданину, а на широком принципе, что конституция не допускает различий в общественных привилегиях между разными классами граждан в этом содружестве".¹⁸⁰ В Нью-Йорке возникло интересное дело по вопросу общественного транспорта. Когда около 1852 года конные экипажи стали вытеснять омнибусы на улицах, негр был лишен возможности пользоваться ими, и так продолжалось до 1855 года, когда решением судьи Рокуэлла ему было предоставлено право въезжать в них. Это решение было проигнорировано, и негр продолжал оставаться в стороне, как и прежде. Однако в одно из воскресений мая преподобный Джеймс У. К. Пеннингтон после службы напомнил слушателям о решении судьи Рокуэлла, призвал их отстаивать свои права и особенно сообщить всем друзьям, которые могут посетить город в течение предстоящей юбилейной недели, что негры больше не допускаются в уличные автомобили. Затем он сам сел в вагон на Шестой авеню, отказался выйти, когда его попросили об этом, и был насильно выдворен. Он подал иск против компании и выиграл дело; таким образом, негр еще больше продвинулся к полноправному гражданству в Нью-Йорке.¹⁸¹

Таким образом, негр развивался в религиозной организации, в своих благотворительных обществах и на пути к своим правам гражданина. Когда мы смотрим на экономическую жизнь, от которой многое зависело, мы видим, что был достигнут удивительный прогресс. Двери так часто закрывались перед негром, конкурирующие белые ремесленники так часто были откровенно враждебны, а сам он работал в столь неблагоприятных условиях, что часто считается, что его экономический прогресс до 1860 года был незначительным; но ничто не может быть дальше от истины. Не стоит забывать, что на протяжении десятилетий Юг зависел от негров во всех обычных ремеслах; некоторые каменщики, плотники и сапожники проходили длительную стажировку и были хорошо обучены; а когда некоторые из этих людей, более предприимчивые, уезжали на Север или Запад, они забирали с собой свое обучение. Очень немногие стали нищими. Конечно, многие были обездолжены, особенно те, кто совсем недавно вышел из рабства; и в целом цветное население заботилось о своих бедняках. В 1852 году из 3500 негров в Цинциннати 200 были владельцами собственности и платили налоги на свою недвижимость.¹⁸² В 1855 году негры владели собственностью на

душу населения в сравнении с белым населением. В общей сложности негры владели недвижимостью на 800 000 долларов в городе и на 5 000 000 долларов в штате. Среди прочих работников в городе было три банковских служащих, художник-пейзажист, посетивший Рим для завершения своего образования, и девять дагерротипистов, один из которых был лучшим на всем Западе.¹⁸³ Из 1696 негров, работавших в Филадельфии в 1856 году, некоторые из наиболее важных профессий насчитывали следующих работников: портные, портнихи и рубашечники - 615; цирюльники - 248; сапожники - 66; кирпичники - 53; плотники - 49; мельники - 45; кожевники - 24; пекари, кондитеры и кондитеры - 22; кузнецы - 22. Также было 15 музыкантов или преподавателей музыки, 6 врачей и 16 школьных учителей.¹⁸⁴ Самым известным и богатым бизнесменом расы в стране в 1850 году был Стивен Смит из фирмы "Смит и Виппер" из Колумбии, штат Пакистан.¹⁸⁵ Он и его партнер занимались торговлей пиломатериалами. Смит был человеком широких интересов. Он разумно инвестировал свой капитал, занимаясь недвижимостью и проводя большую часть своего времени в Филадельфии, где ему принадлежало более пятидесяти кирпичных домов, в то время как Виппер, его родственник, занимался делами фирмы. Вместе эти люди давали работу большому количеству людей. Аналогичного качества был Сэмюэл Т. Уилкоккс из Цинциннати, владелец крупного бакалейного бизнеса, который также занимался недвижимостью. Генри Бойд из Цинциннати был владельцем мануфактуры по производству кроватей, которая выполняла многочисленные заказы с Юга и Запада и на которой иногда работало до двадцати пяти человек, половина из которых были белыми. Иногда благодаря скромному занятию негр поднимался до высокого уровня; так, один из восемнадцати лоточников в Цинциннати стал владельцем имущества на 20 000 долларов. То тут, то там несколько провизоров и портных становились известными как обладатели лучших мест в своем деле в соответствующих городах. Джон Джулиус из Питтсбурга был владельцем блестящего заведения, известного как Концерт-холл. Когда в 1840 году город посетил избранный президент Уильям Генри Гаррисон, именно здесь состоялся его главный прием. Кордовелл стал широко известен как имя ведущего портного и зачинателя моды в Новом Орлеане. После нескольких лет успешного бизнеса этот торговец уехал во Францию, где наслаждался накопленным состоянием.

Кордовелл был представителем передовых людей смешанной крови на Юге. Общее положение этих людей в Луизиане было лучше, чем где-либо еще в стране, на Севере или Юге; в то же время их положение было таким, что требовало особого внимания. В Луизиане "F.M.C." (Свободный цветной человек) составлял отдельный и аномальный класс общества.¹⁸⁶ Как свободный человек он имел определенные права, и иногда его имущественные владения были очень велики.¹⁸⁷ Фактически, в Новом Орлеане за несколько лет до Гражданской войны не менее одной пятой налогооблагаемой собственности находилось в руках свободных цветных людей. В то же время участь этих людей была бесконечно унижительной. Среди некоторых из них нерегулярные домашние заведения регулярно содержались белыми мужчинами, и там проводились "квадронские балы", которые со временем принесли городу заметную известность. Над людьми этой группы, однако, возвышалась настоящая аристократия свободных цветных людей, которые имели давние традиции свободы, будучи потомками первых колонистов, и чья семейная жизнь была самой образцовой. В целом они жили для себя. На самом деле им было трудно поступать иначе. Их часто заставляли заполнять бумаги белыми опекунами, им не разрешалось посещать рабов или общаться с ними, даже когда они посещали церковь или гуляли по дорогам. Иногда свободные цветные мужчины владели своими женщинами и детьми, чтобы последние могли избежать оскорбительного закона против негров, недавно

освобожденных от рабства; иногда ситуация менялась, как, например, в Норфолке, штат Вирджиния, где несколько женщин владели своими мужьями. Когда имя цветного свободного человека появлялось в каком-либо официальном документе - купчей, свидетельстве о браке, свидетельстве о рождении или смерти или даже в газетном сообщении, - к нему обязательно добавлялись инициалы F.M.C. В Луизиане эти люди тщетно добивались избирательного права, а в начале Гражданской войны организовали и великолепно снарядили для Конфедерации два батальона по пятьсот человек. Для них они выбрали двух выдающихся белых командиров, и губернатор принял их услуги, только чтобы позже сообщить им, что Конфедерация возражает против зачисления негритянских солдат. В Чарльстоне тридцать семь человек в примечательной петиции также официально предложили свои услуги Конфедерации.¹⁸⁸ То, что охотнее всего иллюстрировалось в Новом Орлеане или Чарльстоне, в той или иной степени относилось и к другим центрам цветного свободного населения, таким как Мобил и Балтимор. В целом Ф.М.К. были трудолюбивы и почти монополизировали один или два направления занятости; но как группа они еще не научились ставить себя на широкую основу расовых устремлений.

Однако, как бы ни обстояли дела в отдельных группах, легко заметить, что в стране было по крайней мере несколько негров - в совокупности немало, - которые к 1860 году поддерживали высокий уровень своей обычной социальной жизни. Не стоит забывать, что мы имеем дело с периодом, когда общий стандарт американской культуры был далеко не таким, как сегодня. "Четыре пятых жителей Соединенных Штатов 1860 года жили в деревне, и, пожалуй, справедливо будет сказать, что половина из них обитала в бревенчатых домах из одной или двух комнат. Удобства, которыми большинство из нас пользуется ежедневно, были так же хороши, как и неизвестны..... Для рабочего мира правилом были рубашки с рукавами, тяжелые ботинки и туфли из брогана и грубые шерстяные шапки"¹⁸⁹ В Филадельфии, довольно представительном городе, в это время проживало значительное число негров с достатком или профессиональным положением. Эти люди были регулярно гостеприимны, часто ходили в гости, развлекались в хорошо обставленных салонах с музыкой и угощениями. В те времена, когда многие люди еще не научились выходить за рамки демонстративности в одежде, они были умеренны и сдержанны, жили в пределах своих доходов и уходили на покой в положенное время.¹⁹⁰

Несмотря на все законы и недостатки, с которыми им приходилось сталкиваться, негры также добились общих успехов в образовании. На Юге усилия были, конечно, спорадическими, но негры получали некоторое образование через частные или подпольные источники.¹⁹¹ Не один раб выучил алфавит, развлекая сына своего хозяина. В Чарльстоне в течение долгого времени до Гражданской войны свободные негры могли посещать школы, специально созданные для их блага и содержавшиеся белыми людьми или другими неграми. Курс обучения нередко включал в себя такие предметы, как физиология, физика и геометрия на плоскости. После рейда Джона Брауна был издан приказ, согласно которому ни один цветной больше не должен учить негров. Это привело к тому, что в класс привели белого человека, а с началом войны школы и вовсе закрыли. На Севере, несмотря на все запреты, условия были несколько лучше. Уже в 1850 году в государственных школах Нью-Йорка обучалось 3 393 негритянских ребенка, которые составляли примерно ту же пропорцию по отношению к негритянскому населению, что и белые дети по отношению к белому населению. Два высших учебных заведения для негров были основаны еще до Гражданской войны: Университет Линкольна в Пенсильвании (1854) и Университет Уилберфорса в Огайо (1856). Оберлинский университет был основан в 1833 году. В 1835 году профессору семинарии Лейн Асе Мэхэну предложили занять пост президента. Поскольку он был аболиционистом, то заявил, что согласится только в том случае, если негры будут

приниматься на равных условиях с другими студентами. После бурного заседания попечителей голос был отдан в его пользу. Хотя и до этого отдельные негры попадали в учебные заведения Севера, именно здесь, в Оберлине, им впервые оказали настоящий прием. К началу войны почти треть студентов были представителями негритянской расы, а один из выпускников, Джон М. Лэнгстон, вскоре стал занимать видное место в делах страны.

Утверждалось, что, делая акцент на образовании и высочайшей культуре для негров, аболиционисты были простыми мечтателями, не имевшими никакого практического представления о реальных потребностях расы. Это было неправдой и несправедливостью. Прежде всего необходимо было утвердить право негра на занятие любой сферы деятельности, и время подтвердило это положение. Однако даже в 1850 году потребности большинства негритянского народа в продвижении в экономической жизни не оставались без внимания ни аболиционистов, ни самих негров. Мартин В. Делани сказал: "Наше возвышение должно быть результатом *собственных усилий* и работы наших *собственных рук*. Никакая другая человеческая сила не сможет этого добиться..... Пусть наши юноши и девушки готовятся к полезной деятельности и бизнесу; мужчины могут заниматься торговлей, коммерцией и другими важными делами; девушки могут стать учителями и иным образом занять полезные места. Родители должны уделять больше внимания образованию своих детей. Мы имеем в виду, что они должны воспитывать их для полезных практических деловых целей. Воспитывать их для магазина и счетной палаты, чтобы они занимались повседневными практическими делами. Учитывайте склонности детей и направляйте их образование в соответствии с их наклонностями. Возможно, родители слишком сильно стремятся дать своим детям профессиональное образование, пока народ еще не готов к этому. Люди должны быть деловыми людьми и зависеть от чего-то большего, чем просто помощь в домах и гостиницах, прежде чем они смогут поддерживать или правильно оценивать услуги профессиональных людей среди них. Это одна из наших больших ошибок - мы опередили самих себя. Мы начали с надстройки здания, а не с фундамента - с верха, а не с низа. Сначала нам следовало бы стать механиками и простыми торговцами, а профессии, как само собой разумеющееся, выросли бы из богатства, заработанного таким образом".¹⁹²

В профессиональной жизни негр к 1860 году сделал заметный шаг вперед. Он уже был вынужден обратить внимание на юриспруденцию, хотя пока еще мало занимался практикой. В этой области Роберт Моррис-младший из Бостона был, пожалуй, лидером. Уильям К. Нелл из Рочестера и Бостона, в то время занимавший видное место в газетном деле и политике, сегодня больше всего запомнился своим исследованием негров в ранних войнах страны. В середине века Сэмюэл Рингголд Уорд, автор "*Автобиографии беглого негра*" и один из самых красноречивых людей того времени, несколько лет был пастором белой конгрегационной церкви в Кортландвилле, штат Нью-Йорк; а Генри Хайленд Гарнетт был пастором белой общины в Трое и хорошо известен как общественно активный гражданин. Джеймсу У. К. Пеннингтону была присвоена степень доктора богословия в Гейдельберге, и вообще этот человек пользовался известностью в Англии и на европейском континенте, а также в Америке. Примерно в то же время епископы Дэниел А. Пейн и Уильям Пол Куинн пополняли достоинства Африканской методистской епископальной церкви.

Особый интерес вызывает негритянский лекарь. Даже в колониальные времена, несмотря на то, что большое внимание уделялось борьбе с болезнями с помощью кореньев или чар, было по крайней мере начало подлинно научной работы. Уже в 1792 году негр по имени Сезар настолько отличился своими знаниями о лечебных травах, что Ассамблея Южной Каролины выкупила его свободу и назначила ему ренту. В начале прошлого века Джеймс Дерхам из Нового Орлеана стал первым признанным негритянским врачом, о котором сохранились

полные сведения. Он родился в Филадельфии в 1762 году и еще мальчиком попал к лекарю, у которого научился выполнять мелкие обязанности. Затем его продали врачу в Новом Орлеане, который использовал его в качестве ассистента. Через два-три года он получил свободу, стал владеть французским и испанским, а также английским языками и вскоре завоевал всеобщее уважение своей образованностью и мастерством. Примерно в середине столетия в Нью-Йорке получил известность Джеймс Маккьюн Смит, выпускник университета Глазго. Он был автором нескольких научных работ, человеком широких интересов и пользовался всеобщим уважением. "Первый реальный толчок к привлечению негров в значительном количестве в профессиональный мир был дан Американским колониальным обществом, которое в первые годы процветало как на Юге, так и на Севере... и взяло на себя обязательство подготовить профессиональных лидеров своей расы для колонии в Либерии. Для реализации этого плана лидеры колониального движения стремились обучать негров механическим искусствам, сельскому хозяйству, наукам и библейской литературе. Особо способные и перспективные молодые люди должны были получить специальную подготовку в качестве катехизаторов, учителей, проповедников и врачей. О том, чем они занимались, говорилось мало, но время от времени появлялись сообщения о неграх, которых частным образом на Юге или публично на Севере готовили к служению в Либерии. Доктор Уильям Тейлор и доктор Флит получили такое образование в округе Колумбия. Таким же образом Джон В. Де Грассу из Нью-Йорка и Томасу Дж. Уайту из Бруклина было разрешено закончить медицинский курс в Боудоине в 1849 году. В 1854 году доктор Де Грасс был принят в члены Массачусетского медицинского общества."¹⁹³ Мартин В. Делани, не раз упоминавшийся на этих страницах, после отказа в приеме в ряде учебных заведений был принят в медицинскую школу в Гарварде. Он получил известность благодаря своей работе во время эпидемии холеры в Питтсбурге в 1854 году. Разумеется, только после Гражданской войны в некоторых новых высших учебных заведениях были открыты медицинские факультеты для негритянских студентов.

До 1860 года ситуация, которая возникала не раз, отнимала у негров реальную заслугу в изобретениях. Если раб делал изобретение, ему не разрешалось получить патент, поскольку раб не мог заключить договор. В то же время хозяин раба не мог оформить патент на него, поскольку правительство не признавало за рабом законного права на передачу прав своему хозяину. Несомненно, что негры, которые выполняли большую часть механических работ на Юге до Гражданской войны, внесли не одно предложение по усовершенствованию машин. Мы уже упоминали о сильных притязаниях представителей этой расы на реальную заслугу хлопкоочистителя. Честь стать первым негром, получившим патент, принадлежит Генри Блэру из Мэриленда, который в 1834 году получил официальную защиту на кукурузную жатку.

На протяжении всего столетия предпринимались многочисленные попытки создания поэтических произведений, и было опубликовано несколько брошюр. Пожалуй, самой многообещающей была *"Надежда свободы"* Джорджа Хортон, появившаяся в 1829 году. К сожалению, Хортон не смог получить необходимого ему поощрения и со временем осел на жизнь уборщика в университете Северной Каролины.¹⁹⁴ За шесть лет до войны Фрэнсис Эллен Уоткинс (впоследствии миссис Харпер) заговорила о популярности, читая свои *"Разные стихи"*, которые выдержали несколько изданий. Примерно в это же время отличился Уильям Уэллс Браун, хотя он работал и в течение нескольких лет после войны. Он был человеком несомненного таланта и много путешествовал. Он написал несколько книг, посвященных истории и биографии негров, а также обратился к расовой тематике в романе *"Клоте́ль"* и драме *"Побег"*. Последняя страдает от избытка морализаторства, но несколько раз в ней проскальзывает качество подлинной драмы, особенно когда речь идет о ревности любовницы к любимой рабыне и побеге последней с мужем. В 1841 году начал выходить

первый негритянский журнал, издаваемый церковью А.М.Е. Появилось множество автобиографий, в том числе автобиография Фредерика Дугласса, впервые появившаяся в 1845 году и выходившая из издания в издание. На сцене с поразительным успехом выступал Айра Олдридж, трагик, который в ранние годы ездил в Европу, где имел возможность сотрудничать с Эдмундом Кином. В 1857 году его стали считать одним из двух-трех величайших актеров мира. Он стал членом нескольких континентальных академий искусств и наук, получил множество крестов и медалей, среди тех, кто оказывал ему честь, были императоры России и Австрии и король Пруссии. В великой области музыки было много прекрасных работ как в композиции, так и в исполнении на различных инструментах. Среди цветного свободного населения Луизианы было несколько выдающихся музыкантов, некоторые из которых уехали в Европу ради большей свободы.¹⁹⁵ Наивысшим индивидуальным достижением стала Элизабет Тейлор Гринфилд из Филадельфии. Эта певица была самого первого ранга. Ее голос отличался удивительной сладостью и имел двадцать семь нот. Она пела перед многими выдающимися слушателями в Европе и Америке, и ее часто сравнивали с Дженни Линд, которая в то время была на пике своей славы.

Таким образом, очевидно, что почетные достижения негров и общий прогресс в области социального благосостояния отнюдь не начались с прокламации об эмансипации. В 1860 году восемь девятих представителей расы все еще оставались рабами, но перед лицом всех возможных препятствий одна девятая часть, которая была свободна, вошла практически во все сферы человеческой деятельности. Многие из них были уважаемыми гражданами в своих общинах, а некоторые даже заложили фундамент богатства. И хотя пока еще не было ни одной книги безусловной гениальности или учености, интеллектуальная деятельность была налицо, и для создания произведений первого достоинства требовалось лишь время и немного больше свободы от экономического давления.

Сноска 177: (возвращение)

Эта глава тесно связана с разделом 5 главы III и в значительной степени дополняет главу VIII.

Сноска 178: (обратно)

Нелл: *Colored Patriots of the American Revolution*, 356.

Сноска 179: (возврат)

Нелл, III.

Сноска 180: (возврат)

Документ Сената 63 от 1842 года.

Сноска 181: (возврат)

Макмастер, VIII, 74.

Сноска 182: (возврат)

Кларк: *Состояние свободного цветного населения Соединенных Штатов*.

Сноска 183: (возврат)

Нелл, 285.

Сноска 184: (возвращение)

Бэкон: *Статистика*, 13.

Сноска 185: (возврат)

Делани.

Сноска 186: [\(возврат\)](#)

См. "The F.M.C.'s of Louisiana", автор P.F. de Gournay, *Lippincott's Magazine*, апрель, 1894; и "Black Masters", автор Calvin Dill Wilson, *North American Review*, ноябрь, 1905.

Сноска 187: [\(возврат\)](#)

См. Стоун: "Негр на Юге", в *"Юг в строительстве нации"*, X, 180.

Сноска 188: [\(возврат\)](#)

Широкая полоса (Чарльстон, 1861 г.), доступная в Специальной библиотеке Бостонской публичной библиотеки как документ № 9 в 20-й каб. 3. 7.

Сноска 189: [\(возврат\)](#)

У. Э. Додд: *Экспансия и конфликт*, том 3 "Риверсайдской истории Соединенных Штатов", Houghton Mifflin Co., Boston, 1915, p. 208.

Сноска 190: [\(обратно\)](#)

Тернер: *The Negro in Pennsylvania*, 140.

Сноска 191: [\(возврат\)](#)

Интересные примеры см. в C.G. Woodson: *The Education of the Negro prior to 1861*.

Сноска 192: [\(возврат\)](#)

The Condition, Elevation, Emigration, and Destiny of the Colored People of the United States, Politically Considered, Philadelphia, 1852, P. 45.

Сноска 193: [\(обратно\)](#)

Келли Миллер: "История негритянского врача", *Журнал негритянской истории*, апрель, 1916 г., частично цитируя Вудсона: *Образование негров до 1861 г.*

Сноска 194: [\(возврат\)](#)

См. "Джордж Мозес Хортон: Slave Poet", автор Стивен Б. Уикс, *Southern Workman*, октябрь, 1914.

Сноска 195: [\(обратно\)](#)

См. Вашингтон: *The Story of the Negro*, II, 276-7.

ГЛАВА XII

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ЭМАНСИПАЦИЯ

В начале Гражданской войны два великих вопроса, касавшихся негра, затмили все остальные - его свобода и его работа в качестве солдата. Север в целом не испытывал особого энтузиазма в отношении негров и откликнулся лишь на призыв Линкольна спасти Союз. Кроме того, как среди офицеров, так и среди солдат существовали большие предубеждения против использования негра в качестве солдата: считалось, что он не годится для этого из-за рабства и невежества. Рядовые возражали против того, чтобы ставить чернокожих на одну ступень с собой, а также считали, что вооружение рабов для борьбы за своих бывших хозяев усилит горечь конфликта. Если на Севере так считали многие, то Юг приходил в ярость от одной мысли о негре как о возможном противнике в оружии.

Однако человеческая проблема не заставила себя долго ждать, чтобы привлечь внимание. Как только солдаты северян появились на Юге, тысячи негров - мужчин, женщин и детей - устремились в свои лагеря, чувствуя лишь, что идут к своим друзьям. В мае 1861 года,

командуя крепостью Монро, генерал-майор Бенджамин Ф. Батлер стал известным на всю страну благодаря своей политике, которая заключалась в том, что он заставлял работать мужчин, оказавшихся в его черте, и оправдывал их удержание тем, что они, как и оружие, порох и т. д., служили врагу в военных целях и не могли быть возвращены. 30 августа того же года генерал-майор Джон К. Фремонт, командовавший в Миссури, ввел в штате военное положение и объявил рабов эмансипированными. Администрация была поставлена в неловкое положение, приказ Фремонта был отменен, а сам он был освобожден от командования. 9 мая 1862 года генерал-майор Дэвид Хантер, возглавлявший Южный департамент (Южная Каролина, Джорджия и Флорида), издал свой знаменитый приказ об освобождении рабов в своем департаменте и тем самым привлек всеобщее внимание к вопросу о найме негров-солдат в армиях Союза. Правительство Конфедерации объявило Хантера вне закона, Линкольн отменил его приказ, и благодать нации была вновь спасена; но тем временем возникла новая ситуация. Пока бригадный генерал Джон У. Фелпс принимал участие в экспедиции против Нового Орлеана, один крупный сахарозаводчик неподалеку от города, недовольный вмешательством федералов в дела его плантации, выгнал всех своих рабов, велел им идти к своим друзьям, янки. Негры прибывали к Фелпсу в огромных количествах, и ради дисциплины он попытался организовать их в отряды. За это он тоже был объявлен конфедератами вне закона, а его поступок был дезавуирован Союзом, который не был готов пойти на такой шаг.

Тем временем президент Линкольн обсуждал Прокламацию об эмансипации. На него постоянно оказывалось давление со стороны радикально настроенных против рабства людей, и Гораций Грили в своей знаменитой редакционной статье "Молитва двадцати миллионов" был лишь одним из тех, кто критиковал, как ему казалось, его недостаточную твердость в решении ситуации. Однако после неудачной кампании Макклеллана против Ричмонда он почувствовал, что освобождение рабов - это военная и моральная необходимость, поскольку это повлияет как на Север, так и на Юг; а поражение Ли при Антиетаме 17 сентября 1862 года предоставило возможность, которой он так ждал. Поэтому 22 сентября он опубликовал предварительную декларацию, в которой уведомил, что 1 января 1865 года он освободит всех рабов в штатах, все еще находящихся в состоянии восстания, и утверждал, как и прежде, что целью войны является сохранение Союза.

Прокламация, опубликованная 1 января, является одним из важнейших государственных документов в истории Соединенных Штатов, уступая лишь Декларации независимости и самой Конституции. Полный текст документа выглядит следующим образом:

Двадцать второго сентября тысяча восемьсот шестьдесят второго года от Рождества Христова президентом Соединенных Штатов была издана прокламация, содержащая, помимо прочего, следующее, а именно:

Что в первый день января в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году нашего Господа все лица, содержащиеся в качестве рабов в пределах любого штата или определенной части штата, народ которого в то время восстает против Соединенных Штатов, будут тогда, впредь и навсегда свободными; и исполнительное правительство Соединенных Штатов, включая его военное и военно-морское ведомство, будет признавать и поддерживать свободу таких лиц и не будет предпринимать никаких действий или актов для подавления таких лиц или любого из них в любых усилиях, которые они могут предпринять для достижения своей фактической свободы.

Что исполнительная власть в первый день вышеупомянутого января провозгласит штаты и части штатов, если таковые имеются, в которых их народ будет находиться в состоянии восстания против Соединенных Штатов; И тот факт, что какой-либо штат или его народ в этот

день будет добросовестно представлен в Конгрессе Соединенных Штатов членами, избранными туда на выборах, в которых приняло участие большинство квалифицированных избирателей этого штата, будет считаться, при отсутствии убедительных противоположных свидетельств, неопровержимым доказательством того, что этот штат и его народ не находятся в то время в состоянии восстания против Соединенных Штатов.

Итак, я, Авраам Линкольн, Президент Соединенных Штатов, в силу власти, данной мне как главнокомандующему армией и флотом Соединенных Штатов, во время фактического вооруженного восстания против власти и правительства Соединенных Штатов и в качестве необходимой военной меры для подавления этого восстания, делаю в этот первый день января, в год Господа нашего тысяча восемьсот шестьдесят третий, и в соответствии с моей целью, публично провозглашенной на полный период в сто дней от первой вышеупомянутой даты, приказываю и назначаю штатами и частями штатов, в которых их население соответственно восстает против Соединенных Штатов, следующие, а именно:

Арканзас, Техас, Луизиана (за исключением приходов Сен-Бернар, Плакемин, Джефферсон, Сент-Джон, Сент-Чарльз, Сент-Джеймс, Вознесение, Успение, Терре-Бонн, Лафурш, Сте-Мари, Св. Мартина и Орлеана, включая город Новый Орлеан), Миссисипи, Алабамы, Флориды, Джорджии, Южной Каролины, Северной Каролины и Виргинии (кроме сорока восьми округов, обозначенных как Западная Виргиния, а также округов Беркли, Аккомак, Нортгемптон, Элизабет-Сити, Йорк, Принцесса Анна и Норфолк, включая города Норфолк и Портсмут), и эти исключенные части в настоящее время оставлены точно так же, как если бы настоящая прокламация не была издана.

И в силу вышеуказанных полномочий и с вышеуказанной целью я приказываю и заявляю, что все лица, содержащиеся в качестве рабов в указанных штатах и частях штатов, являются и впредь будут свободными, и что исполнительное правительство Соединенных Штатов, включая его военные и военно-морские власти, признает и будет поддерживать свободу указанных лиц.

И я настоящим предписываю людям, объявленным свободными, воздерживаться от всякого насилия, за исключением случаев необходимой самообороны; и рекомендую им во всех случаях, когда это разрешено, добросовестно трудиться за разумное вознаграждение.

И далее я заявляю и объявляю, что такие лица, подходящие по состоянию, будут приняты на вооруженную службу Соединенных Штатов для гарнизонирования фортов, позиций, станций и других мест, а также для укомплектования судов всех видов на указанной службе.

И на этот акт, искренне полагая, что он является актом справедливости, оправданным Конституцией военной необходимостью, я ссылаюсь на внимательный суд человечества и милостивую благосклонность Всемогущего Бога.

В подтверждение этого я настоящим поставил свое имя и скрепил его печатью Соединенных Штатов.

Совершено в городе Вашингтоне в первый день января сего года, в год Господа нашего тысяча восемьсот шестьдесят третий, а независимости Соединенных Штатов - восемьдесят седьмой.

Президент,
АВРААМ ЛИНКОЛЬН.

УИЛЬЯМ Х. СЬЮАРД,
Государственный секретарь.

Следует отметить, что Прокламация была всего лишь военной мерой, опирающейся на конституционные полномочия президента. Его последствия для правового статуса рабов вызвали много дискуссий; следует отметить, что он не распространялся на территорию современной Западной Вирджинии, семь округов в Вирджинии и тринадцать приходов в Луизиане, которые уже перешли под федеральную юрисдикцию. Однако все вопросы,

поднятые этой мерой, были окончательно решены Тринадцатой поправкой к Конституции, и, по сути, свобода фактически следовала за прогрессом союзного оружия с 1863 по 1865 год.

Между тем с самого начала войны негры использовались конфедератами для строительства редутов и выполнения другой черновой работы, и еще до прокламации об эмансипации многие офицеры Севера говорили, что призыв негров в армию целесообразен. Они считали, что такой курс поможет уничтожить рабство и что, поскольку негры так много поставили на карту, они должны принять участие в подавлении восстания. Они также говорили, что мужчины будут гордиться тем, что носят национальную форму. Кроме того, негры как офицерская прислуга видели много боев и завоевали уверенность в своих силах; по мере того как война продвигалась и все больше людей погибало, росло убеждение, что негр может остановить пулю не хуже белого и что в любом случае использование негров для усталостных работ высвободит количество других мужчин для реальных боевых действий.

Наконец, после того как было убито множество людей, а прокламация об эмансипации изменила статус негров, было принято решение о зачислении в армию. Политика заключалась в том, что негры могут быть унтер-офицерами, а белые, прошедшие службу, - полевыми и линейными офицерами. В целом предполагалось, что офицерами будут становиться только те, кто испытывал добрые чувства к неграм, но в условиях военной рутины это различие не всегда соблюдалось. Мнение в пользу расы укрепились после призывного бунта в Нью-Йорке (июль 1863 года), когда негры в городе подверглись преследованиям со стороны противников призыва. Вскоре в Вашингтоне было создано отдельное бюро для учета всех вопросов, касающихся негритянских войск, организована комиссия для проверки кандидатов, а в Мэриленде, Миссури и Теннесси были открыты призывные пункты. Конфедераты были возмущены мыслью о том, что с чернокожими придется встречаться на равных, и отказались менять негритянских солдат на белых. О том, как отреагировал на такие действия военный министр Стэнтон, можно судить по тому, что, узнав о том, что три негритянских пленника были помещены в тесное заключение, он приказал аналогичным образом поступить с тремя мужчинами из Южной Каролины, а лидеров Конфедерации проинформировал о своей политике.

Экономическая выгода от призыва в армию была очевидна. Он дал работу 187 000 мужчин, выброшенных войной на берег и не нашедших места для самостоятельного труда. Он давал им еду, одежду, зарплату, защиту, но больше всего - чувство самоуважения, которое приходит с прибыльной работой. Для самих мужчин наступил юбилейный год. Одним огромным шагом они перешагнули пропасть, отделяющую скот от людей, и теперь у них появился шанс подтвердить свою мужественность. На распространенных плакатах того времени были изображены негр-солдат с флагом, разрывающий кандалы раба, молодой негр, читающий газету, и несколько детей, идущих в государственную школу. Над всем этим были слова: "Все рабы были сделаны свободными Авраамом Линкольном, президентом Соединенных Штатов, 1 января 1863 года". Итак, приходите, трудоспособные цветные мужчины, в ближайший лагерь Соединенных Штатов и сражайтесь за звезды и полосы".

К чести бойцов следует сказать, что в своем новом положении они вели себя достойно и трезво. Когда они ставили пикеты на линиях, через которые проходили южане, они вели себя вежливо, одновременно выполняя свой долг. Они брали в плен южан, не оскорбляя их, и своим самоуважением завоевывали уважение других. Тем временем их братья на Юге занимались повседневными делами, заботясь о вдовах и сиротах; и нация, которая до сих пор линчует негров, должна помнить, что во все эти тревожные годы акты насилия в отношении белых женщин и девушек были абсолютно неизвестны.

По всей стране за поведением чернокожих под огнем наблюдали с самым пристальным интересом. Все больше и больше в крещении кровью они оправдывали веру, за которую их друзья сражались годами. В Порт-Гудзоне, Форт-Вагнере, Форт-Пиллоу и Петербурге их мужество было самым выдающимся. Газета "Нью-Йорк Таймс" пишет о сражении при Порт-Хадсоне (1863 год): "Генерал Дуайт, по крайней мере, должен был понять, что они (негритянские войска) не только люди, но и нечто большее, чем люди, судя по ужасающему испытанию, которому он подверг их доблесть..... Их цвета разорваны на куски выстрелами и буквально забрызганы кровью и мозгами". Именно по этому случаю сержант Ансельмас Плансиансуа перед тем, как снаряд снес ему голову, сказал: "Полковник, я верну вам эти знамена с честью или доложу Богу о причине". 6 июня негры снова отличились и завоевали друзей своей храбростью у Милликенс-Бенд. Пятьдесят четвертый Массачусетский, которым командовал Роберт Гоулд Шоу, отличился при попытке взять форт Вагнер на острове Моррис близ Чарльстона 18 июля 1863 года. Полк шел два дня и две ночи через болота и проливные дожди, чтобы успеть к штурму. Во время боя погибли почти все офицеры полка, в том числе полковник Шоу. Живописный поступок совершил сержант Уильям Х. Карни, который выхватил знамя полка из рук падающего товарища, установил его на укреплениях и сказал, когда его, истекающего кровью и искалеченного, унесли с поля боя: "Парни, старое знамя никогда не касалось земли". Форт Пиллоу, позиция на реке Миссисипи, примерно в пятидесяти милях выше Мемфиса, был гарнизоном из 557 человек, 262 из которых были неграми, когда его атаковали 13 апреля 1864 года. В конце концов форт был взят конфедератами, но главной особенностью этого сражения стало упорное сопротивление, оказанное войсками Союза перед лицом огромных шансов. В долине Миссисипи и в Южном департаменте негр отлично зарекомендовал себя в качестве солдата. Весной 1864 года он появился в Потомакской армии. В июле в окрестностях Ричмонда и Петербурга произошли значительные стычки между федеральными войсками и войсками Конфедерации. Бернсайд, командуя корпусом, частично состоящим из негров, вырыл под фортом конфедератов траншею длиной в сто пятьдесят ярдов. Он был заполнен взрывчаткой, и 30 июля спичка была приложена, после чего образовался знаменитый кратер. Незадолго до взрыва негры участвовали в дерзкой атаке на конфедератов. За извержением должен был последовать еще более грозный штурм, в котором Бернсайд хотел предоставить своим негритянским войскам главную роль. В результате спора и жеребьевки первенство было отдано полку из Нью-Гэмпшира. Позднее генерал Грант так отзывался об этом неприятном эпизоде: "Генерал Бернсайд хотел поставить свою цветную дивизию впереди; я считаю, что если бы он так поступил, то это был бы успех". После того как в октябре 1864 года негритянский полк атаковал и взял батарею в Декатуре (штат Алабия) и проявил исключительную галантность под огнем, они удостоились овации от своих белых товарищей, "которые тысячами высыпали на парапеты и приветствовали полк, когда он вновь вступил в строй".¹⁹⁶

Когда все закончилось, на Севере спонтанно признали право таких людей на почетное и щедрое обращение со стороны нации, а в Конгрессе возникло ощущение, что если Юг может вернуться в Союз с его неповрежденной автономией, то негр-солдат, безусловно, должен иметь права гражданства. Однако перед окончанием войны в Сиракузах (штат Нью-Йорк) состоялся съезд негров, который пролил интересный свет на проблемы и настроения того периода.¹⁹⁷ На этом собрании Джон Мерсер Лэнгстон был временным председателем, Фредерик Дуглас - президентом, а Генри Хайланд Гарнетт из Вашингтона, Джеймс У.К. Пеннингтон из Нью-Йорка, Джордж Л. Раффин из Бостона и Эбenezер Д. Бассетт из Филадельфии были одними из самых видных делегатов. На собрании прозвучало опасение, что некоторые вещи, которые, как казалось, были достигнуты в результате войны, на самом деле не будут реализованы; а поскольку Конгресс еще не внес изменения в Конституцию, чтобы отменить рабство, серьезный вопрос был поднят недавней речью, в которой не кто

иной, как Сьюард, государственный секретарь, сказал: "Когда повстанцы оставят свои армии и сложат оружие, война немедленно прекратится; и все существующие на тот момент военные меры, включая те, которые затрагивают рабство, также прекратятся". Конвенция поблагодарила президента и Тридцать седьмой Конгресс за отмену запретительного закона в отношении перевозки почты неграми, за отмену рабства в округе Колумбия, за признание Хайти и Либерии, а также за военный приказ в отместку за невоенное обращение с неграми-офицерами Конфедерации; И особенно он поблагодарил сенатора Самнера "за его благородные усилия по очищению законодательных книг нации от всех пятен неравенства в отношении цветных людей", а генерала Батлера - за позицию, которую он занял в начале войны. В то же время было принято решение направить петицию в Конгресс с просьбой уважать права негров-патриотов страны на поле боя и прекратить подавать пример тем, кто находится в вооруженных силах против него, проводя неправомерные различия, основанные на цвете кожи, в оплате, труде и продвижении по службе. Особенно она просила уберечь ее от предполагаемых друзей: "Когда *"Anti-Slavery Standard"*, представляющая Американское общество борьбы с рабством, отрицает, что общество требует предоставления права голоса цветным, а *"Liberator"* извиняется за исключение цветных жителей Луизианы из избирательной урны, они наносят нам более серьезный ущерб, чем все насмешки всей рабовладельческой прессы". Наконец, съезд настаивал на том, что такие вещи, как право владеть недвижимостью, давать показания в судах, подавать и получать иски, являются лишь привилегиями до тех пор, пока сохраняется общая политическая свобода, и откровенно требовал не только формальной и полной отмены рабства в Соединенных Штатах, но и предоставления избирательного права во всех штатах, находившихся тогда в Союзе, и во всех, которые могут появиться в Союзе впоследствии. В целом это представительное собрание продемонстрировало очень четкое представление о проблемах, стоявших перед неграми и страной в 1864 году. Ссылка на известные антирабовладельческие издания свидетельствует не только о росте расового самосознания, который произошел в ходе этой, как и всех других войн, в которых участвовала страна, но и о большом дрейфе в сторону консерватизма, который произошел на Севере за тридцать лет.

Однако, какими бы ни были вопросы момента, в высшем благословении свободы наконец-то можно было не сомневаться. Оно долго откладывалось и в конце концов пришло лишь как следствие войны; тем не менее целая раса людей перешла от смерти к жизни. Тогда, как и прежде, они нашли параллель своему опыту в истории евреев в Ветхом Завете. Они тоже жили в Египте и перешли Красное море. Тогда они не могли увидеть или лишь смутно осознавали, что им нужна вера - вера в Бога и вера в себя - для сорокалетнего пребывания в пустыне. Они еще не до конца понимали, что Тот, Кто вел детей Израиля и изгнал перед ними аморреев и хеттеев, приведет и их в Землю обетованную.

Тем, кто вел негров в эти замечательные годы, - Роберту Гулду Шоу, молодому полковнику Пятьдесят четвертого Массачусетского полка, который погиб во главе своих людей в форте Вагнер; Норвуду Пенроузу Халлоуэллу, подполковнику Пятьдесят четвертого, а затем полковнику Пятьдесят пятого полка; его брату Эдварду Н. Халлоуэллу, который сменил Шоу, когда тот пал; и Томасу Уэнтурту Хиггинсону, командовавшему первым полком освобожденных рабов - к ним не применимы обычные хвалебные речи. Их имена написаны огненными буквами, а их деяния живут после них. На памятнике Шоу в Бостоне написаны эти слова:

Белые офицеры

Взяв жизнь и честь в свои руки, бросили свой жребий с людьми презираемой расы, не

оправдавшей себя на войне, и рисковали умереть как подстрекатели к мятежу, если их возьмут в плен, а также столкнулись со всеми опасностями лагеря, марша и битвы.

Чернокожие рядовые

Вызвались добровольцами, когда катастрофа омрачила дело Союза, прослужили без жалования восемнадцать месяцев, пока не получили жалование белых войск, столкнулись с угрозой порабощения в случае пленения, были храбрыми в бою, терпеливыми при опасном и тяжелом труде и бодрыми среди лишений и невзгод.

Вместе

Они дали нации неопровержимое доказательство того, что американцы африканского происхождения обладают гордостью, храбростью и преданностью солдата-патриота. Сто восемьдесят тысяч таких американцев вступили в армию под флагом Союза в MDCCCLXIII-MDCCCLXV.

Сноска 196: (возвращение)

Генерал Томас Дж. Морган: "Негры в гражданской войне", в ежемесячнике *Баптистской домашней миссии*, цитируется в *Liberia*, Bulletin 12, February, 1898. Генерал Морган в октябре 1863 года стал майором Четырнадцатого полка цветной пехоты Соединенных Штатов. Он организовал этот полк и стал его полковником. Он также организовал Сорок второй и Сорок четвертый полки цветной пехоты.

Сноска 197: (обратно)

См. "Материалы Национального собрания цветного населения, состоявшегося в городе Сиракузы, штат Нью-Йорк, 4, 5, 6 и 7 октября 1864 г., с Биллем о правах и неправах и Обращением к американскому народу" (Proceedings of the National Convention of Colored Men, held in the city of Syracuse, N.Y., October 4, 5, 6, and 7, 1864). Бостон, 1864.

ГЛАВА XIII

ЭПОХА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

1. Проблема

По окончании Гражданской войны Соединенные Штаты оказались лицом к лицу с одной из самых серьезных социальных проблем современности. Все больше и больше становилось очевидным, что необходимо рассматривать не только технический вопрос восстановления штатов в Союзе, но и всю корректировку будущего жизни трех с половиной миллионов негров и пяти с половиной миллионов белых людей на Юге. В конечном счете, вопрос был расовым, и, чтобы усугубить трудности этой проблемы, следует сожалеть, что на сцене появились политики и спекулянты, которые стремились извлечь выгоду из общественного бедствия.

Юг был основательно деморализован, и особенно горько было женщинам, на плечи которых легло бремя войны дома. Имущество рабов на сумму в два миллиарда долларов было уничтожено; несколько крупных городов подверглись бомбардировкам; железные дороги пришли в упадок; конфискация имущества привела к тому, что впоследствии тысячи претендентов получили компенсацию. Негры еще не обжились на новых местах, и смертность среди них была ужасающей. Всю первую зиму после войны весь Юг находился на грани голода.

Это, несомненно, была сложная ситуация, требующая от побежденных высочайшей государственной мудрости и спортивного мастерства. Многие негры, освободившись от традиций двухсотпятидесятилетнего рабства, взяли отпуск; некоторые решили больше не

работать, пока живы, а некоторые даже присваивали себе продукцию соседей. Если они оставались на старых плантациях, то опасались, что их по-прежнему будут считать рабами; с другой стороны, если они выходили на большую дорогу, то могли прослыть бродягами. Если кто-то возвращался из лагеря федералов, чтобы забрать жену и детей, его могли прогнать. "Свобода кричала", и, несомненно, некоторые люди совершали глупые поступки, но серьезных преступлений заметно не было. В целом раса перенесла благословение эмансипации с удивительным здравым смыслом и темпераментом. Вернувшиеся солдаты прошли парадом, было несколько митингов и шествий, иногда немного регалий и даже немного шума; затем все разошлось по домам. К сожалению, даже такое поведение белые южане расценили как дерзость.

Пример того, как южане *могли бы* справиться с ситуацией, подал не кто иной, как Роберт Э. Ли, чье бескорыстие и стандарты поведения джентльмена не вызывают сомнений. Однажды в Ричмонде негр с улицы, намереваясь отстаивать свои права, вошел в представительную церковь, протиснулся к алтарю для причастия и преклонил колени. Прихожане замерли, и все в полной мере осознали факторы, повлиявшие на ситуацию. Затем генерал Ли поднялся и встал на колени рядом с негром; прихожане сделали то же самое, и напряжение спало. Более того, все ушли домой духовно приподнятыми.

Если бы этот инцидент можно было повторить в тысячу раз - если бы люди поняли, что случайности мимолетны, а принципы вечны, - обе расы были бы избавлены от многолетней агонии, и наш Южный край был бы сегодня совсем другим местом. Негр был в центре проблемы, но ключ к ней, несомненно, находился на Юге. Конечно, можно было бы поднять крик о "социальном равенстве"; можно было бы сказать *что угодно*, лишь бы не делать то, что нужно. Но в данном случае, как и во многих других, вопрос заключался не в том, что делает кто-то другой, а в том, как самому поступить наиболее благородно.

К сожалению, методу Ли не суждено было возобладать. Страсти, предрассудки и демагогия остались в прошлом, а консервативных и широко патриотичных людей заставили следовать за лидерами, которых они не могли одобрить. Спустя 60 лет после этого мы все еще страдаем от ку-клукс-клановского решения проблемы.

2. Решение проблемы

История реконструкции была рассказана много раз, и мы не намерены рассказывать ее снова. Мы должны довольствоваться тем, что коснемся некоторых основных моментов в этой дискуссии.

Еще до окончания войны национальное правительство взяло на себя обязательство официально разобраться с тысячами негров, которые толпами устремились к федеральным границам и не менее миллиона из которых весной 1865 года зависели от национального правительства в плане поддержки. Бюро по делам беженцев-фридменов и заброшенных земель, созданное в связи с Военным министерством актом от 3 марта 1865 года, должно было существовать в течение всей войны и одного года после нее. Его полномочия были расширены 16 июля 1866 года, а основная работа завершилась только 1 января 1869 года, образовательная деятельность продолжалась еще полтора года. Бюро вольноотпущенников должно было осуществлять "надзор и управление всеми заброшенными землями, а также контроль над всеми вопросами, касающимися беженцев и вольноотпущенников". Особое значение имело положение закона о создании Бюро, которое давало вольноотпущенникам понять, что каждому беженцу мужского пола должно быть предоставлено сорок акров земли с гарантией владения ею в течение трех лет. На протяжении всего существования Бюро его главным комиссаром был генерал О. О. Ховард. Хотя главные офицеры, несомненно, были

людьми благородных целей, многие из мелких чиновников были столь же несомненно коррумпированы и корыстны. Зимой 1865-6 годов треть помощи Бюро была оказана белому населению Юга. Для негритянских учеников Бюро открыло в общей сложности 4 239 школ, в которых работало 9 307 учителей и обучалось 247 333 ученика. Реальные достижения Бюро были подытожены следующим образом: "Величайший успех Бюро вольноотпущенников заключался в создании бесплатной школы для негров и в идее бесплатного начального образования для всех классов на Юге. За примерно пятнадцать миллионов долларов, помимо суммы, потраченной до 1865 года, и средств благотворительных обществ, это бюро создало систему свободного труда, положило начало крестьянскому землевладению, добилось признания чернокожих вольноотпущенников в судах и основало бесплатную общую школу на Юге. С другой стороны, ему не удалось начать установление добрых отношений между бывшими хозяевами и вольноотпущенниками, оградить свою работу от патерналистских методов, которые препятствовали самостоятельности, и выполнить в значительной степени свои подразумеваемые обещания обеспечить вольноотпущенников землей."¹⁹⁸ К этой истории недостатков следует добавить также управление Банком вольноотпущенников, который "морально и практически был частью Бюро вольноотпущенников, хотя и не имел с ним юридической связи." Это учреждение положило действительно замечательное начало развитию бережливости среди негров, и его крах, повлекший за собой потерю первых сбережений сотен бывших рабов, был столь же катастрофичен в моральном плане, как и в плане непосредственных финансовых последствий.

Когда Бюро свободных людей прекратило свое существование, оно передало свои образовательные интересы и часть денег религиозным и благотворительным обществам, которые сотрудничали с ним, особенно Американской миссионерской ассоциации. Это общество было организовано еще до Гражданской войны на межконфессиональной и сильной антирабовладельческой основе; но с уходом общего интереса оно перешло в 1881 году в руки Конгрегационной церкви. Другими известными организациями были Американское баптистское общество домашней миссии (также Американское баптистское издательское общество), Общество помощи освобожденным (представлявшее северных методистов) и Пресвитерианский совет миссий. Фактическая работа была начата Американской миссионерской ассоциацией. В 1861 году Льюис Таппан, казначей этой организации, написал генералу Батлеру, чтобы узнать, какую помощь можно оказать. Результатом переписки стало то, что 3 сентября этого года преподобный Л. К. Локвуд добрался до Хэмптона и 17 сентября открыл первую дневную школу среди вольноотпущенников. В школе преподавала миссис Мэри С. Пик, женщина из расы, имевшая преимущество свободной матери, чья преданность делу была такова, что вскоре она умерла. Тем не менее, она помогла заложить фундамент Хэмптонского института. Вскоре появилась школа в Норфолке, две в Ньюпорт-Ньюс, а к январю - школы в Хилтон-Хед и Бофорте, штат Северная Каролина. Затем последовала Прокламация об эмансипации, широко распахнувшая двери великой нужды. Преподобный Джон Итон, армейский капеллан из Огайо, впоследствии комиссар образования Соединенных Штатов, был назначен ответственным за обучение негров, и к концу войны, так или иначе, возможно, до миллиона человек на Юге научились читать и писать. Число миссионеров и учителей Ассоциации, составлявшее 83 человека в 1863 году, увеличилось до 250 в 1864 году. На первом дневном занятии школы в Норфолке после прокламации было 350 учеников, а вечером - еще 300. На

третий день в дневной школе было 550 человек, а в вечерней - 500. Школу пришлось разделить, часть перешла в другую церковь; число помощников увеличилось, и вскоре дневное посещение составило 1200 человек. Для таких школ использовались дома на заброшенных плантациях и даже общественные здания. Затем возникли высшие учебные заведения: Атланта, Береа, Фиск, Талладега, Страйт, а также многочисленные средние школы. Аналогичным образом баптисты основали колледжи, которые, с некоторыми изменениями в названиях, стали Virginia Union, Hartshorn, Shaw, Benedict, Morehouse, Spelman, Jackson и Bishop, с многочисленными филиалами. Методисты основали Кларк (в Южной Атланте), Клафлин, Раст, Уайли и другие; пресвитериане, уже основавшие Линкольн в 1854 году, теперь основали Биддл и несколько семинарий для молодых женщин; а Объединенные пресвитериане основали Ноксвилл. Со временем негритянские деноминации - А.М.Е., А.М.Е.З. и С.М.Е. (последняя в 1870 году вышла из состава южных методистов) - также помогали в работе, и таким образом, помимо Уилберфорса в Огайо, возникли такие учебные заведения, как Университет Морриса Брауна, Ливингстон-колледж и Лейн-колледж. Кроме того, в 1867 году федеральное правительство увенчало свою работу по образованию негров созданием в Вашингтоне Университета Говарда.

По мере роста этих учебных заведений в них, естественно, появились различия или особые акценты. Хэмптон и Университет Атланты теперь независимы, а Береа имеет своеобразную историю: в 1903 году в штате Кентукки был принят закон, ограничивающий привилегии этого учебного заведения белыми студентами. Хэмптон, под руководством генерала Армстронга, сделал акцент на идее промышленного и практического образования, которая с тех пор стала всемирно известной. В 1871 году группа Fisk Jubilee Singers начала свое незабываемое путешествие по Америке и Европе, встречая поначалу презрение и насмешки, но вскоре затронула сердца всего мира своей странной музыкой. Их последующий успех был столь же замечательным, сколь уникальной была их миссия. Тем временем семинария Спелман, в послужном списке которой ее выпускники, отправившиеся в качестве миссионеров в Африку, также создала славную традицию.

Нельзя не отдать должное тем героическим мужчинам и женщинам, которые воплотили в жизнь идею образования в лучшем виде. Крават в Фиске, Уэйр в Атланте, Армстронг в Хэмптоне, Грейвс в Морхаусе, Таппер в Шоу, Паккард и Джайлс в Спелмане - имена, которые всегда следует вспоминать с благодарностью. Задача этих людей была незавидной. Они подвергались остракизму и преследованиям, а некоторые из их коллег даже были убиты. Правда, их идея образования, основанная на колледже Новой Англии, была не очень эластичной; но их теория заключалась в том, что юноши и девушки, которых они учили, прежде чем стать неграми, были людьми. У них был ключ к вечным истинам, и время будет все больше и больше оправдывать их позицию.

Против Бюро вольноотпущенников Юг возражал из-за политической активности некоторых его чиновников. Против школ, основанных миссионерами, он возражал в первую очередь из-за социального равенства. И на то, и на другое временные правительства Юга в 1865 году ответили так называемыми Черными кодексами. Теория этих замечательных постановлений - наиболее суровых в Миссисипи, Южной Каролине и Луизиане - заключалась в том, что даже если негр номинально свободен, он ни в коем случае не способен позаботиться о себе и нуждается в опеке и надзоре белого человека. Отсюда возникло то, что стало известно как система "ученичества". Южная Каролина в своем законе от 21 декабря 1865 года заявила: "Ребенок старше двух лет, родившийся от цветных родителей, может быть отдан отцом, если

он живет в округе, или, в случае его смерти или отсутствия в округе, матерью в ученики любому уважаемому белому или цветному человеку, который компетентен заключить договор; мужчина до достижения им возраста двадцати одного года, а женщина до достижения ею возраста восемнадцати лет. Мальчики в возрасте двенадцати лет и девочки в возрасте десяти лет должны подписать договор об ученичестве и быть связанными этим Мастер должен получать в свое пользование прибыль от труда своего ученика". К этому Миссисипи добавил: "Если какой-либо подмастерье покинет работу своего мастера или хозяйки, то мастер или хозяйка могут преследовать и поймать этого подмастерья и доставить его или ее к любому мировому судье округа, в обязанности которого входит возвращение этого подмастерья на службу его или ее мастера или хозяйки; в случае отказа подмастерья вернуться, судья должен поместить этого подмастерья в тюрьму этого округа" и т. д. и т. п. В целом по этому закону негр получал право подавать в суд и быть судимым, давать показания в суде по делам негров, признавать брак и ответственность за детей. С другой стороны, он не мог быть присяжным, служить в ополчении, голосовать и занимать должности. Ему практически запрещалось собираться, а свобода передвижения была ограничена. В последние годы Черные кодексы не раз защищались как честная попытка выйти из сложной ситуации, но сквозь них проглядывало старое отношение к рабству, и создавалось впечатление, что те, кто их составлял, еще не знали, что старый порядок ушел в прошлое.

Тем временем Юг охватила паника, и временный губернатор Миссисипи попросил у президента Джонсона разрешения организовать местное ополчение. Просьба была удовлетворена, и патрули сразу же начали проявлять свою враждебность к северянам и вольноотпущенникам. Весной 1866 года в Мемфисе произошел серьезный расовый бунт. 30 июля, когда некоторые негры шли на политический съезд в Новом Орлеане, они вступили в драку с белыми зрителями. Завязалась перестрелка; полиция, при поддержке зрителей, взялась арестовывать негров; негры укрылись в зале съезда, а их преследователи ворвались в здание и без жалости расстреливали негров и их белых сторонников. Всего было убито не менее сорока человек и не менее ста ранено, но на стороне полиции и белых граждан погибло не более дюжины человек. Генерал Шеридан, командовавший в Новом Орлеане, охарактеризовал произошедшее как "абсолютную резню... убийство, которое мэр и полиция города совершили без тени необходимости".

Перед лицом таких событий и тенденций, а также под влиянием в некоторой степени тщательного и содержательного, но подвергшегося критике отчета Карла Шурца, Конгресс, возглавляемый Чарльзом Самнером и Таддеусом Стивенсом, приступил к принятию закона, призванного защитить вольноотпущенников и гарантировать стране плоды войны. Тринадцатая поправка к Конституции, официально отменяющая рабство, была принята 18 декабря 1865 года. В марте следующего года Конгресс преодолел вето президента и принял первый законопроект о гражданских правах, гарантирующий вольноотпущенникам все обычные права гражданства, и примерно в это же время расширил полномочия Бюро вольноотпущенников. Четырнадцатая поправка (28 июля 1868 года) лишила штаты права ограничивать привилегии и иммунитеты граждан Соединенных Штатов, а Пятнадцатая поправка (30 марта 1870 года) попыталась защитить негра, предоставив ему избирательное право вместо военной защиты. В 1875 году был принят второй закон о гражданских правах, призванный обеспечить неграм равное обращение в театрах, железнодорожных вагонах, гостиницах и т. д.; однако в 1883 году Верховный суд признал его неконституционным.

В результате этого закона негры стали занимать ответственные посты; в течение следующих нескольких лет раса направила двух сенаторов и тринадцать представителей в Конгресс, а в некоторых законодательных органах штатов, как, например, в Южной Каролине, негры

составляли решительное большинство. Достижения некоторых из этих людей были, несомненно, выдающимися; два сенатора Соединенных Штатов, Хайрам Р. Ревелс и Бланш К. Брюс, оба из Миссисипи, отличались несомненным умом и способностями, а Роберт Б. Эллиот, один из представителей Южной Каролины, привлек необычное внимание своей речью в ответ Александру Стивенсу о конституционности билля о гражданских правах. В то же время среди негритянских законодателей было немало невежд, и наступила эпоха экстравагантности и коррупции, от которой выигрывали не сами негры, а "ковровые мешочники" и "скалолазы". Соответственно, в последние годы все больше и больше входит в моду сетовать на пороки того периода, и ни один представительный американский историк не может теперь писать о реконструкции без извиняющегося тона. Однако следует обратить внимание на несколько моментов. Прежде всего, невежество отнюдь не было столь масштабным, как принято считать. За четыре года с 1861 по 1865 год благодаря армейским школам и миссионерским агентствам не менее полумиллиона негров на Юге научились читать и писать. Кроме того, избирательное право было предоставлено эмансипированным неграм не сразу - это был последний, а не первый шаг в реконструкции. Временные законодательные органы, сформированные по окончании войны, состояли только из белых мужчин; но эксперимент провалился из-за недальновидных законов, которые были приняты. Чтобы плоды Гражданской войны не пропали даром, чтобы все жертвы не оказались напрасными, Конгресс должен был позаботиться о том, чтобы свержение рабства было окончательным и полным. Четырнадцатой поправкой негр был наделен обычными правами и достоинством гражданина Соединенных Штатов. Он не был лишен избирательных прав, но его больше нельзя было сделать жертвой законов штатов, направленных на то, чтобы держать его в рабском подчинении. Если бы южные штаты приняли эту поправку, они, несомненно, могли бы вернуться в Союз без каких-либо дополнительных условий. Они отказались это сделать; они отказались каким-либо образом помочь национальному правительству в его стремлении гарантировать негру права человека. Ахиллес дулся в своей палатке, и всякий раз, когда он дулся, мир двигался дальше - без него. В итоге перед Конгрессом встала альтернатива: если он не захочет пойти на абсолютную капитуляцию, то либо удерживать Юг в военном подчинении на неопределенный срок, либо отдать избирательный бюллетень в руки негра. Первый вариант был невозможен; был выбран второй, и Союз был действительно восстановлен - был действительно спасен силой избирательного права в руках чернокожих мужчин.

Бытует мнение, что негр в первую очередь виноват в коррупции того времени. Здесь снова стоит вспомнить о тенденциях того времени. Десятилетие, последовавшее за войной, стало для всей страны периодом беспрецедентной политической коррупции. Кольцо Твиды, *Crédit Mobilier* и "захват зарплат" - лишь некоторые из наиболее ярких признаков того времени. На Юге негры не были настоящими лидерами коррупции; они просто следовали за теми, кого считали своими друзьями. Конечно, перед лицом подобных фактов не стоит возлагать на народ, пробивающийся к свету, особую одиозность коррупции, которая последовала за войной.

И мы должны предоставить тем, кто лучше нас осведомлен, сказать, в какой степени политика городов и штатов на Юге была очищена с тех пор, как негр перестал быть фактором. Многие из конституций, разработанных правительствами реконструкции, были действительно прекрасными образцами, и тот факт, что они были свергнуты, указывает на то, что за границей находились какие-то другие разрушители. Возьмем, к примеру, Северную Каролину. В этом штате в 1868 году правительство реконструкции своей новой конституцией ввело систему тауншипов, так хорошо известную на Севере и Западе. Когда в 1875 году Юг вернул себе контроль, при всей коррупции он обнаружил столь же превосходную форму

республиканского государственного управления, какую можно было найти в любом штате Союза. "Каждое положение, которым пользовался любой штат для защиты общества от его плохих членов и плохих импульсов, было либо предусмотрено, либо легко достижимо по Конституции штата"¹⁹⁹ Однако в течение года, чтобы аннулировать власть своих противников в каждом графстве штата, новая партия внесла в Конституцию такие изменения, которые отняли у каждого графства право на самоуправление и централизовали все в законодательном органе. Теперь власть над выборами и результатами выборов была настолько велика, что ни одна партия не могла полностью избавиться от мысли о коррупционных намерениях.

В основе всего этого вопроса, конечно же, лежала расовая принадлежность. На самом деле, правительствами восстановления было проделано или предпринято много работы, направленной на создание подлинной государственной мудрости. Например, на Юге впервые в полной мере воплотилась идея общего школьного образования для всех людей. В газете "Чарльстон ньюс энд курьер" от 11 июля 1876 года официально сообщалось, что при губернаторе Южной Каролины Чемберлене было исправлено злоупотребление властью помилования; улучшился характер назначаемых исполнительной властью чиновников; плавающая задолженность штата была обеспечена таким образом, чтобы гарантировать отказ от мошеннических требований, а действительные требования были уменьшены наполовину; налоговое законодательство было изменено таким образом, чтобы обеспечить существенное равенство в оценке имущества; налоги были снижены до 11 миллионных долей с доллара; условный фонд исполнительного департамента был сокращен, что позволило сэкономить за два года 101 200 долларов; расходы законодательного органа также были сокращены, чтобы сэкономить за два года 350 000 долларов; условные расходы законодательного органа также были урегулированы, чтобы сэкономить 355 000 долларов; а государственная печать сократилась с 300 000 долларов до 50 000 долларов в год. Несомненно, поначалу было много коррумпированных чиновников, белых и черных. Однако после нескольких лет экспериментов восстановительные правительства начали демонстрировать признаки того, что они вполне способны справиться с ситуацией; и, похоже, именно страх белых южан *перед тем, что они могут потерпеть неудачу*, послужил причиной решимости вернуть себе власть любой ценой. Как это было сделано, мы сейчас и увидим.

3. Реакция: Ку-клукс-клан

Еще до Гражданской войны для продвижения интересов Юга была создана тайная организация "Рыцари Золотого круга". После войны появились различные организации - "Люди справедливости", "Домашняя гвардия", "Бледнолицые", "Белое братство", "Белые мальчики", "Совет безопасности" и т. д., а также, со штаб-квартирой в Новом Орлеане, тщательно организованные "Рыцари Белой Камелии". Все они ставили своей главной целью восстановление власти белых людей Юга, чего они пытались достичь, регулируя поведение негров и их лидеров в республиканской организации, Лиге Союза, особенно играя на страхах и суевериях негров. В целом, особенно на Юго-Востоке, все остальное было превзойдено или вытеснено Ку-клукс-кланом, который возник в Теннесси осенью 1865 года как объединение молодых людей для развлечений, но вскоре превратился в союз с целью избиения, изгнания, террора и убийства негров и северных белых мужчин, которые поощряли их в осуществлении их политических прав. Членом Клана не мог стать ни один республиканец, ни один член Лиги Союза, ни один человек из G.A.R. Костюм Клана был специально разработан для того, чтобы наводить ужас на необразованных негров. Свободно ниспадающие рукава, капюшоны, в которых были отверстия для глаз, носа и рта, отделанные

красной материей, рога из хлопчатобумажной ткани, торчащие спереди и по бокам, высокие картонные шляпы, покрытые белой тканью, украшенные звездами или изображениями животных, длинные языки из красной фланели - все это использовалось в зависимости от случая. В итоге Ку-клукс-клан распространился на весь Юг и значительно расширил свои операции после отмены военного положения в 1870 году. Поскольку он действовал, как правило, по ночам, а его члены маскировались, большому жюри было трудно получить доказательства, на основании которых можно было бы составить законопроект, и почти невозможно собрать присяжных, которые вынесли бы вердикт в пользу штата. Неоднократные меры против ордена были малоэффективны, пока закон 1870 года не распространил юрисдикцию судов Соединенных Штатов на все дела Ку-клукс-клана. Но и после этого организация еще некоторое время продолжала активно действовать.

Естественно, до восстановления власти на белом Юге не обошлось без серьезных столкновений, тем более что Ку-клукс-клан становился все смелее. В апреле 1873 года в Колфаксе, приход Грант, штат Луизиана, произошел бой, в котором погибло несколько белых мужчин и более пятидесяти негров; по мере приближения кампании "красных рубашек" 1876 года насилие нарастало.

В связи с событиями этого рокового года, а также в связи с Южной Каролиной, где негры, казалось, наиболее прочно удерживали власть, мы вспоминаем один эпизод - резню в Гамбурге. Мы хотим рассказать о нем как можно полнее, во всех подробностях, потому что не знаем ничего, что лучше иллюстрировало бы нравы того времени, и потому что этот важнейший вопрос регулярно игнорируется или преуменьшается историками.²⁰⁰

В Южной Каролине закон, предусматривающий зачисление в армию граждан штата мужского пола, которые по условиям указанного закона должны были нести службу в ополчении, был принят Генеральной Ассамблеей и утвержден губернатором 16 марта 1869 года. В соответствии с этим актом негры были зачислены в Национальную гвардию штата Южная Каролина, а поскольку белые мужчины, за редким исключением, не смогли или отказались стать частью указанных сил, действующее ополчение почти полностью состояло из негров. Округ Эджфилд, в который входил Гамбург, был одним из военных округов штата по распределению генерал-адъютанта, и этому округу был выделен один полк. Одна рота этого полка находилась в Гамбурге. В 1876 году он был недавно реорганизован: Док Адамс стал капитаном, Льюис Картледж - первым лейтенантом, а А.Т. Аттауэй - вторым лейтенантом. Ряды были доукомплектованы до необходимого количества человек, которым должным образом выдали оружие и снаряжение.

Во вторник, 4 июля, рота ополченцев собралась на учения и, пока они занимались, прошла парадом по одной из самых малопосещаемых улиц города. Эта улица была необычайно широкой, но во время марша в четыре шеренги ополченцы были прерваны лошадью и коляской, *запряженными* Томасом Батлером и Генри Гетценом, белыми мужчинами, проживавшими примерно в двух милях от города. Во время этой помехи рота занимала пространство шириной не более восьми футов, так что по обе стороны было достаточно места для транспортных средств. Капитан Адамс приказал остановиться и, выйдя во главе своей колонны, сказал: "Мистер Гетцен, я не думал, что вы так со мной обойдетесь; я бы не стал так себя вести по отношению к вам". На это Гетцен ответил проклятиями, и после еще нескольких замечаний с обеих сторон Адамс, чтобы избежать дальнейших неприятностей, приказал своим людям сломать строй и пропустить багги. Затем рота была отведена в учебные классы и распущена.

В среду, 5 июля, Роберт Дж. Батлер, отец Томаса Батлера и тесть Гетцена, явился к П.Р. Риверсу, цветному судье, и подал жалобу на то, что рота ополчения накануне загромодила одну из общественных улиц Гамбурга и помешала его сыну и зятю проехать. Риверс выдал повестку о явке офицеров на следующий день, 6 июля. Когда Адамс и два его лейтенанта явились в четверг, они обнаружили там Роберта Дж. Батлера и еще нескольких белых мужчин, хорошо вооруженных револьверами. При рассмотрении дела было объявлено, что обвиняемые присутствуют и что Генри Спарник, член окружной коллегии адвокатов графства, назначен их представителем. Батлер гневно протестовал против такого представительства и требовал отложить слушание, пока он не сможет найти адвоката в городе Огаста; тогда Адамс и его лейтенанты, посоветовавшись со своим адвокатом, который сообщил им, что нет никаких законных оснований, на которых дело может быть решено против них, отказались от своего конституционного права быть представленными адвокатом и согласились пойти в суд. На этом основании дело было открыто и рассматривалось в течение некоторого времени, когда из-за каких-то беспорядков его ход был приостановлен, и оно было отложено для дальнейшего слушания в следующую субботу, 8 июля, в четыре часа дня.

В субботу, между двумя и тремя часами дня, генерал М.К. Батлер из Эджфилда, бывший офицер армии Конфедерации, прибыл в Гамбург, за ним последовали конные люди в отрядах по десять или пятнадцать человек, пока их число не превысило две сотни, последним прибыл полковник А.П. Батлер во главе трехсот человек. Сразу после его прибытия генерал Батлер послал за адвокатом Спарником, которому поручил обратиться к Риверсу и офицерам роты ополчения с просьбой немедленно посоветоваться с ним. Еще долго сновали туда-сюда гонцы, и в конце концов было решено, что людям лучше посоветоваться с Батлером. Двое из офицеров возразили, сославшись на то, что весь этот план - не что иное, как заговор с целью их убийства. Они послали спросить, согласится ли генерал Батлер встретиться с ними без присутствия своих вооруженных сил. Он ответил "да", но прежде чем удалось договориться о встрече, прибыл еще один посыльный, сообщивший, что час суда настал, что генерал Батлер находится в суде и просит присутствия судьи Риверса. Риверс отправился в суд один и застал там Батлера, ожидавшего его. Он уже собирался приступить к рассмотрению дела, когда Батлер попросил дать ему еще время, и эта просьба была удовлетворена. Он ушел и больше не вернулся в суд. Вместо этого он отправился в зал совета, окруженный все большим количеством вооруженных людей, и послал комитет к офицерам с просьбой прийти к нему в зал совета. Те снова отказались по той же причине, что и раньше. Батлер отправил ультиматум, требуя, чтобы офицеры извинились за то, что произошло 4 июля, и сдали ему свое оружие, угрожая, что если капитуляция не будет произведена немедленно, он силой заберет их оружие и офицеров. У Адамса и его людей проснулось полное ощущение опасности, и они спросили Риверса, который был не только судебным судьей, но и генерал-майором дивизии ополчения, к которой они принадлежали, не требует ли он от них их оружия. Риверс ответил, что нет. После этого офицеры отказали Батлеру в просьбе, сославшись на то, что он не имеет законного права требовать у них оружие или принимать его в случае сдачи. В этот момент Батлер дал понять, что требует сдать оружие в течение получаса и что если он его не получит, то "превратит город в пепел". На вопрос, будет ли он гарантировать защиту жителям города, если его условия будут выполнены, он ответил, что не знает и что это будет зависеть от того, как они себя поведут.

Батлер вместе с сопровождающим отправился в Огасту, вернувшись примерно через тридцать минут. Как только он вернулся, его вызвал комитет. Ему оставалось только сказать, что он немедленно требует оружие. На вопрос, согласится ли он упаковать оружие в коробки и отправить его губернатору, он ответил: "Губернатор. Я здесь не для того, чтобы

советоваться с ним, а как полковник Батлер, и это не прекратится до конца ноября". На повторный вопрос, гарантирует ли он общую защиту в случае сдачи оружия, он ответил: "Я ничего не гарантирую".

Все это время по улицам ходили десятки конных людей. Те члены роты ополчения, которые были в городе, и их друзья в количестве тридцати восьми человек направились к своему арсеналу - большому кирпичному зданию в двухстах ярдах от реки - и забаррикадировались для защиты. Обстрел арсенала начали конные люди, и через полчаса изнутри стали раздаваться отдельные выстрелы. Через некоторое время люди, находившиеся в здании, услышали приказ привезти пушки из Огаstry и начали покидать здание с тыла, укрываясь, как могли, в кукурузном поле. Пушка была принесена и выстрелила три или четыре раза, причем стрелявшие не знали, что здание эвакуировано. Когда они поняли свою ошибку, то стали искать членов роты по участкам и дворам и в конце концов захватили двадцать семь из них, после того как двое были убиты. Бойцов, ни у кого из которых теперь не было оружия, отвели на место возле железнодорожной станции, где сержант роты получил приказ провести перекличку. Аллан Т. Аттавей, чье имя стояло первым, был вызван и хладнокровно застрелен. Двенадцать человек открыли по нему огонь, и он был убит мгновенно. Мужчины, чьи имена стояли вторым, третьим и четвертым в списке, были вызваны и с ними поступили аналогичным образом. Пятый человек бросился бежать и спасся, получив легкое ранение в ногу. Всех остальных заставили поднять правую руку и поклясться, что они никогда не будут носить оружие против белых людей и не дадут в суде никаких показаний по поводу случившегося. Затем их вывели по двое и разогнали, но, когда они уходили, в их сторону раздались шальные выстрелы. В другой части города начальник полиции Джеймс Кук был выведен из своего дома и зверски убит. Маршал города был убит выстрелом в тело и смертельно ранен. Один из убитых был найден с вырезанным языком. В конце концов члены партии Батлера вошли в дома большинства видных негров города, разгромили мебель, разорвали книги на куски, вырезали картины из рам, и все это на фоне душераздирающих страданий женщин и детей. В ту ночь город опустел, так как все, кто мог, бежали в Эйкен или Колумбию.

Единственное, что мы можем сказать по этому поводу, - это то, что, хотя такой процесс и может на время дать власть белому человеку, он никак не продвигает к окончательному решению проблемы.

4. Контрреакция: Исход негров

Исход негров в 1879 году был частично рассмотрен в связи с нашим исследованием Либерии, но несколько фактов здесь уместны.

После вывода федеральных войск условия на Юге изменились настолько, что, особенно в Южной Каролине, Миссисипи, Луизиане и Техасе, положение дел перестало быть терпимым. С 1866 по 1879 год более трех тысяч негров были убиты.²⁰¹ Раса начала чувствовать, что приближается новое рабство в ужасной форме пeonата и что власть предержавшие намерены свести трудящегося к минимуму преимуществ свободного человека и к полному отсутствию таковых как гражданина. Страх, который вскоре перерос в панику, особенно усилился в результате деятельности политических мафий в 1874 и 1875 годах, и вскоре он приобрел организованный характер. Выдающимся фактом было то, что политические лидеры последних лет регулярно не доверяли и игнорировали их, движение было тайным по своему происхождению и поручалось либо самим плантаторам, либо их непосредственным представителям. В Северной Каролине распространялись циркуляры о Небраске. В Теннесси Бенджамин ("Пап") Синглтон начал в 1869 году склонять негров к переезду в Канзас

и действительно основал две колонии с 7432 неграми из своего штата, заплатив из собственных денег более 600 долларов за циркуляры. Только в Луизиане было зарегистрировано 70 000 имен тех, кто желал улучшить свое положение за счет переезда; а к 1878 году 98 000 человек в Луизиане, Миссисипи, Алабаме и Техасе были готовы уехать в другие страны. В 1879 году в Нэшвилле состоялся съезд, на котором рассматривался весь вопрос о миграции. На нем политикам удалось заявить о себе, и было проведено многословное обсуждение. В то же время большая часть разногласий была честной, собрание в целом было конструктивным, и оно высказалось в пользу "разумной миграции". Однако уже сейчас тысячи негров покидали свои дома на Юге и в огромных количествах направлялись в Канзас, Миссури и Индиану. За двадцать месяцев только Канзас пополнился таким образом на 40 000 человек. Многие из этих людей прибыли на место назначения практически без гроша в кармане и без перспектив на немедленное трудоустройство; но помощь им оказывали организации по оказанию помощи на Севере, а сами они проявили удивительную стойкость, приспосабливаясь к новым условиям.

Многие из историй, рассказанных неграми, были очень трогательными.²⁰² Иногда лодки не брали их на борт, и они страдали от долгого пребывания на берегу реки. Иногда, пока они ждали, агенты их собственных людей, нанятые плантаторами, пытались уговорить их остаться. Нередко их били дубинками или плетью. Один из них сказал: "Я видел, как в одну кучу сложили девять убитых, и цветным пришлось их хоронить; еще восемь нашли убитыми в лесу..... Делается это так: их арестовывают за нарушение контракта и везут в тюрьму. Тюремщик забирает у них деньги и не возвращает их, когда их отпускают". Другой сказал: "Если цветной человек остается в стороне от избирательных участков и не голосует, его ловят и заставляют голосовать. Если он голосует по их правилам, они относятся к нему не лучше в бизнесе. Они нанимают цветных, чтобы те голосовали, а потом забирают у них зарплату. Я знаю одного человека, которому они дали корову и теленка за то, что он проголосовал за них. После выборов они пришли и сказали ему, что если он оставит корову себе, то должен заплатить за нее; и они забрали корову и теленка". Другой: "Один человек потряс кулаком перед моим лицом и сказал: "Д... вы, сэр, вы - моя собственность". Он сказал, что я ему должен. Он не мог этого показать, а потом сказал: "Вы все равно не уйдете". Все, что нам нужно, - это шанс на жизнь". Другой: "Среди белых и цветных ходят разговоры, что Джефф Дэвис будет баллотироваться в президенты южных штатов, и цветные боятся, что их снова сделают рабами. Они уже пытаются помешать им переходить с одной плантации на другую без пропуска". Еще один: "Пришел помощник шерифа и отобрал у меня пару мулов. Его поддерживали констебль и двадцать пять человек с оружием". Еще один: "В прошлом году, после того как я договорился с хозяином, моя доля составила четыре тюка хлопка. Я отправил его Ричардсону и Мэю, 38 и 40 Пердидо-стрит, Новый Орлеан, через торговцев У. Э. Ринго и Ко, в Маунд-Лэндинг, Мисс. Я жил в четырех милях от этого места. Я получил от Ринго билет, в котором значилось, что мой хлопок продан по цене девять и три восьмых цента, но я так и не смог получить расчет. Он все оттягивал время, говоря, что коносамент не пришел. Эти тюки в среднем весили более четырехсот фунтов. Я не должен был ему больше двадцати пяти долларов. Человек может работать там с утра понедельника до вечера субботы, быть сколь угодно экономным, и все равно останется в долгу. Я близкий человек, и я много работаю. Я хочу быть честным в этом мире. Я уехал и оставил после себя урожай кукурузы и хлопка. Я оставил их, потому что не хотел работать двенадцать месяцев просто так. Я пробую это уже пятнадцать лет, каждый год думая, что станет лучше, а становится все хуже". Другой сказал: "Я узнал о Канзасе из газет, которые мне попались в руки. Это были южные газеты. Я достал карту и узнал, где находится Канзас; я достал "Историю Соединенных Штатов" и прочитал о нем".

Вопрос: Было ли это подлинное государственное мышление, которое позволило этим людям почувствовать, что они должны покинуть Юг?

5. Послесловие о войне и реконструкции

Из всех историй этих эпохальных лет мы выбрали одну - идиллия о женщине с алебастровой шкатулкой, о той, кто ясно представлял себе человеческую проблему и отдал свою жизнь, пытаясь решить ее.

Осенью 1862 года в семинарию в Рокфорде, штат Иллинойс, поступила молодая женщина, которой суждено было стать великой миссионеркой. Ее мало что отличало от других студентов, кроме того, что она была очень просто одета и, похоже, вынуждена была проводить большую часть своего свободного времени за работой. Да, было еще одно отличие. Она была старше большинства девушек - ей уже исполнилось тридцать, и у нее был богатый опыт. Когда ей еще не было пятнадцати, она преподавала в сельской школе в Пенсильвании. В двадцать лет она считалась способной управлять необычайно буйной толпой мальчишек и девчонок. Когда ей было двадцать семь, умер ее отец, и на нее в значительной степени легла забота матери. В двадцать восемь лет она уже оглядывалась на четырнадцать лет работы учителем, на кое-какую случайно выполненную работу для Христа, а также на увядающую юность с растраченными надеждами и неосуществленными желаниями.

Затем пришло великое решение - не первое, не последнее, но одно из самых важных, ознаменовавших ее долгую карьеру. Ее образование было далеко не полным, и, во что бы то ни стало, она должна была пойти в школу. То, что у нее не было денег, что ее одежда была поношенной, что она была нужна матери, не имело значения; сейчас или никогда она осуществит свои амбиции. Она готова была выполнять любую работу, пусть даже самую тяжелую, лишь бы она была честной и давала ей пропитание, пока она продолжает учиться. В течение одного долгого дня она ходила по улицам Белвидера в поисках дома. Может ли кто-нибудь воспользоваться услугами молодой женщины, желающей работать в правлении? И всегда один и тот же ответ. Ночь привела ее к фермерскому дому на окраине города. Она робко постучала в дверь. "Нет, нам никто не нужен, - ответила женщина, встретившая ее, - но подождите, пока я увижу своего мужа". Хозяин дома очень не хотел, но все же решил дать приют на ночь. На следующее утро он уже думал о другом, и через несколько дней после этого девушка поступила в школу. Работа была тяжелой: нужно было разжигать костры, готовить завтраки по холодным утрам, а иногда и стирать. Естественно, время занятий часто сокращалось или затягивалось до ночи. Но хозяйка дома была доброй, а ее дочь - полезной ученицей.

Следующим летом наступил еще один сезон преподавания в школе, а затем семестр в Рокфорде. 1862 год! Великий год в истории Америки, более известный поражениями армии Союза, чем ее успехами. Но в сентябре произошел Антиетам, и сердце Севера воспрянуло духом. А с новым годом пришла Прокламация об эмансипации.

Девушки в Рокфорде, как и люди повсюду, заинтересовались грандиозными событиями, потрясшими нацию. В их работу вкралась новая нотка серьезности. Вышивка была отложена в сторону, вместо нее вязали носки и готовили бинты. В ночь на 1 января в городе состоялось юбилейное собрание.

Для Джоанны П. Мур, однако, новость о свободе принесла странную нотку грусти. Она не могла не думать о духовном и интеллектуальном состоянии миллионов людей, получивших свободу. Странно, что ею овладела эта проблема! Она думала о работе в Китае, или Индии, или даже в Африке, но о таком - никогда!

В феврале в семинарию пришел человек, побывавший на острове № 10, и рассказал девушкам о бедственном положении женщин и детей. Повсюду стояли хижины и палатки. Целых три семьи, в каждой из которых было по восемь-десять детей, готовили еду в одном котелке на одном огне. Иногда женщины были раздражительны или ссорились; дети всегда были грязными. "Что может сделать человек, чтобы помочь такой страдающей массе человечества?" - спросил оратор. "Ничего. Нужна женщина; никто другой не поможет". Для студента, так внимательно слушавшего доклад, веселые школьные классы с их приятными ассоциациями померкли; исчезло и видение иностранных миссий, а на их месте стояла лишь жалкая чернокожая женщина с ребенком на руках.

В ноябре она добралась до острова № 10. Перспективы были достаточно мрачными. Воскресная школа в Белвидере пообещала выделять на ее содержание четыре доллара в месяц, и это были все деньги, хотя правительство предоставляло транспорт и солдатские пайки. Это было в 1863 году, шестьдесят лет назад; но с тех пор каждый год, вплоть до 1916-го, летом и зимой, в солнце и дождь, в доме и в церкви, обучая и молясь, кормя и одевая, ухаживая, надеясь и любя, Джоанна П. Мур тем или иным образом служила негритянскому народу Юга.

В апреле 1864 года вся ее колония была перевезена в Хелену, штат Арканзас. Домашняя ферма находилась в трех милях от Хелены. Здесь собралась огромная толпа женщин, детей и беспомощных стариков под охраной роты солдат в форте неподалеку. Миссионерка отправилась туда одна, если не считать ее веры в Бога. Она соорудила беседку с грубыми сиденьями, прибила к дереву доску, разделила людей на четыре группы и начала вести занятия. Каждый вечер в сумерках вокруг ее хижины собиралась большая толпа для молитвы. Читался и объяснялся стих из Библии, подавались прошения, пелась одна из скорбных песен, а затем служба заканчивалась.

Некоторые квакеры были ее друзьями в Хелене, и в 1868 году она отправилась в Лодердейл, штат Миссисипи, чтобы помочь Другим в приюте для сирот. Через шесть недель после ее приезда умерла дочь суперинтенданта, и родители уехали, чтобы забрать ребенка в свой дом в Индиане и отдохнуть. Одинокая женщина осталась заведовать приютом. Началась холера. Одиннадцать детей умерли в течение одной недели. И все же она оставалась на своем посту. По ее словам, часто те, кто был здоров и счастлив, когда уходил на покой, до наступления рассвета оказывались в могиле, потому что их хоронили в тот же час, когда они умирали. Ночь за ночью она молилась Богу в темноте, и в конце концов ярость чумы утихла.

Время от времени ослабевающее здоровье матери звало ее домой, и с 1870 по 1873 год она снова преподавала в школе в окрестностях Белвидера. Первую зиму школа провела в деревне. "Ты никогда не сможешь проводить занятия в воскресной школе зимой", - говорили ей. Но она проводила занятия; несмотря на снег, каждое воскресенье дом был переполнен, целые семьи приезжали на санях. Но даже при этом настоящая работа учительницы была связана с неграми Юга. В ее молитвах и публичных выступлениях они всегда были с ней, и в 1873 году друзья в Чикаго позволили ей вернуться к выбранной работе. В 1877 году Женское баптистское общество домашней миссии оказало ей честь, дав первое поручение.

Девять лет она провела в окрестностях Нового Орлеана. Недалеко от университета Лиланда она нашла небольшой однокомнатный дом. Купив кровать, стол, два стула и несколько

кухонных принадлежностей, она начала вести домашнее хозяйство. Часто она уходила в шесть утра, чтобы не возвращаться до темноты. Чаще всего она читала Библию тем, кто не умел читать. Иногда она подбадривала матерей, занятых над умывальником. Иногда она учила детей читать или шить. Часто она писала письма для тех, кто был разлучен с друзьями или родственниками в темные дни. Она написала сотни и сотни таких писем; и время от времени, очень долго, приходил ответ.

Больше всего в Новом Орлеане ей было жалко старых женщин, измученных годами рабства. Обычно это были сборщицы тряпок, которые по ночам ели объедки, выпрашиваемые днем. В городе был Дом престарелых, но он не был предназначен для негритянок. Был снят дом, в котором поселились женщины, а Джоанна Мур и ее помощницы поселились на втором этаже. Иногда, очень часто, возникала реальная нужда; но иногда приходили и продукты, когда неизвестно было, кто их прислал; деньги или коробки приходили от северных друзей, которые никогда не видели рабочих; а маленькие негритянские дети в воскресных школах города давали свои гроши.

В 1878 году трудящиеся Юго-Запада отправились в путь. В Атланте доктор Роберт из Атлантской баптистской семинарии (ныне Морхауз-колледж) подбодрил ее; президент Уэйр из Атлантского университета - тоже. В Бенедикте в Колумбии она увидела доктора Гудспида, президента Таппера в Шоу в Роли и доктора Кори в Ричмонде. В мае она появилась на баптистских юбилеях: пятнадцать лет миссионерской деятельности были уже позади.

Но каждый год приносил свои печали и разочарования. Она хотела, чтобы Общество основало школу для обучения женщин, но против этого возникли возражения. В Луизиане в 1877 году белая женщина не без опаски посещала негритянскую ассоциацию; там постоянно раздавались насмешки и издевательства. Однако в конце концов в Батон-Руж была открыта школа для матерей. Два года все шло хорошо, а потом на воротах появилось объявление с черепом и скрещенными костями. Женщина, прошедшая через холеру, все еще стояла на своем, но ученики ушли. С больным сердцем и измученная ожиданием, она наконец покинула Батон-Руж и штат, в котором прошло столько ее лучших лет.

Работа "Библейской группы" началась в 1884 году, а "*Надежды*" - в 1885-м. Маленькая газета, начинавшаяся с тиража в пятьсот экземпляров, теперь достигла ежемесячного выпуска в двадцать тысяч экземпляров, и ежедневно она несет свой урок бодрости тысячам матерей и детей на Юге. В связи с ней возникла школа "У костра", и мало какая организация была более действенной в деле спасения и подъема скромного негритянского дома.

Какая мудрость была накоплена за четыреста лет! Почти на каждой странице ее трактатов, писем, рассказов о ее жизни можно найти цитаты, не лишенные смысла:

Любовь к Богу дала мне мужество за себя и за все человечество; поэтому я решила вкладывать деньги в человеческие души. Они, несомненно, стоят больше, чем что-либо другое в мире.

Возлюбленные друзья, будьте надеждой, будьте мужественными. Бог не может использовать унывающих людей.

Благая весть распространялась не путем рассказа о том, что мы собираемся сделать, а путем восхваления Бога за то, что уже сделано.

В наших церквях так много поют, что остается слишком мало времени для библейского урока. Не поймите меня неправильно. Я люблю музыку, которая передает смысл слов. Но никто не поднимается на небо по музыкальным шкалам.

Я глубоко убежден, что единственный способ преуспеть в любом призвании - это сделать его частью своего "я" и вплести его в каждую свою мысль и молитву.

Прежде чем утешать и помогать, нужно любить.

Нет места слишком низкого и темного, куда бы не ступили наши ноги, и нет места столь высокого и светлого, но оно нуждается в прикосновении света, который мы несем с Креста.

Как измерить такую жизнь? Кто может взвесить любовь, надежду, служение и радость от услышанной молитвы? "Годовой отчет о чем?" - спросила она однажды секретаря своей организации. "Отчет о пролитых слезах, вознесенных молитвах, рассеянных улыбках, преподанных уроках, предпринятых шагах, ободряющих словах, предупреждающих словах - нежных, терпеливых словах для малышей, строгих, но любящих тонах для заблудших - песнях надежды и песнях печали, израненных сердцах, исцеленных, свете и любви, пролитых в темные печальные дома? О, мисс Бурдетт, вы с таким же успехом можете попросить меня собрать капли прошлогоднего дождя или лепестки, опавшие с отцветших цветов. Правда, я могу прислать вам немного застоявшейся воды из цистерны и несколько засохших цветов; но если вы хотите познать свежесть, сладость, славу, величие нашей Божьей работы, то вы должны прийти и шагать с нами с утра до ночи триста шестьдесят пять дней в году".

До самого последнего дня она числилась в списке активных работников Женского общества Американской баптистской домашней миссии. Осенью 1915 года она решила, что должна еще раз увидеть школы на Юге, которые так много для нее значили. В декабре она снова приехала в свой любимый Спелман. В Атланте она попала в аварию, которая еще больше ослабила ее. Однако через несколько недель она отправилась в Джексонвилл, а затем в Сельму. Там она скончалась.

Когда Сын Человеческий придет во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей..... Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи, когда мы видели тебя голодным, и накормили тебя, или жаждущим, и напоили тебя? Когда мы видели тебя странником, и приняли тебя, или нагим, и одели тебя? Или когда видели мы тебя больным, или в темнице, и пришли к тебе? И Царь, отвечая, скажет им: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.

Сноска 198: (возвращение)

Дюбуа: *The Souls of Black Folk*, 32-37.

Сноска 199: (обратно)

Джордж В. Кейбл: *The Southern Struggle for Pure Government: An Address*. Бостон, 1890, включено в книгу *"Негритянский вопрос"*, Нью-Йорк, 1890.

Сноска 200: (возвращение)

Флеминг в своем последнем и наиболее зрелом рассказе о реконструкции, *The Sequel of Appomattox*, не говорит ни слова об этом вопросе. Даннинг в книге *"Реконструкция политическая и экономическая"* (306) говорит следующее: "6 июля 1876 года вооруженное столкновение между белыми и черными в Гамбурге, округ Айкен, привело к обычной резне черных. Вопрос о том, что послужило первоначальной причиной столкновения - наглость и угрозы негритянской роты ополчения или агрессивность и жестокость некоторых белых молодых людей, - долго обсуждался во всем штате и, более того, в стране в целом. Чемберлен откровенно и решительно заявил, что во всем виноваты белые". Мы считаем, что такое заявление просто не соответствует действительности. Настоящий отчет основан на

письме, опубликованном в одной из вашингтонских газет и представленном в связи с дебатами в Палате представителей Соединенных Штатов 15-18 июля 1876 года по поводу убийства шести цветных граждан в Гамбурге, штат Северная Каролина, 4 июля 1876 года, а также на "Обращении к народу Соединенных Штатов, принятом на конференции цветных граждан, состоявшейся в Колумбии, штат Северная Каролина, 20 и 21 июля 1876 года" (Republican Printing Co., Columbia, S.C., 1876). Обращение - документ, наиболее важный для негритянской стороны истории, - подписали не менее шестидесяти представителей, среди которых были Р.Б. Эллиотт, Р.Х. Гливс, Ф.Л. Кардозо, Д.А. Стрейкер, Т. Макк. Стюарт и Х.Н. Буи.

Сноска 201: [\(вернуться\)](#)

Эмметт Дж. Скотт: Миграция негров во время войны (в предварительных экономических исследованиях войны - Фонд Карнеги за международный мир: Отдел экономики и истории). Издательство Оксфордского университета, американское отделение, Нью-Йорк, 1920 г.

Сноска 202: [\(возврат\)](#)

См. "Исход негров" (отчет полковника Фрэнка Х. Флетчера).

ГЛАВА XIV

НЕГР НА НОВОМ ЮГЕ

1. Политическая жизнь: Лишение избирательных прав

К 1876 году восстановительные правительства практически исчезли. Через несколько дней после инаугурации в 1877 году президент Хейс отправил в Луизиану комиссию для расследования претензий соперничающих правительств. Решение было принято в пользу демократов. 9 апреля президент приказал вывести федеральные войска из общественных зданий на Юге; а в Колумбии, штат Северная Каролина, через несколько дней была официально признана демократическая администрация губернатора Уэйда Хэмптона. Новые правительства сразу же приступили к отмене избирательных законов, которые защищали негров в реализации избирательного права, и, получив к 1877 году большинство в Палате представителей, демократы прибегли к практике присоединения своих мер по отмене к законопроектам об ассигнованиях в надежде заставить президента подписать их. В Конгресс все чаще возвращались люди, которые были связаны с Конфедерацией, но в целом демократам не удавалось провести свои меры через вето президента. Однако Верховный суд оказал им практическую помощь: хотя этот орган формально не признал за штатами всех полномочий по проведению выборов, он тем не менее аннулировал многие из наиболее неприемлемых разделов законов. До конца десятилетия в результате запугивания, кражи, изъятия или подмены урн, переноса избирательных участков в неизвестные места, фальшивых удостоверений и незаконных арестов за день до выборов голоса негров стали недействительными во всех штатах Юга.

Когда Кливленд был избран в 1884 году, негры Юга, естественно, почувствовали, что наступил самый мрачный час в их политической судьбе. Так оно и было, ведь, помимо всего прочего, это избрание говорило о том, что после двадцати лет обсуждений и бурных событий негритянский вопрос должен отойти на второй план, и что теперь страна должна уделить основное внимание другим проблемам. Для негров новая эра ознаменовалась одной из самых эффективных речей, когда-либо произнесенных в этой или любой другой стране, тем более сильной, что оратор был человеком необычайного благородства духа. В 1886 году Генри У. Грейди из Джорджии выступил в нью-йоркском клубе "Новая Англия" с речью на тему "Новый Юг". Он выступал перед практичными людьми и знал свое дело. Он попросил

своих слушателей "полностью поверить в американскую справедливость и откровенность" и оценить то, что он хотел сказать. Он блестяще изобразил солдата Конфедерации, "оборванного, полуголодного, с тяжелым сердцем, который возвращался домой, чтобы найти свой дом в руинах, а свою ферму опустошенной". Он также доброжелательно отзывался о неграх: "Всякий раз, когда он наносил удар за свою свободу, он сражался в открытом бою, и когда, наконец, он поднимал свои черные и покорные руки, чтобы снять оковы, эти руки были невиновны в преступлениях против своих беспомощных подопечных". Но Грейди также подразумевал, что негр получал слишком много внимания и сочувствия со стороны Севера. Он сказал: "Свобода и право голоса - это все, что может дать негру закон. Остальное должно быть оставлено на совести и здравом смысле". Поэтому по этому и другим поводам он просил оставить Юг в покое при решении его серьезной проблемы. Север, немного уставший от негритянского вопроса, немного неуверенный в мудрости политики реконструкции, которую он навязал Югу, и если его вообще волновал этот раздел, то в первую очередь он был заинтересован в тех инвестициях, которые у него там были, согласился с этой просьбой; и в целом Юг теперь чувствовал, что он может упорядочить свою политическую жизнь по-своему.

Однако пока негр еще не был лишен избирательных прав, и в любой момент неожиданный поворот событий мог заставить его стать заметным. Официальное законодательство действительно последовало за подъемом популистской партии, которая около 1890 года во многих местах на Юге вела равную борьбу с демократами. Было очевидно, что в такой борьбе негр все еще может удержать баланс сил, и в течение следующих нескольких лет объединение республиканцев и популистов в Северной Каролине направило негра Джорджа Х. Уайта в Конгресс. Это событие в итоге лишь укрепило уже начавшееся движение за лишение избирательных прав. В 1890 году в конституцию Миссисипи были внесены поправки, исключающие из избирательного права любого человека, не заплатившего избирательный налог или не способного прочесть любой раздел конституции, понять его или дать разумное толкование. Результатом применения этого положения стало то, что в 1890 году из 147 000 негров, достигших избирательного возраста, было зарегистрировано только 8615 человек. В 1895 году Южная Каролина внесла аналогичные поправки в свою конституцию. В этом штате население почти на три пятых состояло из негров и на две пятых из белых. Негритянское избирательное право было уже практически отменено, но теперь проблема заключалась в том, чтобы придумать средство для увековечения правительства белых людей. Образование не пользовалось популярностью в качестве теста, поскольку с его помощью многие белые неграмотные были бы лишены права голоса, и в любом случае это лишь отсрочило бы решение расового вопроса. В течение нескольких лет в доминирующей партии происходили фракционные разногласия, причем популистское крыло во главе с Бенджамин Р. Тиллманом преобладало над консерваторами. Однако было понятно, что каждая сторона получит половину состава конвента, который исключит всех негров и республиканцев, и что конституция вступит в силу, не будучи представленной народу. Самое важное положение гласило: "Любой человек, который подаст заявление о регистрации после 1 января 1898 года, если он имеет другие права, будет зарегистрирован; при условии, что он может читать и писать любой раздел этой конституции, представленный ему регистрационным офицером, или может показать, что он владеет и заплатил все налоги, собранные в течение предыдущего года на имущество в этом штате, оцененное в триста долларов или более" - положения, которые, вряд ли нужно говорить, регистраторы регулярно интерпретировали в пользу белых людей и против негров. В 1898 году Луизиана приняла поправку, в соответствии с которой была придумана так называемая "дедушкина оговорка". Она освобождала от действия закона о лишении избирательных прав всех потомков мужчин, голосовавших до Гражданской войны, тем самым допуская к избирательному праву всех

белых мужчин, которые были неграмотны и не имели собственности. Северная Каролина в 1900 году, Вирджиния и Алабама в 1901 году, Джорджия в 1907 году и Оклахома в 1910 году тем или иным способом практически лишили негров избирательных прав, при этом в каждом случае старались избежать какого-либо определенного столкновения с Пятнадцатой поправкой. В Мэриленде было несколько попыток лишить негров избирательных прав с помощью поправок к конституции: одна в 1905 году, другая в 1909-м и третья в 1911-м, но все они провалились. Юг, представленный не одним представителем, был очень откровенен в отношении намерений своего законодательства о лишении гражданских прав. К сожалению, новый порядок вызвал к жизни группу лидеров - Тиллмана в Южной Каролине, Хока Смита в Джорджии и Джеймса К. Вардамана в Миссисипи, - которые напрямую апеллировали к предрассудкам и тем самым капитализировали расовые чувства, которые и так уже были доведены до слишком высокого напряжения.

Естественно, что все подобные законопроекты должны были в конечном итоге предстать перед высшим судом страны. Проверке подвергся следующий раздел закона штата Оклахома: "Ни один человек не может быть зарегистрирован в качестве избирателя этого штата или допущен к голосованию на любых выборах, если он не в состоянии прочитать и написать любой раздел Конституции штата Оклахома; но ни один человек, который 1 января 1866 года или в любое время до этого имел право голоса при любой форме правления или который в любое время проживал в каком-либо иностранном государстве, и ни один прямой потомок такого человека не может быть лишен права зарегистрироваться и голосовать из-за неспособности прочитать и написать разделы такой Конституции". Этот закон Верховный суд признал неконституционным в 1915 году. Это решение не оказало большого и немедленного влияния на политические условия на Юге, однако, как официальное признание нацией того факта, что негр не был наделен всеми своими политическими правами, ему суждено было оказать далеко идущее влияние на всю политическую структуру этой части страны.

Когда началась эпоха лишения избирательных прав, на Юге в значительной степени ожидали, что с практическим устранением негров из политики эта часть станет шире в своих взглядах и разделится по национальным вопросам. Этого не произошло. За исключением примечательного отклонения Теннесси на президентских выборах 1920 года и выигрыша республиканцев в некоторых округах других штатов, эта часть остается такой же "твердой", как и сорок лет назад, в основном, конечно, потому, что негр, благодаря образованию и приобретению собственности, становится все более и более потенциальным фактором в политике. При этом следует отметить, что негр не полностью лишен права голоса, даже на Юге, и иногда его власть используется с большим эффектом, как, например, в городе Атланта весной 1919 года, когда он принял отрицательное решение по вопросу о выпуске облигаций. Кроме того, на Севере - особенно в Индиане, Огайо, Нью-Джерси, Иллинойсе, Пенсильвании и Нью-Йорке - он не раз оказывался решающим фактором в политических делах. Однако, даже не участвуя в голосовании, он невольно оказывает огромное влияние на судьбы нации, поскольку, несмотря на лишение избирательных прав, все они учитываются при распределении конгрессменов по южным штатам. Эта аномальная ситуация означает, что на практике голос одного белого мужчины на Юге в четыре, шесть или даже восемь раз сильнее, чем голос мужчины на Севере;²⁰³ и это напрямую обусловило победу президента Вильсона и демократов над республиканцами во главе с Чарльзом Э. Хьюзом в 1916 году. Для исправления ситуации путем введения в действие Четырнадцатой поправки в Конгрессе часто представлялись законопроекты, но по ним не было принято никаких мер.

2. Экономическая жизнь: Пеонаж

Уже через пятнадцать лет после окончания войны стало ясно, что Прокламация об эмансипации стала благословением как для бедных белых людей Юга, так и для негров. Разрушение великой плантаторской системы в конечном итоге должно было стать благом для всех людей, чьи скудные средства не давали им шансов до войны. В это же время по всему Югу стали развиваться хлопкоочистительные заводы, на которых уже в 1880 году было занято не менее 16 000 белых людей. С упадком старой системы средняя площадь владений в южноатлантических штатах сократилась с 352,8 в 1860 году до 108,4 в 1900-м. Независимому негру по-прежнему было нелегко владеть землей за свой счет; тем не менее уже в 1874 году негры-фермеры приобрели 338 769 акров. После войны плантаторы впервые опробовали систему оплаты труда негров. Это было неудовлетворительно - с точки зрения плантатора, потому что негр еще не выработал стабильности как работник; с точки зрения негра, потому что, хотя плантатор мог выдавать пайки, он часто откладывал выплату зарплаты, а иногда и вовсе не платил. Затем землю стали сдавать в аренду, но часто арендная плата составляла от 80 до 100 фунтов хлопка на акр при урожайности от 200 до 400 фунтов. Со временем наибольшее распространение получила паевая система. В соответствии с ней арендатор часто брал всю свою семью на хлопковое поле, а когда урожай был собран, и они с хозяином вместе ехали в ближайший город, чтобы продать его, он получал треть, половину или две трети денег в зависимости от того, обеспечивал он себя едой, инвентарем, лошадьми или мулами или нет. Эта система могла бы оказаться успешной, если бы ему не приходилось платить непомерно высокие цены за свои пайки. Как правило, если хозяин не поставлял продукты напрямую, он мог договориться с владельцем сельской лавки, который часто брал за товар вдвое больше, чем он стоил на открытом рынке. В конце лета негра в магазине регулярно ждал огромный счет, который нужно было сначала оплатить, *и он всегда оказывался в минусе на несколько долларов*. Впрочем, хозяин не возражал против такой мелочи и в радости от урожая мог даже дать несколько долларов вперед; но всегда было понимание, что арендатор должен остаться на земле на следующий год. Таким образом, вокруг него были сплетены цепи пеоната.

В то же время развивалась еще более порочная система. Сразу после войны на Юге были приняты законы, предусматривающие суровое наказание за бродяжничество. Негров арестовывали под самыми незначительными предлогами, а их труд, как труд каторжников, сдавали в аренду землевладельцам или другим бизнесменам. Когда несколько лет спустя негры, недовольные отдачей от своего труда на фермах, начали перебираться в города, возникла тенденция сделать законодательство о бродяжничестве еще более суровым, так что в конце концов человек не мог прекратить работу, не совершив формально преступления. Так во всей своей отвратительности развилась система аренды каторжников.

Этот институт и сопутствующая ему цепная каторга противоречили всем гуманитарным порывам XIX века. Иногда заключенные работали в отдаленных уголках штата, вдали от надзора ответственных лиц; если они оставались в тюрьме, то женское отделение часто находилось на виду и на слуху у мужчин-заключенных, а количество кубических футов в камере составляло лишь четвертую часть от того, что требовалось бы по результатам научного теста. Иногда не было места для одевания мертвых, кроме как в присутствии живых. Хуже всего было, когда арендатору передавали все заботы о содержании и дисциплине осужденных, а также о медицинском и хирургическом уходе за ними. Настоящего внимания часто не было, а в отчетах было множество пробелов, указывающих на смерть от неизвестных причин. Самый выносливый человек вряд ли смог бы прожить в таких условиях более десяти лет. В Алабаме в 1880 году только трое из осужденных находились в

заключении восемь лет, и только один - девять. В Техасе с 1875 по 1880 год общее число освобожденных заключенных составило 1651, а число смертей и побегов за тот же период - 1608. В Северной Каролине смертность была в восемь раз выше, чем в Синг-Синге.

Наконец совесть нации стала слышна, и после 1883 года были приняты меры по исправлению ситуации. Однако забота о заключенных все еще оставляла желать лучшего; а поскольку негры составляют значительное большинство среди заключенных на Юге и их все еще иногда арестовывают незаконно или под сомнительными предлогами, весь вопрос судебной и уголовной процедуры становится одним из первых пунктов рассмотрения при любом окончательном решении негритянской проблемы.²⁰⁴

3. Социальная жизнь: Проскрипция, линчевание

Тем временем проскрипция продолжалась. Раздельные и неполноценные места для путешествий, скудное обеспечение образования негритянских детей, неадекватное состояние улиц, освещения и водоснабжения в большинстве городов и поселков, а также общее отсутствие защиты жизни и собственности делали жизнь борющегося народа все более трудной. Для устремленного или культурного негра каждый день превращался в длинную череду унижений и оскорблений. В уличных вагонах ему было тесно на нескольких сиденьях, как правило, сзади; на вокзале он входил в боковую дверь; в театре он мог занимать только боковую или, чаще всего, крайнюю заднюю часть второго балкона; рядом с его собственным маленьким домом мог процветать дом с дурной славой; а из публичных библиотек он был полностью исключен, за исключением тех, где иногда устраивалось небольшое отделение. Любая возможность для самосовершенствования, которую мог бы предоставить ему город, была либо отклонена, либо предоставлена на таких условиях, от которых его самоуважение вынуждало его отказаться.

Тем временем - и это было хуже всего - ему не удавалось добиться справедливости в судах. Обращаясь в коллегия адвокатов, он заранее знал, что дело, скорее всего, уже решено против него. Белый мальчик мог оскорбить и поссориться с его сыном, но если дело доходило до суда, белого мальчика освобождали, а негра штрафовали на 25 долларов или отправляли в тюрьму на три месяца. Какой-нибудь пустяковый инцидент, не влекущий за собой никакой моральной ответственности со стороны негра, мог стоить ему жизни.

Линчевание набирало обороты. Как правило, говорилось, что это делается для защиты белых женщин; но статистика, конечно, не придавала изнасилованию того значения, которое оно занимало в народном сознании. Любой, пусть даже незначительный, повод для спора, вынуждающий негра защищаться от белого человека, мог привести к линчеванию, а возможно, и к сожжению. В период 1871-73 годов число негров, подвергшихся линчеванию на Юге, по некоторым данным, не превышало 11 в год. Однако в период с 1885 по 1915 год число линчеванных в стране составило 3500 человек, причем подавляющее большинство из них были неграми на Юге. Только за 1892 год эта цифра составила 235 человек.

Один факт был очевиден: негритянский народ добивался поразительных успехов, но на фоне растущего образования и культуры с его стороны расовые чувства не ослабевали. Большинство южан по-прежнему предпочитали иметь дело с негром старого типа, а не с тем, кто был опрятно одет, прост и непритязателен в манерах и стремился иметь хороший дом. В любом случае, однако, было ясно, что раз власть принадлежит белому человеку, то и ответственность за любое урегулирование лежит в первую очередь на нем. Старые схемы депортации или колонизации в отдельном государстве оказались неэффективными или химерическими, поэтому необходимо было найти новую платформу, на которую могли бы встать обе расы. Негр все еще был выдающимся фактором в сельском хозяйстве и

промышленности; в большом количестве он жил и будет жить в Джорджии и Южной Каролине, Миссисипи и Техасе; и должна была существовать какая-то плоскость, на которой он мог бы жить на Юге не только с пользой, но и со справедливостью для своего самоуважения. Следует помнить, что богатство Нового Юга было завоевано не только трудом черных рук, но и маленьких белых мальчиков и девочек. Как рабочие и граждане, реальные или потенциальные, обе эти группы заслуживают самой искренней заботы со стороны государства, ведь величие нации зависит не от богатства немногих, а от счастья многих. Кроме того, ни одно государство не может быть стабильным и надежным, если лишить половину или треть управляемых какого-либо права голоса в правительстве. Если негр был невежественным, он также был экономически беззащитным; и не справедливо и не мудро отказывать любому человеку, каким бы скромным он ни был, в реальной власти для его правовой защиты. Если эти принципы верны - а мы считаем, что они соответствуют просвещенным представлениям об обществе, - то процветание Нового Юга отнюдь не было таким подлинным, каким оно казалось, а лишение негров гражданских прав, с моральной и политической точки зрения, было не чем иным, как преступлением.

Сноска 203: (возвращение)

В 1914 году Канзас и Миссисипи избрали по восемь членов Палаты представителей, но Канзас отдал за своих членов 483 683 голоса, а Миссисипи - только 37 185, то есть меньше, чем на одну двенадцатую.

Сноска 204: (возвращение)

В последние годы считалось, что система аренды каторжников и пеонаж практически исчезли на Юге. То, что это далеко не так, показали поразительные разоблачения, сделанные в округе Джаспер, штат Джорджия, в начале 1921 года: в суде было доказано, что белый фермер Джон С. Уильямс, "выкупивший" негров из тюрем Атланты и Макона, не только держал этих людей в пайоне, но и был непосредственно ответственен за убийство не менее одиннадцати из них.

Однако, пока эта работа проходит через печать, приходит известие о замечательных усилиях губернатора Хью М. Дорси, направленных на просвещение общественного сознания в его штате. Помимо особых усилий по восстановлению справедливости в деле Уильямса, он выпустил брошюру, в которой подробно описал сто тридцать пять случаев, когда негры пострадали от серьезных правонарушений. Он делит дела на четыре категории: (1) негры, которых линчевали, (2) негры, которых держали в пеонате, (3) негры, изгнанные организованным беззаконием, и (4) негры, подвергшиеся индивидуальным актам жестокости. "В некоторых графствах, - говорит он, - негра изгоняют, словно дикого зверя. В других его держат как раба. В других негров не остается..... Только в двух из 135 приведенных случаев речь идет о преступлениях против белых женщин".

О более поздней истории пеонажа см. с. 306, 329, 344, 360-363.

ГЛАВА XV

"ДОЛИНА СЛЕЗ", 1890-1910 ГГ.

1. Современное мнение и тенденции

В течение двух десятилетий, которые мы сейчас рассмотрим, проявились все те крупные силы, о которых говорилось в нашей последней главе. После целого поколения борьбы белый Юг вновь оказался под полным контролем, а новая программа - в процессе реализации. Предсказаниям о более широких перспективах для всей секции и большей

заботе о моральном и интеллектуальном развитии негров не суждено было сбыться, и этот период стал периодом ожесточенного социального и экономического антагонизма.

Все это было вызвано главным образом одним великим заблуждением, на котором строилось процветание Нового Юга, а именно тем, что труд негра существовал только для блага белого человека. Именно в этом кроется причина большинства бед, постигших как белых, так и негров в тот период. Для того чтобы труд негра эксплуатировался, необходимо было, чтобы он был лишен защиты политической власти и чтобы ему было отказано в правосудии в суде. Если он должен был быть низведен до уровня пеона, то, конечно, в социальном плане ему должно было быть отведено место пеона. Соответственно, повсюду - в школах, в общественных заведениях, в учреждениях городской жизни - развивалась идея о неполноценной службе для негров; и непросвещенная тюремная система процветала во всей своей отвратительности. Кроме того, в результате порочной экономической системы возникла зловещая форма негритянского преступника. И здесь Юг снова уклонился от ответа: представительные писатели сокрушались о том, что прошли дорогие мертвые дни рабства, и цинично указывали на последствия свободы для негров. В случае с негром-преступником они не вспомнили, что с детства до совершеннолетия - в образовании, в экономических шансах, в юридической власти - они по собственной системе лишили человека всех причитающихся ему привилегий, разрушив его тело и душу; а затем они с ужасом смотрели на то, что создали их руки. Более того, они винили саму расу в том, что теперь иногда проявлялось, и призывали расторопных, стремящихся к успеху негров найти преступника и отдать его в руки закона. Расторопные, стремящиеся к успеху негры недоумевали, чем занимается полиция.

Именно эта жалкая неспособность приступить к основам характеризовала тот период и делала жизнь тех негров, которые стремились продвинуться вперед, еще более тяжелой. Делалось все возможное, чтобы жестоко расправиться с человеком, а потом его обвиняли в том, что он не сенбернар. К счастью, еще до окончания этого периода появились не только здравомыслящие представители расы, но и несколько белых, которые поняли, что такой общественный строй не может существовать вечно.

Однако в начале девяностых годов маятник полностью качнулся в обратную сторону, и годы с 1890 по 1895 стали в некотором смысле самыми мрачными за все время эмансипации расы. Когда в 1892 году Кливленд был избран на второй срок и демократы вновь оказались у власти, южным сельским неграм показалось, что условия рабства практически вернулись. Все больше и больше Юг формулировал свое кредо; он прославлял старую аристократию, которая процветала и уходила, и определенно начал спрашивать Север, не был ли он прав в конце концов. Из этого, разумеется, следовало, что если Старый Юг действительно имеет ключ к решению проблемы, то надлежащее место негра - это место раба.

В течение двух-трех лет в известных журналах появилось так много важных статей о неграх, написанных столь представительными людьми, что все вместе они образовали симпозиум. В декабре 1891 года Джеймс Брайс написал в *North American Review*, указывая на то, что ситуация на Юге является постоянным нарушением Конституции, что она приостанавливает рост политических партий и приучает население к мошенническим уловкам, и подчеркивая, что возможным средством исправления ситуации является образование; он уже окончательно решил, что негру практически нет места в политике. В январе 1892 года выдающийся ученый-классик Бэзил Л. Гилдерслив отошел от лингвистики, чтобы написать в "Атлантик" статью "Кредо старого Юга", которую он затем опубликовал в виде специальной брошюры, заявив, что она была прочитана более широко, чем все остальное, что он когда-либо писал. В апреле Томас Нельсон Пейдж в "Норт Америкэн" утверждал, что, несмотря на

5 000 000 долларов, потраченных на образование негров в Виргинии в период с 1870 по 1890 год, раса регрессировала или не сильно улучшилась, и что негр "не обладает качествами, позволяющими ему подняться над рабством". Позже в том же году он опубликовал книгу *"Старый Юг"*. В том же месяце Фредерик Л. Хоффман в газете *Arena* утверждал, что, учитывая статистику смертности, негритянская раса скоро вымрет.²⁰⁵ Также в апреле 1892 года Генри Уоттерсон написал о неграх в *Chautauquan*, напомнив о том, что эпоха политических потрясений сменилась эпохой реакции и насилия, а та - эпохой истощения и мира; но при всей своей проницательности он не рискнул выдвинуть никаких конструктивных предложений, решив, что лучше всем "просто помолчать какое-то время". В начале 1893 года Джон К. Уайклифф, видный юрист из Нового Орлеана, писал в *"Форуме"*, выражая желания многих, требуя отмены Пятнадцатой поправки; а в октябре епископ Аттикус Г. Хейгуд, написав в том же периодическом издании о недавнем и печально известном линчевании, сказал: "Было ужасно мучить виновного; сожжение было актом безумия. Но если бы расчлененное тело его жертвы было обесчещенным телом моего ребенка, я бы тоже впал в безумие, которое, возможно, никогда бы не закончилось". Снова и снова звучали сетования на то, что негры сорокалетней давности и морально, и интеллектуально уступали своим предкам до бельгийского периода; и если профессора колледжей, юристы и служители Евангелия писали в таком духе, то не приходится удивляться, что политики делали из этой пропаганды капитал.

В этом хоре порицаний правда боролась за то, чтобы ее услышали, но тогда, как и сейчас, она распространялась медленнее, чем ошибка. В *"Норт Америкэн"* за июль 1892 года Фредерик Дуглас энергично писал о "законе Линча на Юге". В том же месяце Джордж В. Кейбл утвердительно и с акцентом ответил на вопрос: "Платит ли негр за свое образование?". Он показал, что в Джорджии в 1889-90 годах цветные школы не стоили белым гражданам ни цента, и что в других южных штатах негры также вносили свою полную долю в содержание школ. В июне того же года Уильям Т. Харрис, комиссар по вопросам образования, написал в *Atlantic* "Образование негра" в поистине государственном духе. Он сказал: "Если все цветные получают образование в школах и станут читающим народом, интересующимся ежедневной газетой; если им будут доступны все формы промышленного обучения, и возможности будут настолько улучшены, что в каждой форме механического и производственного мастерства будет своя квота цветных рабочих мужчин и женщин; если цветное министерство будет воспитано в христианской теологии, истолкованной в миссионерском духе, и найдет своих помощников в современной науке и современной литературе; при наличии этих образовательных основ проблема негров на Юге будет решена без применения насильственных мер любого рода, будь то миграция, или лишение гражданских прав, или остракизм". В декабре 1893 года Уолтер Х. Пейдж, написав на *Форуме* о линчевании под заголовком "Последний удар южного хулигана", сказал, что "большая опасность заключается не в первом нарушении закона и не в самом преступлении, а в том, что общественные настроения Юга под воздействием этой фазы расовой проблемы потеряют истинную перспективу цивилизации"; Л.Э. Блекли, главный судья штата Джорджия, высказался в том же духе. В целом, однако, страна, хотя время от времени и возмущалась какими-то злодеяниями, решила пока не трогать негритянский вопрос; и когда весной 1892 года несколько представителей негров безрезультатно протестовали перед президентом Гаррисоном против действий толпы, *"Ревью оф Ревью"* лишь озвучил дрейф текущего мнения, сказав: "Что касается самих цветных, то их самым мудрым курсом будет установление наилучших отношений с наиболее порядочными и умными из их белых соседей, а также на некоторое время забыть о политике и прилагать все усилия для промышленного и образовательного прогресса".²⁰⁶

Не странно, что в сложившихся обстоятельствах нам приходится фиксировать такую дискриминацию, преступность и насилие со стороны толпы, аналогов которым не найти во всей американской истории. Негр уже был повержен, теперь его должны были растоптать. Когда весной 1892 года некоторые представители расы в низинах Миссисипи потеряли все, что у них было, в результате наводнения, и федеральное правительство было готово прислать помощь, правительство штата выразило протест против таких действий на том основании, что это удержит негров от принятия условий, предложенных белыми плантаторами. В Луизиане в 1895 году негритянский председательствующий старейшина сообщил в газету *Southwestern Christian Advocate*, что он потерял сто душ прихожан, а люди были вынуждены оставить свои посеы и уехать в течение десяти дней.

В 1891 году в тюрьму в Омахе проник негр, которого вывели и повесили на фонарном столбе. 27 февраля 1892 года в Джексоне, штат Лас-Вегас, где проходило чествование священника негритянской баптистской церкви, собралась толпа белых мужчин, которые стреляли из револьверов и останавливали негров, когда те проходили мимо. Большинству людей было позволено пройти дальше, но через некоторое время спор перешел в ярость, и двое мужчин были смертельно ранены. Примерно в то же время и в том же штате, в Рэйвилле, пятнадцатилетнюю девочку-негритянку толпа забрала из тюрьмы и повесила на дереве. В Тексаркане, штат Аркан, негр, оскорбивший жену фермера, был схвачен и сожжен заживо, причем пострадавшую женщину заставили зажечь огонь. Всего через несколько дней, в марте, в Мемфисе был убит констебль, пытавшийся арестовать негра. Последовали многочисленные аресты, а ночью толпа направилась к тюрьме, получила свободный доступ и, схватив трех известных негров, которые, как считалось, были лидерами убийства, линчевала их, причем все это было настолько вопиющим нарушением закона, что до сих пор не забыто старшими негритянскими гражданами этого важного города. 1 февраля 1893 года в Париже, штат Техас, после одного из самых жестоких преступлений произошло одно из самых ужасных линчеваний в истории. Негр Генри Смит, который, судя по всему, затаил обиду на одного из полицейских города из-за плохого обращения с ним, схватил трехлетнего ребенка полицейского, издевался над ней, а затем разорвал ее тело на части. Его пытали отец ребенка, ее дяди и пятнадцатилетний брат, а перед сожжением ему выкололи глаза раскаленным утюгом. Его пасынка, который отказался сказать, где его можно найти, повесили, а тело изрешетили пулями. Так продолжались линчевания, жертвами которых иногда становились виновные в самых тяжких преступлениях, но нередко и совершенно невинные люди. В феврале 1893 года в среднем происходило почти по одному самосуду в день. В то же время травмы, нанесенные неграм, обычно не принимались во внимание. Так, в Диксоне, штат Теннесси, молодой белый человек потерял сорок долларов. Гадалка сказала ему, что деньги похитила женщина, и дала описание, которое, похоже, подходило молодой цветной женщине, работавшей в доме родственника. Полдюжины мужчин отправились в дом молодой женщины и избили ее, ее мать, а также еще одну женщину, которая была в доме. В конце 1894 года в округе Брукс, штат Гавайи, после того как негр по имени Пайк убил белого мужчину, с которым поссорился, семерых негров линчевали, а настоящий убийца сбежал. Любой родственник или другой негр, который на допросе отказывался сообщить о местонахождении Пайка, независимо от того, знал он об этом или нет, был застрелен на месте, причем одного человека застрелили еще до того, как он успел что-то сказать. Тем временем "Белые колпаки" или "Регуляторы" взяли под контроль соседние графства, наводя ужас на негров повсюду; в результате судебных разбирательств суды штата полностью развалились, а один судья в отчаянии отказался от проведения суда как бесполезного.

Тем временем дискриминация всех видов продолжалась. 29 мая 1895 года штат Флорида, взволнованный ситуацией в академии Орандж-Парк, утвердил "Акт о запрете обучения

белой и цветной молодежи в одних и тех же школах". Один из разделов гласил: "Любой отдельный житель, корпорация или ассоциация будут считать уголовным преступлением проведение в пределах штата любой школы любого уровня, государственной, частной или церковно-приходской, где белые и негры будут обучаться или проживать в одном здании, или обучаться в одном классе или в одно время одним и тем же учителем". Религиозные организации не остались в стороне от таких действий; и когда перед собранием Баптистского союза молодежи в Балтиморе секретарю организации и редактору *Баптистского союза* было отправлено письмо от имени негров, с которыми за год до этого не очень хорошо обращались в Торонто, он прислал уклончивый ответ, сказав, что политика его общества заключается в поощрении местных союзов к объединению с их собственными церквями.

Более серьезным, чем что-либо другое, было официальное отрицание политических прав негров. Как мы уже видели, Южная Каролина в 1895 году последовала за Миссисипи в программе лишения избирательных прав, и в течение следующих пятнадцати лет большинство других южных штатов сделали то же самое. Когда негр был лишен подлинного политического голоса, все виды социальной и экономической несправедливости получили большую свободу действий.

2. Промышленное образование: Букер Т. Вашингтон

Таковы были тенденции жизни на Юге, затронувшие негров через тридцать лет после эмансипации. В сентябре 1895 года восходящий просветитель этой расы привлек внимание всей страны замечательной речью, которую он произнес на выставке "Хлопковые штаты" в Атланте. Букер Т. Вашингтон сказал: "Тем представителям моей расы, которые рассчитывают улучшить свое положение в чужой стране или недооценивают важность дружеских отношений с белым южанином, который является их соседом, я бы сказал: "Бросьте свое ведро там, где вы находитесь" - бросьте его, чтобы подружиться всеми мужественными способами с людьми всех рас, которыми мы окружены..... Тем представителям белой расы, которые считают, что процветание Юга зависит от прихода людей иностранного происхождения, с чужим языком и привычками, если бы мне было позволено, я бы повторил то, что говорю своей собственной расе: "Бросьте свое ведро там, где вы находитесь". Бросьте его среди 8 000 000 негров, чьи привычки вам известны, чью верность и любовь вы проверяли в дни, когда предательство означало гибель ваших пожарниц..... Во всем, что касается чисто социальных вопросов, мы можем быть раздельны, как пальцы, но едины, как рука, во всем, что необходимо для взаимного прогресса".

Послание, которое доктор Вашингтон изложил таким образом, он уже изложил по существу предыдущей весной в своем выступлении в Университете Фиска, а еще раньше его работа в Институте Таскиги привлекла внимание.²⁰⁷ Выставка в Атланте дала ему прекрасный повод, в котором он так нуждался; теперь ему предстояло провозгласить новое слово по всей стране. Среди сотен выступлений, которые он произнес впоследствии, особенно важными были речи в Гарвардском университете в 1896 году, на Чикагском юбилее мира в 1898 году и перед Национальной ассоциацией образования в Сент-Луисе в 1904 году. Снова и снова в этих речах можно встретить такие поразительные фразы, как: "Свобода никогда не может быть дарована. Ее нужно купить".²⁰⁸ "Раса, как и человек, которая делает себя незаменимой, решает большинство своих проблем".²⁰⁹ "Как раса мы должны научиться делать две вещи: одна - вкладывать мозги в общие занятия жизни, а другая - достойно оценивать общий труд".²¹⁰ "Невежественные и неопытные, не странно, что в первые годы нашей новой жизни мы начали с вершины, а не с низа; что место в Конгрессе или законодательном собрании штата стоило больше, чем недвижимость или промышленное мастерство."²¹¹ "Возможность

заработать доллар на фабрике сейчас стоит бесконечно больше, чем возможность потратить доллар в оперном театре."²¹² "Один из самых насущных вопросов американской жизни - как привести сильных, богатых и образованных людей в полезный контакт с самыми бедными, невежественными и смиренными и в то же время заставить одних оценить живительное, укрепляющее влияние других."²¹³ "Ни для кого из нас нет защиты или безопасности, кроме как в высочайшем интеллекте и развитии всех."²¹⁴

Настало время для нового лидера. Фредерик Дуглас умер в феврале 1895 года. В последние годы жизни он не раз терял связь с сердцем своего народа, когда выступал против негритянского исхода или, казалось, не вполне разделял религиозные убеждения тех, кто к нему прислушивался. Однако при его кончине раса вспоминала только его ранние заслуги и бывшее величие, и для стремящегося к успеху народа его смерть, казалось, еще больше сгустила надвигающийся мрак. Появившись на свет, Букер Т. Вашингтон полностью соответствовал материализму своей эпохи; он ответил как на экономический, так и на образовательный кризис. Он также удовлетворил южан нового времени тем, что сказал о социальном равенстве.

История его деятельности похожа на роман, и он сам рассказал ее лучше, чем кто-либо другой. Он не претендовал на авторство первоначальной идеи промышленного образования; эту заслугу он отдал генералу Армстронгу, и именно в Хэмптоне он сам получил воспитание. Однако нужен был кто-то, кто перенес бы идею Хэмптона в хлопковый пояс, объяснил бы урок мужчинам и женщинам, копающимся в земле, и вообще привел бы расу в соответствие с промышленным развитием страны. Именно это и взялся сделать Букер Т. Вашингтон.

Он приехал в Таскиги в начале июня 1881 года. 4 июля было назначено датой открытия школы в маленькой лачуге и церкви, которые были отведены для ее размещения. Утром этого дня тридцать учеников заявили о своем желании поступить в школу. Большинство из них были школьными учителями, а некоторым было почти сорок лет. Примерно через три месяца после открытия школы на продажу была выставлена старая заброшенная плантация в миле от Таскиги, на которой сгорел особняк. В целом это место казалось как раз тем, что нужно для эффективной и постоянной работы. Запрашиваемая цена составляла пятьсот долларов, причем владелец требовал немедленной выплаты двухсот пятидесяти долларов, а остальные двести пятьдесят должны были быть выплачены в течение года. В затруднении мистер Вашингтон написал генералу Дж. Ф. Б. Маршаллу, казначею Хэмптонского института, поставив перед ним этот вопрос и попросив одолжить двести пятьдесят долларов. Генерал Маршалл ответил, что у него нет полномочий давать в долг деньги, принадлежащие Хэмптонскому институту, но он с радостью предоставит необходимую сумму из своих личных средств. В выплате этой суммы героически помогала ассистирующая учительница Оливия А. Дэвидсон (впоследствии миссис Вашингтон). В первую очередь она устраивала праздники и ужины, а также агитировала семьи в городе Таскиги, причем помогали ей как белые, так и негры. "Часто было жалко, - говорит директор, - смотреть на подарки пожилых цветных людей, многие из которых провели свои лучшие дни в рабстве. Иногда они давали пять центов, иногда двадцать пять центов. Иногда это было одеяло или куча сахарного тростника. Я вспоминаю одну старую цветную женщину, которой было около семидесяти лет, которая пришла ко мне, когда мы собирали деньги для оплаты фермы. Она вошла в комнату, где я находился, ковыляя, опираясь на трость. Она была одета в лохмотья, но они были чистыми. Она сказала: "Мистер Вашингтон, Бог знает, что я провела лучшие дни своей жизни в рабстве. Бог знает, что я невежественна и бедна; но я знаю, что вы и мисс Дэвидсон пытаетесь сделать. Я знаю, что вы пытаетесь сделать лучших мужчин и лучших женщин для

цветной расы. У меня нет денег, но я хочу, чтобы вы взяли эти шесть яиц, которые я копил, и вложили эти шесть яиц в образование этих мальчиков и девочек". С тех пор как началась работа в Таскиги, - добавил оратор, - мне выпала честь получить множество подарков на благо учебного заведения, но ни один, думаю, не тронул меня так глубоко, как этот".

Уже в самом начале истории школы мистер Вашингтон задумал идею расширить работу. Конференции в Таскиги начались в феврале 1892 года. На первую встречу пришло пятьсот мужчин, в основном фермеров, и много женщин. Выдающимся стало обсуждение реальных условий, на которые из года в год живет большинство мужчин. Перед посадкой хлопка была выдана закладная на его урожай, а к закладной прилагалась записка, в которой отказывались от всех прав на освобождение от уплаты налогов в соответствии с конституцией и законами штата Алабама или любого другого штата, в который может переехать арендатор. Один из них сказал: "Закладная связывает вас крепче любой веревки, а записка с отказом от права на освобождение - это всепожирающий огонь". Другой сказал: "Отказная нота действительна в течение двадцати лет, и когда вы подписываете ее, вы должны либо выплатить, либо умереть". Еще один: "Когда ты подписываешь вексель, ты просто скрещиваешь руки за спиной, идешь к купцу и говоришь: "Вот, свяжи меня и возьми все, что у меня есть"". Все соглашались, что люди закладывали больше, чем было необходимо, чтобы купить швейные машинки (которые иногда не использовались), дорогие часы, большие семейные библии или другие вещи, без которых легко обойтись. Один мужчина сказал: "Мои люди хотят получить все, что можно, в кредит, не думая о дне расчета. Сначала мы должны научиться скучать с маленьким авгуром". Черный человек несет тяжелый сверток, а когда он опускает его на землю, там оказываются плуг, мотыга и невежество".

Именно таким людям Букер Т. Вашингтон подарил надежду, и, служа им, он шел к славе. Через несколько лет школы по плану Таскиги стали появляться по всему Югу, в Дании, Сноу-Хилле, Ютике и других местах. В 1900 году начала свои заседания Национальная лига негритянского бизнеса, что дало большой толчок к созданию банков, магазинов и промышленных предприятий по всей стране, и особенно на Юге. Многие из этого прогресса, несомненно, было бы реализовано, если бы Лига бизнеса никогда не была организована; но все признают, что во всем этом развитии главной силой был гений лидера в Таскиги. В его величии и совершенно определенном вкладе не может быть никаких сомнений.

3. Индивидуальные достижения: Испано-американская война

Случилось так, что как раз в то время, когда Букер Т. Вашингтон добился больших успехов, еще три или четыре человека оказали особое влияние на расу. Одним из них был молодой ученый У. Э. Бургхардт Дюбуа, который после окончания колледжа в Фиске продолжил обучение в Гарварде и Берлине и в конце концов получил степень доктора философии в Гарварде в 1895 году. До Дюбуа в этой расе были солидные ученые, но, как правило, их достижения основывались на успехах в языках или математике, и чаще всего они выражались в довольно философских рассуждениях. Однако здесь был глубокий знаток экономики, способный решать проблемы своего народа и встречать оппонентов на основе современной науки. Ему было суждено совершить великое благо, и раса гордилась им.

В 1896 году молодой поэт, боровшийся с бедностью и сомнениями, наконец-то обрел слух. Окончив курс средней школы в Дейтоне, Пол Лоуренс Данбар работал лифтером за четыре

доллара в неделю, а затем продавал от двери к двери два небольших томика стихов, напечатанных частным образом. В конце концов Уильям Дин Хоуэллс протянул ему руку помощи, и издательство Dodd, Mead & Co. опубликовало *"Lyrics of Lowly Life"*. Данбар писал как на классическом английском, так и на диалекте, передававшем юмор и пафос жизни тех, от имени кого он выступал. Что в то время не особенно замечалось, так это то, что во многих стихах он выражал недовольство эпохой, в которой жил, и тем самым затронул то, что в последующие годы должно было стать важным лейтмотивом. После того как он так долго ждал и боролся, его успех был настолько велик, что он стал модой, и повсюду появились подражатели. Он затронул сердце своего народа, и раса полюбила его.

К 1896 году также стали приходить слухи о негритянском американском художнике Генри О. Таннере, который завоевывал лавры в Париже. В то же время прекрасная певица, мадам Сиссиретта Джонс, на концертной сцене давала новые доказательства возможностей негра как исполнителя песен. В предыдущее десятилетие мадам Мари Селика, культурная вокалистка первого ранга, радовала публику как в Америке, так и в Европе, а в 1887 году появилась Флора Бэтсон, певица баллад, чьи лучшие работы приводили публику в дикий восторг. В 1894 году Гарри Т. Берли, выдержав конкуренцию с шестьюдесятью кандидатами, стал солистом-баритоном в епископальной церкви Святого Георгия в Нью-Йорке, а всего через несколько лет ему предстояло работать и в храме Эману-Эль, еврейской синагоге на Пятой авеню. Из-за границы пришло известие о блестящем музыканте Сэмюэле Кольридж-Тейлоре, который своим "Свадебным праздником Хиаваты" в 1898 году вошел в число самых выдающихся английских композиторов. На более популярной сцене появилась легкая музыкальная комедия, промежуточная между старым негритянским менестрелем и настоящей негритянской драмой, представительными труппами которой в течение нескольких последующих лет стали Коул и Джонсон, Уильямс и Уокер.

Однако особенно выдающейся в течение десятилетия была деятельность негритянского солдата в испано-американской войне. В то время в армии Соединенных Штатов было четыре полка цветных солдат: Двадцать четвертый пехотный, Двадцать пятый пехотный, Девятый кавалерийский и Десятый кавалерийский. Когда началась война, президент Маккинли направил в Конгресс послание, в котором рекомендовал набрать дополнительные полки негров. Конгресс бездействовал; тем не менее цветные войска поступили на службу добровольцами в Массачусетсе, Индиане, Иллинойсе, Канзасе, Огайо, Северной Каролине, Теннесси и Вирджинии. Восьмой Иллинойский полк был полностью укомплектован неграми, командовал им Джей Р. Маршалл, а майор Чарльз Э. Янг, выпускник Вест-Пойнта, командовал батальоном в Огайо. Первым полком, отправленным на фронт с началом войны, был Двадцать четвертый пехотный; негритянские войска принимали самое активное участие в боях вокруг Сантьяго. Они участвовали в блестящей атаке при Лас-Касимасе 24 июня, а 1 июля при нападении на гарнизон в Эль-Канее (позиция, важная для обеспечения владения линией холмов вдоль реки Сан-Хуан в полутора милях от Сантьяго) Первая добровольческая кавалерия ("Бурные всадники" полковника Рузвельта) была практически спасена от уничтожения благодаря доблестной работе бойцов Десятой кавалерии. Не менее патриотичным, хотя и в другом смысле, был поступок Двадцать четвертой пехоты. Узнав, что генералу Майлзу требуется полк для очистки госпиталя от желтой лихорадки и ухода за некоторыми жертвами болезни, Двадцать четвертый вызвался добровольцем и за один день работы так очистил лагерь от мусора, что число заболевших значительно сократилось. В редакционном комментарии журнала *Review of Reviews*:²¹⁵ "Одним из самых приятных событий испанской войны стал энтузиазм, который цветные полки регулярной армии вызвали во всей стране. Их боевые действия при Сантьяго были великолепны. Негритянские солдаты продемонстрировали отличную дисциплину, высочайшие качества личной

храбрости, превосходную физическую выносливость, неизменный добрый нрав и самое великодушное отношение ко всем товарищам по оружию, будь то белые или черные". Рузвельтовские "Бурные всадники" вернулись, распевая дифирамбы цветным войскам. В хоре хвалебных речей нет ни одного несогласного. Люди, которые могут сражаться за свою страну так, как эти цветные войска, должны получить всю свою долю благодарности и почета".

4. Насилие мафии; предвыборные проблемы; резня в Атланте

После двух или трех лет сравнительного затишья - но только *сравнительного* затишья - насилие мафии вспыхнуло на рубеже веков с удвоенной силой. В значительной степени это было просто результатом кампаний по лишению избирательных прав, которые в некоторых южных штатах только начинались; но обвинения в нападении и вопросы труда также сыграли свою роль. В некоторых местах нападали на людей, невиновных ни в каких обвинениях, и убивали так много, что иногда казалось, что закон вообще перестал действовать. Не менее интересным событием этих тревожных лет стало то, что в некоторых случаях негры, как никогда раньше, начали бороться, прижавшись спиной к стене, и таким образом в самом конце века - в конце горького десятилетия и в начале еще более горького - в проблему был включен новый фактор, которому суждено было все больше и больше требовать рассмотрения.

В одно воскресенье в конце октября 1898 года в стране произошли две расовые войны, одно линчевание, два убийства, одно из которых должно было привести к линчеванию, в общей сложности десять негров убиты и четверо ранены, четверо белых убиты и семь ранены. Самая серьезная вспышка произошла в штате Миссисипи, и стоит отметить, что ни в одном случае речь не шла об изнасиловании.

Ноябрь стал красным из-за предвыборных неурядиц в Северной и Южной Каролине. В последнем штате, в Фениксе, в округе Гринвуд, 8 ноября и в течение нескольких дней после этого Толберты, известная семья белых республиканцев, подверглась нападению толпы и едва спаслась живой. Р.Р. Толберт был кандидатом в Конгресс, а также председателем республиканского комитета штата. Джон Р. Толберт, его отец, инкассатор порта Чарльстона, вернулся домой, чтобы проголосовать, и находился на одном из избирательных участков округа. Томас Толберт в Фениксе брал показания негров, которым не разрешили голосовать за его брата, чтобы впоследствии иметь основания для оспаривания результатов выборов. Во время этой работы он подвергся нападению Этериджа, демократического менеджера другого участка. Негры встали на защиту Толберта, и в последовавшей за этим драке Этеридж был убит, а Толберт ранен. В подошедшего Джона Толберта попала картечь, и младший член семьи также был ранен. В конце концов негры были побеждены, и Толберты были вынуждены бежать. В общей сложности, судя по всему, в результате этой стычки погибли двое белых мужчин и около двенадцати негров, шестерых из которых линчевали из-за смерти Этериджа.

В Северной Каролине в 1894 году республиканцы, объединившись с популистами, обеспечили себе контроль над законодательным собранием штата. В 1896 году демократы снова переиграли, и губернатор Рассел был избран большинством в 9000 голосов. Значительное число местных органов власти находилось в руках негров, которые пользовались поддержкой губернатора, законодательного собрания, а также Верховного суда. Перед ноябрьскими выборами 1898 года демократы в Уилмингтоне заявили о своей решимости не допустить негров на должности в городе. Особенно их разозлила редакционная статья в местной негритянской газете "*Рекорд*", в которой под датой 18 августа

редактор Алекс. Л. Мэнли, начав с упоминания оратора из Джорджии, которая на собрании Сельскохозяйственного общества на Тайби выступила за линчевание как крайнюю меру, заявил, что она "упустила из виду основной принцип религии Христа, выступая в защиту одного класса людей против другого", и продолжил: "Газеты пестрят сообщениями об изнасилованиях белых женщин и последующем линчевании предполагаемых насильников. Редакторы обрушивают залпы упреков на всех негров из-за тех немногих, кто может быть виновен. Если бы газеты и ораторы другой расы осуждали совершение преступлений, потому что это преступление, а не пытались создать впечатление, что негры - единственные преступники, они нашли бы своих самых сильных союзников в разумных неграх, и вместе белые и черные искоренили бы зло в обеих расах..... Наш опыт общения с бедным белым населением в стране учит нас, что женщины этой расы не более щепетильны в вопросе тайных встреч с цветными мужчинами, чем белые мужчины с цветными женщинами. Подобные встречи продолжают некоторое время, пока увлеченность женщины или смелость мужчины не привлечет к ним внимание, и мужчину не линчуют за изнасилование". В ответ на это оратор, процитированный в подписанном заявлении, сказал: "Когда негр Мэнли приписывает преступление изнасилования интимным отношениям между неграми и белыми женщинами Юга, клеветник должен бояться веревки линчевателя, а не занимать место в нью-йоркских газетах" - метод аргументации, который, к сожалению, был слишком распространен на Юге. По мере приближения дня выборов демократы старались запугать негров, улицы и дороги патрулировали люди в красных рубашках. День выборов, однако, прошел без каких-либо беспорядков, но на следующий день состоялось массовое собрание белых граждан, на котором были приняты резолюции о найме белой рабочей силы вместо негритянской, об изгнании редактора *газеты "Рекорд"* и о высылке из города типографии, находящейся в офисе этой газеты; был назначен комитет из двадцати пяти человек, который должен был проследить за тем, чтобы эти резолюции были приведены в исполнение в течение двадцати четырех часов. В течение последующего ужасного дня типография была разрушена, несколько белых республиканцев были изгнаны из города, а девять негров были убиты сразу, хотя никто не может с точностью сказать, сколько еще людей погибло или было тяжело ранено, прежде чем беда закончилась.

Чарльз В. Чеснатт в книге *"Костяк традиций"* достоверно описал эти позорные события, а Веллингтоном в этой истории является Уилмингтон. Возможно, лучший комментарий о тех, кто таким образом стремился к власти, дал их апологет, пресвитерианский священник и редактор А. Дж. Маккелвей, который по этому случаю и другим написал статьи в *Independent* и *Outlook*, оправдывающие эти действия. Он сказал: "Трудно говорить о краснорубашечниках без улыбки. Они сделали негров жертвами огромной практической шутки..... Дюжина мужчин собиралась на перекрестке, верхом на лошадях, одетых в красные рубашки или бязь, фланель или шелк, в зависимости от вкуса хозяина и энтузиазма его женщины. Они галопом пронесутся через всю страну, и негр спокойно решит, что его интерес к политическим делам не велик, как бы то ни было. Разумнее было бы не голосовать, а еще разумнее не регистрироваться, чтобы не быть втянутым в голосование в день выборов". Таким образом, получается, что насильственный захват политических прав людей, убийство и ранение многих, а также принуждение десятков людей покинуть свои дома, в конечном счете, не более чем "розыгрыш".

Одной из частей новой программы стало самое интенсивное противодействие федеральным негритянским назначенцам на Юге. Утром 22 февраля 1898 года Фрейзер Б. Бейкер, цветной почтмейстер в Лейк-Сити, штат Северная Каролина, проснулся и обнаружил, что его дом охвачен пламенем. Пытаясь спастись, он и его грудной ребенок были застрелены, а их тела сгорели в горящем доме. Его жена и другие дети были ранены, но спаслись. Генеральный

почтмейстер был очень заинтересован в том, чтобы в этом деле восторжествовала справедливость; но люди, обвиненные в преступлении, предоставили самые ничтожные алиби, и в субботу, 22 апреля 1899 года, присяжные в окружном суде Соединенных Штатов в Чарльстоне сообщили, что не смогли прийти к вердикту. Три года спустя вся эта проблема была остро поставлена перед президентом Рузвельтом. Когда миссис Минн Кокс, эффективно работавшая почтмейстером в Индианоле, штат Миссис, была вынуждена уйти в отставку из-за угроз, он закрыл отделение; а когда раздался протест против назначения доктора Уильяма Д. Крама инкассатором порта Чарльстона, он заявил: "Я не намерен назначать на должность ни одного негодного человека. Насколько это возможно, я всегда буду стараться учитывать желания и чувства жителей каждого населенного пункта; но я не могу согласиться занять позицию, при которой дверь надежды - дверь возможностей - должна быть закрыта перед любым человеком, каким бы достойным он ни был, исключительно по причине расы или цвета кожи. Такая позиция, по моим убеждениям, была бы в корне неверной". Эти памятные слова, прозвучавшие в день компромисса и целесообразности в высших эшелонах власти, сильно взбодрили сердце расы. Всего за год до этого значение инцидента с обедом Букера Т. Вашингтона с президентом Рузвельтом было неоправданно раздуто Югом до всевозможных дискуссий о социальном равенстве.

Во вторник, 24 января 1899 года, пожар в центре городка Пальметто, штат Гавайи, уничтожил гостиницу, два магазина и склад, причем имущество было застраховано на незначительную сумму. В следующую субботу произошел еще один пожар, уничтоживший значительную часть города. В течение нескольких недель не было никакой зацепки о происхождении этих пожаров, но примерно в середине марта что-то, подслушанное белым горожанином, привело к тому, что были замешаны девять негров. Этих людей арестовали и поместили на ночь 15 марта в склад, чтобы дождаться суда на следующее утро; перед дверью поставили фиктивную охрану из шести человек. Около полуночи нагрянула толпа, толкнула дверь и произвела два залпа по неграм, убив четверых сразу и смертельно ранив еще четверых. Обстоятельства этого зверского преступления угнетали негритянское население штата так, как мало что угнетало со времен Гражданской войны. То, что оно не принесло ничего хорошего, было очевидно, поскольку по своей глубинной психологии оно было тесно связано с двойным преступлением, которое теперь предстояло совершить. В апреле Сэм Хоуз, негр, размышлявший о событиях в Пальметто, в нескольких милях от места происшествия убил фермера Альфреда Крэнфорда, который был одним из лидеров толпы, и расправился с его женой. В течение двух недель за ним охотились как за зверем, причем белые жители штата тем временем были почти напуганы, а негры измучены преследованием. Наконец, однако, его нашли, и в воскресенье, 23 апреля, в Ньюнате, штат Гавайи, его сожгли, причем казнь сопровождалась невыразимыми увечьями; в тот же день Лидж Стрикленд, негритянский проповедник, которого Хоуз обвинил в соучастии в своем преступлении, был повешен недалеко от Пальметто. Нация замерла в ужасе, ведь недавние события в Джорджии потрясли самые основы американской цивилизации. *Газета Charleston News and Courier* писала: "Цепи, которыми гражданин Сэм Хоуз был прикован к костру в Ньюнате, значат для нас и для его расы больше, чем цепи или узы рабства, которые они вытеснили. Пламя, озарившее сцену его пыток, пролило свой ужасающий свет на все уголки нашей земли и обнажило действительное и потенциальное положение вещей среди нас, что должно пробудить самый тупой ум к острому ощущению нашего истинного положения и наших неизменных и неизменных отношений ко всей расе, которую представлял замученный несчастный."

Насилие порождает насилие, и еще предстоит описать два или три выдающихся события. 23 августа 1899 года в Дарьене, штат Гавайи, сотни негров, которых уже несколько дней будили

слухи об угрозе линчевания, собрались под колокольный звон церкви напротив тюрьмы и своим присутствием помешали вывести заключенного. Позже их судили за мятеж, а двадцать одного отправили на каторжные фермы сроком на год. Общие обстоятельства восстания вызвали большой интерес по всей стране. В мае 1900 года в городе Огаста, штат Гавайи, произошел несчастный случай в уличной машине, в результате которого погиб нападавший, молодой белый человек по имени Уитни, и был линчеван убивший его цветной человек Уилсон. В этом случае жертва была замучена и изуродована, а части ее тела и веревка, на которой она была повешена, были переданы в качестве сувениров. Негритянская организация в конце концов обнаружила тело, и на похоронах царило такое волнение, что гроб не разрешили открыть. Два месяца спустя в Новом Орлеане произошло необычайное происшествие, важное еще и потому, что главного героя негры откровенно считали героем, а его борьбу в свою защиту - знаком того, что представителей этой расы не всегда будут отстреливать без попытки защититься себя.

Однажды в июле, за час до полуночи, два негра Роберт Чарльз и Леонард Пирс, которые недавно приехали в город из Миссисипи и чьи передвижения заинтересовали полицию, были обнаружены тремя офицерами на ступеньках дома на Дриадс-стрит. На расспросы они ответили, что находятся в городе два-три дня и нашли работу. В ходе допроса более крупный из негров, Чарльз, поднялся на ноги; его схватил один из офицеров, Мора, который начал использовать свою заготовку; в ходе возникшей борьбы Чарльз убежал, а Мора был ранен в каждую руку и бедро. Чарльз укрылся в небольшом доме на Четвертой улице, а когда его окружили, он, прицелившись, выстрелил и мгновенно убил первых двух появившихся офицеров.²¹⁶ Остальные наступающие отступили и дождались рассвета для повторного нападения, а сам Чарльз удалился в другие кварталы, и несколько дней его местонахождение было неизвестно. Однако с наступлением нового дня город охватило дикое волнение, и тысячи людей присоединились к поискам, а газеты все это время разжигали толпу до еще большего неистовства. Толпы носились по улицам, нападая на негров везде, где их можно было найти, и полиция не предпринимала никаких попыток остановить их. Во второй вечер перед почти тысячной толпой у памятника Ли выступил человек из Кеннера, городка в нескольких милях выше города. Он сказал: "Джентльмены, я из Кеннера, и я приехал сюда сегодня вечером, чтобы помочь вам преподать черным урок. Я уже убивал негра, и в отместку за зло, причиненное вам и вашим близким, я готов убить снова. Единственный способ преподать этим черномазым урок и поставить их на место - это пойти и линчевать нескольких из них в качестве наглядного урока. Повесить нескольких из них. Это единственное, что можно сделать - убить их, связать, линчевать. Я поведу вас. Идите в приходскую тюрьму и линчуйте Пирса". Толпа бросилась к тюрьме, по пути грабя магазины и ломбарды. В течение следующих нескольких часов негра вытащили из вагона на Канал-стрит, убили, а его тело бросили в сточную канаву. Старик лет семидесяти, шедший утром на работу, был смертельно ранен. На улице Руссо толпа открыла огонь по маленькому домику; обитатели спали, и пожилая женщина была убита в постели. Другая старушка, выглядывавшая из своего дома, была избита до бесчувствия. Мужчина, сидевший у своей двери, был застрелен, избит и оставлен умирать. Такие сцены разыгрывались почти ежедневно с понедельника до вечера пятницы. Однажды ночью сгорело прекрасное здание школы, подаренное Томи Лафоном, представителем расы и филантропом.

Около трех часов дня в пятницу Чарльз был обнаружен в двухэтажном доме на углу улиц Саратога и Клио. Два офицера, Портеус и Лалли, вошли в нижнюю комнату. Первый упал замертво от первого же выстрела, а второй был смертельно ранен следующим. Третий, Блумфилд, ожидавший с пистолетом в руке, был ранен первым выстрелом и убит вторым. Толпа отступила, но пули так и сыпались на дом, а Чарльз все это время вел наблюдение во

все стороны из четырех разных окон. Время от времени он просовывал винтовку сквозь одно из разбитых оконных стекол и стрелял, действуя с невероятной быстротой. Ему удалось убить еще двоих нападавших и ранить двоих. Наконец он понял, что дом горит, и, осознав, что пришел конец, бросился на врагов, сделал еще один выстрел и упал замертво. Он убил восемь человек и смертельно ранил еще двоих или троих. Его тело было изуродовано. В его комнате потом нашли экземпляр религиозного издания, и стало известно, что он возмущался бесправием в Луизиане и распространял брошюры в поддержку плана колонизации. Однако никаких инкриминирующих улик найдено не было.

В том же памятном 1900 году, в ночь на среду, 15 августа, в Нью-Йорке произошли серьезные беспорядки. В предыдущее воскресенье полицейский по фамилии Торп при попытке арестовать цветную женщину был ранен ножом негром Артуром Харрисом, да так смертельно, что в понедельник он скончался. В среду вечером негров вытаскивали из уличных машин и избивали, а к полуночи между 25-й и 35-й улицами собрались тысячи бунтовщиков. На следующую ночь беспорядки возобновились. За этими событиями почти сразу последовали беспорядки в Акроне, штат Огайо. В последнее воскресенье октября 1901 года, когда некоторые негры проводили свой обычный осенний лагерный сбор в роще в Вашингтонском приходе, штат Луизиана, на них напали, и несколько человек, не менее десяти, а возможно, и больше, были убиты; сотни мужчин, женщин и детей были вынуждены покинуть окрестности. В первую неделю марта 1904 года в Миссисипи произошло линчевание, которое по своему ужасу превзошло даже другие случаи того периода и стало печально известным благодаря использованию штопора. Был убит белый плантатор из Додсвилла, а в преступлении обвинили негра Лютера Холберта. Холберт бежал, и его невинная жена отправилась с ним. В газете "*Демократик Ивнинг Пост*" из Висксбурга мы читаем следующее: "Когда двух негров схватили, их привязали к деревьям и, пока готовились погребальные костры, заставляли терпеть самые чудовищные пытки. Негров заставляли вытягивать руки, отрубая по одному пальцу. Пальцы раздавали в качестве сувениров. Уши убийц были отрезаны. Холберт был жестоко избит, его череп был проломлен, а один глаз, выбитый палкой, висел на клочке в розетке..... Самая мучительная форма наказания заключалась в использовании большого штопора в руках некоторых из толпы. Этот инструмент вонзался в плоть мужчины и женщины, в руки, ноги и тело, а затем вытаскивался, причем спирали вырывали большие куски сырой, трепещущей плоти каждый раз, когда их извлекали". Летом того же года Джорджия вновь стала ареной ужасного линчевания: два негра, Пол Рид и Уилл Като - из-за убийства семьи Ходжесов в шести милях от города 20 июля - были сожжены на костре в Стейтсвилле при необычайно удручающих обстоятельствах. В августе 1908 года в Спрингфилде, штат Иллинойс, произошли расовые беспорядки столь серьезного характера, что для их подавления потребовались силы в шесть тысяч солдат. Эти беспорядки имели большое значение не только из-за отношения рабочих Севера к конкуренции негров, но и из-за беспорядочных убийств негров жителями Севера, что свидетельствовало о подлинной национализации негритянской проблемы. Однако настоящей кульминацией насилия в этот период стала резня в Атланте в субботу, 22 сентября 1906 года.

В течение всего лета горячая кампания Хока Смита за пост губернатора капитализировала растущие настроения против лишения негров избирательных прав в штате и в конце концов подняла расовый вопрос на такой высокий уровень, что он вспыхнул. Чувства усиливались сообщениями о нападениях и попытках нападений со стороны негров, особенно когда они были подробно описаны, преувеличены и даже придуманы вечерней газетой "*Новости Атланты*", против которой Большое жюри округа Фултон впоследствии выдвинуло обвинение как в значительной степени ответственной за беспорядки, и которая была

вынуждена приостановить издание, когда деловые люди города отказались от ее поддержки. Насколько обоснованными были эти слухи, можно судить по следующему отчету следователя: "Три случая, в которых обвинялись белые мужчины, привлекли сравнительно мало внимания в газетах, хотя один из них, преступление человека по имени Тернадж, шокировал своими подробностями. Из двенадцати подобных обвинений против негров за шесть месяцев, предшествовавших бунту, два случая были изнасилованиями, ужасными в своих деталях, три - попытками изнасилования при отягчающих обстоятельствах, три, возможно, были попытками, три - чистыми случаями испуга со стороны белых женщин, а в одном случае белая женщина, сначала утверждавшая, что на нее напал негр, в конце концов призналась в попытке самоубийства".²¹⁷ В пятницу, 21 сентября, во время суда над негром, отец девочки попросил у регистратора разрешения расправиться с негром собственноручно, и вспышку драки едва удалось предотвратить в открытом суде. Однако в субботу вечером некоторые элементы в городе и соседних городах, разгоряченные спиртным и газетными публикациями, открыто бунтовали и до полуночи бросали вызов всем законам и властям. Негры подвергались нападениям, где бы они ни появлялись, причем в основном на ничего не подозревающих людей, как в случае с теми, кто случайно возвращался домой с работы и находился в уличных вагонах, проезжавших через центр города. В одной парикмахерской двое работников были избиты до смерти, а их тела изуродованы. Хромого сапожника, невинного и трудолюбивого, оттащили от работы, пинали и избивали до смерти. Другого молодого негра закололи ножом. В общей сложности около десятка человек погибли и в два-три раза больше были ранены. Через некоторое время губернатор Террелл мобилизовал ополчение, но толпа не восприняла этот шаг всерьез, а истинные чувства мэра, включившего шланг пожарной команды, проявились в его заявлении, что пока негры совершают определенные преступления, с ними будут бесцеремонно расправляться. Воскресенье встретило город изумленными белыми людьми и возмущенными и угрюмыми неграми. В течение понедельника и вторника напряжение сохранялось, негры пытались защищаться, как могли. В понедельник вечером в результате столкновения некоторых граждан с полицейскими, которые продвигались в пригороде, где большинство домов принадлежали неграм, погиб офицер Джеймс Херд и были ранены некоторые из тех, кто его сопровождал. Были убиты и другие негры, а белая женщина, на крыльце дома которой преследовали двух мужчин, умерла от испуга, увидев их застреленными. Однако именно готовность негров оказать вооруженное сопротивление положила конец резне. Далее последовала процедура, которую лучше всего описать словами видного апологета подобных вспышек. А.Дж. Маккелвей говорит: "Во вторник в каждый дом в городе (то есть в пригороде, о котором шла речь выше) вошли солдаты и временно удерживали около двухсот пятидесяти негров, пока шел обыск и проводились расспросы. Все они были разоружены, а те, у кого было скрытое оружие или кто подозревался в том, что был в группе, стрелявшей в полицию, были отправлены в тюрьму".²¹⁸ Таким образом, очевидно, что в этом случае, как и во многих других, были разоружены негры, которые пострадали больше всего, а не белые мужчины, убившие несколько десятков человек, и что на время их перепуганные женщины и дети остались беззащитными. Маккелвей также говорит в этой общей связи: "Любой южанин защитит невинного негра, обратившегося к нему за помощью, собственной жизнью, если потребуется". Это звучит как рыцарство, но на самом деле является выживанием старого рабского отношения, которое и порождает весь вопрос. Негр не считает, что должен просить другого человека защитить его. Он твердо решил, что сам будет защищать свой дом. Он стоит как мужчина перед адвокатурой, и единственное, что он хочет знать, это способны ли закон и суды Америки обеспечить ему справедливость - простую справедливость, не более того.

5. Вопрос о труде

Время от времени в связи со случаями насилия мы затрагивали вопрос о труде. Беспорядки, подобные описанным нами, носят в первую очередь социальный характер, и в качестве последнего призыва неизменно выступает расовая принадлежность. Однако им сопутствует экономический мотив, который, как выяснилось, приобретает все большее значение. Дюбуа отмечает: "Роковая кампания в Джорджии, завершившаяся резней в Атланте, была попыткой, затеянной бессовестными политиками, пробудить предрассудки белых рабочих и фермеров против растущей конкуренции чернокожих, чтобы законодательно принудить чернокожих вернуться к работорговле и крепостному праву".²¹⁹ Вопрос действительно постоянно возникал, но даже к концу этого периода политика еще не была окончательно определена, и в это время часто происходили вооруженные столкновения между неграми и белыми рабочими. Однако и капитал, и здравый смысл давали понять, что негр, несомненно, является трудовым ресурсом и должен занимать соответствующее место.

В марте 1895 года в Новом Орлеане произошли кровавые беспорядки, вызванные тем, что белые рабочие, начинавшие организовываться, возражали против найма судовладельцами негров для разгрузки судов. Когда волнения достигли своего апогея, залп за залпом обрушивался на негров, в результате чего двое белых были убиты и несколько ранены. Коммерческие организации города провели собрание, обвинили губернатора и мэра в серии вспышек и потребовали прекратить бесчинства. Они заявили: "Терпение перестало быть добродетелью. Мы не можем больше мириться с людьми, которые с оружием в руках расстреливают мирный народ, потому что он не хочет думать и действовать вместе с ними. По этим причинам мы говорим этим людям, что, чего бы это ни стоило, мы твердо решили, что торговля этого города должна и должна быть защищена; что каждый человек, желающий заниматься честным трудом, должен и должен иметь возможность делать это независимо от расы, цвета кожи или предыдущего состояния". Около первого августа того же 1895 года в Бирмингеме произошли острые конфликты между белыми и черными шахтерами, в которых погибло несколько человек с обеих сторон, прежде чем военная власть успела вмешаться. Три года спустя, кроме того, началось вторжение негритянского труда на Север, и около 17 ноября 1898 года на шахтах в Пане и Вирдене, штат Иллинойс, возникли серьезные проблемы. В том же месяце съезд железнодорожных братств в Норфолке выразил сильную враждебность к негритянскому труду. Великий мастер Фрэнк П. Сарджент из Братства локомотивных пожарных заявил, что одной из главных целей встречи братств было "начать кампанию в защиту превосходства белых в железнодорожной службе". Этот ноябрь, напомним, стал роковым месяцем предвыборных беспорядков в Северной и Южной Каролине. Социалистическо-рабочее издание *The People*, комментируя негритянское собрание возмущения в Купер-Юнион и проблему в целом, заявило, что негр - это, по сути, наемный раб, что именно капитализм Севера, а не человечество, в первую очередь требовал свободы раба, что в новый день капитал требует порабощения рабочего класса - негритянского или иного; и обвинило негров в том, что они не видят реальных проблем, стоящих на кону. Она продолжала с ударением: "Не *негры* были убиты в Каролинах; это были *рабочие* Каролины, *рабы* Каролины, которые оказались цветными. Не как негры должна подняться раса;... именно как *рабочие*, как ветвь *рабочего класса*, негр должен осудить преступления в Каролине. Только затронув этот аккорд, он сможет осудить с толком, потому что только тогда он окажется на той высоте, которая позволит ему понять источник конкретного зла, на которое сейчас жалуются". Этой точке зрения суждено было все больше и больше стимулировать тех, кто интересовался проблемой, независимо от того, принимали они ее целиком или нет. Другое мнение, совершенно иное и также важное, было высказано в 1899 году редактором журнала "*Дикси*", издававшегося в Атланте и посвященного

промышленным интересам Юга. Он сказал: "Производственный центр Соединенных Штатов однажды будет расположен на Юге; и это произойдет, как ни странно, по той причине, что негр - постоянное место жительства здесь..... Организованный труд в его нынешнем виде представляет угрозу для промышленности. Негр стоит как постоянный и позитивный барьер против организации труда на Юге..... Таким образом, негр, сам того не желая, играет важную роль в драме промышленного развития Юга. Его добрая натура бросает вызов социалисту". В то время это мнение казалось правдоподобным, но уже в следующие два десятилетия возник вопрос, не основано ли оно на ошибочных предположениях.

Настоящая кульминация рабочих проблем и насилия толпы в этот период произошла в Джорджии, в Атланте, городе, который теперь приобрел исключительное значение как поле битвы за проблемы Нового Юга. В апреле 1909 года случилось так, что десять белых рабочих на железной дороге Джорджии, которые были внесены в "дополнительный список", были заменены неграми с более низкой зарплатой. Против этого по всему маршруту прокатились бурные протесты. Чуть больше месяца спустя Союз белых пожарных начал забастовку, которая должна была стать началом усилий по вытеснению всех негров-пожарных с южных дорог, и вскоре стало очевидно, что реальная борьба была вызвана прогрессом организованного труда на Юге, с одной стороны, и прогрессом негров в эффективности, с другой. Основные мотивы, которые лежали в основе борьбы, были фактически теми же, что и те, что характеризовали проблемы в Новом Орлеане в 1895 году. Э.А. Болл, второй вице-президент Союза пожарных, в своем обращении к общественности сказал: "От вас зависит, будут ли белые пожарные, работающие сейчас на железной дороге Джорджии, иметь права и привилегии по сравнению с неграми, или же они будут поставлены в равные условия с неграми. Кроме того, вам предстоит определить, должны ли белые пожарные, содержащиеся семьи в Атланте и ее окрестностях на зарплату в 1,75 доллара в день, быть вынуждены освободить свои места в общих терминалах Атланты для негров, которые готовы выполнять ту же работу за 1,25 доллара". Некоторые газеты, например, "*Augusta Herald*", заявили, что отдавать предпочтение неграм, когда белые люди в конечном итоге должны будут отвечать за поезда и двигатели, было ошибочной политикой; другие же, например, "*Baltimore News*", сказали: "Если негра можно вытеснить с одной квалифицированной работы, его можно вытеснить и с другой; но страна, которая пытается это сделать, идет наперекор всем экономическим законам и должна ощутить дурные последствия своей политики, если ее удастся провести в жизнь". Во всяком случае, чувства были очень сильны; в течение целой недели в июне между Атлантой и Августой ходило очень мало поездов, и было несколько актов насилия; но перед лицом капитала, поставленного на карту, и фундаментальных проблем, связанных с этим, для железной дороги было просто невозможно уступить. В конце концов, дело было передано в арбитражный совет, который постановил, что железная дорога Джорджии должна по-прежнему нанимать негров, когда они будут признаны квалифицированными, и получать такую же зарплату, как и белые рабочие. Некоторые полагали, что это решение в конечном счете сыграет против негров, но, по крайней мере, немедленного эффекта это не возымело, и во всех смыслах белые пожарные проиграли в забастовке. На самом деле вся эта история была одной из самых жалких, которые нам приходилось фиксировать. Скромные белые рабочие, желающие улучшить экономическое положение себя и своих семей, вместо того чтобы проявить государственное и истинно патриотическое отношение к своей проблеме, свернули в сторону, в дебри расовой ненависти, и были потеряны.

Этот обзор, естественно, заставляет задуматься о функции негра-рабочего на Юге. Прежде всего, чего он стоит, и особенно чего он стоит в честном южном мнении? После Гражданской войны говорили, что он не будет работать иначе как по принуждению; но как к нему

относились в промышленности Нового Юга? В 1894 году несколько крупных работодателей были опрошены по этому поводу. 50 процентов ответили, что в квалифицированном труде негр уступает белому работнику, 46 процентов сказали, что он примерно равен, а 4 процента заявили, что при прочих равных условиях он превосходит. Что касается обычного труда, то 54 процента заявили, что он равен, 29 процентов - превосходит, а 17 процентов - уступает белому рабочему. В то время оказалось, что зарплата негров составляла в среднем 80 процентов от зарплаты белых мужчин. Аналогичное исследование, проведенное газетой *Chattanooga Tradesman* в 1902 году, принесло пятьсот ответов. Они были обобщены следующим образом: "Мы считаем негра более полезным и квалифицированным работником на хлопкоочистительных заводах, лесопилках, в литейных, кирпичных, шахтах и доменных печах. Он превосходит белый труд и, возможно, превосходит любой другой труд в этих заведениях, но не в качестве искусных и изобретательных ремесленников". В этом мнении, следует помнить, негр подвергся суровому испытанию, в котором ему ничего не досталось, и, по крайней мере, оказывается, что во многих отраслях труда он не менее чем незаменим для прогресса Юга. Возникает вопрос: В каких же отношениях он должен находиться с другими рабочими? Казалось бы, белый рабочий и черный рабочий давно должны были осознать идентичность своих интересов и объединиться. Однако профсоюзы не спешили принимать негров в свои ряды и предоставлять им такую же опору и поддержку, как и белым. Соответственно, в сложившихся обстоятельствах негру не оставалось ничего другого, как работать там, где его услуги были востребованы и на лучших условиях, которые он мог получить.

6. Диффамация: Браунсвилл

Преступление требует оправдания, и неудивительно, что после такого насилия, как то, что мы описали, и после того, как несколько штатов приняли законы о лишении гражданских прав, в первые годы нового века появилось несколько публикаций, особенно клеветнических по отношению к расе. Некоторые книги, к сожалению, опустились до такой грубости в очернении, какой не было со времен Гражданской войны. Из Библейского дома в Сент-Луисе в 1902 году вышла книга *"Негр - зверь, или По образу и подобию Божьему"*, которой суждено было разойтись огромным тиражом среди белых людей из бедных слоев населения Юга и которая, конечно же, способствовала распространению духа мафии.²²⁰ Современными и выдержанными в том же общем духе были книги Р.В. Шуфельдта *"Негр"* и У. Б. Смита *"Цветная линия"*, а представитель самой расы Уильям Ганнибал Томас опубликовал книгу *"Американский негр"*, лишенную веры и идеалов и представляющую собой беспримерное по своей злопамятности и преувеличенности обличение негра в Америке.²²¹

В январе 1904 года новый губернатор Миссисипи Дж. К. Вардаман в своей инаугурационной речи дошел до крайности и высказал мнение тех, кто сейчас утверждает, что образование негров только усложняет проблему и усиливает ее опасные черты. Он сказал о негритянском народе: "Как раса, они деградируют морально с каждым днем. Время показало, что они более преступны как свободные, чем как рабы; что их преступность растет с пугающей быстротой: в 1890 году они были на треть более преступны, чем в 1880 году". Несколько недель спустя епископ Браун из Арканзаса в широко цитируемом обращении утверждал, что южные негры отстали как морально, так и интеллектуально, и от них нельзя ожидать полезной роли в правительстве; он также оправдывал линчевание. В том же году один из передовых мыслителей Юга, Эдгар Гарднер Мерфи, в книге *"Проблемы современного Юга"* еще не был готов принять негра на основе гражданства; а Томас Нельсон Пейдж, который приносил негра в сборнике рассказов *"В Оле Вирджинии"* и в романе *"Красная скала"*²²² официально изложил свои теории в книге *"Негр: The Southerner's Problem"*. Однако худшее -

если только может быть худшее в таком множестве - еще только предстояло. В 1905 году Томас Диксон добавил к серии остросюжетных романов *"Клансмен"*, прославляющий Ку-клукс-клан, дающий злобный образ негра и вызывающий самые сильные предрассудки и ненависть. В течение нескольких месяцев произведение было поставлено на сцене и снова и снова приводило зрителей в дикий восторг. В какой-то степени на постановку возложили вину за резню в Атланте. В нескольких городах она была запрещена. В Филадельфии 23 октября 1906 года, после безуспешных протестов негритянского народа, три тысячи из них устроили демонстрацию перед театром на Уолнат-стрит, где давалось представление, а поведение некоторых зрителей внутри театра едва не вызвало бунт; в этом городе спектакль был запрещен на следующий день. Однако по всему Югу, а иногда и в других местах, она продолжала делать свое смертоносное дело, и впоследствии легла в основу *"Рождения нации"*, тщательно продуманной кинокартины с той же общей тенденцией.

Еще одним направлением атаки стала попытка лишить негра всякой благодарности за инициативу и любые самостоятельные достижения. В мае 1903 года Альфред Х. Стоун опубликовал в *"Атлантик"* статью *"Муллат в негритянской проблеме"*, в которой утверждал, что все заслуги расы были достигнуты благодаря вливанию белой крови и что именно мулаты постоянно отравляют разум негра *"радикальными учениями и разрушительными доктринами"*. Эти тезисы часто повторялись на протяжении всего периода, а спустя годы, в 1917 году, впервые нашли официальное выражение в *Американском журнале социологии* в статье Эдварда Байрона Ройтера *"Превосходство мулатов"*, которая в следующем году была переработана в том *"Мулаты в Соединенных Штатах"*. Утверждать превосходство мулата, конечно, значит еще раз доказывать неполноценность негра по отношению к белому человеку.

Все эти порицания в совокупности представляли собой грозное дело, от которого раса неизмеримо страдала; в те же годы они не были полностью компенсированы даже появлением замечательной книги Дюбуа *"Души черного народа"* или несколькими возвышающими публикациями Букера Т. Вашингтона. Мимоходом мы хотим остановиться на трех моментах: (1) влияние образования на негра; (2) вопрос о неграх-преступниках (и о смертности); (3) качество и функции мулатов.

Образование, конечно, нельзя было обвинять в трудностях этой проблемы в новом времени, пока оно не было должным образом опробовано. Ни в одном из южных штатов в этот период негритянский ребенок не получил справедливого шанса. Он часто подвергался некачественному обучению, ветхому жилью и коротким срокам обучения. В репрезентативном городе Атланта в 1903 году белое школьное население насчитывало 14 465 человек, а цветное - 8 118. Однако негры, составляя 35 процентов от общего числа, получали лишь 12 процентов школьных средств. Средний белый учитель получал 745 долларов в год, а негритянский - 450 долларов. В значительном сокращении процента неграмотности среди расы с 70 в 1880 году до 30,4 в 1910 году миссионерские колледжи - Американской миссионерской ассоциации, Американского баптистского общества домашней миссии и Общества помощи освобожденным - сыграли гораздо большую роль, чем обычно им приписывают; и очень, очень редко выпускник одного из учреждений, поддерживаемых этими агентствами, или даже тот, кто учился в них в течение какого-либо времени, должен быть вызван в суд. Их влияние однозначно на стороне закона и порядка. Несомненно, некоторые из тех, кто вышел из этих школ, не были очень практичными, а некоторые не приобрели очень твердого чувства относительных ценностей в жизни - было бы чудом, если бы все они были такими; но в целом молодые люди, которые учились в колледжах, в значительной степени оправдали расходы, сделанные в их интересах, расходы,

за которые их соответствующие штаты не несли ответственности, но от которых они получили выгоду. Однако, с одной стороны, так называемое высшее образование, несомненно, усложнило проблему. Те критики расы, которые считали, что единственная функция негров в жизни - это косить дрова и носить воду, вполне осознавали, что негры, получившие высшее образование, не желают дольше работать в поле. Некоторые из них должны были стать учеными, изучающими сельское хозяйство, но в целом они не принадлежали к классу крестьян. В этом они были такими же, как белые и все остальные люди. Никто из тех, кто однажды увидел свет, не хочет всегда жить в плоскости "человека с мотыгой". Не стоит думать и о том, что эти студенты неоправданно теснятся в профессиональных занятиях. Хотя, например, число негритянских врачей и дантистов за последние годы значительно увеличилось, их количество все равно должно быть в четыре или пять раз больше, чтобы поддерживать в общей численности негритянского населения ту же пропорцию, что и в целом число белых врачей и дантистов в общей численности белого населения.

Вопросы преступности и смертности расы в конечном счете тесно связаны между собой, и оба они, как мы уже предположили, в основном обусловлены условиями, в которых неграм приходится жить. В сельских районах, по крайней мере до 1900 года, практически не было предусмотрено улучшение методов приготовления пищи или санитарных условий, в то время как в городах последствия некачественного жилья, плохих и неосвещенных улиц, а также сегрегации порока в негритянских кварталах не могли быть иными, кроме как очевидными. Так, в 1898 году в Балтиморе смертность среди негров была несколько выше, а в Нэшвилле - чуть менее чем в два раза выше, чем среди белых. Кроме того, судебная процедура подчеркивала порочный круг: условия жизни посылали негров в суды во все большем количестве, а суды опускали их еще ниже по шкале. Несомненно, есть негры-воры, негры-убийцы и негры, страдающие недержанием; на земле еще не появилось ни одной расы, в которой не было бы представителей с такими наклонностями, и со всеми такими людьми закон должен поступать справедливо. Мы утверждаем, что на протяжении всего периода, о котором мы сейчас говорим, доминирующая социальная система была не только такой, что подчеркивала преступные элементы, но и такой, что даже стремилась отбить охоту у людей, стремящихся к этому. Достаточно нескольких иллюстраций, взятых из самых разных периодов жизни. Весной 1903 года, а затем в 1904 году Джексон У. Джайлс из округа Монтгомери, штат Алабама, утверждал в Верховном суде США, что он и другие негры в его округе были несправедливо исключены из избирательного права новой конституцией Алабамы. Дважды его дело было отклонено по формальным причинам: в первый раз потому, что он ходатайствовал о праве голоса по конституции, действительность которой он отрицал, а во второй раз потому, что федеральное право, на которое он претендовал, не было передано в суд штата, решение которого он обжаловал. Таким образом, высший трибунал Соединенных Штатов в то время уклонился от вынесения какого-либо официального решения относительно реальной действительности новых положений об избирательном праве. Кроме того, в 1903 году в Алабаме негров, обвиненных в мелких правонарушениях, а иногда и вовсе не обвиненных, по-прежнему отправляли на каторжные фермы или передавали подрядчикам. Иногда их заставляли работать в качестве пеонов в течение длительного времени; их пороли, морили голодом, охотились на них с ищейками и продавали от одного подрядчика к другому в прямое нарушение закона. Некий Джозеф Паттерсон взял в долг 1 доллар в субботу, пообещав выплатить сумму в следующий вторник утром. Не приехав в город в назначенное время, он был арестован и доставлен к мировому судье, который признал его виновным в получении денег под надуманным предлогом. Негру не дали ни времени, чтобы найти свидетелей или адвоката, ни денег для уплаты штрафа и судебных издержек. Его продали за 25 долларов человеку по имени Харди, который

проработал на нем год, а затем продал его за 40 долларов другому человеку по имени Пэйс. Паттерсон попытался бежать, но был пойман и приговорен еще к шести месяцам заключения. Затем ему пришлось отбыть еще один год, чтобы оплатить счет врача. Когда дело наконец привлекло внимание, оказалось, что за 1 доллар, взятый в долг в 1903 году, его в конце концов не выпустят на свободу до 1906 года. Еще один интересный и важный случай произошел в Нью-Йорке. Весной 1909 года носильщик пульмана был арестован по обвинению в краже карточного футляра, в котором находилось 20 долларов. На следующий день его выписали как невиновного. После этого он подал на своего обвинителя иск о возмещении ущерба в размере 10 000 долларов. Присяжные присудили ему 2500 долларов, но суд снизил сумму до 300 долларов. Судья П.Х. Дугро заявил, что негр, ложно заключенный в тюрьму, не понес такого ущерба, какой понес бы белый человек, - мнение, которое газета "Нью-Йорк Эйдж" вполне закономерно охарактеризовала как "одно из самых низких и оскорбительных, когда-либо вынесенных нью-йоркским судьей".

В истории вопроса о мулатах выделяются два факта. Первый заключается в том, что до Гражданской войны, что было вполне естественно в сложившихся обстоятельствах, мулаты становились свободными гораздо быстрее, чем чистые негры; так, перепись 1850 года показала, что из каждой 1000 свободных негров 581 был мулатом и только 83 из каждой 1000 рабов. Кроме того, после Гражданской войны доля мулатов быстро увеличилась: с 11,2 процента негритянского населения в 1850 году до 20,9 процента в 1910 году, или со 126 до 264 на 1000 человек. По вопросу о функции этого смешанного элемента тщательно проработанное исследование Рейтера сразу же отбрасывается в сторону из-за отсутствия точности. Основополагающие факты, на которых он строит свою аргументацию, не всегда верны, а если предпосылки ложны, то и выводы бесполезны. Ни одна работа о неграх, которая называет Туссена Л'Овертюра и Соджорнера Трута мулатами и не отдает должное расе нескольких известных чистых негров современности, не может долго привлекать внимание ученых. Весь этот спор о мулатах восходит к заблуждению, когда людей унижали рабством в течение двухсот лет, а затем утверждали, что у них нет ни способности, ни склонности к возвышению. В стране, где преобладают белые, квадран часто получал какие-то преимущества, которых не было у его чернокожего друга, начиная с того времени, когда один был домашним слугой, а другой - полевым рабочим; но ни один научный тест никогда не доказывал, что чернокожий мальчик интеллектуально уступает светлокожему. В Америке, однако, принято возлагать на негра любую вину или недостаток и приписывать белой расе любые достоинства, которые может продемонстрировать человек. Кроме того, - и этот момент не часто отмечается при обсуждении проблемы - элемент гениальности, который отличает негритянского художника смешанной крови, чаще всего является характерным для негров, а не для англосаксов. Много говорилось о том, что в обществе самой расы существуют линии раскола, сравнительно немного людей, очень светлых по цвету кожи, иногда оттягивающих на себя внимание. Это факт, и это просто еще одно наследие рабства, наиболее живучее в некоторых консервативных городах на побережье. Однако даже там старые границы исчезают, а слияние различных групп внутри расы стремительно идет вперед. Несомненно, как и всегда, существует снобизм, и несколько квадранов и окторонов пересекли цветовую черту и были потеряны для расы; но таких случаев, в конце концов, сравнительно немного, и молодое поколение все больше и больше подчеркивает идеалы расовой солидарности. Возможно, в будущем в обществе сохранятся линии раскола внутри расы, но определять их будут прежде всего характер и заслуги. В целом же, мулат полностью встал на сторону трудностей, устремлений и достижений негритянского народа, и то, что он занял столь видное место в руководстве расы, является простой случайностью, а не врожденным качеством.

Окончательное опровержение клеветы, однако, следует искать в реальных достижениях самих представителей расы. Прогресс, несмотря на препятствия, продолжает поражать. В начале 1907 года газета "Нью-Йорк Сан" (скопированная "Таймс") писала о "неграх, которые добились успеха": "Джуниус К. Гроувс из Канзаса ежегодно производит 75 000 бушелей картофеля, что является мировым рекордом. Альфред Смит получил голубую ленту на Всемирной выставке и первый приз в Англии за хлопок, выращенный в Оклахоме. Некоторые из тридцати пяти запатентованных устройств Грэнвилла Т. Вудса, электрика, являются частью систем нью-йоркских надземных железных дорог и телефонной компании "Белл". У. Сидни Питтман нарисовал проект мемориального здания Коллиса П. Хантингтона, самого большого и прекрасного в Таскиги. Дэниел Х. Уильямс, доктор медицины из Чикаго, стал первым хирургом, который зашил и вылечил раненое человеческое сердце. Мэри Черч Террелл на трех языках выступила в Берлине перед Международной ассоциацией по улучшению положения женщин. Эдвард Х. Моррис выиграл свой иск между округом Кук и городом Чикаго и имеет юридическую практику стоимостью 20 000 долларов в год".

В одной из сфер деятельности - спортивной - негр был особенно замечен. Питер Джексон, современник Джона Л. Салливана, был хорошо известен в драках - развлечении, которое всегда отличалось своей популярностью. Джордж Диксон, за исключением одного года, был чемпионом в полусреднем или легком весе на протяжении всего периода с 1890 по 1900 год; Джо Ганс был чемпионом в легком весе с 1902 по 1908 год. Джо Уолкотт был чемпионом в полусреднем весе с 1901 по 1904 год, его сменил Дикси Кид, который занимал это место с 1904 по 1908 год. В 1908 году, к разочарованию тысяч людей, Джек Джонсон, одержав победу, которая вызвала множество расовых конфликтов на Юге и Западе и привела к нескольким смертям, стал чемпионом Америки в тяжелом весе, который ему суждено было удерживать в течение семи лет. В профессиональном бейсболе негры были под запретом, хотя иногда представители этой расы играли в командах второй группы. Из полупрофессиональных команд популярностью пользовались "Американские гиганты" и "Лиландские гиганты" из Чикаго, а также "Линкольнские гиганты" из Нью-Йорка, которые часто включали в свои списки игроков первого порядка по способностям. В межвузовском бейсболе У.К. Мэтьюс из Гарварда был выдающимся игроком в течение нескольких лет, начиная с 1904 года. В межвузовском футболе Льюис из Гарварда в начале девяностых и Баллок из Дартмута десятилетием позже были необычайно заметны, а Маршалл из Миннесоты в 1905 году стал всеамериканским эндом. Поллард из "Брауна", полузащитник, в 1916 году и Робсон из "Ратгерс", энд, в 1918 году также завоевали всеамериканские награды. На рубеже веков Майор Тейлор был чемпионом по езде на велосипеде, а Джон Б. Тейлор из Пенсильвании - межвузовским чемпионом по легкой атлетике. Точно так же пятнадцать лет спустя Бингу Дисмонду из Говарда и Чикаго, Солу Батлеру из Дубьюка и Говарду П. Дрю из Южной Калифорнии суждено было завоевать национальные и даже международные награды в легкой атлетике. Дрю побил множество рекордов как бегун, а Батлер стал победителем в прыжках в ширину на Межсоюзнических играх на стадионе Першинг в Париже. В 1920 году Э. Гурден из Гарварда заявил о себе как об одном из лучших легкоатлетов, когда-либо имевших место в этом учебном заведении.

Таким образом, перед лицом неоспоримых физических способностей и доблести негра высшая критика, с которой ему пришлось столкнуться в этот период, была тем более тяжелой. Во всех странах и во все века мужество под огнем в качестве солдата считалось безупречной проверкой мужественности, и по этому стандарту мы видели, что на войне негр более чем оправдал себя. Теперь под удар попала сама его честь как солдата.

В августе 1906 года роты В, С и D Двадцать пятого полка пехоты США были расквартированы в форте Браун, Браунсвилл, штат Техас, где им приходилось проявлять большую сдержанность перед лицом ежедневных оскорблений со стороны горожан. В ночь на 13-е число произошел бунт, в ходе которого один житель города был убит, другой ранен, а начальник полиции получил ранение. Жители города обвинили солдат в организации беспорядков и потребовали их удаления. Бригадный генерал Э.А. Гарлингтон, генеральный инспектор, был послан для поиска виновных, и, не справившись с заданием, он рекомендовал полку уволиться с позором. По этой рекомендации президент Рузвельт 9 ноября уволил "без почестей" весь батальон, лишив его членов права в дальнейшем служить как на военной, так и на гражданской службе Соединенных Штатов. На декабрьском заседании Конгресса сенатор Дж. Б. Форейкер из Огайо встал во главе критиков действий президента и в своей звонкой речи сказал об уволенных, что "они не просили милостей, потому что были неграми, а только справедливости, потому что они были мужчинами". 22 января Сенат разрешил провести общее расследование по этому вопросу, поскольку 14-го числа президент специальным посланием отменил гражданскую инвалидность уволенных солдат. Дело было окончательно закрыто актом Конгресса, утвержденным 3 марта 1909 года, который назначил следственный суд, в котором любой уволенный, желающий вновь записаться в список, должен был доказать свою невиновность - процедура, которая явно нарушала фундаментальный принцип закона, согласно которому человек должен считаться невиновным, пока его вина не будет доказана.

В связи с бесчестным солдатом из Браунсвилля, а также в связи с неграми всего периода, мы вспоминаем стихотворение Эдвина Маркхэма "Дрейфус",²²³, написанное по совершенно другому поводу, но с основополагающими принципами справедливости, которые являются вечными:

I

Человек стоял запятнанный; Франция была единым целым ненависти,
Давя на него всей тяжестью мира;
Во всем круге древнего солнца
Не было ни одного голоса, чтобы сказать за него - ни одного;
Во всем мире людей не было ни звука.
Но меч, сломанный, на землю упал.

Ад смеялся свой час; и вот
Как один за другим открываются охраняемые ворота!
Невидимые силы стремительно метнули меч,
И вот уже человек восстает против мира!

II

О, как глубока жизнь, как глубоко время!
Есть нечто священное и возвышенное.
Движущееся за мирами, недоступное нашему пониманию,
Взвешивает звезды, взвешивает поступки людей.

Смирись, душа печали, и будь сильной!
Есть тот, кто сильнее всех бед мира.
Смирись перед высокой благодетельной силой.

Которая проходит сквозь могилы и башни!
Нет правды столь низкой, но Он увенчает ее;
Нет зла столь высокого, но Он низвергнет его.
О люди, что куют путы, они тщетны;
Рука Неподвижного сильнее цепей.
Бесполезно торговаться, ухмыляться и кивать,
И пожимать плечами в ответ Богу.

7. Рассвет завтрашнего дня

Горький период, который мы рассматривали, не был лишен ярких черт, и с наступлением нового века новые голоса стали звучать все отчетливее. В мае 1900 года в Монтгомери состоялась конференция, на которой южане, как никогда ранее, взялись за изучение своих проблем. О том, что некоторые из собравшихся еще не имели реального представления о задаче и ее трудностях, можно судить по предложению одного человека депортировать негров на Запад или на морские острова. Несколько человек выступали за отмену Пятнадцатой поправки. Выдающейся по своей государственной мудрости была позиция экс-губернатора Западной Вирджинии Уильяма А. Маккоркла, который утверждал, что право на франшизу является жизненно важным и основополагающим принципом жизни народа Соединенных Штатов и не должно нарушаться, что средством решения нынешних условий является "честная и негибкая основа образования и собственности, справедливо управляемая для черных и белых", и, наконец, что негритянская проблема не является местной проблемой, а должна быть решена искренним сотрудничеством всего народа Соединенных Штатов.

Тем временем Южный образовательный конгресс продолжал свои заседания из года в год, и примерно в 1901 году появился новый большой интерес к образованию, Южный образовательный совет действовал в тесном сотрудничестве с Всеобщим образовательным советом, благодаря филантропии Джона Д. Рокфеллера, а часто и с фондами Пибоди и Слейтера.²²⁴ В 1907 году было объявлено о создании Фонда Джинса, основанного Анной Т. Джинс, квакершей из Филадельфии, для образования негров в сельских районах Юга; а в 1911 году - о Фонде Фелпса-Стокса, основанном Каролиной Фелпс-Стоукс с упором на образование негров в Африке и Америке. Все больше и больше эти агентства должны были работать в гармонии и сотрудничестве с официальными лицами в различных штатах. В 1900 году Дж. Л. М. Карри, южанин с широким кругозором, все еще руководил фондами Пибоди и Слейтера, но вскоре он сошел со сцены, и в предстоящей работе приняли участие Роберт К. Огден, Холлис Б. Фрисселл, Уоллес Баттрик, Джордж Фостер Пибоди и Джеймс Х. Диллард.

Наряду с насилием толпы, позорившим первые годы века, росло число офицеров, готовых выполнять свой долг даже в сложных обстоятельствах. Менее чем через два месяца после своего печально известного вступления в должность губернатор Миссисипи Вардаман заинтересовал читающую публику тем, что, когда практически было объявлено о начале линчевания, он выслал роту ополченцев и отправил специальный поезд на место происшествия, чтобы спасти негра. В этом же штате в 1909 году, когда законодательное собрание приняло закон о взимании налога на создание сельскохозяйственных школ для белых студентов и обложило им имущество как белых, так и негров, хотя школы должны были быть только у белых, негр из округа Джаспер оспорил это решение в Канцелярском суде, который признал закон неконституционным, а затем его поддержал Верховный суд штата. Такое решение было вдохновляющим, но оно не было правилом, и уже предвещало проблемы другого десятилетия. Уже сейчас под влиянием напряженной обстановки на Юге многие негры искали убежища на Севере. К 1900 году в Пенсильвании было столько же

негров, сколько в Миссури, тогда как за двадцать лет до этого в последнем штате их было вдвое больше. В Массачусетсе их было больше, чем в Делавэре, тогда как за двадцать лет до этого в Делавэре их было на 50 процентов больше, чем в Массачусетсе. За двадцать лет Вирджиния пополнилась 312 000 белых и только 29 000 негров, причем последние начали постоянное движение в Нью-Йорк. Северная Каролина получила 400 000 белых и только 93 000 негров. Южная Каролина и Миссисипи, однако, еще не были в значительной степени затронуты этим движением.

Раса действительно начинала овладевать новым сознанием. После 1895 года Букер Т. Вашингтон стал очень искренним лидером. Однако с самого начала существовала отдельная группа негритянских мужчин, которые искренне сомневались в конечной мудрости так называемого "Атлантического компромисса" и считали, что, казалось бы, временно согласившись на проскрипцию и отказ от политических прав, доктор Вашингтон слишком от многого отказался. Иногда в его иллюстрациях последствий нынешних методов воспитания было что-то такое, что вызывало ответную реакцию. Однако те, кто принадлежал к оппозиции, поначалу не были едины и конструктивны, и в своих высказываниях они порой обижали резкостью тона. Сам доктор Вашингтон говорил об экстремистах из этой группы, что они часто понимают теорию, но не дело; что в колледже они мало задумывались о подготовке к какой-либо определенной задаче в мире, но начинали с идеи подготовить себя к решению расовой проблемы; и что многие из них делали бизнес на том, чтобы держать беды, несправедливости и трудности негритянской расы на виду.²²⁵ Для этой критики было достаточно оснований. Однако оппозиция все больше набирала силу; *"Гардиан"*, еженедельная газета, издаваемая в Бостоне Монро Троттером, была особенно откровенна, и в Бостоне настоящий апогей наступил в 1903 году, когда была предпринята попытка сорвать собрание, на котором должен был выступить доктор Вашингтон. Затем, начиная с января 1904 года, *"Голос негра"*, журнал, издававшийся в Атланте в течение трех лет, определенно способствовал культивированию расовых идеалов. После бойни в Атланте издание стало нерегулярным, и в 1907 году оно прекратило свое существование. Некоторые статьи были посвящены более старым и философским темам, но были и яркие и содержательные исследования в области образования и других социальных тем, а также сильная позиция по политическим вопросам. *Цветной американец*", издававшийся в Бостоне всего за несколько лет до появления *"Голоса"*, также вел вдохновляющую работу. Кроме того, различные местные организации или организации штата время от времени демонстрировали добродетель сотрудничества; так, съезд равных прав Джорджии, собравшийся в Мейконе в феврале 1906 года по призыву Уильяма Дж. Уайта, ветерана-редактора *"Джорджия баптист"*, собрал представителей со всего штата и рассмотрел такие темы, как неравное распределение школьных налогов, лишение негров права на суд присяжных, система пеопажа и система наказаний. В 1905 году двадцать девять представителей расы основали организацию, получившую название "Ниагарское движение". Целями этой организации были свобода слова и критики, свободная и не субсидируемая пресса, избирательное право для мужчин, отмена всех кастовых различий, основанных только на расе и цвете кожи, признание принципа человеческого братства в качестве практического вероучения, признание высшего и лучшего обучения как монополии ни одного класса или расы, вера в достоинство труда и объединение усилий для реализации этих идеалов под мудрым и смелым руководством. Время было еще не совсем подходящее, и Ниагарское движение как таковое умерло через три-четыре года. Однако его принципы продолжали жить, и оно в значительной степени способствовало формированию более сильной и постоянной организации.

В 1909 году несколько человек, заинтересованных в общем влиянии негритянской проблемы на демократию в Америке, организовали в Нью-Йорке Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения.²²⁶ Считалось, что ситуация стала настолько плохой, что настало время для простой декларации прав человека. В 1910 году Мурфилд Стори, выдающийся адвокат из Бостона, стал национальным президентом, а У.Э. Бургхардт Дюбуа - директором по рекламе и исследованиям, а также редактором журнала *"Кризис"*, периодическое издание которого начало выходить в ноябре этого года. Организация была успешной с самого начала, и местные отделения были сформированы по всей стране, однако прошло несколько лет, прежде чем Юг был охвачен. Директор сказал: "Мы, негры, много лет мечтали о двух вещах: Организация, настолько эффективная и мощная, что если бы дискриминация и несправедливость коснулась одного негра, то она коснулась бы 12 000 000. Мы еще не добились этого, но сделали большой шаг к этому. Мы также мечтали об организации, которая бы непрерывно работала над тем, чтобы американцы знали, что так называемая "негритянская проблема" - это просто один из этапов огромной проблемы демократии в Америке, и что те, кто желает свободы и справедливости для своей страны, должны желать этого для каждого чернокожего гражданина. Это великое и настойчивое послание Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения".

Эта организация является выдающимся примером сотрудничества между расами для улучшения положения негров. Особый интерес с точки зрения улучшения экономического положения представляет Национальная лига по улучшению городских условий среди негров, ныне известная как Национальная городская лига, которая также имеет многочисленные отделения со штаб-квартирой в Нью-Йорке и через офисы которой тысячи негров были устроены на почетную работу. Национальная городская лига была официально организована в 1910 году; она представляла собой слияние различных организаций, работающих в Нью-Йорке в интересах социального улучшения негритянского населения, особенно Национальной лиги защиты цветных женщин и Комитета по улучшению промышленных условий среди негров в Нью-Йорке, оба из которых были организованы в 1906 году. Как мы увидим, работа Лиги должна была значительно расшириться в течение следующего десятилетия в связи с условиями, вызванными войной; под руководством исполнительного секретаря Юджина Кинкла Джонса и при содействии бдительных и патриотичных офицеров ее деятельность должна была стать подлинно национальной службой.

Интересным было и новое беспокойство молодого человека из южных колледжей о проблемах, которые стояли у его дверей. Всего через несколько лет после окончания рассматриваемого периода в университетах Вирджинии и Джорджии были учреждены стипендии Фелпса-Стокса для изучения проблем, связанных с неграми; ожидалось, что подобные стипендии будут учреждены и в других учебных заведениях; проявлялся интерес к ежегодным собраниям Южного социологического конгресса и Университетской комиссии по расовым вопросам Юга.

Таким образом, то с одной, то с другой стороны в "долину слез" ворвался новый день усилий и надежд. Силы для реальной борьбы собирались. Следующее десятилетие должно было стать периодом нескончаемого ожесточения и насилия, но также и периодом, когда негр, как никогда прежде, должен был подняться до достоинства уверенного в себе и мужественного человека.

Сноска 205: (возвращение)

В 1896 году эта статья вошла в подробное исследование *"Расовые черты и наклонности американского негра"*, опубликованное Американской экономической ассоциацией. В нем

Хоффман подробно доказывал, что эта раса не только не удерживает свои позиции по численности населения, но и поразительно преступна и неуклонно проигрывает в экономическом плане. Его работа была критически изучена, а ее заблуждения разоблачены в "Нейшн" от 1 апреля 1897 года.

Сноска 206: [\(возврат\)](#)

Июнь, 1892, с. 526.

Сноска 207: [\(возврат\)](#)

См. статью Альберта Шоу "Негритянский прогресс по плану Таскиги" в "Обзоре обзоров", апрель, 1894.

Сноски 208, 209: [\(вернуться 208\)](#) [\(вернуться 209\)](#)

Речь перед N.E.A., в Сент-Луисе, 30 июня 1904 года.

Сноска 210: [\(возврат\)](#)

Речь в Университете Фиска, 1805 г.

Сноски 211,212,213: [\(возврат 211\)](#) [\(возврат 212\)](#) [\(возврат 213\)](#)

Речь на выставке в Атланте, 18 сентября 1895 года.

Сноска 214: [\(возврат\)](#)

Речь в Гарвардском университете, 24 июня 1896 года.

Сноска 215: [\(возврат\)](#)

Октябрь, 1898, с. 387.

Сноска 216: [\(возврат\)](#)

С этого времени ходили самые дикие слухи, и число людей, которых убил Чарльз, было сильно преувеличено. В некоторых сообщениях говорилось о десятках или даже сотнях, и вполне возможно, что любые цифры, приводимые здесь, являются преуменьшением.

Сноска 217: [\(возврат\)](#)

P.C. Бейкер: *Following the Colour Line*, 3.

Сноска 218: [\(обратно\)](#)

Outlook, 3 ноября 1906 г., с. 561.

Сноска 219: [\(обратно\)](#)

Негр на Юге, 115.

Сноска 220: [\(возврат\)](#)

Ее фундаментальные предположения были умело опровергнуты Эдвардом Аткинсоном в "Североамериканском обозрении", август 1905 года.

Сноска 221: [\(возвращение\)](#)

Рецензия на книгу была опубликована в журнале *Dial* от 16 апреля 1901 года У.Э.Б. Дюбуа, который, в частности, сказал: "Книга мистера Томаса - это зловещий симптом - рост и развитие в американских условиях жизни, который особенно ярко иллюстрирует аномальное положение чернокожих мужчин и тот ужасающий стресс, в котором они находятся. А борьба и борьба людей с тяжелыми условиями жизни всегда имеет тенденцию к развитию преступника или лицемера, циника или радикала. Где бы ни начали появляться эти типы среди людей, испытывающих тяжелые испытания, это является видимым признаком бремени, которое грозит перегрузить их силы, и предвестием эпохи бунта".

Сноска 222: (возвращение)

Для общего рассмотрения вопроса о неграх в американской литературе, особенно в художественной литературе, обратите внимание на статью "Негр в американской художественной литературе" в *Dial*, May 11, 1916, включенную в сборник *"Негр в литературе и искусстве"*. Тезис в ней заключается в том, что образное отношение к негру все еще управляется устаревшими типами времен антибеллумской эпохи, или что в поисках бурлеска некоторые типы молодых и некультурных негров современности намеренно перерисовываются, но что нет честного или серьезного взгляда на характеры и ситуации в жизни негритянского народа в Соединенных Штатах сегодня. С тех пор как газета впервые вышла в свет, она получила большое развитие; об этом свидетельствуют рассказы Э. К. Минса и Октавиуса Роя Коэна.

Сноска 223: (возвращение)

Цитируется с разрешения автора и в том виде, в каком она была опубликована в журнале *McClure's Magazine*, сентябрь, 1899.

Сноска 224: (обратно)

В 1867 году Джордж Пибоди, американский торговец и патриот, основал Образовательный фонд Пибоди с целью содействия "интеллектуальному, моральному и промышленному образованию в наиболее обездоленной части южных штатов". Фонд Джона Ф. Слейтера был основан в 1882 году специально для содействия промышленному образованию негров.

Сноска 225: (возвращение)

См. главу "Интеллектуалы" в книге *"Мое большое образование"*.

Сноска 226: (обратно)

Подробный рассказ о происхождении организации см. в брошюре "Как возникла Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения" Мэри Уайт Овингтон, опубликованной Ассоциацией.

ГЛАВА XVI

НЕГР В НОВОМ ВЕКЕ

1. Характер периода

Десятилетие 1910-1920 годов, знаменательное в мировой истории и в истории негритянской расы в Америке, в конечном итоге должно рассматриваться как период великого духовного восстания против запретов, клеветы и насилия предшествующих двадцати лет. Как никогда раньше, негр начал осознавать, что конечное бремя его спасения лежит на нем самом, и научился уважать себя и зависеть от себя соответственно.

Десятилетие естественным образом делится на две части - до и после начала Великой войны в Европе. Однако уже в первые годы начали проявляться тенденции, которые впоследствии стали доминирующими. Большая часть десятилетнего периода пришлась на две администрации президента Вудро Вильсона; и в ходе этих администраций национальное правительство не только открыто дискриминировало лиц негритянского происхождения на федеральной службе и не защищало тех, кто случайно жил в столице, но и поощряло бесчинства в местах, которые, как принято считать, не входят в его юрисдикцию. Великая война должна была дать новый повод и новые возможности для дискриминации, клеветническая пропаганда должна была распространяться в невиданных ранее масштабах, а окончание войны должно было стать свидетелем попыток нового террора на Юге. Даже за пределами континентальной Америки раса теперь должна была страдать из-за

национальной политики, а маленькая республика Хайти - поднять свои кровоточащие руки к спокойному суду мира.

Как причиной, так и результатом борьбы, через которую теперь предстояло пройти расе, стал ее поразительный прогресс. Пятидесятая годовщина прокламации об эмансипации - 1 января 1913 года - как ничто другое напомнила о запретах и ошибках, а также об успехах и надеждах негритянского народа в Америке. На всем Юге лишение избирательных прав казалось почти полным; и все же, после многочисленных попыток, движение потерпело неудачу в Мэриленде в 1911 году и в Арканзасе в 1912 году. Кроме того, в 1915 году Верховный суд США признал неконституционным закон о лишении избирательных прав в Оклахоме, и отныне негр мог чувствовать, что высшая юридическая инстанция больше не на стороне тех, кто стремился лишить его всякого политического голоса. За одиннадцать лет до этого суд укрылся в формальностях. 1911 год ознаменовался назначением первого негра-полицейского в Нью-Йорке, избранием первого негра-законодателя в Пенсильвании, назначением представителя расы Уильяма Х. Льюиса помощником генерального прокурора США; в Массачусетсе, Нью-Йорке и Нью-Джерси было выиграно несколько исков о защите гражданских прав. Банки, страховые компании, торговые и промышленные предприятия постоянно капитализировались, церкви возводили все более величественные здания, а братские организации постоянно увеличивали число членов и богатство. К 1913 году "Одд Феллоуз" насчитывала почти полмиллиона членов и владела собственностью на два с половиной миллиона долларов; в 1920 году филадельфийская корпорация развлечений "Данбар" построила театр стоимостью 400 000 долларов; а ведущая деловая женщина расы в этом десятилетии, мадам К. Дж. Уолкер, на простом бизнесе по продаже туалетных принадлежностей и препаратов для волос создала предприятие национального масштаба, которое вела в соответствии с принципами, регулярно определяющими деятельность великих американских коммерческих организаций. Через пятьдесят лет после эмансипации почти четверть всех негров в южных штатах жили в домах, которые принадлежали им самим; так, из 1 917 391 дома, занимаемого в этих штатах, 430 449 в 1910 году числились в собственности, а 314 340 были свободны от всякого обременения. Процент неграмотности снизился с 70 в 1880 году до 30,4 в 1910 году, и в настоящее время предпринимаются меры для еще более быстрого распространения элементарных знаний. Превосходные средние школы, такие как в Сент-Луисе, Вашингтоне, Канзас-Сити (оба города с таким названием), Луисвилле, Балтиморе и других городах и поселках в приграничных штатах, а иногда и в Техасе, устанавливали стандарты, соответствующие лучшим в стране; и за один год, 1917, 455 молодых людей этой расы получили степень бакалавра искусств, а в течение десятилетия разные из них получали почести и высшие дипломы в лучших учебных заведениях страны. В начале десятилетия Совет по общему образованию начал активно помогать работе высших учебных заведений, а выдающимся подарком стал полумиллионный дар Университету Фиска в 1920 году. Тем временем через Национальную городскую лигу и сотни местных клубов и благотворительных организаций продвигалась работа по улучшению социального положения, значительный импульс которой придала Национальная ассоциация клубов цветных женщин, организованная в 1896 году.

Наряду с прогрессом, на протяжении всего десятилетия расе приходилось сталкиваться с растущим ожесточением и оппозицией, которые усилились после выхода фильма "Рождение нации", построенного по аналогии с *"Клансменом"*. Негры, занимающие высокие места в списках государственных служащих, иногда отстранялись от работы; в 1913 году белые железнодорожные почтовые служащие Юга начали открытую кампанию против негров на службе в прямое нарушение правил, а чуть позже в том же году сегрегация в различных департаментах стала печально известной. В 1911 году Американская ассоциация юристов

подняла вопрос о цветовой линии; а усилия по ограничению проживания негров в определенных кварталах в разных известных городах иногда приводили к насилию, как, например, в 1911 году в Канзас-Сити, штат Миссури, были взорваны дома негров. Когда в 1912 году была организована Прогрессивная партия, негру дали понять, что его поддержки не ищут, а в 1911 году забастовка пожарных на железной дороге Квин энд Кресент в основных чертах была похожа на неприятности на железной дороге Джорджии за два года до этого. Тем временем на Юге раса получала лишь 18 процентов от общих расходов на образование, хотя составляла более 30 процентов населения.

Хуже всего, однако, обстояло дело с самосудом. В каждом году общее число жертв незаконной казни продолжало составлять три-четыре десятка, но никто никогда не мог быть уверен, что каждый случай был зафиксирован. В период между началом десятилетия и вступлением Соединенных Штатов в войну пять случаев сопровождались столь необычными обстоятельствами, что общественность не могла вскоре забыть их. В Коутсвилле, штат Пенсильвания, недалеко от Филадельфии, 12 августа 1911 года негр-рабочий Зак Уокер, будучи пьяным, смертельно ранил ночного сторожа. Его преследовали, и он попытался покончить с собой. Раненый, он был доставлен в город и помещен в больницу. Оттуда его, прикованного к койке, протащили несколько миль, а затем подвергли пыткам и сожгли до смерти в присутствии большой толпы людей, среди которых было много женщин, а его кости и звенья цепи, которой он был прикован, раздали в качестве сувениров. В Монтичелло, штат Джорджия, в январе 1915 года, когда негритянская семья оказала сопротивление офицеру, производившему арест, отец, Дэн Барбур, его маленький сын и две дочери были повешены на дереве, а их тела изрешечены пулями. Перед самым закрытием года в юго-западной части штата начались серьезные волнения, за которыми скрывались все пороки системы пеонажа в черном поясе. Доведенные до отчаяния жестоким обращением с ними при сборе хлопка, негры в конце концов убили надсмотрщика, который выпорол негритянского мальчика. После этого начался террор: сжигались церкви, общественные здания и дома, несколько человек были застрелены. 30 декабря в округе Эрли произошло массовое линчевание шести негров. Менее чем через три недели после этого был убит шериф, пытавшийся арестовать еще нескольких негров, которых сопровождала толпа. Затем (20 января 1916 года) пятерых негров, взятых из тюрьмы в округе Уорт, на автомобилях перевезли в прилегающий округ Ли, повесили и расстреляли. 15 мая 1916 года в Вако, штат Техас, Джесси Вашингтон, угрюмый и обросший юноша семнадцати лет, который работал на белого фермера Фраяра в городке Робинсон, расположенном в шести милях от него, и который за неделю до этого совершил преступное нападение и убил миссис Фраяр, после неописуемых мучений был сожжен в самом центре города. Часть пыток заключалась в нанесении ударов ножами и отрезании пальцев мальчика, когда он хватался за цепь, которой был связан. Наконец, 21 октября 1916 года Энтони Кроуфорд, негр-фермер из Аббевиля, Южная Каролина, владевший четырьмястами двадцатью семью акрами лучших хлопковых земель в своем округе и обладавший состоянием в 20 000 долларов, был линчеван. Он приехал в город в магазин У. Д. Барксдейла, чтобы продать груз хлопкового семени, и двое мужчин поссорились из-за цены, хотя ни одна из сторон не нанесла удара. Однако чуть позже Кроуфорд был арестован местным полицейским, и толпа бездельников с площади бросилась устраивать ему порку за его "наглость". Он быстро сбил с ног зачинщика молотком. Толпа набросилась на него, едва не убила и бросила в тюрьму. Через несколько часов, опасаясь, что шериф тайно увезет заключенного, она вернулась, вытащила раненого, а затем повесила и застрелила его, после чего его семье было разослано предупреждение о необходимости покинуть графство до середины следующего месяца.

Следует отметить, что в этих пяти примечательных случаях только в одном случае речь шла о преступном нападении. С другой стороны, в одном случае среди жертв были две молодые женщины; другой случай был на самом деле серией линчеваний, подчеркивающих участь некоторых негров в условиях порочной экономической системы; а последний случай просто вырос из зависти и ненависти, вызванной независимым негром, который знал, как отстаивать свои права.

Таков был прогресс, таково же было и насилие, свидетелем которого негр стал в течение десятилетия. Наряду с проблемами дома он стал проявлять новый интерес к проблемам своих сородичей за морем, и это чувство усилилось после мировой войны. Однако она поднимает вопросы столь далеко идущего значения, что должна быть рассмотрена отдельно.

2. Миграция; Ист-Сент-Луис

Очень скоро после начала Великой войны в Европе началось то, что в конечном итоге будет известно как самое замечательное миграционное движение в истории негров в Америке. Миграция действительно не прекращалась со времен великого движения 1879 года, но по большей части она носила лишь личный характер и не была вызвана какими-либо чрезвычайными обстоятельствами. Однако внезапное прекращение потока иммигрантов из Европы создало беспрецедентный спрос на рабочую силу в крупных промышленных центрах Севера, и деловые люди не замедлили осознать возможности источника, который до сих пор использовался лишь в незначительной степени. Специальные агенты, несомненно, в какой-то мере сработали; но выдающейся особенностью новой миграции было то, что это было прежде всего массовое движение, а не организованное или поощряемое какой-либо особой группой лидеров. Рабочая сила была нужна на строительстве железных дорог, на сталелитейных заводах, на табачных фермах Коннектикута, а также на упаковочных, литейных и автомобильных заводах. В 1915 году табакотводы Новой Англии спешно собрали в Нью-Йорке двести девушек; но их оказалось недостаточно, и стало ясно, что за поставками рабочей силы нужно следить более тщательно. В январе 1916 года руководство Continental Tobacco Corporation окончательно определилось с политикой импорта рабочих с Юга, и в течение следующего года в Хартфорд приехало не менее трех тысяч негров, несколько сотен из которых были учащимися школ и колледжей, отправившимися на Север на лето. В то же лето из Джексонвилля и других пунктов прибыли целые поезда негров для работы на железных дорогах Эри и Пенсильвании.

Те, кто покинул свои дома на Юге, чтобы найти новые на Севере, работали, прежде всего, в ответ на новый экономический спрос. Однако в первую очередь их побуждали к этому неудовлетворительные условия жизни на Юге, от которых они так долго страдали и из которых, казалось, не было выхода. Как бы то ни было, иногда они испытывали большие затруднения при отъезде. В Джексонвилле городской совет принял постановление, согласно которому агенты, желающие нанять рабочую силу для отправки за пределы штата, должны были заплатить 1000 долларов за лицензию или подвергнуться штрафу в 600 долларов и провести шестьдесят дней в тюрьме. В Мейконе (штат Гавайи) плата за лицензию была увеличена до 25 000 долларов. В Саванне было сильное волнение. Когда два поезда не пошли, как ожидалось, триста негров заплатили за проезд и отправились на север. Позже, когда лидеров движения не удалось найти, полиция арестовала сто негров и отправила их в полицейские казармы, обвинив в бродяжничестве. Подобные сцены происходили и в других местах - Юг тогда как никогда не желал лишаться рабочей силы. Тем временем зарплата некоторых мужчин в таком промышленном центре, как Бирмингем, подскочила до 9 и 10

долларов в день. В общей сложности за четыре года 1915-1918 на Север уехало не менее трех четвертей миллиона негров.

Естественно, такое большое перемещение населения не обошлось без некоторых неудобств и лишений. Среди тысяч людей, сменивших место жительства, было много невежественных и неимущих; но иногда продавали свое имущество и переезжали самые опытные ремесленники и самые солидные владельцы домов в разных населенных пунктах. На Севере они сразу же столкнулись с нехваткой жилья. В Филадельфии и Питтсбурге ситуация стала настолько плохой, что потребовала немедленного вмешательства. Более чем в одном месте произошли вспышки, в результате которых погибли люди. В Ист-Сент-Луисе, штат Иллинойс, все социальные проблемы, поднятые движением, предстали перед нами в самом неприглядном виде. Первоначальное население этого города в большинстве своем было выходцами из Джорджии, Миссисипи, Кентукки и Теннесси. Долгое время он был важным промышленным центром. Это было также очень грубое место, сцена призовых и петушинных боев, пристанище для беглых заключенных; салуны и политика были тесно связаны между собой. В течение многих лет менеджеры промышленных предприятий набирали рабочую силу на Эллис-Айленде. Когда это не удалось, они обратились к неграм с Юга, и трудности усугубились серией забастовок белых рабочих. К весне 1917 года в город прибыло не менее десяти тысяч негров, и ситуация с жильем была настолько острой, что этих людей все больше и больше вытесняли в белые населенные пункты. Иногда недавно прибывшие негры бесцельно слонялись по улицам, где встречались с более грубыми элементами города; часто случались драки, а также много неприятностей на уличных машинах. Негры интересовались политикой и даже добились того, что несколько человек по их выбору были назначены на должности. В феврале 1917 года произошла забастовка белых рабочих на заводе по производству алюминиевой руды. В тот момент ситуацию удалось уладить, но она не была окончательной, а тем временем с Юга почти ежедневно прибывали негры, и газета *East St. Louis Journal* требовала: "Сделайте Ист-Сент-Луис белым городом Лили". Предварительные беспорядки произошли 27-30 мая. В ночь на первое июля люди на автомобилях проехали по негритянскому кварталу и начали беспорядочную стрельбу. На следующий день резня разразилась во всей своей ярости, и прежде чем она закончилась, было уничтожено имущество на сотни тысяч долларов, шесть тысяч негров были изгнаны из своих домов, а около ста пятидесяти расстреляны, сожжены, повешены или искалечены на всю жизнь. Служители закона не выполнили свой долг, а свидетельства жертв о пытках, которым они подвергались, вызывали трепет ужаса в сердце американского народа. Позже было проведено расследование в Конгрессе, но оно не принесло ничего существенного. В последнюю неделю того же месяца, июля 1917 года, серьезные вспышки произошли также в Честере и Филадельфии, штат Пенсильвания, причем основные проблемы были теми же, что и в Ист-Сент-Луисе.

Тем временем благотворительные организации усердно работали над адаптацией негра в новой среде. В Чикаго различные клубы штата оказывали благородную помощь. Однако больше, чем любое другое агентство, работала Национальная городская лига, чья деятельность приобрела беспрецедентный размах. Показательна работа Детройтского отделения, которое не ограничилось поиском вакантных мест, а обратилось к производителям всех видов через распространение литературы и личные визиты, и в течение двенадцати месяцев успешно устроило не менее тысячи негров на работу, отличную от неквалифицированного труда. Кроме того, организация создала бюро расследований и информации о жилищных условиях и в целом стремилась обеспечить надлежащую моральную и социальную заботу о тех, кто нуждался в ее услугах. После вступления Соединенных Штатов в войну проблема негров приобрела такое огромное значение, что в

офисе министра труда был создан специальный отдел негритянской экономики, руководителем которого был назначен доктор Джордж Э. Хейнс.

В январе 1918 года в Нью-Йорке под эгидой Национальной городской лиги была созвана Конференция миграции, которая представила на рассмотрение Американской федерации труда резолюции с просьбой рассматривать труд негров наравне с белыми. Федерация долго обсуждала весь вопрос о неграх, но так и не смогла прийти к четкой политике, хотя в целом ее отношение было неблагоприятным. Однако в 1919 году она проголосовала за принятие мер по признанию и приему негритянских профсоюзов. Наконец-то она осознала необходимость создания союзников среди негритянских рабочих, и, конечно, любая такая смена фронта со стороны белых рабочих поставила бы под угрозу некоторые основы расовых противоречий на Юге и в стране в целом. Насколько эффективным окажется новое решение на практике, еще предстоит выяснить, тем более что к концу 1920 года все рабочее движение было переведено в оборонительное положение. Однако особый интерес вызывают события в Богалузе, штат Лас-Вегас, в ноябре 1919 года. Здесь находилась штаб-квартира компании Great Southern Lumber Company, чей лесопильный завод в этом месте считался самым большим в мире. В течение некоторого времени она использовала неорганизованный негритянский труд в противовес белым профсоюзам. Однако силы труда начали организовывать негров, работающих в компании, которая имела как политический, так и капиталистический контроль в обществе. Компания начала арестовывать негров по обвинению в бродяжничестве, доставлять их в городской суд, штрафовать и передавать Компании для отработки штрафов под охраной стрелков. В ходе беспорядков, разразившихся 22 ноября, были застрелены трое белых мужчин, один из которых был окружным президентом Американской федерации труда, помогавшим обеспечить защиту цветному организатору. Полное значение этого инцидента еще предстоит выяснить, но вполне возможно, что в окончательной истории негритянской проблемы стычка в Богалузе ознаменует начало конца эксплуатации негритянского труда и первое признание идентичности интересов белых и черных рабочих на Юге.

3. Великая война

Как раз накануне вступления Америки в войну в Европе произошел инцидент, который, по крайней мере, с точки зрения негра, должен в конце концов показаться просто прелюдией к грядущему великому сражению. В очередной раз, в неожиданный момент, спустя десять лет после Браунсвилля, преданность и героизм негритянского солдата поразили американский народ. Экспедиция американских войск в Мексику в 1916 году с сопутствующими ей политическими событиями - долгая история. Однако выдающимся инцидентом стало столкновение двух отрядов Десятой кавалерии. Около восьмидесяти человек были отправлены на большое расстояние от основной линии американской армии, их задачей якобы была погоня за дезертиром. В городе Карризаль или около него американцы, по-видимому, решили пройти через город, а не обойти его, и в результате произошло столкновение, в котором капитан Бойд, командовавший отрядом, и около двадцати его людей были убиты, а еще двадцать два человека попали в плен к мексиканцам. В сложившихся обстоятельствах вся эта затея была довольно неосмотрительной. Что касается самого сражения, то мексиканцы утверждали, что атаку произвели американские войска, в то время как последние говорили, что мексиканцы сами первыми открыли огонь. Как бы там ни было, но все остальные фазы мексиканской проблемы, казалось, были на время забыты в Вашингтоне из-за требования освободить двадцать два человека, которые были захвачены. Причин для их удержания не было, и в течение нескольких дней их доставили в Эль-Пасо и отправили за линию фронта. Таким образом, хотя "кто-то и оплошал", эти негритянские

солдаты выполнили свой долг; "им не нужно было отвечать, им нужно было делать и умирать". И вот, несмотря на все трудности, они сражались как герои, а двадцать человек погибли под мексиканскими звездами.

Когда в апреле 1917 года Соединенные Штаты вступили в войну в Европе, негритянский народ, естественно, задался вопросом о своем отношении к великому конфликту, в который оказалась втянута его страна. Их реакция на призыв в армию стала достойным примером лояльности по отношению ко всем остальным элементам страны. В самом начале раса столкнулась с ужасной дилеммой: если должны быть специальные лагеря для подготовки офицеров, и если национальное правительство не примет никаких других мер, хочет ли оно иметь специальный лагерь для негров, такой, который бы давал официальное одобрение политике сегрегации, или оно хочет вообще не иметь лагеря на таких условиях и таким образом потерять возможность иметь мужчин своей расы, специально подготовленных в качестве офицеров? Лагерь был выбран - лагерь Додж, недалеко от Де-Мойна, штат Айова; и в течение всего лета 1917 года работа по подготовке продолжалась, и сердце измученного и обремененного народа все больше и больше с гордостью откликалось на работу своих мужчин. 15 октября 625 человек стали офицерами, а в общей сложности 1200 человек получили звания. В боевые силы Соединенных Штатов раса предоставила в общей сложности почти 400 000 человек, из которых чуть больше половины служили в Европе.

Негры служили во всех отраслях военного ведомства, а также в качестве геодезистов и чертежников. За решение многих вопросов, связанных с ними, Эмметт Дж. Скотт 1 октября 1917 года был назначен специальным помощником военного министра. В течение нескольких лет мистер Скотт помогал доктору Букеру Т. Вашингтону в качестве секретаря в Институте Таскиги, а в 1909 году он был одним из трех членов специальной комиссии, назначенной президентом Тафтом для расследования либерийских дел. Военное министерство разрешило негритянским медсестрам работать в базовых госпиталях в шести армейских лагерях, а женщины также служили в столовых во Франции и в домах для хозяек в США. Шестьдесят негров служили капелланами; 350 - секретарями У.М.С.А.; и другие - в специальных должностях. Исключительно ценные услуги оказывали негритянские женщины в промышленности, и в значительной степени они поддерживали и способствовали обеспечению продовольствием через сельское хозяйство в то же время, когда освобождали мужчин для службы на фронте. Тем временем раса инвестировала миллионы долларов в облигации Свободы и военные сберегательные марки и делала щедрые взносы в Красный Крест, У.М.С.А. и другие организации по оказанию помощи. Летом 1918 года интерес, естественно, был сосредоточен на реальных действиях негритянских солдат во Франции и на создании подразделений Студенческого армейского учебного корпуса в двадцати ведущих учебных заведениях. Когда эти подразделения были демобилизованы в декабре 1918 года, в ряде школ было предусмотрено формирование подразделений Корпуса подготовки офицеров запаса.

Замечательные результаты, достигнутые неграми в предыдущих войнах страны, были полностью превзойдены в Великой войне. Солдаты-негры с особым отличием сражались в Аргонском лесу, при Шато-Тьерри, в Белло Вуд, в районе Сен-Миель, в секторе Шампань, в Вогезах и Меце, заслужив зачастую очень высокую оценку своих командиров. Целые полки негритянских войск были отмечены за исключительную доблесть и награждены орденами "Круа де Герр" - 369-й, 371-й и 372-й; группы офицеров и солдат 365-го, 366-го, 368-го, 370-го и первого батальона 367-го также были награждены. К концу войны высшими негритянскими офицерами в армии были подполковник Отис Б. Дункан, командир третьего батальона 370-го полка, бывшего Восьмого Иллинойского, и самый высокопоставленный негритянский

офицер в Американских экспедиционных силах; полковник Чарльз Янг (в отставке), выполнявший специальные обязанности в Кэмп-Гранте, штат Иллинойс; полковник Франклин А. Деннисон из 370-го пехотного полка и подполковник Бенджамин О. Дэвис из Девятого кавалерийского. 370-й полк стал первым американским полком, размещенным в секторе Сен-Мигель; он был одним из трех, занявших сектор в Вердене, когда проникновение туда было бы катастрофическим для союзников; и он прошел путь от тренировочного лагеря до линии огня. Заслуживают внимания и результаты 369-го пехотного полка, бывшего Пятнадцатого полка Национальной гвардии Нью-Йорка. Эта организация находилась под обстрелом 191 день, и 91 день удерживала одну траншею без помощи. Это было первое подразделение союзных бойцов, которое достигло Рейна, спустившись в качестве передового отряда французской оккупационной армии. Выдающимся героем этого полка был сержант Генри Джонсон, который вернулся с Croix de Guerre с одной звездой и одной ладонью. Его заслуга в том, что 5 мая 1918 года он разгромил отряд немцев в Буа-Ганзее в Аргонне, нанеся противнику исключительно большие потери. Многие другие бойцы действовали с такой же храбростью. Вряд ли менее героической была служба стивидорных полков или тысяч мужчин в армии, которые не поехали во Францию, но выполняли свой долг, как им приказывали дома. Генерал Винсенден сказал о бойцах 370-го полка: "Воспламененные благородным пылом, они порой выходят даже за рамки задач, поставленных перед ними вышестоящим командованием; они всегда хотели быть на передовой"; а генерал Койбет сказал о 371-м и 372-м полках: "Самая мощная оборона, самые сильно организованные пулеметные гнезда, самые тяжелые артиллерийские заграждения - ничто не могло остановить их. Эти полки преодолевали все препятствия с полным презрением к опасности..... Они показали нам путь к победе".

Несмотря на свой благородный послужной список - возможно, в какой-то степени благодаря ему - и несмотря на верный отклик на призыв к долгу, негр, к несчастью, стал в ходе войны жертвой проскрипции и пропаганды, вероятно, не имеющей аналогов в истории страны. Кажется, не жалели усилий, чтобы дискредитировать его и как человека, и как солдата. И во Франции, и в Америке очевидной целью сил, работавших против него, было намерение предотвратить любое ощущение того, что война внесет какие-либо изменения в положение расы на родине. На Юге негров иногда принуждали к пеонажу и сдерживали их попытки уехать на Север; как правило, они не имели представительства в местных советах, призыв часто проводился так, чтобы быть несправедливым по отношению к ним, и каждый мужчина, который регистрировался, находил специальное положение для указания своей расы в углу своей карточки. Соответственно, во многих населенных пунктах негры вносили больше своей квоты, что было результатом благосклонного отношения к белым призывникам. Первый отчет генерал-провиантмейстера показал, что из каждых 100 призванных негров 36 были сертифицированы для службы, в то время как из каждых 100 призванных белых мужчин было сертифицировано только 25. Из числа призванных по классу I негры составили 51,65 процента от числа зарегистрированных против 32,53 процента от числа белых. Во Франции клевета была явной и вопиющей. Клевета на негров-солдат намеренно распространялась среди французского народа, иногда на основании очень высоких полномочий, причем большая часть этой пропаганды проистекала из ревнивого страха перед любым знакомством негров-мужчин с французскими женщинами. Особенно наглыми, а иногда и жестокими были люди из военной полиции, которые порой стреляли и убивали при малейшей провокации. Владельцы, продававшие товары неграм-солдатам, иногда подвергались бойкоту, и превозносились проступки, которые в случае с белыми мужчинами никогда не публиковались. Негры-офицеры подвергались дискриминации при размещении в гостиницах и путешествиях, а на простых служивых мужчин необоснованно сваливалась любая особо неприятная обязанность, например, перезахоронение мертвых. Белые

женщины, занятые в работе "Y", особенно южанки, проявляли склонность не обслуживать негров, хотя организации Красного Креста и Армии Спасения были в этом отношении гораздо лучше; и, наконец, солдату-негру не было предоставлено никакого места на великом параде победы в Париже. Кроме того, к концу войны появилась огромная картина или серия картин "Пантеон войны", которая была огромного масштаба и привлекла к себе необычайное внимание.²²⁷ Не исключено, что немцы пытались - хотя и безуспешно - использовать ситуацию в своих интересах, распространяя среди негров коварную литературу, в которой иногда приводились очень сильные аргументы. Все это следует учитывать тем людям в Соединенных Штатах, которые считают, что негр страдает от чрезмерного недовольства.

В то время как негр-солдат за границей испытывал необычное давление в дополнение к обычным тяготам войны, дома произошел инцидент, который был вдвойне удручающим, поскольку произошел всего через несколько недель после бойни в Ист-Сент-Луисе. В августе 1917 года батальон Двадцать четвертой пехоты, расквартированный в Хьюстоне, штат Техас, для помощи в работе по сосредоточению солдат для войны в Европе, столкнулся с недоброжелательным отношением города, и между городской полицией и негритянской военной полицией постоянно возникали трения. Наконец, когда один из негров был избит, среди его товарищей распространился слух, что его застрелили, и некоторые из них отправились мстить. В ходе последовавшего за этим бунта (23 августа) были убиты двое негров и семнадцать белых жителей города, в том числе пять полицейских. В результате этого столкновения шестьдесят три члена батальона были отданы под трибунал в Форте Сэм Хьюстон. Тринадцать были повешены 11 декабря 1917 года, еще пять казнены 13 сентября 1918 года, пятьдесят один был приговорен к пожизненному заключению и пять - к более коротким срокам; и негритянское население страны очень остро ощутило тот факт, что осужденные были повешены как обычные преступники, а не получили смерть как солдаты. Таким образом, по той или иной причине вся эта война и связанные с ней инциденты просто заставили негра с большей горечью, чем когда-либо, задаться вопросом о реальном отношении к нему правительства, под властью которого он жил и которому так долго стремился служить.

4. Высокое напряжение: Вашингтон, Чикаго, Элейн

Такие инциденты за границей и такие чувства дома, о которых мы рассказали, не только взволновали негритянский народ, но и вызвали беспокойство тысяч других граждан, и когда 11 ноября 1918 года неожиданно наступило перемирие, не только на Юге, но и в других районах страны расовые чувства были подняты до наивысшей точки. Примерно в то же время за границей стали распространяться зловещие слухи о том, что старый Ку-клукс-клан снова на коне; и уже через несколько месяцев ночные парады в представительных городах Алабамы и Джорджии не оставили сомнений в том, что слухи были вполне обоснованными. Негритянский народ полностью осознал значение нового движения, и он прекрасно чувствовал давление, которое оказывалось на него в связи с нехваткой домашней прислуги на Юге. Еще больше они ощущали ситуацию, в которой окажутся их сыновья и братья, когда вернутся из Франции. Но они не боялись, и во всех беспорядках того периода обращает на себя внимание тот факт, что в некоторых городах, где ситуация была наиболее напряженной - в частности, в Атланте и Бирмингеме, - не было допущено больших расовых беспорядков.

Однако в целом насилие, характерное для 1917 года, продолжалось на протяжении 1918 и 1919 годов. В одном штате Теннесси менее чем за год и по разным поводам были сожжены на костре три негра. 22 мая 1917 года недалеко от Мемфиса был сожжен Элл Т. Персон, почти пятидесяти лет от роду, за предполагаемое нападение и убийство молодой женщины; в данном случае слово "предполагаемое" употреблено с умыслом, так как весь вопрос

установления вины за преступление и тот факт, что мужчине было отказано в законном судебном разбирательстве, оставляют серьезные сомнения в степени его вины. В воскресенье, 2 декабря 1917 года, в Дайерсбурге, сразу после окончания службы в церквях города, Латион Скотт, виновный в преступном нападении, был сожжен; ему выкололи глаза раскаленным утюгом, воткнули в горло раскаленную кочергу и изуродовали немыслимыми способами. Два месяца спустя, 12 февраля 1918 года, в Эстилл-Спрингс на костре был сожжен Джим Макилхерон, который застрелил двух молодых белых мужчин. В Эстилл-Спрингс с некоторых пор у белых молодых людей была забава - бросать камни в одиноких негров и заставлять их бежать. Однажды поздно вечером Макилхерон зашел в магазин, чтобы купить конфеты. Когда он выходил из магазина, один из трех молодых людей сделал замечание, что он съел конфету. Дальнейшая история очевидна.

Какими бы ужасными ни были эти сожжения, можно с уверенностью сказать, что они не вбивали железо в душу негра сильнее, чем три последующие истории. Хэмптон Смит был известен как один из самых жестоких работодателей негритянской рабочей силы в округе Брукс, штат Гавайи. Поскольку иначе ему было трудно получить помощь, он обращался в суды и всякий раз, когда негр был осужден и не мог заплатить штраф или был приговорен к сроку на цепной каторге, он платил штраф и устраивал его на работу на свою плантацию. Так он привлек к работе Сиднея Джонсона, оштрафованного на тридцать долларов за азартные игры. После того как Джонсон с лихвой отработал тридцать долларов, он потребовал заплатить за отбытый срок. Смит отказался это сделать, в результате чего произошла ссора. Несколько утр спустя, когда заболевший Джонсон не пришел на работу, Смит нашел его в своей хижине и избил. Через несколько вечеров, когда Смит сидел в своем доме, в него выстрелили через окно и убили мгновенно, а его жена была ранена. В результате этого происшествия негры округов Брукс и Лоундес в течение недели с 17 по 24 мая 1918 года подвергались террору, и не менее одиннадцати из них были линчеваны. В тела двух мужчин, которых линчевали вместе, было выпущено не менее семисот пуль. Сам Джонсон был застрелен, когда его нашли, но его тело было изуродовано, протасщено по улицам Валдосты и сожжено. Мэри Тернер, жена одного из убитых, заявила, что с ее мужем поступили несправедливо и что если бы она знала, кто его убил, то присягнула бы им. За эти слова ее тоже линчевали, хотя она находилась на поздних сроках беременности. Ей связали лодыжки и подвесили к дереву вниз головой. Бензин и масло из стоявших рядом автомобилей вылили на ее одежду и подожгли спичкой. Пока она была еще жива, ей вскрыли живот большим ножом, и ее нерожденный ребенок упал на землю. Он издал два слабых крика, а затем один из членов толпы раздавил ему голову каблуком. Затем в тело женщины были выпущены сотни пуль. В результате этих событий не менее пятисот негров немедленно покинули ближайшие окрестности Валдосты, а сотни других приготовились уехать, как только смогут распорядиться своей землей, и они продолжали это делать, угрожая, что любой негр, который попытается уехать, будет рассматриваться как причастный к убийству Смита, и с ним поступят соответствующим образом. В конце того же года, 20 декабря 1918 года, четверо молодых негров - майор Кларк, двадцати лет, Эндрю Кларк, пятнадцати лет, Мэгги Хауз, двадцати лет, и Альма Хауз, шестнадцати лет - были взяты из маленькой тюрьмы в Шубуте, штат Миссисипи, и линчеваны на мосту недалеко от города. Их обвинили в убийстве Э. Л. Джонстона, белого дантиста, хотя все они заявляли о своей невинности. Ситуация, предшествовавшая линчеванию, была значительной. Майор Кларк был влюблен в Мэгги Хаузи и планировал на ней жениться. Эта мысль разозлила Джонстона, который вскоре должен был стать отцом ребенка от этой девушки, и он сказал Кларку, чтобы тот оставил ее в покое. Когда обеих сестер собирались убить, Мэгги кричала и боролась, крича: "Я не виновна в убийстве доктора, и вы не должны меня убивать"; чтобы заглушить ее крики, один из членов толпы ударил ее по рту обезьяньим ключом, выбив ей зубы. 24 мая 1919 года в Милане, округ

Телфэйр, штат Джорджия, двое молодых белых мужчин, Джим Дауди и Льюис Эванс, поздно вечером пришли пьяными в негритянскую часть города, в дом вдовы, у которой было две дочери. Их не пустили в дом, а затем открыли стрельбу. Девочки, испугавшись, побежали в другой дом. Их преследовали, и Берри Вашингтон, уважаемый негр семидесяти двух лет от роду, схватил ружье, намереваясь обеспечить им защиту; в ходе последовавшей за этим перестрелки Дауди был убит. На следующую ночь, в субботу 25-го, Вашингтона отвезли на место, где был убит Дауди, и расстреляли его тело на куски.

Однако столице нации оставалось лишь продемонстрировать реальное положение расы после большой войны, которую вела администрация демократов. До этого федеральное правительство объявляло себя бессильным действовать в случае беззакония в отдельном штате, но теперь у него появилась возможность разобраться с насилием в самом Вашингтоне. 19 июля 1919 года серия громких и преувеличенных историй в ежедневных газетах о попытках нападения негров на белых женщин привела к вспышке насилия, целью которой был террор в популярном северо-западном районе, где проживала большая часть негров округа Колумбия. В течение трех дней насилие продолжалось с перерывами, и, поскольку полиция практически ничего не предпринимала для защиты негритянских граждан, жертв могло быть бесконечно больше, если бы цветные жители города не взяли на себя защиту. Как бы то ни было, они спасли столицу и заслужили благодарность расы и нации. Оказалось, что негры - образованные, законопослушные негры - теперь не побегут, когда на карту поставлена их жизнь и их дома, и перед такой решимостью толпа бесславно отступила.

Всего через неделю после этого - не успела страна толком перевести дух после событий в Вашингтоне - в Чикаго разгорелась расовая война, отличавшаяся величайшей горечью и жестокостью. В течение нескольких лет западная метрополия была известна как город, предоставляющий неграм лучшие промышленные и политические возможности в стране. Когда миграция, вызванная войной, достигла своего апогея, десятки тысяч негров с Юга проезжали через город, направляясь в другие места, но тысячи также оставались, чтобы работать на складах или в других местах. С учетом всех приезжих и уезжающих негров в городе в любой момент 1918 или 1919 года должно было насчитываться не менее 150 000 человек; банки, кооперативные общества и расовые газеты процветали. Кроме того, существовало множество социальных проблем, которые пробуждали салуны и игорные притоны, а также изнаночная сторона политики. Однако те, кто дольше всех прожил в городе, откликнулись на нужды новоприбывших и в своих домах, церквях и на своих рабочих местах постарались помочь им освоиться в новой среде. Несмотря на все эти усилия, ситуация с жильем становилась все более острой, и когда некоторые негры были вынуждены покинуть пределы старого "черного пояса", предпринимались попытки поджечь их новые жилища. Тем временем сотни молодых людей, уехавших во Францию или в места расквартирования - 1850 человек из района одной призывной комиссии на углу Стейт и 35-й улицы, - вернулись, чтобы снова найти свое место в жизни Чикаго; и ежедневно из Вашингтона или с Юга приходили большие волны социальных волнений. Арнольд Хилл, секретарь чикагского отделения Национальной городской лиги, сказал: "Каждый раз, когда на Юге происходит линчевание, вы можете быть уверены, что цветные люди из этой общины придут в Чикаго в течение двух недель; мы видели, что это происходит так часто, что каждый раз, когда мы читаем газетные сообщения о публичном повешении или сожжении в техасском или миссисипском городе, мы готовы передать привет людям из непосредственной близости от места линчевания". До подписания перемирия Лига ежемесячно находила работу для 1700 или 1800 мужчин и женщин; в апреле следующего года это число сократилось до 500, но с наступлением лета быстро возросло.

Неквалифицированной работы было много, и рабочие места на литейных и сталелитейных заводах, в строительстве, на легких фабриках и упаковочных цехах поддерживали постоянный спрос на рабочую силу. Тем временем назревали проблемы, и на улицах периодически происходили стычки.

Так было, когда в воскресенье в конце июля негритянский мальчик на купальном пляже возле Двадцать шестой улицы переплыл воображаемую линию сегрегации. Белые мальчики бросили в него камни, сбили с плота, и он утонул. Цветные люди бросились к полицейскому и попросили его арестовать мальчиков, которые бросали камни. Он отказался это сделать, и пока выносили труп негритянского мальчика, с обеих сторон бросили еще камни. Возникшие таким образом беспорядки распространились по всему негритянскому району Саут-Сайда, и в течение недели людям было невозможно или опасно ходить на работу. Некоторые, занятые на скотобойнях, не могли попасть на свою работу еще несколько дней. По истечении трех дней было объявлено о двадцати погибших неграх, четырнадцати погибших белых мужчинах, десятки людей были ранены, а несколько домов негров сожжены.

Перед лицом этого бедствия великая душа Чикаго поднялась над своим материализмом. Было проведено множество конференций между представительными людьми; из всех усилий выросла решимость работать над созданием более благородного города, и искренность была такой, что давала надежду не только на Чикаго, но и на новую и лучшую Америку.

За беспорядками в Вашингтоне и Чикаго в течение нескольких недель последовали вспышки в Ноксвилле и Омахе. В последнем случае основной причиной беспорядков стала социальная и политическая коррупция, а мэр города Эдвард П. Смит едва не лишился жизни из-за того, что решительно выступил против линчевания негра Уильяма Брауна. В результате сгорело здание окружного суда, один человек был убит и, возможно, до сорока ранены. Однако еще важнее этого - и это действительно один из двух или трех наиболее масштабных случаев расовых проблем в истории негров Америки - был террор, царивший в Элейне, округ Филлипс, штат Арканзас, и в его окрестностях в первую неделю октября 1919 года. Причины его были фундаментальными и затрагивали самое сердце расовой проблемы и повседневной жизни десятков тысяч негров.

Многие негры-арендаторы в восточном Арканзасе, как и в других штатах, все еще жили по долевым системе, при которой владелец предоставлял землю, а негр - труд, и по которой в конце года оба якобы получали равные части урожая. При этом в течение всего года арендатор получал продукты питания, одежду и другие товары по непомерно высоким ценам из "комиссара", которым управлял плантатор или его агент; и в реальной практике землевладелец и арендатор не ездили вместе в город, чтобы распорядиться урожаем, когда он был собран, как это иногда делалось в других странах, а землевладелец один продавал урожай и рассчитывался с арендатором, когда и как ему заблагорассудится; при расчете не давалось никакого постатейного отчета о поставках, указывалась только общая сумма долга. Очевидно, что плантатор мог регулярно пополнять свои счета, держать негра в долгах и быть уверенным в поставках рабочей силы из года в год.

В 1918 году цена на хлопок постоянно росла и в конце концов достигла сорока центов за фунт. Даже при том обмане, которому подвергались негры, держать их в долгах стало трудно, и они все настойчивее требовали детализированных отчетов. Тем не менее некоторые из тех, чей хлопок был продан в октябре 1918 года, не получали никаких ведомостей до июля следующего года.

Не видя другого выхода из затруднительного положения, шестьдесят восемь негров собрались вместе и решили нанять адвоката, который помог бы им получить выписки из счетов и расчеты по нужным суммам. Чувствуя, что жизнь любого негритянского адвоката, взявшегося за такое дело, будет под угрозой, они наняли фирму "Браттон и Браттон" из Литл-Рока. С этой фирмой они заключили контракты на ведение шестидесяти восьми дел за пятьдесят долларов наличными и процент от денег, собранных с белых плантаторов. Некоторые из негров также планировали обратиться в федеральное Большое жюри и обвинить некоторых плантаторов в пеонате. Время от времени они проводили тайные встречи, чтобы собрать деньги, которые должны были быть выплачены заранее, и собрать доказательства, которые позволили бы им успешно вести дело. Примерно в то же время некоторые негры-хлопкоробы организовали профсоюз; а в Элейне многие негры, работавшие на лесопилках и желавшие защитить своих жен и дочерей от оскорблений, отказались от сбора хлопка или работы на белого человека по любой цене.

Именно из таких настроений возник Прогрессивный союз фермеров и домохозяев Америки, который пытался законными средствами обеспечить себе защиту от недобросовестных землевладельцев, но при этом использовал форму братского ордена с паролями, рукоятками и знаками отличия, чтобы тем сильнее привлечь внимание некоторых своих членов. Примерно в первых числах октября в округе Филлипс распространилась информация о том, что негры замышляют восстание и готовятся к массовой резне белого населения. Когда ситуация стала напряженной, в одно из воскресений Джон Клем, белый человек из Хелены, напившись, приехал в Элейн и принялся терроризировать негритянское население стрельбой из пистолета. Чтобы избежать неприятностей, цветные не выходили на улицы и позвонили шерифу в Хелену. Тот бездействовал. На следующий день Клем снова оказался за границей, но негры по-прежнему избегали неприятностей, считая, что его действия просто направлены на то, чтобы спровоцировать расовый бунт. Однако вечером во вторник, 1 октября, У. Д. Адкинс, специальный агент Миссури Пасифик Рейлроуд, в компании с Чарльзом Праттом, заместителем шерифа, проезжал мимо негритянской церкви возле Хуп Спур, небольшого населенного пункта в нескольких милях от Элайны. По словам Пратта, находившиеся в церкви люди без причины открыли по ним огонь, убив Адкинса и ранив его самого. По словам негров, Адкинс и Пратт стреляли в церковь, очевидно, чтобы напугать собравшихся там людей. Во всяком случае, по округе разнеслась весть о начале резни, и в течение нескольких дней происходили убийства и беспорядки, в ходе которых было убито не менее пяти белых мужчин и двадцати пяти негров, хотя по некоторым оценкам число погибших было намного больше. Негров арестовывали и разоружали, некоторых расстреливали на дорогах, обстреливали дома, а однажды сотни мужчин и женщин оказались в остроге под усиленной охраной и в самых нездоровых условиях, в то время как сотни белых, вооруженных до зубов, устремились в окрестности из соседних городов и поселков. Губернатор Чарльз Х. Броу телеграфировал в Кэмп-Пайк, чтобы вызвать федеральные войска, и пятьсот человек были немедленно мобилизованы "для отражения атаки черной армии". Хуже всего было бессудное убийство четырех братьев Джонстонов, чей отец был видным пресвитерианским священником, а мать - школьной учительницей. Доктор Д.А.Э. Джонстон был успешным дантистом и владел трехэтажным домом в Хелене. Доктор Луис Джонстон был врачом, жившим в Оклахоме и приехавшим домой с визитом. Третий брат служил во Франции, был ранен и отравлен газом в Шато-Тьерри.

В общей сложности была арестована тысяча негров и предъявлено сто двадцать два обвинения. Специальный комитет из семи человек собирал доказательства и был обвинен в том, что для устрашения негров на стуле для свидетелей использовались электрические разряды. Двенадцать человек были приговорены к смерти (хотя до конца 1920 года казнь

была отменена), а пятьдесят четыре - к тюремному заключению. Судебные заседания длились от пяти до десяти минут каждое. Свидетелей защиты не вызывали, негров в присяжных не было, приговоры не менялись. Тем временем адвокаты в Хелене готовились собрать новый урожай с негров, которым будут предъявлены обвинения и против которых нет никаких улик, но которые сберегли деньги и облигации Свободы.

Губернатор Броу в своем заявлении для прессы обвинил в случившемся *Кризис* и Чикагского защитника. До того как стать губернатором, он несколько лет проработал профессором экономики и даже причислял себя к перспективной университетской комиссии по расовым вопросам Юга; и это правда, что он отложил казни, чтобы дать возможность подать апелляции от имени приговоренных. То, что он, находясь на ответственном посту, попытался переложить бремя вины и упустить факты, вызвало острое разочарование у любителей прогресса.

Упоминание о ежемесячном периодическом издании и еженедельной газете, только что упомянутых, однако, подводит нас к еще одному вопросу - ощущению негра, что в дополнение к оскорблениям, нанесенным его расе, правительство теперь, под прикрытием законодательства военного времени, официально пытается ограничить его свободу слова. Несколько дней номер "*Кризиса*" за май 1919 года задерживался на почте; представитель Южной Каролины в Конгрессе процитировал в качестве доноса редакционную статью "Возвращающиеся солдаты" из того же номера издания; а чуть позже в том же году Министерство юстиции посвятило двадцать семь страниц отчета о расследовании в отношении "лиц, советующих анархию, подстрекательство и насильственное свержение правительства" отчету о "радикализме и подстрекательстве среди негров, отраженных в их публикациях". Среди других периодических изданий и газет были упомянуты "*Мессенджер*" и "*Негритянский мир*" из Нью-Йорка; причем "*Мессенджер*", откровенно радикальный в своей позиции не только по расовому вопросу, но и по фундаментальным экономическим принципам, даже "*Кризис*" считался консервативным по тону. Не могло быть никаких сомнений в том, что негритянский народ Соединенных Штатов постигла великая духовная перемена. В то самое время, когда их сыновья и братья приносили высшую жертву во Франции, они были свидетелями таких событий, как в Ист-Сент-Луисе или Хьюстоне, или читали о трех сожжениях в течение года в Теннесси. Ими овладела новая решимость, сродни освящению. Чтобы полностью понять этот новый дух, нужно читать не только такие издания, как упомянутые, но и те, что выходят в самом сердце Юга. "Прощай, черная мамочка", - пишет "*Юго-западный христианский адвокат*", взяв в качестве темы историю четырех белых южан, которые выступили в качестве почетных носильщиков на похоронах старой негритянки, но которые ни при каких обстоятельствах не стали бы служить бережливому, умному, образованному представителю расы. Газета *Houston Informer*, выражая мнение тысяч людей, пишет: "Чернокожий боролся за то, чтобы мир стал безопасным для демократии; теперь он требует, чтобы Америка стала безопасной для чернокожих американцев". Лицемерие в исповедании христианской религии перестало быть терпимым, о чем свидетельствует отношение к обращению Y.M.C.A. "Призыв от имени юношей и мальчиков двух великих братских англосаксонских наций". "Читайте! Читайте! Читайте!" - говорил журнал "*Челлендж*", - "а когда придет толпа, с факелом или с оружием, давайте встанем на Армагеддон и будем сражаться за Господа". "Защищайте свой дом, - говорил нежный журнал *Christian Recorder*, - защищайте свою жену и детей, если потребуется, своей жизнью. Если мужчина переступит порог вашего дома, преследуя вас и вашу семью, закон позволяет вам защищать свой дом, даже если вам придется убить нарушителя". Возможно, ничто лучше не выражает новый дух, чем следующий сонет Клода Маккея:

Если мы должны умереть, пусть это будет не так, как свиньи.

Загнанные на охоту и загнанные в бесславное место,

Пока вокруг нас лают бешеные и голодные псы,

Насмехаясь над нашей проклятой участью.

Если мы должны умереть, пусть это будет не как свиньи.

Чтобы наша драгоценная кровь не была пролита

И тогда даже чудовища, которым мы бросаем вызов.

Будут вынуждены чтить нас, хоть и мертвых!

О, брат! Мы должны встретить общего врага;

И хотя нас намного больше, давайте будем храбрыми,

И на тысячу их ударов нанесем один смертельный удар!

Что с того, что перед нами открытая могила?

Как мужчины, мы встретимся с трусливой стаей убийц.

Прижатые к стене, умирающие, но отбивающиеся!

5. Расширяющаяся проблема

Ввиду мировой войны и важного участия в ней французских колониальных войск, особенно сенегальских, неудивительно, что сердце негритянского народа в Соединенных Штатах расширилось в новом сочувствии к проблемам своих братьев во всем мире. Однако уже в начале рассматриваемого нами десятилетия наметились некоторые признаки этой тенденции, и Первый всемирный расовый конгресс в Лондоне в 1911 году привлек к себе широкое внимание. В феврале 1919 года, во многом благодаря личным усилиям доктора Дюбуа, в Париже состоялся Панафриканский конгресс, главными целями которого были заслушивание заявлений о положении негров во всем мире, получение от великих держав авторитетных заявлений о политике в отношении негритянской расы, выступление на проходившей тогда в Париже мирной конференции с решительными заявлениями от имени негров всего мира и изложение принципов, на которых должно происходить будущее развитие расы. Тем временем уступка Виргинских островов привлекла внимание к интересному цветному населению у самых дверей Соединенных Штатов; а американская оккупация Хайти, завершившаяся убийством многих жителей во время второго правления президента Вильсона, вызвала новое чувство родства с землей Туссена Л'Овертюра. Среди прочего, свидетельства показывают, что 12 июня 1918 года под давлением военных народу Хайта была навязана новая конституция, благоприятствующая белому человеку и иностранцу; что силой и жестокостью невинные мужчины и женщины, включая местных проповедников и членов их церквей, были схвачены, связаны вместе и отправлены в тюрьму как рабы; И что в большом количестве хейтианцев забирали из их домов и ферм и заставляли работать на новых дорогах за двадцать центов в неделю, без надлежащего питания - и все это делалось под предлогом улучшения социального и политического состояния страны.

Весь мир теперь понимал, что проблема негров уже не локальна для Соединенных Штатов, Южной Африки или Вест-Индии, а интернациональна по своим масштабам и возможностям.

Очень рано в ходе конфликта в Европе было отмечено, что Африка является настоящим призом войны, и сейчас уже стало просто общим местом говорить, что основы борьбы были экономическими. Ни о чем так не сожалела Германия, как о насильственном захвате ее африканских владений. Кроме того, нельзя не заметить, что при обсуждении проблем, возникших в результате войны, наблюдается тенденция к смещению акцента с чистой политики на расовые отношения, и уже в самом начале конфликта студенты-обществоведы всего мира поняли, что это не что иное, как самоубийство со стороны белой расы. После окончания войны было написано множество книг, посвященных этим вопросам, и только в 1920 году в Соединенных Штатах появилось несколько таких книг. Из всех этих публикаций, в силу различия точек зрения, четыре могут заслуживать особого внимания - *"Республика Либерия"* Р.К.Ф. Моэма, *"Цветной прилив"* Лотропа Стоддарда, *"Темная вода"* У.Э. Бургхарда Дюбуа и *"Империя и торговля в Африке: A Study in Economic Imperialism"*, автор Leonard Woolf. Позиция каждой из этих книг ясна, и все они непосредственно касаются центральной темы.

Книга *"Республика Либерия"* написана человеком, который несколько лет назад был английским консулом в Монровии, а затем был назначен в Дакар. В дополнительном предисловии также сообщается, что книга действительно была написана за два года до ее появления, а публикация была отложена из-за трудностей печати в то время. Однако даже до 1918 года изложение неполное, и неспособность затронуть последние события становится серьезной; но, конечно, невозможно описать историю Либерии с 1847 года по настоящее время и не отразить при этом репутацию Англии. В книге есть несколько ценных страниц, особенно те, в которых автор рассказывает о ситуации с рабочей силой в маленькой африканской республике; но они явно предназначены в первую очередь для потребления деловыми людьми в Лондоне. "Либерийцы, - сообщают нам, - говорят вам, что, что бы ни говорили об обратном, самым неудобным соседом республики всегда была Франция". Вряд ли это правда. Франция действительно не раз пыталась сравняться со своим великим соперником в возвеличивании, но ей это никогда не удавалось. Как мы уже показали в настоящей работе в связи с Либерией, с самого начала тень Великобритании падала на эту страну. В последние годы, выдавая займы, которые были не более чем хитроумными планами воровства, насильственно захватывая большие участки земли и вмешиваясь во внутренние дела страны, Англия снова и снова доказывала, что она является заклятым врагом республики. Книга, написанная совсем недавно, в последнем анализе представляется не более чем основой для усилий по дальнейшей эксплуатации.

Достоинство *"Цветного прилива"* зависит от его предвзятости, и знаменательно, что книга завершается цитатой из "Наследия" Киплинга. Для доктора Стоддарда самой тревожной чертой недавней ситуации была не война, а мир. Неспособность белого мира к конструктивному урегулированию, продолжение междоусобной вражды и угроза новых гражданских войн, осложненных призраком социальной революции, вызывают страшную мысль, что последняя война может быть лишь первым этапом в цикле разрушений". Что касается самой войны, то "когда цветные осознали значение всего этого, они посмотрели друг другу в глаза и увидели там свет несбыточных надежд. Белый мир разрывался на части. Солидарность белых была разорвана и разрушена. И страх перед властью белых, и уважение к белой цивилизации вместе спадали, как износившаяся одежда. По базарам Азии пронесся сиплый шепот: "Восток увидит Запад в постели"". Наконец, наступает неизбежный вывод, призывающий к лучшему взаимопониманию между Англией и Германией и ко всему остальному, что способствовало бы расовой солидарности. Самое жалкое в этой книге то,

что она так полно отражает то, за что ратует. Это самая суть джингоизма; цивилизация не существует сама по себе, она "белая"; а выводы прямо противоречат идеалам, которыми должны были руководствоваться Англия и Америка. Кстати, в работе говорится о том, что негритянское и негроидное население Африки "оценивается примерно в 120 000 000 человек". Эта низкая оценка оказалась обычной ловушкой для писателей. Если вспомнить, что Африка в три с половиной раза больше Соединенных Штатов и что, хотя там нет таких больших городов, как Нью-Йорк и Чикаго, есть много центров с очень плотным населением; если полностью исключить из рассмотрения пустыню Сахару и учесть некоторые сильно заросшие лесом участки, в которых вообще не живут люди; и если затем взять за основу оценки какой-нибудь достаточно известный регион вроде Нигерии или Сьерра-Леоне, то мы приходим к цифре 450 000 000. Чтобы удовлетворить любые другие возможные претензии, давайте уменьшим эту цифру на треть, и у нас останется 300 000 000, и мы считаем себя вправе выдвинуть эту цифру в качестве самой низкой из возможных оценок населения Африки; и все же большинство книг говорит нам, что на всем континенте проживает только 140 000 000 человек.

Даркуотер можно рассматривать как ответ на такую позицию доктора Стоддарда. Если белый мир считает своим предназначением эксплуатировать темные расы человечества, то темным расам остается лишь подпоясаться для этого. "Что же делать с темным миром, который наблюдает? Большинство людей принадлежат к этому миру. Вместе с неграми и негроидами, ост-индийцами, китайцами и японцами они составляют две трети населения Земли. Вера в человечество - это вера в цветных людей. Если возвышение человечества должно осуществляться людьми, то судьбы этого мира в конечном итоге окажутся в руках темных наций. О чем же думает этот темный мир? Он думает о том, что какой бы дикой и ужасной ни была эта позорная война, она не сравнится с той борьбой за свободу, которую должны и будут вести черные, коричневые и желтые люди, если не прекратится их угнетение, унижение и оскорбление со стороны белого мира. Темный мир будет терпеть нынешнее обращение с ним ровно столько, сколько потребуется, и ни секундой дольше".

Обе эти книги сильны, обе материалистичны, а материализм, надо признать, является очень важным фактором в современном мире. Однако несколько иным взглядом отличается книга, посвященная экономической тематике, - *"Империя и торговля в Африке"*. В целом исследование посвящено вопросу: чего мы хотим достичь в Африке, особенно в экономическом плане, и насколько это достижимо с помощью политики? Обсуждение в основном ограничивается тремя державами: Англии, Франции и Германии; особая заслуга принадлежит главе об Абиссинии, возможно, лучшему краткому описанию этой страны из когда-либо написанных. Мр. Вульф провозглашает такие основополагающие принципы, как: земля в Африке должна быть зарезервирована за туземцами; систематическое образование туземцев с целью подготовки их к участию в управлении страной, а в конечном итоге и к контролю над ней; постепенная экспатриация всех европейцев и их капиталистических предприятий; все доходы, получаемые в Африке, должны идти на развитие страны, образование и здоровье жителей; абсолютный запрет алкоголя; полная нейтрализация Африки, то есть ни в коем случае нельзя допускать военных действий между европейскими государствами. Трудности реализации такой программы, конечно, очевидны автору, но, учитывая, что другие подобные книги направляют и формируют мнение, в недалеком будущем может наступить время, когда Африка перестанет существовать исключительно для эксплуатации и перестанет быть упреком христианства.

Таким образом, эти четыре книги достаточно хорошо выражают различные мнения и надежды, с которыми в последнее время рассматриваются Африка и мировая проблема,

которую поднимает этот континент. Остается лишь упомянуть о концепции, которая после окончания войны нашла много приверженцев в Соединенных Штатах и других странах и чья деятельность была масштабной и требовала признания. Это была идея Временной Африканской Республики, Всемирной ассоциации по улучшению положения негров и Лиги африканских общин мира, паровой компании Black Star Line и Корпорации негритянских фабрик, деятельность которых была сосредоточена в Нью-Йорке, их органом был журнал *Negro World*, а президентом и ведущим духом - Маркус Гарви, выходец с Ямайки. Главной мыслью, обращенной к огромным толпам людей и завоевавшей их поддержку, была идея свободы для расы во всех смыслах этого слова. Такая свобода, провозглашалось, выходила за рамки простого требования обеспечить определенные политические и социальные права и могла быть реализована только при наличии огромного суперправительства, управляющего судьбами расы в Африке, США, Вест-Индии и во всем остальном мире. Оно должно было контролировать свой народ "так же, как Папа и католическая церковь контролируют свои миллионы в каждой стране". Соответствующие идеи и мероприятия иногда называли грандиозными, и они вызывали сильное сопротивление со стороны старых лидеров, духовенства, а консервативный бизнес стоял в стороне. В то же время эта концепция заслуживает того, чтобы рассмотреть ее по достоинству.

Вполне возможно, что при достаточно широком распространении такое негритянское суперправительство, как предлагаемое, может быть реализовано. Правда, сегодня кажется, что Англия и Франция крепко держат Африканский континент, но опыт Германии показал, что даже кулак может потерять свою силу в одночасье. В то время как Англия одолевает проблемы в Ирландии и Вест-Индии, в Индии и Египте, миллионам людей в экваториальной Африке легко дать понять, что даже эта великая держава не является непобедимой и со временем может сравняться с Ниневией и Тиром. В Африке есть вещи, которые навсегда озадачат всех европейцев, и ни один иностранный правитель никогда не узнает всего, что скрывается в глубине сознания черного человека. Даже сейчас, без помощи современной науки, информация за несколько часов распространяется по всему континенту; и те, кто спал, начинают просыпаться и быть беспокойными. Пусть это беспокойство усилится, пусть интеллект также возрастет, пусть туземцам поможет их лихорадка, и все армии Европы могут быть потеряны в Африке, а эта древняя мать все еще будет стоять окровавленной, но непокоренной. Реализация этой идеи, однако, потребовала бы капиталов в таких же масштабах, как для современной войны или международного промышленного предприятия. В самом начале она вовлечет Англию не иначе как в смертельную схватку, особенно в том, что касается судоходства на Западном побережье. Если корабли не смогут ходить из Ливерпуля в Секконди и Лагос, то сама Англия будет обречена. Возможное соперничество поражает воображение. В то же время эксплуатация, которая сейчас происходит в мире, не может продолжаться вечно.

Сноска 227: (возвращение)

В целом по теме фактической жизни негритянского солдата необычайный интерес представляет готовящаяся к изданию авторитетная книга "Sidelights on Negro Soldiers" Чарльза Х. Уильямса, который в качестве специального и официального исследователя имел непревзойденную возможность изучать негров в лагере и на линии фронта как в Соединенных Штатах, так и во Франции.

ГЛАВА XVII

ПРОБЛЕМА НЕГРОВ

Из нашего исследования на предыдущих страницах, вероятно, ясно, что история негритянского народа в Соединенных Штатах делится на четко определенные периоды или эпохи. Прежде всего, это колониальная эпоха, которая длится со времени первого приезда негров в английские колонии до Революционной войны. Она делится на две части, с линией, приходящейся на 1705 год. До этой даты точный статус негра был более или менее неопределенным; система рабства лишь постепенно переходила в более суровую систему рабства; и особенно в средних колониях наблюдалось значительное смешение рас. К 1705 году, однако, стало общепризнанным, что негр должен рассматриваться не как человек, а как вещь, и последующие семьдесят лет были временем роста численности, но без расового единства или духовного мировоззрения, только спазматические восстания то тут, то там указывали на тоску по лучшему дню. После революции наступили перемены, и второй период длится от этой войны до Гражданской. Он также делится на две части, с линией на 1830 год. В годы, непосредственно следовавшие за революцией, были предприняты первые эффективные усилия по расовой организации, которые были представлены работой таких людей, как Ричард Аллен и Принс Холл; но, несмотря на новое расовое сознание, огромная масса негритянского народа оставалась в той же ситуации, что и раньше, а увеличение численности, связанное с изобретением хлопкопрядильной машины, только усугубило конечную проблему. Однако примерно в 1830 году ненависть и бесчестие, которым стали подвергать негра, показали, что он, по крайней мере, уже не вещь, а человек. Линчевание стало набирать обороты, бурлеск на сцене стремился обесценить и унижить расу, а Юг стал определенно единым в своей защите системы рабства. С другой стороны, аболиционисты бросили вызов ставшей популярной позиции, сами негры начали процветать и проводить съезды, а восстание Ната Тернера поставило перед американским народом великую моральную и экономическую проблему, с которой ему предстояло справиться. При таких расхождении во мнениях, несмотря на слабые попытки компромисса, не могло быть мира, пока не был окончательно решен хотя бы вопрос о рабстве. Третий великий период длится от Гражданской войны до начала Великой войны в Европе. Как и предыдущие, он также делится на две части, разделение наступает в 1895 году. Тридцать лет с 1865 по 1895 год можно рассматривать как эпоху, когда раса, теперь уже эмансипированная, находилась в основном под руководством политических идеалов. Несколько человек прошли в Конгресс, и народному образованию стали уделять особое внимание; но трудности Реконструкции и бесчинства Ку-клукс-клана сменились обволакивающей системой пеонажа, и к 1890-1895 годам маятник полностью качнулся назад, и на Юге бесправие было принято как конкретное решение политической фазы проблемы. Двадцать лет с 1895 по 1915 год стали периодом волнений и насилия, но также и уверенного экономического и социального прогресса, доминирующее влияние на который оказала деятельность Букера Т. Вашингтона. После мировой войны негритянский народ столкнулся с новыми и масштабными проблемами экономического обустройства и вступил в совершенно иной период своей расовой истории в Америке.

Однако это еще не все. Расу нельзя рассматривать просто как нечто само собой разумеющееся. Самый беглый взгляд на любой подобный рассказ, который мы привели, подчеркивает важность негра в общей истории Соединенных Штатов. Другие расы приходили, иногда с большими дарами или в большом количестве, но именно на нем, как на стержне, держалась история страны. Правда, ее презирали и отвергали, но все чаще и чаще ей суждено давать новые доказательства того, что камень, от которого отказались строители,

становится главой угла. В колониальную эпоху именно экономические преимущества рабства перед подневольным трудом привели к вытеснению этого института как системы труда. В предварительном проекте Декларации независимости был примечательный отрывок, обвиняющий короля Англии в том, что он настаивает на работорговле, но позже он был исключен по политическим соображениям. Сама война ясно показала ошибочность позиции патриотов, которые боролись за свои права англичан, но не за основные права человека; их позиция получила официальное выражение в компромиссах, вошедших в Конституцию. Расширение Юго-Запада зависело от труда негров, чья история неразрывно связана с историей хлопкоочистительного завода; а вопрос об оправдании беглецов стал настоящим ключом к Семинольским войнам. Долгая борьба, завершившаяся Гражданской войной, была направлена на то, чтобы определить статус негра в Республике; а законодательство, принятое после войны, на целое поколение определило историю не только Юга, но и, в значительной степени, всей страны. Позднейшие акты о лишении избирательных прав имели подавляющее значение, несправедливая система национального представительства определила выборы 1916 года и, соответственно, отношение Америки к мировой войне.

Это удивительное явление - такое огромное влияние народа, который угнетают, запрещают и презируют. Негр занимает столь доминирующее положение в американской истории не только потому, что он проверяет реальное значение демократии, не только потому, что он бросает вызов совести нации, но и потому, что он ставит под вопрос конечное отношение к самой человеческой природе. Как мы уже видели, конечной проблемой является не обязательно рабочий, и даже не преступник, а простой негр любого качества. Если бы этому человеку вообще не нужно было работать и если бы в его расе не было ни одного преступника, по мнению американцев, он все равно вызывал бы вопрос. Соответственно, именно с социальной точки зрения мы должны окончательно рассмотреть эту проблему. Прежде чем мы сможем это сделать, нам необходимо изучить расу как реальный фактор американской жизни; и даже до того, как мы это сделаем, мы должны отметить общую важность негра сегодня в любом обсуждении расовых проблем мира.

1. Мировой аспект

Любое рассмотрение негритянской проблемы в ее мировом аспекте в настоящее время обязательно должно быть в значительной степени связано с Африкой как центром негритянского населения. Это, в свою очередь, направляет внимание на великие колонизаторские державы Европы, и особенно на Великобританию как главную из них; и вопросы, которые в результате возникают, имеют далеко идущее значение для всей ткани современной цивилизации. Никто не может отрицать огромный вклад, который Англия внесла в развитие мира; каждый должен уважать нацию, которая произвела на свет Виклифа, Шекспира и Дарвина и которая, отстаивая демократические принципы, так часто останавливала прилив абсолютизма и анархии; и не без оснований можно сказать, что на протяжении трехсот лет эта страна занимала лидирующее положение в моральном плане среди человечества. Однако сейчас не без оснований возникает вопрос, не утратила ли она некоторые из своих прежних идеалов и не будет ли дальнейшее следование некоторым из ее установок представлять угрозу для всего, что дорого сердцу человечества.

В качестве предваряющей дискуссии давайте вспомним о двух людях. Чуть более семидесяти лет назад один великий путешественник отправился в первое из трех длительных путешествий по центральной и южной Африке. Он был знаменитым исследователем, и все же для него "конец географического подвига был только началом предприятия". Генри Драммонд сказал о нем: "Везде, где в Африке пролегают следы Давида

Ливингстона, остается аромат его памяти". Однажды охотник был ранен рогом носорога, и гонец пробежал восемь миль за врачом. Хотя сам он был ранен львом на всю жизнь, а друзья говорили, что ему не следует ехать ночью через лес, кишасший зверями, Ливингстон настоял на своем христианском долге и поехал, но обнаружил, что человек умер, и был вынужден идти по его следам. Снова и снова его партия была бы уничтожена, если бы не его собственная беспредельная тактичность и мужество, а после его смерти в деревне Читамбо Суси и Чума проделали девять месяцев и более восьмисот миль, чтобы доставить его тело на побережье. "Мы работаем ради славного будущего, - говорил он, - которое нам не суждено увидеть - золотого века, которого еще не было, но который еще будет. Мы лишь утренние звезды, сияющие в темноте, но славное утро разгорается, благое время еще впереди. Пока же мы работаем; пусть Бог примет наше несовершенное служение".

Примерно в то время, когда Ливингстон уходил со сцены, другой сильный человек, один из "строителей империи" Англии, начал свою знаменитую карьеру. Отправившись в Южную Африку молодым человеком за здоровьем, Сесил Родс вскоре сколотил огромное состояние на алмазах Кимберли и золоте Трансвааля, а к 1890 году стал премьер-министром Капской колонии. В достижении своих целей он был абсолютно беспринципен. Он отказывался признавать какие-либо права португальцев в Матабелеленде и Машоналанде, заключал жесткие сделки с немцами и французами, бросал вызов бурам, а коренные африканцы были для него лишь инструментом для накопления золота. Никто никогда не говорил о нем, что он оставил после себя "благоуханную память", но тысячи израненных тел и разбитых сердец были свидетелями его политики. Однако, согласно идеалам современной Англии, он был великим человеком. В итоге негр задается вопросом: Кто был прав, Ливингстон или Родс? И что должен выбрать мир - Христа или Мамону?

Есть два фундаментальных предположения, на которых основана вся так называемая западная цивилизация: расовое и религиозное превосходство. Мы упустили из виду, что на самом деле не существует такой вещи, как высшая раса, что только отдельные люди превосходят друг друга, и популярный английский поэт воспел "бремя белого человека" и "низшие породы без закона". Этими двумя предположениями объясняется все непонимание, возникшее между Западом и Востоком, ибо Китай и Япония, Индия и Египет не могут понять, по какому божественному праву люди с Запада полагают, что у них единственно правильное происхождение, или по какому самонению они считают, что у них единственно верная вера. Однако пусть их только примут, пусть нация будет вестись ими как путеводными звездами, и Англия станет оправданно навязывать свою систему Индии, она сочтет необходимым послать миссионеров в Японию, и львиная лапа набросится на самые морские острова.

Однако сейчас весь мир, как никогда прежде, восстает против любого проявления эгоизма со стороны великих держав, и как никогда ранее становится ясно, что, прежде чем будет достигнут подлинный прогресс в направлении братства людей или единства наций, один человек должен будет учитывать точку зрения другого человека. Один народ должен уважать традиции другого народа. Русско-японская война дала людям новое видение. Весь мир увидел новую силу на Востоке, с которой можно было иметь дело только на равных. Тем временем в Индии происходили волнения, а в Африке - восстания, все более ожесточенные и яростные. Африку особенно искажали. Считалось, что все жители - дикари и каннибалы, почти безнадежно деградировавшие. Торговцы и политики знали больше. Они знали, что в Африке есть племена и племена племен, что многие из вождей честны и мудры и гордятся своими традициями, и что землю нельзя захватывать слишком быстро. Поэтому они поспешили вступить в игру.

Все более очевидным становится и то, что реальное лидерство в мире зависит не от расы, и даже не от исповедуемой религии, а от принципа. За последние сто лет, по мере расцвета науки и роста колонизации, нас сбил с пути материализм. Поклонение доллару стало фетишем, и человек или нация, у которых были деньги, считали, что им предписано Богом управлять вселенной. Эта вера сбила с пути Германию, но именно Англия, а не Германия, наиболее полно овладела *искусством колонизации*. Колонии короны должны управляться в интересах владельцев. Джингоизм - король. Неважно, что люди в Индии и Африке, в Хайти и на Филиппинах возражают против нашей благосклонности; *мы* знаем, что для них хорошо, и поэтому они должны быть довольны.

На Ямайке сегодня самые бедные люди не могут найти работу, и вместо того, чтобы смириться с имеющимся предложением, привилегированные власти импортируют труд "кули", который еще дешевле. В Сьерра-Леоне, где, конечно, было время увидеть, как работает этот принцип, местные молодые люди толпятся на пристанях и хватаются за любую возможность заработать пенни, просто потому, что под рукой нет работы - ничего, что могло бы по-настоящему воспитать независимость и самоуважение.

Неудивительно, что поклонение индустриализму с его сопутствующей конкуренцией в итоге привело к самой разрушительной войне в истории и такому разрушению всех принципов морали, что весь мир замер в ужасе. Женственность перестала быть священной, старые представления об этике исчезли, сам Христос был распят - все святое и прекрасное было отдано на откуп демону Богатства.

Внезапно люди осознали, что Англия утратила моральное лидерство в мире. Обольщенная идеалами Родоса, страна, подарившая человечеству *Магна Чарта*, теперь, казалось, была нацелена только на собственное возвеличивание и сохранение. Колонии Германии были захвачены, а все, что угрожало незыблемости господствующей системы, особенно волнения со стороны коренных африканцев, подавлялось. Британцы и буры начали ощущать идентичность интересов, и особенно стало известно, что американские негры им не нужны.

Ситуация, сложившаяся на сегодняшний день, может быть проиллюстрирована простым вопросом об иностранных миссиях: политика миссионерских организаций как в Англии, так и в Америке диктуется политической политикой империи. Назначение негров великими американскими конфессиями для служения в Африке практически прекратилось, поскольку американские негры не допускаются ни в одну часть континента, кроме Либерии, которая, в конце концов, является очень маленькой частью целого. На данный момент маленькая республика, похоже, получает одобрение со стороны великих держав как своего рода предохранительный клапан, через который стремление негритянского народа может реализоваться; но очевидно, что нынешнее понимание является чисто искусственным и не может длиться долго. Даже Римская империя пришла в упадок, а Германия в одночасье утратила свои позиции в Африке. Конечно, можно возразить, что Британская империя сегодня не в упадке, а сильна как никогда. В то же время нет никаких сомнений в том, что и англичане, и буры смотрят на эти кишашие миллионы плодовых чернокожих людей всегда с беспокойством, а иногда и с тревогой. Уроженцы Конго все еще носят следы увечий, а мужчины в Южной Африке страдают от несправедливых законов о земле и постоянных оскорблений в повседневной жизни.

Здесь встает вопрос о нашей собственной стране. В Соединенные Штаты наконец-то пришло то моральное лидерство, то обязательство поступать правильно, то возможность проявлять высшую честь во всех делах, как внешних, так и внутренних, что является высшим испытанием величия. Должна ли Америка с пониманием отнестись к этой великой проблеме

в Африке и найти место для ищущих свободы миллионов человеческих существ, или же она будет просто пешкой в игре английской колонизации? Должна ли она следовать принципам, которыми руководствовалась в 1776 году, или просто захватить свою долю добычи? Негр дома или за границей - лишь одна из многих моральных проблем, с которыми ей приходится иметь дело. В конце войны царил расточительный разврат, процветала преступность, а против любой из трех или четырех рас велась коварная пропаганда. К тому же в правительстве все еще доминировали политика и чиновничество, и почти всегда было невозможно добиться того, чтобы дела делались в то время, когда они должны были быть сделаны. В то же время каждый патриот знает, что Америка - это поистине надежда всего мира. В ее цивилизацию и славу вошли не одна, а множество рас. Все идут против общего врага; все должны разделять обязанности и привилегии гражданства. В такой стране закон не знает различий между расой, классом или вероисповеданием, если все посвящают себя общему благосостоянию. Таково обязательство, лежащее на Соединенных Штатах, таков вызов социальных, экономических и моральных вопросов, которые никогда прежде не стояли перед детьми людей. О том, чтобы она была достойна своего шанса, должны молиться все; в осуществлении ее судьбы должны помогать все. На нее устремлены взоры всего мира; скипетр веков в ее руке.

2. Негр в американской жизни

Если теперь мы перейдем к неграм в Соединенных Штатах, то вряд ли будет преувеличением сказать, что ни одна другая раса в американском политическом теле, даже англосаксонская, не изучалась более критически, чем эта, и отношение к ней было самым разным - от восхваления добродетелей до жесточайшей враждебности и злобы. Очевидно, что уделять внимание расовым особенностям и дарам просто необходимо. В последние годы ведется много дискуссий с точки зрения биологии, и особое внимание уделяется эмоциональному темпераменту расы. Негр, однако, утверждает, что в Соединенных Штатах не он несет основную ответственность за такое смещение, которое имело место; но он не может довольствоваться простым *tu quoque*. Он обращает внимание на тот факт, что, хотя и утверждается, что линчевание находит свое оправдание в изнасиловании, снова и снова доказывается, что это преступление является оправданием только одной четвертой или одной пятой случаев насилия. Если на время предположить, что в четвертой или пятой части случаев вопрос о виновности не стоит, то оставшаяся подавляющая доля указывает на то, что существуют другие факторы первостепенной важности, которые необходимо учитывать при любом окончательном урегулировании ситуации. Соответственно, в каждом случае негр просит лишь о справедливом разбирательстве в суде - без излишней спешки; и он знает, что во многих случаях спокойное изучение фактов не выявит ничего, кроме испуга или истерики со стороны женщины, или даже других, не более инкриминирующих обстоятельств.

К сожалению, весь вопрос о неграх был затуманен искажениями, как ни один другой социальный вопрос, стоящий перед американским народом, и раса прежде всего просит убрать ткань обесценивания, созданную предрассудками, чтобы ее можно было судить и оценивать по ее качеству. Америка не может предъявить никаких обвинений ни одному элементу своего населения, пока она отрицает основное право гражданства - защиту отдельной личности. Слишком часто совершаются ошибки, но ни один человек не является настолько скромным или низким, чтобы лишать его жизни без надлежащей правовой процедуры. У негра, несомненно, есть недостатки. В то же время, чтобы его дары получили справедливое рассмотрение, традиция бурлеска должна быть на время забыта. Все истории о бритвах, курах и арбузах должны быть отодвинуты на задний план, и даже почитаемая и любимая "черная мамочка" должна получить ласковое, но долгое прощание.

Дело в том, что негр обладает таким заразительным юмором, что многие люди никогда не понимают, что это играет только на поверхности. На самом деле история расы - это трагедия. Душу этого народа можно найти не в нынешней шутке, а в плаче старых мелодий. В сердце расы есть что-то стихийное, что-то, что берет свое начало в лесу и в падении звезд. Есть в нем и что-то мрачное, что-то, говорящее о плетях, о ребенке, вырванном из материнского лона, о мертвом теле, раскачивающемся ночью на обочине дороги. Эта раса страдала, и в ее страданиях заключена ее судьба и ее вклад в развитие Америки; и здесь кроется история.

Если мы изучим реальные качества негра, то обнаружим две вещи. Первая заключается в том, что любое отличие, которое до сих пор завоевывал представитель этой расы в Америке, почти всегда было связано с одним из видов искусства; а вторая - в том, что любое влияние, которое до сих пор оказывал негр на американскую цивилизацию, было в основном в области эстетики. Причину искать далеко не надо, она кроется в художественных стремлениях даже необученных негров. Инстинкт красоты требует выхода, и если человек не может найти лучшей картины, он наклеивает на стену цирковую афишу или яркую рекламу. Мало в каком доме нет хотя бы герани на подоконнике или розового куста в саду. Если мы посмотрим на этот вопрос с другой стороны, то обнаружим, что негру больше всего нравятся те вещи, которые наиболее живописны. Красный - его любимый цвет просто потому, что он самый выразительный из всех цветов. Тот же принцип действует и в сфере религии. В некоторых наших общинах негры, как известно, "веселятся" в церкви. Однако редко проповедь о правиле веры или плане спасения вызывает такой экстаз, а скорее яркое изображение красот рая с яшмовыми стенами, пиром из молока и меда и ангелами с ладонями в руках. Призыв в первую очередь чувственный, и вряд ли будет лишним сказать, что негра волнуют не столько моральные, сколько художественные и изобразительные элементы в религии. Каждый представитель расы - зарождающийся поэт, и все они очарованы музыкой и ораторским искусством.

Иллюстраций множество. Мы можем сослаться на ораторское искусство Дугласа, на поэзию Данбара, на живописный стиль Дюбуа, на мистицизм картин Таннера, на трагическую скульптуру Меты Уоррик Фуллер, а также на длинную череду певцов и музыкантов. Даже Букер Вашингтон, самый практичный из американцев, доказывает это, ведь отличительными чертами его речей являются анекдоты и яркие иллюстрации. Однако лучше всего рассмотреть представителей расы, которые совершенно не обучались в школах. Однажды Гарриет Табман, известная своей работой на Подземной железной дороге, выступала перед аудиторией и описывала великое сражение в Гражданской войне. "И тогда, - сказала она, - мы увидели молнию, и это были пушки; и тогда мы слышали гром, и это были большие пушки; и тогда мы слышали, как падает дождь, и это были капли крови; и когда мы пришли, чтобы получить в кости, это были мертвецы, которых мы пожинали". Через два десятилетия после войны Джон Джаспер из Ричмонда, штат Вирджиния, поразил самых умных слушателей силой своих образов. Он проповедовал не только о том, что "солнце движется", но и о "сухих костях в долине", о славе Нового Иерусалима и на многие другие подобные темы, которые использовались другими проповедниками, иногда с едва ли меньшим эффектом, по всему Югу. По-своему Джаспер был художником. Он обладал исключительным воображением; и именно с этим воображением, с этим художественным качеством Америке еще предстоит считаться.

Важность влияния начали признавать, и по принципу "кто имеет, тому дано будет", все чаще негра обвиняют в недугах американской жизни, находя готовое оправдание в извращении и уничтожении негритянской музыки. Мы видели дискуссии, в которых рассуждения сводились к следующему: Негритянский элемент с каждым днем становится все более сильным в

американском обществе; американское общество с каждым днем становится все более безнравственным; поэтому на негра можно возложить ответственность за увеличение числа разводов и все другие пороки общества. Самое серьезное обвинение, выдвигаемое против негра в интеллектуальном плане, заключается в том, что он еще не развил в себе великий творческий или организующий разум, который указывает путь цивилизации. Безусловно, это не так, и в этом он не сильно отличается от всех остальных людей в Америке. Вся страна все еще находится лишь на ранних этапах своего развития. Хотя Соединенные Штаты добились больших успехов в прикладной науке, они еще не создали ни Шекспира, ни Бетховена. Если Америка еще не достигла своего расцвета после трехсот лет усилий, она не должна быть нетерпеливой к неграм после всего лишь шестидесяти лет возможностей. Но все признаки говорят о том, что предположение об ограниченности интеллектуальных способностей в корне неверно. Уже сейчас некоторые из молодых представителей расы подают самые смелые надежды.

Однако если все это принять, а также признать, что негр демонстрирует принцип самопомощи, вопрос все равно остается открытым: Чего стоит раса как конструктивный фактор американской цивилизации? Должна ли она в конце концов стать движущей силой, способствующей укреплению нации, или просто одной из тормозящих сил? Каковы ее реальные перспективы в американской жизни?

В ответ на это, возможно, стоит рассмотреть, прежде всего, промышленную жизнь страны. Юг, а в значительной степени и вся страна, зависит от негритянских мужчин и женщин как стабильного источника рабочей силы в таких профессиях, как фермерство, лесопиление, горное дело, приготовление пищи и стирка. Все это тяжелый и необходимый труд. В 1910 году из 3 178 554 негритянских мужчин, занятых на производстве, 981 922 числились как сельскохозяйственные рабочие, а 798 509 - как фермеры. То есть 56 процентов от общего числа были заняты выращиванием сельскохозяйственной продукции либо за свой счет, либо помогая кому-то другому, и основными продуктами, конечно же, были хлопок и кукуруза в южных штатах. Если вместе с фермерами мы возьмем тех, кто занят в профессиях, в которых занято наибольшее число мужчин - в строительстве и ручном труде, на лесопильных и строгальных заводах, а также железнодорожных пожарных и носильщиков, грузчиков, бригадиров и работников угольных шахт, - то окажется, что 71,2 процента заняты таким трудом, который представляет собой основу американской промышленности. Из общего числа работающих женщин 1 047 146, или 52 процента, были либо сельскохозяйственными рабочими, либо фермерами, а еще 28 процентов - поварами или прачками. Другими словами, в общей сложности ровно 80 процентов были заняты одним из самых тяжелых и в то же время одним из самых жизненно важных видов труда в нашей домашней и промышленной жизни. Новый акцент на неграх как на промышленном факторе в ходе недавней войны хорошо известен. Когда иммиграция прекратилась, на его плечи в значительной степени легла задача поддержания жизни страны и армии. После окончания войны он находится в обороне на Севере, но страна, которая хочет рассмотреть все факторы, влияющие на ее самую серьезную социальную проблему, никогда не сможет забыть его доблестную службу в 1918 году. Пусть любой, даже самый предвзятый наблюдатель, спросит, хотел бы он, чтобы каждый негр в стране покинул ее, и тогда он решит, является ли негр с экономической точки зрения пассивом или активом.

Снова рассмотрим негра-солдата. Во всей нашей истории нет более героических и более жалких страниц, чем те, где подробно описываются подвиги чернокожих мужчин. Мы помним трехтысячную армию негров, сражавшуюся за свободы Америки, когда его собственная раса все еще находилась в рабстве. Мы помним подвиги в Порт-Гудзоне, Форт-

Пиллоу и Форт-Вагнер. Мы помним Сантьяго и Сан-Хуан-Хилл, не только то, как негры галантно шли в атаку, но и то, как чернокожий полк противостоял моровой язве, чтобы ряды их белых товарищей не поредели. А потом Карризалъ. И снова, в неожиданный момент, сердце нации взволновали кавалеристы Десятого кавалерийского. И снова, несмотря на Браунсвилль, традиции форта Вагнер были сохранены и переданы дальше. А затем началась величайшая из всех войн. И снова негр был призван под знамена, причем призван несоразмерно своей численности. Другие могли дезертировать, но не он; другие могли быть шпионами или забастовщиками, но не он - не он в трудную минуту. В мире и войне, в победе и опасности он всегда был верен звездам и полосам.

Однако негр не только подает надежды в силу своей экономической ценности; не только заслуживает самых полных прав гражданства на основе своей работы в качестве солдата; он вносит не что иное, как огромный духовный вклад в развитие цивилизации в Америке. Его раса - это раса энтузиазма, воображения и духовного пыла; после всех сомнений и страхов, через которые она прошла, в ней все еще сохраняется непоколебимая вера в Бога. Вокруг нас повсюду коммерция, политика, прививки - разврат, эгоизм, цинизм. Нам нужны надежда и любовь, новое рождение идеализма, новая вера в невидимое. Уже сейчас творчество некоторых представителей расы указывает путь к великим свершениям в сфере сознательного искусства; но над искусством парит великий мир духа. Именно в этом больше всего нуждается Америка; именно это несут ей ее самые жестоко преследуемые дети.

Очевидно, что теперь, если негр, если вообще какая-либо раса, хочет внести в Америку тот вклад, на который она способна, она должна быть свободной; и это поднимает весь вопрос об отношении к остальному политическому телу. Один из интересных феноменов американского общества заключается в том, что чем больше чужеродных элементов попадает в "плавильный котел" и продвигается в культуре, тем сильнее они цепляются за свою расовую идентичность. Включение в американскую жизнь, вместо того чтобы заставить грека, поляка или ирландца забыть свою родину, заставляет его еще больше ревновать к ее традициям. Чем больше развивается центр одной из этих национальностей, чем богаче и культурнее становятся его члены, тем больше они гордятся источником, из которого вышли. Ирландец стал настолько американцем, что контролирует целые районы в наших крупных городах, а иногда и сами города. При этом он как никогда цепко держится за празднование 17 марта. Когда много лет назад приехал одинокий грек, бедный и без друзей, никто о нем особо не думал, и он максимально отстранился, используя, однако, любую возможность для самосовершенствования или экономического прогресса. Когда появились тысячи людей, и новички могли черпать вдохновение у тех своих братьев, которые были до них и добились успеха, национальность заявила о себе. Большие группы теперь говорили о Венизелосе и великой Греции, их грудь расширялась при мысли о Марафоне и Платоне, а роты, отправлявшиеся воевать на Балканы, проходили под аплодисменты. В каждом случае, с ростом интеллекта и богатства, расовая гордость заявляла о себе. В то же время никому не приходит в голову отказывать греку, ирландцу или итальянцу в его полных правах американского гражданина.

Это действительно парадокс, когда раса сохраняет свою идентичность в то же время, когда она должна потерять ее в более широкой цивилизации. Примените этот принцип к неграм. Вскоре после Гражданской войны, когда обстановка была хаотичной, а невежество процветало, идеалы, которые постоянно ставились перед расой, были идеалами белых людей. Некоторые лидеры действительно оценивали успех прежде всего по тому, насколько они влились в жизнь белого человека. В то время это было вполне естественно. Борющийся народ хотел показать, что его можно оценивать по стандартам самой высокой цивилизации,

и он это делал. Сегодня ситуация изменилась. Теперь раса насчитывает несколько миллионеров. Почти в каждом городе есть прекрасные дома, принадлежащие неграм. Некоторые люди достигли больших успехов в учебе, а в искусстве и науке открываются все новые и новые перспективы. Соответственно, негр теперь любит своих, лелеет своих, учит своих мальчиков черным героям, почитает и прославляет своих черных женщин. Школы и церкви, всевозможные совместные предприятия свидетельствуют о новом расовом самоуважении, а настоящая негритянская драма начала расцветать. Целый народ возродился, целая раса обрела свою душу.

3. Лицом к лицу

Даже если принять во внимание все сказанное, все равно иногда утверждается, что негры - единственная раса, которая не может и не будет допущена к полному обещанию американской жизни. Другие элементы, как утверждается, даже если их трудно ассимилировать, могут быть постепенно введены в политическое тело, но негр - это единственный элемент, который может быть терпимым, но не ассимилированным, используемым, но не приветствуемым в полноте славы страны.

Однако у негра нет причин для уныния. Если вспомнить, что в конце концов рабство было всего лишь инцидентом, и вспомнить положение негра даже в свободных штатах за десять лет до Гражданской войны, то можно увидеть устойчивую линию прогресса. После великого морального и экономического пробуждения, которое дало расе свободу, маятник качнулся назад, и в конце концов она достигла своей самой дальней точки запрета, беззакония и бесчеловечности. Никакое затуманивание зрения на время не должно ослеплять нас при чтении великого движения истории.

Сегодня во всей этой негритянской проблеме есть несколько вопросов, имеющих неотложное и общее значение. Один из них, который постоянно выдвигается на первый план, - это вопрос о негритянском преступнике. Ответ на него однозначен. Если человек - негр или кто-либо другой - является преступником, он враг общества, и общество требует, чтобы его поместили туда, где он причинит наименьший вред. Если необходима казнь, она должна происходить наедине; и ни в коем случае нельзя обращаться с преступником так, чтобы развратить мораль или пробудить болезненную чувствительность населения. В то же время простой патриотизм требует, чтобы путем создания благоприятной домашней обстановки, хороших школ и полезного отдыха было сделано все возможное для негритянских детей, как и для других детей Республики, чтобы как можно меньше из них попало в преступный класс.

Другой вопрос, тесно связанный с этим, - удивительная жажда пыток, которая все больше и больше овладевает американским народом. Когда в 1835 году в Сент-Луисе был сожжен Макинтош за убийство офицера, американский народ замер в ужасе, а Авраам Линкольн, только что ставший известным на местном уровне, говорил так, словно были поколеблены самые основы молодой республики. Однако после Гражданской войны ужасные случаи линчевания участились; И за последнее десятилетие мы видели, как негритянского мальчика проткнули ножом во множестве мест по пути к костру, видели, как негру выжгли глаза раскаленным утюгом и отрезали куски плоти, а негритянку, единственным проступком которой было слово протеста против линчевания ее мужа, когда она находилась на поздних сроках беременности, повесили вниз головой, одежду сожгли на ее теле, а ее саму так расчленили, что ее нерожденный младенец упал на землю. Мы считаем, что граждане, совершающие подобные деяния, заслуживают самого серьезного внимания со стороны своей страны; и когда они приводят своих маленьких детей посмотреть на их деяния - когда

детские пальчики держат изуродованную плоть, а детские глазки созерцают такие картины, как мы предложили, - это преступление против самого названия детства. Чаще всего выясняется, что люди, совершающие подобные действия, получили лишь самое скудное образование, и что обычно - но не всегда - они живут в отдаленных общинах, вдали от центров просвещения, так что весь их образ жизни культивирует провинциализм. Без малейшего оттенка иронии мы говорим о том, что эти люди нуждаются в крестовом походе за образованием в области книг и фундаментальных обязанностей гражданства. В настоящее время их невежество, предрассудки и отсутствие нравственного чувства представляют собой национальную угрозу.

Настало время сделать паузу. Мы уже зашли слишком далеко. Негритянская проблема - это лишь показатель бедственного состояния общества в Америке. В нашем стремлении разбогатеть или соответствовать новым условиям мы рискуем потерять все наши старые стандарты поведения, воспитания и морали. Наши суды должны вызвать новое уважение к себе. Средний гражданин знает о них только то, что он хочет держаться от них подальше. До сих пор мы не были уверены в справедливости. Бедный не имеет равных шансов с богатым, а черный - с белым. Деньги использовались свободно, даже для изменения законов, если это было необходимо; а приговор, вынесенный человеку с достатком, обычно означает лишь то, что его ждет новый суд. Убийств в любом американском городе ежегодно совершается в среднем в пятнадцать или двадцать раз больше, чем в английском или французском городе того же размера. Наши церкви нуждаются в новом крещении; они потеряли веру. Тот же принцип действует в нашей домашней жизни, в образовании, в литературе. Семейный алтарь почти исчез; учиться легче, чем учить; в литературе, как и в других видах искусства, любая мимолетная причуда способна привлечь последователей и выдать себя за достойное достижение. По всей линии нам нужно больше прямоты и силы. Даже если человек совершил преступление, он должен получить справедливость в суде. В последние годы мы слишком много слышим об "ускоренных судебных процессах", которые зачастую являются ничем иным, как узаконенными линчеваниями. Если постановил, что человек должен ждать суда неделю или год, толпа не имеет к этому никакого отношения, и, если нужно, вся армия Соединенных Штатов должна быть призвана, чтобы предотвратить штурм тюрьмы. К счастью, последние несколько лет показали нам нескольких шерифов, которые именно так понимали свой долг.

В конечном итоге это может означать, что больше ответственности и больше силы придется возложить на федеральное правительство. В последние годы достоинство Соединенных Штатов было серьезно подорвано. Похоже, настало время, когда правительство должно вновь заявить о своей целостности и авторитете. Ни одна власть в стране не может быть сильнее, чем власть Соединенных Штатов Америки.

На данный момент именно это нам и нужно - строгое следование закону. Если люди не хотят быть хорошими, их нужно хотя бы заставить вести себя хорошо. Однако никто не станет притворяться, что урегулирование на такой основе будет окончательно удовлетворительным. Над законом государства - над всеми законами человека - стоит Закон Божий. Он был дан на Синае тысячи лет назад. Он обрел новый смысл на Голгофе. К нему мы все еще должны прийти. Путь может быть трудным, и в нынешних распрях это время может казаться далеким; но когда-нибудь Мессия воцарится, и люди во всем мире станут братьями "за то".

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Любая библиография по истории негритянской проблемы в Соединенных Штатах должна быть выборочной, если только не предполагается посвятить этому труду целый том.

Всеобъемлющей работы не существует. Важное значение имеет *"Избранный список литературы по негритянскому вопросу"*, составленный под руководством А.П.К. Гриффина, Библиотека Конгресса, Вашингтон, 1903 г.; *"Избранная библиография негров Америки"* под редакцией У.Э.Б. Дюбуа, Атланта, 1905 г., и *"Негритянская проблема: библиография"* под редакцией Веры Зиг, Комиссия свободной библиотеки, Мэдисон, штат Висконсин, 1908 г.; но все эти списки должны быть дополнены за более поздние годы. Сборники, посвященные движению за отмену рабства, раннему образованию негров, а также литературной и художественной продукции этой расы, можно найти соответственно в книгах Харта *"Рабство и отмена"*, Вудсона *"Образование негров до 1861 года"* и Брейли *"Негр в литературе и искусстве"*, а журнал *"История негров"* постоянно предлагает хорошие материалы.

Библиография, приведенная ниже, посвящена только основному вопросу. Прежде всего даются общие ссылки, затем следует список отдельных авторов и книг. Наконец, есть специальные списки по темам, по которым исследование в настоящей работе наиболее интенсивно. В ряде случаев упоминаются книги, поверхностные по методу или предвзятые по тону, поскольку представлялось необходимым попытаться учесть все оттенки мнений, даже если выражение их не всегда было адекватным. С другой стороны, не все источники, упомянутые в сносках, включены в книгу, поскольку иногда эти ссылки просто случайны; особенно это касается лекций или журнальных статей, некоторые из которых позже были включены в книги. Также нет ссылок на художественные произведения. Они часто важны, а книги, представляющие необычный интерес, иногда рассматриваются в основной части работы; но в таком исследовании, как настоящее, образная литература вряд ли может быть более чем второстепенным и спорным источником информации.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

I. Общие ссылки

(В основном в сборниках, подборках или сериях)

Statutes at Large, being a Collection of all the Laws of Virginia from the first session of the Legislature, in the year 1619, by William Waller Hening. Ричмонд, 1819-20.

Законы штата Северная Каролина, составленные Генри Поттером, Дж. Л. Тейлором и Бартом Янси. Янси. Роли, 1821.

Статуты Южной Каролины, отредактированные Томасом Купером. Колумбия, 1837.

Аргумент в пользу рабства (в изложении наиболее выдающихся писателей южных штатов). Чарльстон, 1852.

Файлы таких изданий, как *"Niles's Weekly Register"*, *"Genius of Universal Emancipation"*, *"Liberator"* и *"DeBow's Commercial Review"*, в период до Гражданской войны; а также *"Crisis"*, *"Journal of Negro History"*, *"Negro Year-Book"*, *"Virginia Magazine of History"*, *"Review of Reviews"*, *"Literary Digest"*, *"Independent"*, *"Outlook"*, а также представительных газет Севера и Юга и еженедельных негритянских газет в более поздние годы.

Исследования по историческим и политическим наукам Университета Джона Хопкинса (некоторые номера, важные для данной работы, указаны ниже).

Исследования по истории, экономике и государственному праву под редакцией факультета политических наук Колумбийского университета (некоторые цифры, важные для настоящей работы, отмечены ниже).

Исследования негритянских проблем Атлантического университета (необычайно важные номера отмечены ниже, редактор Дюбуа, также Бигхэм).

Occasional Papers of the American Negro Academy (особенно отметим Кромвеля в специальном списке № 1 ниже и Гримке в № 3).

Отчеты о переписи населения Соединенных Штатов; также публикации Бюро образования.

Годовые отчеты Совета по общему образованию, Фонда Джона Ф. Слейтера, Фонда Джинса; отчеты и брошюры Американской миссионерской ассоциации, Американского баптистского общества домашней миссии, Общества помощи освобожденным и т. д.; каталоги представительных учебных заведений; том "От рабства к служению" (лекции Старого Юга о представительных учебных заведениях для негров), Бостон, 1905.

Памфлеты и отчеты Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, Национальной городской лиги, Южного социологического конгресса, Университетской комиссии по расовым вопросам Юга, отчеты Хэмптонской конференции, 1897-1907, и труды Национальной негритянской деловой лиги, ежегодные с 1900 года.

Американская нация: A History from Original Sources by Associated Scholars, edited by Albert Bushnell Hart. 27 томов. Harper & Bros., New York, 1907. (Тома, важные для данной работы, специально отмечены ниже).

Хроники Америки. Серия исторических повествований под редакцией Аллена Джонсона. 50 vols. Yale University Press, New Haven, 1918-. (Тома, важные для данной работы, особо отмечены ниже).

The South in the Building of the Nation. 12 vols. The Southern Publication Society. Richmond, Va., 1909.

Исследования по истории и политике Юга. Columbia University Press, New York, 1914.

Новые международные и американские энциклопедии (особенно по таким темам, как Африка, негры и негритянское образование).

II. ОТДЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

(Обратите внимание на памфлеты в конце списка; также специальные списки в разделе III ниже).

Адамс, Алиса Дана: Забытый период борьбы с рабством в Америке (1808-1831), монография Рэдклиффского колледжа № 14. Boston, 1908 (сейчас находится в издательстве Гарвардского университета).

Адамс, Генри: История Соединенных Штатов с 1801 по 1817 год. 9 vols. Charles Scribner's Sons, New York, 1889-90.

Александр, Уильям Т.: История цветной расы в Америке. Palmetto Publishing Co., New Orleans, 1887.

Армистед, Уилсон: A Tribute for the Negro, being a Vindication of the Moral, Intellectual, and Religious Capabilities of the Colored Portion of Mankind, with particular reference to the African race, illustrated by numerous biographical sketches, facts, anecdotes, etc., and many superior portraits and engravings. Манчестер, 1848.

Бейкер, Рэй Стэннард: Следуя за цветной линией. Doubleday, Page & Co., New York, 1908.

Баллах, Джеймс Кертис: История рабства в Вирджинии. Исследования Джона Хопкинса, дополнительный том 24. Балтимор, 1902.

Белое рабство в колонии Вирджиния. Исследования Джона Хопкинса, тринадцатая серия, № 6 и 7. Балтимор, 1895.

Бассет, Джон Спенсер: Антирабовладельческие лидеры Северной Каролины. Шестая серия, № 6. Балтимор, 1898.

Рабство и подневольное состояние в колонии Северная Каролина. Исследования Джона Хопкинса, четырнадцатая серия, № 4 и 5. Балтимор, 1896.

Рабство в штате Северная Каролина. Johns Hopkins Studies, XIV: 179; XVII: 323.

Бигхэм, Джон Элвин (редактор): Select Discussions of Race Problems, No. 20, of Atlanta University Publications. Атланта, 1916.

Бирни, Уильям: Джеймс Г. Бирни и его время. D. Appleton & Co., New York, 1890.

Blake, W.O.: История рабства и работорговли. Columbus, O., 1861.

Blyden, Edward W.: Christianity, Islam, and the Negro Race. Лондон, 1887.

Богарт, Эрнест Ладлоу: Экономическая история Соединенных Штатов. Longmans, Green & Co., New York, издание 1918 года.

Борн, Эдвард Гейлорд: Испания в Америке, 1450-1580. Том 3 из серии "Американская нация".

Брэккетт, Джеффри Ричардсон: Негр в Мэриленде: Исследование института рабства. Исследования Джона Хопкинса, дополнительный том 6. Балтимор, 1889.

Брэдфорд, Сара Х.: Гарриет, Моисей ее народа. New York, 1886.

Brawley, Benjamin: A Short History of the American Negro. The Macmillan Co., New York, 1913, пересмотрено в 1919 году.

История колледжа Морхаус. Атланта, 1917.

Негр в литературе и искусстве. Duffield & Co., New York, 1918.

Your Negro Neighbor (в серии Our National Problems). The Macmillan Co., New York, 1918.

Африка и война. Duffield & Co., New York, 1918.

Women of Achievement (написано для школ Fireside Schools под эгидой Женского американского баптистского общества домашней миссии). Чикаго и Нью-Йорк, 1919.

Brawley, Edward M.: The Negro Baptist Pulpit. Американское баптистское издательское общество, Филадельфия, 1890.

Брюс, Филипп Александр: Экономическая история Виргинии в семнадцатом веке. 2 vols. The Macmillan Co., New York, 1896.

Кейбл, Джордж Вашингтон: The Negro Question. Charles Scribner's Sons, New York, 1890.

Кэлхун, Уильям Патрик: Кавказец и негр в Соединенных Штатах. R.L. Bryan Co., Columbia, S. C., 1902.

Чемберлен, Д. Х.: Современные фазы нашей так называемой негритянской проблемы (открытое письмо достопочтенному Джеймсу Брайсу из Англии), перепечатано из *"Ньюс энд Курьер"*, Чарльстон, от 1 августа 1904 года.

Cheyney, Edward Potts: European Background of American History. Том I из серии "Американская нация".

Чайлд, Лидия Мария: Призыв в пользу того класса американцев, которые называются африканцами. Бостон, 1833.

Оазис (под редакцией). Бостон, 1834.

Клейтон, В. В.: Белые и черные при старом режиме. Милуоки, 1899.

Клоуз, У. Лэрд: Черная Америка: Исследование о бывшем рабе и его последнем хозяине. Cassell & Co., London, 1891.

Коффин, Джошуа: An Account of Some of the Principal Slave Insurrections, and others, that have occurred, or were attempted, in the United States and elsewhere, during the last two centuries, with various remarks. Американское антирабовладельческое общество, Нью-Йорк, 1860.

Collins, Winfield H.: The Domestic Slave Trade of the Southern States. Broadway Publishing Co., New York, 1904.

Коман, Кэтрин: The Industrial History of the United States. The Macmillan Co., New York, издание 1918 года.

Негр как крестьянин-фермер. Публикации Американской статистической ассоциации, 1904:39.

Commons, John R.: Races and Immigrants in America. The Macmillan Co., 1907.

Кулидж, Арчибальд Кэри: Соединенные Штаты как мировая держава. The Macmillan Co., New York, 1918.

Cooper, Anna Julia: A Voice from the South, by a black woman of the South. Ксения, О., 1892.

Кори, Чарльз Х.: История Ричмондской теологической семинарии. Ричмонд, 1895.

Корниш, Сэмюэл Э., и Райт, Т.С.: Схема колонизации, рассмотренная в ее неприятии цветным народом. Ньюарк, 1840.

Кромвель, Джон В.: Негр в американской истории. Американская негритянская академия, Вашингтон, 1914.

Калп, Дэниел У. (редактор): Негритянская литература двадцатого века. Nichols & Co., Toronto, 1902.

Катлер, Джеймс Э.: Закон Линча, расследование истории линчевания в Соединенных Штатах. Longmans, Green & Co., New York, 1905.

Дэниелс, Джон: На родине свободы: A Study of the Boston Negroes. Houghton Mifflin Co., Boston and New York, 1914.

Дьюи, Дэвис Рич: Национальные проблемы, 1885-1897. Том 24 в серии "Американская нация".

Дилл, Огастус Грэнвилл. См. DuBois, редактор Atlanta University Publications.

Додд, Уильям Э.: Хлопковое королевство. Том 27 из серии "Хроники Америки.

Экспансия и конфликт. Том 3 "Риверсайдской истории Соединенных Штатов". Houghton Mifflin Co., Boston, 1915.

Доу, Лоренцо ("Космополит, слушатель"): A Cry from the Wilderness! Голос с Востока, ответ с Запада - беда на Севере, пример на Юге. Предназначено в качестве своевременного и торжественного предупреждения народу Соединенных Штатов. Напечатано для покупателя и публики. Соединенные Штаты, 1830.

Дюбуа, У. Э. Бургхардт: Подавление африканской работорговли. Longmans, Green & Co., New York, 1896 (сейчас находится в издательстве Гарвардского университета).

DuBois, W.E. Burghardt: The Philadelphia Negro. Университет Пенсильвании, Филадельфия, 1899.

The Souls of Black Folk. A.C. McClurg & Co., Chicago, 1903. Негр на Юге (Букер Т. Вашингтон в соавторстве).

George W. Jacobs & Co., Philadelphia, 1907.

Джон Браун (в биографиях американского кризиса). George W. Jacobs & Co., Philadelphia, 1909.

The Negro (в серии Home University Library Series). Henry Holt & Co., New York, 1915.

Darkwater: Voices from within the Veil. Harcourt, Brace & Co., New York, 1920.

(Редактор Atlanta University Publications).

The Negro Church, No. 8.

Здоровье и телосложение негра-американца, № II.

Экономическое сотрудничество между неграми-американцами, № 12.

Негритянская американская семья, № 13.

Усилия по социальному улучшению среди негров Америки, № 14. Воспитанный в колледже негр-американец, № 15. (А.Г. Дилл, соредактор.)

The Negro American Artisan, No. 17. (А.Г. Дилл, соредактор.)

Morals and Manners among Negro Americans, No. 18. (А.Г. Дилл, соредактор.)

Данбар, Элис Рут Мур: Шедевры негритянского красноречия. The Bookery Publishing Co., New York, 1914.

Данбар, Пол Лоуренс: Complete Poems. Dodd, Mead & Co., New York, 1913.

Даннинг, Уильям Арчибальд: Реконструкция, политическая и экономическая. Том 22 из серии "Американская нация".

Earnest, Joseph B., Jr: Религиозное развитие негров в Виргинии (докторская диссертация, Виргиния). Шарлоттсвилль, 1914.

Экенрод, Гамильтон Джеймс: Политическая история Вирджинии в период Реконструкции. Johns Hopkins Studies. Двадцать вторая серия, №№ 6, 7 и 8. Балтимор, 1904.

Эллис, Джордж У.: Культура негров в Западной Африке. The Neale Publishing Co., New York, 1914.

Эллвуд, Чарльз А.: Социология и современные социальные проблемы. American Book Co., New York, 1910.

Элванг, Уильям В.: Негры Колумбии, штат Монако (диссертация на соискание степени магистра, Миссури), 1904.

Эпштейн, Абрахам: Негр-мигрант в Питтсбурге (в публикациях Школы экономики Питтсбургского университета). 1918.

Эванс, Морис С.: Черные и белые в южных штатах: Исследование расовой проблемы в Соединенных Штатах с точки зрения южноафриканца. Longmans, Green & Co., London, 1915.

Ferris, William Henry: The African Abroad. 2 vols. New Haven, 1913.

Fleming, Walter L.: Documentary History of Reconstruction. 2 vols. Arthur H. Clark Co., Cleveland, O., 1906.

The Sequel of Appomattox. Том 32 "Хроники Америки".

Fletcher, Frank H.: Negro Exodus. Отчет агента, назначенного комиссией Сент-Луиса для посещения Канзаса с целью получения информации о цветной эмиграции. Нет оттиска.

Фурман, Ричард: Изложение взглядов баптистов на цветное население Соединенных Штатов в послании губернатору Южной Каролины. Второе издание, Чарльстон, 1833 год. (Оригинальная дата письма - 24 декабря 1822 года; Фурман был президентом Баптистской конвенции штата).

Гаррисон, Уэнделл Филлипс, и Гаррисон, Фрэнсис Джексон: William Lloyd Garrison; Story of His Life Told by His Children. 4 vols. Houghton, Mifflin & Co., 1894.

Garrison, William Lloyd: Thoughts on African Colonization: or An Impartial Exhibition of the Doctrines, Principles, and Purposes of the American Colonization Society, together with the Resolutions, Addresses, and Remonstrances of the Free People of Color. Бостон, 1832.

Гайарре, Чарльз Э. А.: История Луизианы. 4 vols. New Orleans, 1885 edition.

Грейди, Генри У.: Новый Юг и другие обращения, с биографией и т.д., автор Эдна Х.Л. Терпин. Maynard, Merrill & Co., New York, 1904.

Грэм, Стивен: Душа Джона Брауна. The Macmillan Co., New York, 1920.

Hallowell, Richard P.: Why the Negro was Enfranchised-Negro Suffrage Justified. Boston, 1903. (Перепечатка двух писем в "Бостон Геральд" от 11 и 26 марта 1903 г.).

Hammond, Lily Hardy: В черном и белом: An Interpretation of Southern Life. Fleming H. Revell Co., New York, 1914.

Харрис, Норман Дуайт: Интервенция и колонизация в Африке. Houghton, Mifflin Co., Boston, 1914.

Харт, Альберт Бушнелл: Национальные идеалы в исторической перспективе. Том 26 в серии "Американская нация".

Рабство и отмена рабства. Том 16 в серии "Американская нация".
The Southern South. D. Appleton & Co., New York, 1910.

Хартшорн, У. Н., и Пенниман, Джордж У.: Эпоха прогресса и надежд, 1863-1910. The Priscilla Publishing Co., Boston, 1910.

Хаворт, Пол Лиланд: America in Ferment. Bobbs-Merrill Co., Indianapolis, 1915.

Haynes, George E.: The Negro at Work in New York City Vol 49, No. 3, of Columbia Studies, 1912.

Helper, Hinton Rowan: The Impending Crisis of the South: How to Meet It. New York, 1857.

Хикок, Чарльз Т.: Негр в Огайо, 1802-1870 гг. (Western Reserve thesis.) Cleveland, 1896.

Higginson, Thomas Wentworth: Армейская жизнь в негритянском полку Бостон, 1870.
(Последнее издание, Houghton, Mifflin Co., 1900.)

Хоффман, Фредерик Л.: Расовые черты и тенденции американского негра. Публикации Американской экономической ассоциации, XI, № 1-3, 1896.

Ходж, Фредерик У. (редактор): Spanish Explorers in the Southern United States, 1528-1543 (in Original Narratives of Early American History), esp. The Narrative of Alvar Nuñez Cabeça de Vaca. Charles Scribner's Sons, New York, 1907.

Holland, Edwin C: Опровержение клеветы, распространяемой против южных и западных штатов, относительно института и существования рабства в них; к этому добавляется подробный и конкретный отчет о фактическом состоянии и положении их негритянского населения, вместе с историческими заметками обо всех мятежах, произошедших со времени заселения страны. От жителя Южной Каролины. Чарльстон, 1822.

Хорсеманден, Дэниел (судья): Дневник действий по раскрытию заговора, составленного некоторыми белыми людьми совместно с неграми и другими рабами с целью сожжения города Нью-Йорка в Америке и убийства его жителей. Нью-Йорк, 1744 год.

Хосмер, Джеймс К.: История Луизианской покупки. D. Appleton & Co., New York, 1902.

Hurd, John C: The Law of Freedom and Bondage. 2 vols. Boston, 1858-1862.

Jay, William: Inquiry into the Character and Tendency of the American Colonization and Anti-Slavery Societies. New York, 1835.

Джефферсон, Томас: Письма, изданные под эгидой Мемориальной ассоциации Томаса Джефферсона. 20 vols. Вашингтон, 1903.

Джерви, Теодор Д: Robert Y. Hayne and His Times. The Macmillan Co., New York, 1909.

Джонсон, Аллен: Союз и демократия. Том 2 "Риверсайдской истории Соединенных Штатов". Houghton, Mifflin Co., Boston, 1915.

Джонсон, Джеймс У.: Автобиография бывшего цветного человека (опубликовано анонимно). Sherman, French & Co., Boston, 1912.

Fifty Years and Other Poems. The Cornhill Co., Boston, 1917.

Хейти. Четыре статьи, перепечатанные из "*Нейшн*", Нью-Йорк, 1920.

Джонстон, сэр Гарри Гамильтон: The Negro in the New World. The Macmillan Co., New York, 1910.

Келси, Карл: Негр-фермер (докторская диссертация, Пенсильвания). Jennings & Pye, Chicago, 1903.

Кембл, Фрэнсис А.: Дневник проживания на плантации в Джорджии, 1838-1839 гг. Harper & Bros., 1863.

Керлин, Роберт Т. (редактор): The Voice of the Negro, 1919. E.P. Dutton & Co., New York, 1920.

Kimball, John C: Кентерберийская сказка Коннектикута; ее героиня Пруденс Крэндаль и ее мораль на сегодняшний день. Хартфорд, Коннектикут (1886).

Krehbiel, Henry E.: Afro-American Folk-Songs. G. Schirmer, New York and London, 1914.

Лаубер, Алмон Уилер: Индейское рабство в колониальные времена в нынешних пределах Соединенных Штатов. Том 54, № 3, Исследования Колумбийского университета, 1913.

Ливермор, Джордж: Историческое исследование, касающееся мнений основателей Республики о неграх как рабах, как гражданах и как солдатах. Бостон, 1863.

Локк, Мэри Стоутон: Борьба с рабством в Америке с момента завоза африканских рабов до запрета работорговли, 1619-1808 гг. Radcliffe College Monograph No. 11. Boston, 1901 (сейчас находится в издательстве Гарвардского университета).

Лонн, Элла: Реконструкция в Луизиане. G.P. Putnam's Sons, New York, 1919.

Лугард, леди (Флора Л. Шоу): A Tropical Dependency. James Nisbet & Co., Ltd., London, 1906.

Lynch, John R.: The Facts of Reconstruction: The Neale Publishing Co., New York, 1913.

Макконнелл, Джон Престон: Негры и обращение с ними в Виргинии с 1865 по 1867 год (докторская диссертация, Виргиния, 1905 г.). Отпечатано издательством "Б.Д. Смит и братья", Пуласки, штат Вирджиния, 1910 г.

Маккоркл, Уильям А.: Некоторые южные вопросы. G.P. Putnam's Sons, New York, 1908.

Маккормак, Э. И.: Рабство белых в Мэриленде. Johns Hopkins Studies, XXII, 119.

Макдугалл, Марион Глисон: Беглые рабы, 1619-1865. Fay House (Radcliffe College) Monograph, No. 3. Boston, 1891 (сейчас находится в распоряжении Harvard University Press).

Маклафлин, Эндрю Каннингем: Конфедерация и Конституция, 1783-1789 гг. Том 10 в серии "Американская нация".

Макмастер, Джон Бах: История народа Соединенных Штатов от революции до Гражданской войны. 8 vols. D. Appleton & Co., New York, 1883-1913.

Мейси, Джесси: Крестовый поход против рабства. Том 28 в "Хрониках Америки".

Марш, Дж. Б. Т.: История Юбилейных певцов с их песнями. Бостон, 1880.

Миллер, Келли: Race Adjustment. The Neale Publishing Co., New York and Washington, 1908.

Out of the House of Bondage. The Neale Publishing Co., New York, 1914.

Призыв к совести (в серии "Наши национальные проблемы"). The Macmillan Co., New York, 1913.

Мур, Г.Х.: Исторические заметки о найме негров в американскую армию революции. New York, 1862.

Морган, Томас Дж: Воспоминания о службе в цветных войсках в армии Камберленда, 1863-65 гг. Провиденс, 1885.

Мотон, Роберт Русса: В поисках выхода: An Autobiography. Doubleday, Page & Co., Garden City, N.Y., 1920.

Murphy, Edgar Gardner: The Basis of Ascendency. Longmans, Green & Co., London, 1909.

Murray, Freeman H.M.: Emancipation and the Freed in American Sculpture. Опубликовано автором, 1733 Seventh St., N.W., Washington, 1916.

Odum, Howard W.: Social and Mental Traits of the Negro. Исследования Колумбийского университета, том 37, № 3. New York, 1910.

Олмстед, Фредерик Лой: The Cotton Kingdom. 2 vols. New York, 1861.

A Journey in the Seaboard Slave States. New York, 1856.

Пейдж, Томас Нельсон: Старый Юг. Charles Scribner's Sons, New York, 1892.

The Negro: the Southerner's Problem. Charles Scribner's Sons, New York, 1904.

Палмер, Б.М. (совместно с У.Т. Ликоком): The Rights of the South Defended in the Pulpits. Mobile, 1860.

Пенниман, Джордж У. См. Хартшорн, У. Н.

Филлипс, Ульрих Б.: Американское негритянское рабство. D. Appleton & Co., New York, 1918.

Plantation and Frontier. Vols. I и II документальной истории американского индустриального общества. Arthur H. Clark Co., Cleveland, 1910.

Pike, G.D: The Jubilee Singers and Their Campaign for \$20,000. Бостон, 1873.

Pike, J.S.: The Prostrate State: Южная Каролина под управлением негров. Нью-Йорк, 1874.

Пипкин, Джеймс Джефферсон: Негр в откровении, в истории и в гражданстве. N.D. Thompson Publishing Co., St. Louis, 1902.

Platt, O.H.: Negro Governors. Papers of the New Haven Colony Historical Society, Vol. 6. New Haven, 1900.

Риз, Дэвид М.: Краткий обзор первого годового отчета Американского антирабовладельческого общества. Нью-Йорк, 1834.

Родс, Джеймс Форд: История Соединенных Штатов с компромисса 1850 года (1850-1877 и 1877-1896). 8 vols. The Macmillan Co., New York, 1893-1919.

Роман, Чарльз Виктор: American Civilization and the Negro. F.A. Davis Co., Philadelphia, 1916.

Рассел, Джон Х.: Свободный негр в Виргинии, 1619-1865. Johns Hopkins Studies, Series XXXI, No. 3. Baltimore, 1913.

Sandburg, Carl: The Chicago Race Riots, July, 1919. Harcourt, Brace & Howe, New York, 1919.

Шурц, Карл: Речи, переписка и политические документы, отобранные и отредактированные Фредериком Бэнкрофтом. 6 vols. G.P. Putnam's Sons, New York and London, 1913.

Скотт, Эмметт Дж.: Миграция негров во время войны (в Предварительных экономических исследованиях войны Фонда Карнеги за международный мир: Отдел экономики и истории). Издательство Оксфордского университета, американское отделение. Нью-Йорк, 1920 г.

Официальная история американского негра в мировой войне. Вашингтон, 1919.

Seligman, Herbert J.: *The Negro Faces America*. Harper Bros., New York, 1920.

Шалер, Натаниэль Саутгейт: *The Neighbor: the Natural History of Human Contacts*. Houghton, Mifflin Co., Boston, 1904.

Siebert, Wilbur H.: *The Underground Railroad from Slavery to Freedom*. The Macmillan Co., New York, 1898.

Sinclair, William A.: *The Aftermath of Slavery*. Small, Maynard & Co., Boston, 1905.

Smith, Justin H.: *The War with Mexico*. 2 vols. The Macmillan Co., New York, 1919.

Smith, Theodore Clarke: Партии и рабство. Том 18 из серии "Американская нация".

Смит, Т.В.: Раб в Канаде. Том 10 в Коллекциях Исторического общества Новой Шотландии. Halifax, N.S., 1889.

Стивенсон, Гилберт Томас: Расовые различия в американском праве. D. Appleton & Co., New York, 1910.

Steward, T.G.: *The Haitian Revolution, 1791-1804*. Thomas Y. Crowell Co., New York, 1914.

Stoddard, Lothrop: *The Rising Tide of Color against White World-Supremacy, with an Introduction by Madison Grant*. Charles Scribner's Sons. New York, 1920.

Stone, Alfred H.: *Studies in the American Race Problem*. Doubleday, Page & Co., New York, 1908.

Storey, Moorfield: *The Negro Question*. Речь, произнесенная перед Ассоциацией адвокатов Висконсина. Boston, 1918. *Problems of To-Day*. Houghton, Mifflin Co., Boston, 1920.

Томпсон, Холланд: Новый Юг. Том 42 в "Хрониках Америки".

Тиллингхаст, Джозеф Александр: Негр в Африке и Америке. Публикации Американской экономической ассоциации, серия 3, том 3, № 2. New York, 1902.

Тумбс, Роберт: Речь о кризисе, произнесенная перед законодательным собранием Джорджии 7 декабря 1860 года. Вашингтон, 1860.

Такер, Сент-Джордж: Диссертация о рабстве с предложением о постепенной отмене его в штате Виргиния. Филадельфия, 1796.

Тернер, Фредерик Джексон: Восхождение нового Запада. Том 14 в серии "Американская нация".

Тернер, Эдвард Реймонд: *The Negro in Pennsylvania, 1639-1861* (премия Джастина Уинсора Американской исторической ассоциации, 1910). Вашингтон, 1911 г.

Вашингтон, Букер Т.: Будущее американского негра. Small, Maynard & Co., Boston, 1899.

История моей жизни и работы. Nichols & Co., Naperville, Ill., 1900.

Up from Slavery: *An Autobiography*. Doubleday, Page & Co., New York, 1901.

Формирование характера. Doubleday, Page & Co., New York, 1902.

Working with the Hands. Doubleday, Page & Co., New York, 1904.

Putting the Most into Life. Crowell & Co., New York, 1906.

Фредерик Дуглас (в биографиях американских кризисов). George W. Jacobs & Co.,

Philadelphia, 1906.

Негр на Юге (совместно с У.Э.Б. Дюбуа). George W. Jacobs & Co., Philadelphia, 1907.

Негр в бизнесе. Hertel, Jenkins & Co., Chicago, 1907.

The Story of the Negro. 2 vols. Doubleday, Page & Co., New York, 1909.

My Larger Education. Doubleday, Page & Co., Garden City, N.Y., 1911.

The Man Farthest Down (совместно с Робертом Эмори Парком). Doubleday, Page & Co., Garden City, N.Y., 1912.

Weale, B.L. Putnam: The Conflict of Color. The Macmillan Co., New York, 1910.

Weatherford, W.D: Present Forces in Negro Progress. Association Press, New York, 1912.

Weld, Theodore Dwight: American Slavery as It Is: Testimony of a Thousand Witnesses. Опубликовано Американским антирабовладельческим обществом, Нью-Йорк, 1839.

Винер, Лео: Африка и открытие Америки, том I. Innes & Sons, Philadelphia, 1920.

Уильямс, Джордж Вашингтон: История негритянской расы в Америке с 1619 по 1880 год. 2 vols. G.P. Putnam's Sons, New York, 1883.

Wise, John S.: The End of an Era. Houghton, Mifflin Co., 1899. Вудсон, Картер Г.: Образование негров до 1861 года. G.P. Putnam's Sons, New York, 1915.

A Century of Negro Migration. Ассоциация по изучению жизни и истории негров, Вашингтон, 1918.

Вульф, Леонард: Империя и торговля в Африке: A Study in Economic Imperialism. Лондон, 1920. The Macmillan Co., New York.

Wright, Richard R.: Negro Companions of the Spanish Explorers. (Перепечатано из журнала "Американский антрополог", том 4, апрель-июнь, 1902).

Райт, Ричард Р., младший: The Negro in Pennsylvania: Исследование экономической истории. (Докторская диссертация, Пенсильвания.) A.M.E. Book Concern, Philadelphia.

Райт, Т. С. См. Корниш, Сэмюэл Э.

Забриски, Лютер К.: Виргинские острова Соединенных Штатов Америки. G.P. Putnam's Sons, New York, 1918.

Обращение к народу Соединенных Штатов, принятое на конференции цветных граждан, состоявшейся в Колумбии, штат Северная Каролина, 20 и 21 июля 1876 года. Republican Printing Co., Columbia, S.C., 1876.

Документ (письмо, опубликованное в одной из вашингтонских газет), представленный в связи с дебатами в Палате представителей Соединенных Штатов, 15 и 18 июля 1776 года, о массовом убийстве шести цветных граждан в Гамбурге, штат Северная Каролина, 4 июля 1876 года.

Материалы Национальной конференции цветного населения Соединенных Штатов, состоявшейся в Капитолии штата в Нэшвилле, штат Теннесси, 6, 7, 8 и 9 мая 1879 года. Вашингтон, округ Колумбия, 1879 год.

История бунта. Преследование негров грубиянами и полицейскими в Нью-Йорке, август 1900 года. Заявление и доказательства, написанные и составленные Фрэнком Моссом и изданные Лигой защиты граждан. Нью-Йорк, 1900 г.

Голос упаковщика ковров. Обзор реконструкции № 1, опубликованный Бюро по борьбе с линчеванием. Чикаго, 1901.

III. Специальные списки

I. По главе II, раздел 3; главе III, раздел 5; главе VIII и главе XI, общая тема - социальный прогресс негров до 1860 года. Названия даны в основном в порядке появления работ.

Мазер, Коттон: Правила для общества негров, 1693. Перепечатано Джорджем Х. Муром, Библиотека Леннокс, Нью-Йорк, 1888.

Негр, принявший христианство. Эссе для возбуждения и содействия этому доброму делу - обучению негров-слуг христианству. Бостон, 1706.

Аллен, Ричард. Жизнь, опыт и евангельские труды преподобного Ричарда Аллена, написанные им самим. Филадельфия, 1793.

Холл, Принц. Наставление, произнесенное в Африканской ложе 24 июня 1797 г. в Менотомии праведным принцем Холлом. (Бостон) 1797.

К свободным африканцам и другим свободным цветным людям в Соединенных Штатах. (Broadside) Филадельфия, 1797.

Уолкер, Дэвид: Обращение в четырех статьях, вместе с преамбулой к цветным гражданам мира. Бостон, 1829.

Гаррисон, Уильям Ллойд: Обращение, произнесенное перед цветными свободными людьми в Филадельфии, Нью-Йорке и других городах в течение июня 1831 года. Бостон, 1831.

Мысли об африканской колонизации (см. список выше).

Протоколы и материалы Первой ежегодной конвенции цветного народа, проходившей с перерывами в городе Филадельфия с шестого по одиннадцатое июня включительно 1831 года. Филадельфия, 1831 год.

Колледж для цветной молодежи. Отчет о городском собрании в Нью-Хейвене и резолюции с рекомендациями колледжа, а также строгие замечания по поводу действий в Нью-Хейвене. Нью-Йорк, 1831.

О положении цветного свободного населения в Соединенных Штатах. Нью-Йорк, 1839. (*The Anti-Slavery Examiner*, No. 13.)

Состояние цветного населения в штате Огайо, с интересными анекдотами. Boston, 1839.

Армистед, Уилсон: Memoir of Paul Cuffe. Лондон, 1840.

Уилсон, Джозеф: Очерки высших слоев цветного общества в Филадельфии. Филадельфия, 1841.

Национальная конвенция цветных мужчин и их друзей. Трой, штат Нью-Йорк, 1847.

Гарнет, Генри Хайленд: Прошлое и настоящее состояние и судьба цветной расы. Трой, 1848.

Делани, Мартин Р.: Состояние, возвышение, эмиграция и судьба цветного населения Соединенных Штатов, рассмотренные с политической точки зрения. Филадельфия, 1852.

Цинциннатский съезд цветных вольноотпущенников Огайо. Труды, 14-19 января 1852 года. Цинциннати, 1852.

Материалы Национального собрания цветного населения, состоявшегося в Рочестере 6, 7 и 8 июля 1853 года. Рочестер, 1853.

Кливлендский национальный эмиграционный съезд цветного населения. Материалы, 22-24 августа 1854 года. Питтсбург, 1854.

Nell, William C: The Colored Patriots of the American Revolution, with sketches of several Distinguished Colored Persons: to which is added a brief survey of the Condition and Prospects of Colored Americans, with an Introduction by Harriet Beecher Stowe. Boston, 1855.

Stevens, Charles E.: Anthony Burns, a History. Бостон, 1856.

Catto, William T.: A Semi-Centenary Discourse, delivered in the First African Presbyterian Church, Philadelphia, with a History of the Church from its first organization, including a brief notice of Rev. John Gloucester, its first pastor. Филадельфия, 1857.

Бэкон, Бенджамин С: Статистика цветного населения Филадельфии. Филадельфия, 1856. Второе издание, со статистикой преступности, Филадельфия, 1857.

Состояние свободного цветного населения Соединенных Штатов, Джеймс Фримен Кларк, в *Christian Examiner*, март, 1859, 246-265. Перепечатано в виде памфлета Американским антирабовладельческим обществом, Нью-Йорк, 1859 г.

Браун, Уильям Уэллс: Клотель, или Дочь президента (повествование о жизни рабов в Соединенных Штатах). Лондон, 1853.

The Escape; or A Leap for Freedom, a Drama in five acts. Boston, 1858.

The Black Man, His Antecedents, His Genius, and His Achievements. New York, 1863.

The Rising Son; or The Antecedents and Advancement of the Colored Race. Boston, 1874.

To Thomas J. Gantt, Esq. (Broadside), Чарльстон, 1861.

Дуглас, Уильям: Анналы Первой африканской церкви Святого Томаса. Филадельфия, 1862.

Материалы Национального конвента цветных мужчин, состоявшегося в городе Сиракузы, штат Нью-Йорк, 4, 5, 6 и 7 октября 1864 года, с Биллем о правах и неправах и Обращением к американскому народу. Бостон, 1864 год.

Бюджет, содержащий ежегодные отчеты генеральных должностных лиц Африканской церкви МП Соединенных Штатов Америки, под редакцией Бенджамина В. Арнетта. Ксения, О., 1881. То же за более поздние годы.

Simms, James M.: The First Colored Baptist Church in North America. Напечатано J.B. Lippincott Co., Филадельфия, 1888.

Upton, William H.: Negro Masonry, being a Critical Examination of objections to the legitimacy of the Masonry existing among the Negroes of America. Кембридж, 1899; второе издание, 1902.

Брукс, Чарльз Х.: Официальная история и руководство Великого Объединенного Ордена Одд Феллоуз в Америке. Филадельфия, 1902.

Кромвель, Джон У.: Раннее движение конвентов. Occasional Paper No. 9 of American Negro Academy, Washington, D.C., 1904.

Брукс, Уолтер Х.: Церковь Сильвер-Блафф, Вашингтон, 1910.

Кроуфорд, Джордж В.: Принц Холл и его последователи. Нью-Хейвен, 1915 г.

Райт, Ричард Р., младший (главный редактор): Centennial Encyclopædia of the African Methodist Episcopal Church. A.M.E. Book Concern, Philadelphia, 1916.

Также обратите внимание на повествования или автобиографии Фредерика Дугласа, Соджорнер Траут, Сэмюэла Рингголда Уорда, Соломона Нортрупа, Лансфорда Лейна и т. д.; стихи Филлис Уитли (первое издание, Лондон, 1773) и Джорджа М. Хортон; "Историю" Уильямса для изучения некоторых выдающихся персонажей; библиографию Вудсона для специальной темы образования; и периодическую литературу, особенно статьи, отмеченные в главе XI в связи со свободными цветными людьми в Луизиане.

2. О главе V (Индейцы и негры)

Стандартным трудом о Второй войне семинолов является "Происхождение, ход и завершение войны во Флориде" Джона Т. Спрэга, "Д. Эпплтон и Ко", Нью-Йорк, 1848 г.; но также важными трудами, затрагивающими темы этой главы, являются "Изгнанники Флориды" Джошуа Р. Гиддингса, Колумбус, Огайо, 1858 г., и речь Гиддингса в Палате представителей 9 февраля 1841 года. Обратите внимание также на документ Палаты представителей № 128 1-й сессии 20-го Конгресса и документ № 327 2-й сессии 25-го Конгресса. Книга "Аборигенные расы Северной Америки" Сэмюэла Г. Дрейка, пятнадцатое издание, Нью-Йорк, 1880 г., интересна и наводит на размышления, хотя и бесформенна; а Макмастер в разных главах тщательно описывает общий ход индейских войн.

3. О главе VII (Восстания)

(О восстаниях до восстания Дании Весей см. выше, особенно о Коффине, Холланде и Хорсемандене. О восстании Габриэля см. статью Хиггинсона ("Атлантика", X. 337), впоследствии включенную в "Путешественники и разбойники").

Дания Весей

1. Официальный отчет о судебных процессах над несколькими неграми, обвиненными в попытке поднять восстание в штате Южная Каролина. Лайонел Х. Кеннеди и Томас Паркер (члены коллегии адвокатов Чарльстона и председательствующие судьи суда). Чарльстон, 1822.

2. An Account of the Late Intended Insurrection among a Portion of Black of this City. Опубликовано по поручению корпорации Чарльстона. Чарльстон, 1822 (переиздано в Бостоне, 1822, и еще раз в Бостоне и Чарльстоне).

Эти рассказы, ныне крайне редкие, являются подлинными источниками для всех последующих исследований восстания Весей. Эти два рассказа иногда совпадают; так, список казненных или изгнанных один и тот же. Первая книга имеет хорошее введение. Второй был написан Джеймсом Гамильтоном, интендантом Чарльстона.

3. Письмо губернатора Уильяма Беннета, датированное 10 августа 1822 года. (Очевидно, это было циркулярное письмо для прессы. Ссылки даны на книгу Лэнди "Гений всеобщей эмансипации", II, 42, девятый месяц, 1822 г., а также на рецензии в следующих номерах, стр.

81, 131 и 142. Хиггинсон отмечает письмо также в "*Колумбийском часовом*", 31 августа 1822 г.; "*Коннектикут Курант*", 3 сентября 1822 г.; и "*Вустер Спай*", 18 сентября 1822 г.).

Важны три второстепенных свидетельства более поздних лет:

1. Статья о Дании Весеи, написанная Хиггинсоном (*Atlantic*, VII. 728), включенная в *Travellers and Outlaws: Episodes in American History*. Lee and Shepard, Boston, 1889.
2. Право на эшафот, или Мученики 1822 года, Арчибальд Х. Гримке. No. 7 of the Papers of the American Negro Academy, Washington.
3. Книга I, глава XII, "Восстание Дании Весеи", в книге "Роберт Й. Хейн и его время", автор Теодор Д. Джерви, The Macmillan Co., New York, 1909.

Сразу после восстания были написаны различные памфлеты, в которых не столько давались подробные отчеты, сколько обсуждалась общая проблема негров и реакция белых жителей Чарльстона на это событие. Из них можно отметить следующие:

1. Holland, Edwin C: A Refutation of the Calumnies Circulated against the Southern and Western States. (См. основной список выше.)
2. Achates (General Thomas Pinckney): Размышления, вызванные последними беспорядками в Чарльстоне. Чарльстон, 1822.
3. Изложение взглядов баптистов на цветное население Соединенных Штатов" преподобного доктора Ричарда Фурмана. (См. основной список выше).
4. Практические соображения, основанные на Писании, относительно рабского населения Южной Каролины. Автор - житель Южной Каролины. Чарльстон, 1823.

Нат Тернер

1. Признания Ната Тернера, руководителя недавнего восстания в Саутгемптоне, штат Вирджиния, полностью и добровольно сделанные Тосу К. Грею в тюрьме, где он содержался, и признанные им таковыми, когда они были зачитаны перед судом Саутгемптона, созданным в Иерусалиме 5 ноября 1831 года для суда над ним. (Это основной источник. Считается, что памфлет был распространен в тысячах экземпляров, но сейчас он встречается крайне редко. Ни в Библиотеке Конгресса, ни в Публичной библиотеке Бостона нет ни одного экземпляра, а Кромвель отмечает, что нет его и в Государственной библиотеке в Ричмонде. Экземпляр, которым пользовался автор, хранится в библиотеке Гарвардского университета).
2. Ужасная резня. Аутентичный и беспристрастный рассказ о трагической сцене, которая произошла в округе Саутгемптон (Вирджиния) в понедельник 22 августа прошлого года. Нью-Йорк, 1831. (Здесь приведена таблица жертв, и преимущество заключается в близости к событию. Однако эта близость дала основания для многочисленных слухов и объяснила несколько случаев неточности).

К вышеперечисленному можно добавить периодические издания того времени, такие как *Richmond Enquirer* и *Liberator*; обратите внимание на *Genius of Universal Emancipation*, September, 1831. К вторичным источникам или исследованиям можно отнести следующие:

1. Восстание Ната Тернера, исчерпывающая статья Хиггинсона (*Atlantic*, VIII. 173), позже включенная в *Travellers and Outlaws*.

2. Дрюри, Уильям Сидни: Восстания рабов в Виргинии (1830-1865). A Dissertation presented to the Board of University Studies of the Johns Hopkins University for the Degree of Doctor of Philosophy. The Neale Company, Washington, 1900. (К сожалению, омрачена пристрастным тоном).

3. The Aftermath of Nat Turner's Insurrection, автор John W. Cromwell, в *Journal of Negro History*, April, 1920.

Амистад и креольские дела

1. Аргументация Джона Куинси Адамса в Верховном суде Соединенных Штатов по делу Соединенных Штатов, апеллянтов, против Синке и других, африканцев, захваченных на шхуне "Амистад" лейтенанта Гедни, произнесенная 24 февраля и 1 марта 1841 года. Нью-Йорк, 1841.

2. Африканцы, захваченные на шхуне "Амистад". Документ № 185 1-й сессии 26-го Конгресса, содержащий переписку по поводу захваченных африканцев. (Перепечатано Депозитарием против рабства, Нью-Йорк, 1840 г.).

3. Документ сената № 51 от 2-й сессии 27-го Конгресса.

4. О главе IX (Либерия)

О Либерии было написано много, но книги и памфлеты были очень неравноценны по качеству. Первоисточники включают отчеты Американского колонизационного общества за 1825 год; "Африканский репозиторий", сборник, издававшийся иногда ежемесячно, иногда ежеквартально Американским колонизационным обществом с 1825 по 1892 год, и сменивший периодическое издание, известное как "Либерия"; отчеты различных государственных организаций; "История Либерии" Дж. Эшмуна "История американской колонии в Либерии с декабря 1821 по 1823 год, собранная из подлинных записей колонии", Вашингтон, 1826; "Жизнь Иегуди Эшмуна" Ральфа Рэндольфа Гурли, Вашингтон, 1835, второе издание, Нью-Йорк, 1839; отчет Гурли о Либерии (газета штата Соединенных Штатов), Вашингтон, 1850; и Мемориал полувекового юбилея Американского колонизационного общества, отмечавшегося в Вашингтоне 15 января 1867 года, с документами, касающимися Либерии, Вашингтон, 1867; ко всему этому можно добавить Дневник Дэниела Кокера, выходца из Африки, с момента отплытия из Нью-Йорка на корабле "Элизабет" капитана Себора в путешествие. Себор, во время плавания в Шербро, в Африке, Балтимор, 1820 г. Дж. Х. Б. Латроб, президент Американского колонизационного общества, занимает видное место в том "Мемориал" за 1867 г., а после этой даты ему приписываются "Либерия: ее происхождение, подъем, прогресс и результаты", речь, произнесенная перед Американским колонизационным обществом 20 января 1880 г., Вашингтон, 1880, и "Мэриленд в Либерии", Балтимор, 1885. Ранним и интересным сборником является книга Г.С. Стоквелла "Республика Либерия: Its Geography, Climate, Soil, and Productions, with a history of its early settlement, New York, 1868; хороший справочник - Frederick Starr's Liberia, Chicago, 1913; можно также упомянуть Т. McCants Stewart's Liberia, New York, 1886; и George W. Ellis's Negro Culture in West Africa, Neale Publishing Co., New York, 1914, является выдающимся в своей специальной области. Были написаны две диссертации в Университете Джона Хопкинса: История Либерии Джона Х.Т. Макферсона (Studies, IX, No. 10), 1891, и Американское колонизационное общество 1817-1840 годов Э.Л. Фокса (Studies, XXXVII, 9-226), 1919; первая из них - краткая и четкая, особенно ценна своим исследованием колонии Мэриленд. Необычайно важны журнальные статьи Джорджа У. Эллиса "Динамические факторы в ситуации в Либерии" и Эммета Дж. Скотта "Стоит ли Либерия спасения?", обе в "Журнале

расового развития", январь, 1911. Из английских или континентальных работ выделяется монументальная, но не совсем безупречная "Либерия" сэра Гарри Х. Джонстона с приложением о флоре Либерии доктора Отто Стапфа, 2 тома, Hutchinson & Co., London, 1906; в то время как с сильным английским уклоном, неполная и неудовлетворительная в качестве общего трактата - "Республика Либерия" Р.К.Ф. Могана, Лондон (1920?), Charles Scribner's Sons, New York. Следует также упомянуть следующие публикации жителей Либерии: Негритянская республика в Западной Африке, Абайоми Уилфрид Карнга, Монровия, 1909; Новый национальный четвертый ридер, под редакцией Джулиуса К. Стивенса, Монровия, 1903; Либерия и ее образовательные проблемы, Уолтер Ф. Уокер, выступление в Чикагском историческом обществе 23 октября 1916 года; и Каталог Либерийского колледжа за 1916 год, и Исторический регистр, напечатанные в Ривердейл Пресс, Бруклин, Массачусетс, 1919; в то время как работа Эдварда Уилмота Блайдена "Христианство, ислам и негритянская раса" является представителем лучших из более философских диссертаций.